

Колесничие ФОРТУНЫ

СМЕРТЕЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ
УГРОЖАЕТ ТОМУ, ЧЬЯ ЖИЗНЬ
ПРЕДНАЧЕРТАНА
ЕГО МЕЧОМ.



ВЛАДИМИР СВЕРЖИН

Колесничие ФОРТУНЫ

ВЛАДИМИР
СВЕРЖИН







АБСОЛЮТНАЯ МАГИЯ

Колеснище ФОРТУНЫ

Владимир



КОЛЕСНИЧИЕ ФОРТУНЫ

4702010201
ББК 84Р7
С 24

Разработка серийного оформления
художника *И. Г. Саукова*

Серия основана в 1996 году

Художник *Л. Рою*

Слайд используется с согласия художника
и его агента *Александра Корженевского*

- Свержин В. М.**
С 24 Колесничие Фортуны: Роман. — М.: ЭКСМО, 1997. —
416 с. (Серия «Абсолютная магия»).

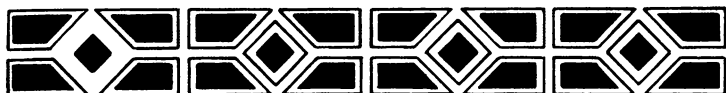
ISBN 5-251-00064-2

Получив тревожные сигналы из мрачных глубин европейского средневековья, сотрудники Института Экспериментальной Истории отправляются в Англию конца XIII века ко двору короля Ричарда Львиное Сердце. Таинственный перстень, полученный в дар от легендарного короля, оказывается могущественным талисманом, ведущим в волшебный мир эльфов, драконов и магов.

ББК 84Р7

ISBN 5-251-00064-2

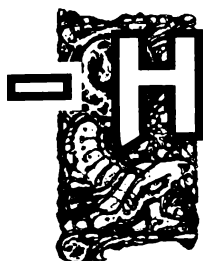
© Издательство «Око», 1997 г.
© Оформление. ЗАО «Издательство
«ЭКСМО», 1997 г.



ПРОЛОГ

Очевидно, они жалкие материалисты, совершенно неспособные оценить символический смысл сверхчувственных явлений.

Оскар Уайльд



ет, нет и нет, — устало повторял Отпрыск, вертя в пальцах отточенное гусиное перо. — Сколько раз можно возвращаться к этой теме?

Он положил свою белую холеную руку на бронзовую чернильницу, изображающую нешуточную схватку святого Георгия с небольшим, но довольно упитанным дракончиком, и ничтоже сумняшеся откинул в сторону зеркало честного рыцарства, массирующее спину несчастной рептилии копытами своего коня.

— Мой дорогой, вас, вероятно, ввели в заблуждение, принимая на работу. Я высоко ценю ваше боевое прошлое, однако мы не занимаемся специальными операциями во вкусе Джеймса Бонда. Мы — институт, и как бы это ни было для вас противно, все здесь происходящее имеет отношение к науке. Спасение же мира, о котором вы изволите говорить, есть не более чем занятная иллюзия, впрочем, полагаю, как и сама опасность, ему угрожающая.

Шеф ткнул пером в разверстое чрево ящера, наполненное чернилами, и изящным росчерком вывел на моем обосновании командировки каллиграфическую надпись: «Отказать». Посыпав песком

высыхающую «драконью кровь», он встал из-за стола и, вернув на место бронзового драконоборца, развел руками, словно показывая, какое большое «Отказать!» он имеет в виду.

— Но, монсеньор, — я безнадежно попытался вставить свою реплику, — дело, о котором я говорю, имеет несомненную научную ценность, к тому же, мое слово чести...

— «Слово чести», насколько я понимаю объем этого понятия, — перебил меня начальственный вельможа, — прежде всего обязывает не раздавать его направо и налево при первом же удобном случае. А насчет «научной ценности», о которой вы изволите говорить, — он возложил персты свои на голову святого Георгия и нежно провел ими по начищенному мориону¹, словно демонстрируя, как, по его мнению, должен выглядеть образцовый подчиненный, — позвольте судить об этом людям, более сведущим, нежели вы. Вы прекрасно делаете свое дело, мой дорогой, но не стоит отбирать хлеб у разработчиков. Это чужой кусок. И, поверьте, он отнюдь не слаще вашего.

Отрешившись, я с явным интересом созерцал всадника, уже который век чесавшего своим грозным копьём за ухом оскаленную в блаженной улыбке драконью морду.

Я помнил этот письменный прибор. По всем каталогам творчества Бенвенуто Челлини этот прибор был изготовлен во время «французского периода» творчества Маэстро и предназначался в подарок августейшему покровителю буйного ваятеля, королю Франциску I. К немалому сожалению апологетов и исследователей творчества Мастера, подарок таинственно исчез, не дойдя до адресата, и был известен лишь по рабочим эскизам. Оказывается, не только по эскизам, если, ко-

¹ Морион — открытый шлем с железными полями и высокой тульей, увенчанной гребнем. Относится к XVI — XVII вв.

нечно, передо мной не находилась современная подделка, в чем я, зная щепетильность шефа в отношении ценности произведений искусства, сильно сомневался.

— Итак, вы решительно отказываетесь утвердить мою командировку? — подвел я итог нашей беседы.

— Вас мучают какие-то сомнения на этот счет? — удивился Отпрыск, откладывая в сторону мои записки и давая тем самым понять, что аудиенция закончена. Сомнения меня не мучили. Сказать по правде, я был внутренне готов к подобному ответу. По выражению лица нашего вельможи складывалось впечатление, что я приставал к нему с этой просьбой уже в сотый раз. По моим же подсчетам выходило — только в седьмой. Интересно, что он запоет раза эдак после пятнадцатого?

— Тогда прошу вас, монсеньор, предоставить мне отпуск, полагающийся за этот год, а также, если возможно, за прошлый и позапрошлый, — тихо произнес я, втайне любуясь произведенным эффектом.

Это был мой последний туз из рукава. Отпустить на четыре с половиной месяца ведущего специалиста было никак невозможно. Брасид в поте лица трудился над новым витком брасидоцентрической истории сопредельных миров, могучий и непобедимый Мишель Дюнуар, вернувшись из Хумаюна, во весь свой двухметровый рост валялся на ложе печали, дымя гнусными сигаретами и страдая ранами душевными и физическими. Гора низкопробных детективов у его одра достигала уже угрожающих обычной человеческой психике размеров, однако не думаю, чтобы хоть один из них оставил какой-то след в мятушейся душе моего друга.

Все шло своим чередом. Насколько я знал, на смену детективам должны были прийти вестерны, и только после этого он был бы вновь готов к ра-

боте. Кто еще? Считай — все. Остальные асы находились вне пределов этого мира, что, при условии нашего с Лисом отдыха где-нибудь на Багамах, сводило дальнейшую работу лаборатории к угрожающему минимуму.

Отпрыск испытующе посмотрел на меня, пытаюсь понять, держу ли я его за идиота или же только за дурака.

— Непременно, — произнес он после некоторой паузы. — Похоже, вы действительно переутомились. В ваше распоряжение дается три дня, чтобы привести себя в порядок и вновь приступить к работе. Вы свободны, милостивый государь. Не смею вас более задерживать.

Он вновь вернулся к лежащим на столе бумагам, витиеватой скорописью обозначая среди волн этого бумажного моря загадочный маршрут своего белого, словно яхтенный парус, пера.

— Да! — как бы невзначай бросил он мне вдогонку. — Не забудьте на выходе сдать пропуск в Зону Переброски.



Глава первая

Связи — нервы политики.

Лорд Сен-Джон Болингброк



у что?! — встретил меня вопросом Лис, водрузивший на стол обе свои мосластые нижние конечности и теперь с садистским наслаждением терзающий намертво расстроенную гитару. — Как и ожидалось: от мертвого осла уши?

— Команда «Обломись», — утвердительно кивнул я.

Сереза подкрутил колок и вновь забегал пальцами по ладам:

Звезда надежды не взошла на небеса,
И колесо Фортуны мимо прокатилось,
И муза с возмущеньем удалилась,
Застав меня небритым и в трусах.

— Послушай, Капитан, — мой верный напарник отложил инструмент и серьезным голосом начал меня усовещивать. — Я, конечно, тупорылый, как «БелАЗ», но вот ты, умный, объясни мне, чего ты маешься? Если тебе уж так печет возвращаться — свяжись с Расселом. Всего-то делов набрать номер. Тебе цифирки напомнить? А если нет, успокойся и не рви душу. Пройдут годы, усé наладится, — закончил он сладко-певучим голосом провинциального дьяка.

Я отрицательно покачал головой. Поддерживать его ерничество мне не хотелось.

— А! — махнул рукой Лис. И перешел на тон

трагика-аматера. — Чего от вас ожидать! Англосаксы — одно слово! Сами себе ладу не сложите. То ли вы англы, то ли, наоборот, саксы?!

— Друг мой, — усмехнулся я, — ты же отлично знаешь, что я вестфольдинг, а не англосакс.

— Ага! — не на шутку раздухарился Лис. — А я кто? Я — чистокровный арий. Чего это ты зубами светишь мне в лицо? — не унимался он. — У нас там, дома, в кого ни плюнь — чистокровный арий. Правда, правда. Наш же вклад в мировую цивилизацию, как говорится, не вырубишь топором. Смотри сам. Для Европы Аттила кто? Бич Божий? А для нас — обычный наш родной, так сказать, домотканый, кондовый Богдан Гатила. И гуны его — никакие там не венгры и уж тем более не монголы! Это все — наши раннеисторические хохлы. А название у них такое от того, что они все разговаривали в нос. Гунявили то есть, по-нашему, что, ежели учесть ветры, которые у нас по степу гуляют, совсем понятно. А кроме того, так что ж, что гунявят — тоже мне, нашли недостаток! После их нашествия, почитай, вся Франция в нос разговаривает. А почему, спрашивается? Ассимиляция! Слово есть такое умное. Неделю учил, — во всю прыть развлекался Сережа.

— Я знаю, — понимающе кивнул я, принимая на себя всю мощь Серегиного речевого водопада.

— Да что там Франция! — продолжал изгаляться мой друг. — У нас вон недавно нарыли: оказывается, кореш-то наш, Ричард, — такой же Плантагенет, как я — король Лир. — Он огляделся по сторонам, встал, подошел к двери, поглядел, не подслушивает ли нас кто-нибудь, и произнес заговорщицким шепотом:

— Он — сын нашего князя Василько. Только это, конечно, между нами. Дику об этом говорить не стоит, а то он совсем диким станет. Ты что, мне не веришь?! — мучительно пытаюсь сохранить серьезный вид, продолжал свои излияния Лис. —

Это ж научный факт. У нас даже по ТВ это крутили. Видеокассета с тех времен сохранилась. Скрытой камерой, понятное дело, снимали.

Мой друг сделал многозначительную паузу, осанился, расправил плечи и подкрепил свою тираду в честь национальной гордости великороссов многозначительным поднятием правой брови и прищуром левого глаза. Видимо, он бы и сам был рад прекратить перечисление всего того, чем богаты исторические поля его Родины, но словесный водоворот тащил его все глубже.

— Да что там Европа! Вот смотри. Все эти восточные рукомашества и дрыгоножества — это что? Правильно! Ухудшенный вариант наших танцев. Дальше. Будда — тот тоже наш. Что, не веришь? Поезжай ко мне на родину, сам посмотри. Там даже город такой есть — Буды... Да что я рассказываю! Всего не перечесть. В общем, куда ни кинь, как ни тужься, все равно выходит: боевой хохляндский мамонт — предок всего мирового братства слонов. Я вот как-то в мать-отец городов русских — Киев — ездил, даже скелет этого мамонта в музее видел. Там мне один тамошний кореш все и рассказал. Правда, говорил, что мясо евойное доисторические предки клятых москалей съели.

— Лис, Господи праведный, что ты несешь?!

— Да отожд! Ерунду несу, Капитан. Зато как складно! — отмахнулся Сережа. — А кроме того, ты вот на человека хоть стал похож, а не на сфинкса египетского, который от сушняка так закаменел, что у него аж песок из ушей сыплется. Сходи домой, Капитан, отдохни, расслабься. Как говорит народная мудрость: работа — не деньги, кончиться не может. А кроме того, утро вечера мудренее.

Лифт с ревом разъяренного дракона рухнул в наше подземелье. Пасть его угрожающе открылась, и из нее выскочил мой старый знакомец Ивар Салюнис из отдела ликвидации, подвижный, словно шарик ртути. На него был напаян тяже-

ленный доспех, носивший в недрах Института название «бронепоезд». Злые языки поговаривали, что, не таскай он эту неподъемную веригу, его просто ни минуты нельзя было удержать на месте.

— Извини, спешу! — произнес он, отодвигая меня в сторону и порываясь мчаться дальше.

Это была чистая правда. Все годы, которые я знал Ивара, он постоянно спешил.

— Как там бабуля? — кинул я ему вслед.

Салюнис на секунду остановился. Байки о приключениях его престарелой родственницы, то и дело попадавшей в самые невероятные ситуации, переходя из уст в уста, обрастая новыми деталями и подробностями, в какой-то мере скрашивали «межполетную» скуку нашей конторы.

— Представляешь, по дороге из аэропорта в Чикаго ей пришло в голову, что ее драгоценную персону похитили террористы из Ирландской республиканской армии.

— И что?

— Она накинула свою трость на шею водителю такси и принялась его душить. Хорошо, что в машине она была не одна. Но я представляю себе, какое родео было на спидвее.

Я тоже представлял. И это почему-то не веселило. День, что ли, сегодня был такой.

Мое берлогово вполне могло претендовать на звание крепости, но вот дом в привычном смысле этого слова оно напоминало мало. Замок открываться не желал. Я уныло потыкал ключом в замочную скважину и, обреченно вздохнув, двинул кулаком туда, где располагалась вся повышенная секретность этого «не лающего, не кусающего, а в дверь не пускающего» чуда техники. Механизм ошеломленно клацнул, разбронировав дорогу для ключа.

«Дом, милый дом», — пробормотал я, переступая порог.

Малыш брауни¹, подобранный мною во время одного из вылетов в каком-то разрушенном замке, церемонно приветствовал приход хозяина дома. Будучи истинным английским домовым, взлелеянным в возвышенном рыцарском духе, он никак не мог смириться с простотой современных нравов. Во время моего отсутствия он старательно изучал толстые тома по генеалогии и геральдике, взяв в руки поглощая все приходявшие на мой адрес новинки и выписывая при помощи моей кредитной карточки массу абсолютно бесполезной литературы.

Отсалютовав согласно рыцарскому протоколу крохотной алебардой, он четко доложил мне обо всех телефонных звонках и корреспонденции, аккуратно сложенной в стопку на письменном столе.

Я церемонно поблагодарил его и попробовал взять в руки верхний конверт. Неожиданно не сильный, но вполне ощутимый удар тока заставил меня отказаться от своего намерения.

Брауни сконфузился и, взобравшись на стол, принялся делать над письмами какие-то пассы. Бдительный страж моего покоя имел обыкновение защищать магическими заклятиями принадлежащие мне предметы, причем всякий раз я не знал, что ему придет в голову защитить в этот раз.

Закончив магические действия, он с радостью ухватил принесенный мной пакет молока и, устроившись на толстом томе бежаймовской «Энциклопедии оружия», стал с видимым удовольствием поглощать вожаделенный напиток.

Отложив в сторону счета, я вскрыл пакет с письмом и углубился в чтение.

Письмо было от кузины Бетси, которую я не

¹ Брауни — в Англии: существо вроде домового. Дух — хранитель дома. До сих пор в сельской местности существует обычай ставить брауни миску сливок.

видел уже Бог весть сколько лет, а новости о ее жизни узнавал из раздела светской хроники.

Моя нежная кузина выражала очередное сожаление, что моя работа на секретной базе не позволяет нам видаться так часто, как этого бы хотелось, и выражала надежду, что уж эту-то встречу всех потомков нашего рода в замке Камбэртон я точно не пропущу.

В дверь позвонили. «Сходи, посмотри! — мысленно кивнул я домовому. — Кого там принесло?»

Брауни бегом отправился выполнять поручение. Вернувшись, он встал в подобающую случаю позу и чопорно произнес: «Мишель Дюнуар де Катинвиль, барон Священной Римской империи!» и трижды стукнул алебардой об пол.

Родство Дюнуара с имперскими баронами ясно прослеживалось, однако я не слышал, чтобы кто-нибудь, кроме моего брауни, именовал его так. Обычно его называли «Два мэтра», и не столько за двухметровый рост, сколько за то, что из всех созданных гением человечества высоких искусств он достиг впечатляющих успехов лишь в фехтовании и кулинарии. Надо сказать, и в том и в другом он был непререкаемым авторитетом. Был у него еще официальный позывной «Вагант», полученный им за невыразимое сходство с вечным студентом средневековой Сорбонны.

— Привет, — сказал он, входя в комнату и едва не наступая на домового. — Ну, что у нас плохого?

— Бабушка Ивара едва не удавила своей тростью водителя такси по дороге в Чикаго.

Мишель задумался.

— М-да, м-да. Я к тебе, собственно, вот за чем. У тебя шпаги и даги¹ далеко? Я тут лежал и вот удумал одну штуку. Домой ехать далеко, а в Конторе уже все закрыто. Попробовать надо.

¹ Дага — кинжал, используемый для фехтования двумя руками — шпага и дага.

Открыв стеллаж, я вытащил два дивной работы набора, кованные Ортуно д'Агирре-старшим в конце шестнадцатого века.

— Ага. Именно, — произнес Дюнуар, взвешивая в ладонях оружие. — Ангард!¹

Я встал в стойку, внутренне готовясь отразить ту каверзу, которую «удумал» мой добрый друг.

Позвенева немного клинками, мы перешли к решительным действиям. В тот момент, когда я попытался провести очередную контратаку, дага противника скользнула по клинку моей шпаги так, словно желала снять с нее стружку. Раздалось печальное «дзинь». Мое оружие, развернувшись где-то так градусов на сто шестьдесят, с силой врезалось в оконное стекло, оставляя в нем изрядную дыру.

— М-да, — задумавшись, произнес Мишель, останавливая острие своей шпаги в двух пальцах от моего горла, — где-то вот так.

Встревоженный звоном разбитого стекла брауни, не допив свой напиток, примчался в гостиную. Всплеснув руками, он торопливо принялся убирать осколки, что-то бормоча себе под нос. Честно говоря, малыш домовой недолюбливал месье де Катинвиля, ибо практически каждый его визит грозил ему лишней уборкой.

Поворчав пару минут, брауни сообщил, что чайник закипел и он приглашает джентльменов на файв-о-клок. Дюнуар радостно отправился заваривать чай, ибо это священнодействие он не доверял никому, а я с некоторой грустью отметил, что пачку чая придется покупать новую, поскольку после моего друга заварки не оставалось никогда. Боюсь, чтобы удовлетворить его запросы к крепости этого древнего напитка, понадобился бы весь груз «Катти Сарк».

Мои размышления на эту тему были прерваны

¹ Ангард! — Защищайся!

возмущенным трезвомом. Телефон, распираемый какими-то своими электрическими эмоциями, аж разрывался от звона, упорно не желая униматься.

Малыш привычным жестом подхватил трубку и, пытая от натуги, уложил ее возле аппарата.

— Вас слушают, — заученно произнес он в микрофон и быстро перебрался на другую сторону, чтобы услышать ответ. Помедлив секунду, брауни принял вид заправского дворецкого и сообщил куда-то в пространство голосом, полным глубочайшего почтения:

— Его светлость Джозеф Рассел, двадцать третий герцог Бедфордский!

— Ты дома? — донеслось из трубки. — Это хорошо, мы сейчас приедем.

— Кто это — мы? — попробовал узнать я, но добиться вразумительного ответа от библикающего телефона мне так и не удалось.

И они приехали. Со стороны это, видимо, напоминало совместное выездное заседание палаты лордов и агентства фотомоделей. Несчастный брауни с нескрываемым ужасом взирал на автостоянку, забитую «порше», «роверами» и «феррари», и только с трепетом шептал, едва не заикаясь от волнения: «Лорд Дорвич, семнадцатый граф Уэрвилл... лорд Лоунер, пятнадцатый маркиз Моршез... Рыцарь Лафорт оф Баруэлл», — вздыхал он с облегчением, заслышав имя благородного джентльмена, чей род во времена войны Роз еще не мог похвалиться древностью.

— Ну, что там у вас произошло? — осведомился двадцать третий герцог Бедфордский, усаживаясь на мой письменный стол и водружая перед собой пузатую бутылку матово-черного цвета.

Я поведал ему о своем путешествии за Ричардом Плантагенетом и о превратностях, связанных с повторной командировкой. Все это время мой побратим любовался игрой света в коньяке, наполнявшем его хрустальный кубок, и, невзирая на

все мои запреты, пускал клубы дыма в потолок, попыхивая дорогой виргинской сигарой.

— Ничего, — одобрил он мой рассказ. — Третью, конечно, приврал. Но в целом складно. И что, Отпрыск стал в позу борзого барана?

Я молча кивнул головой.

— Ладно, несущественно, — продолжил Зеф. — Отдыхай, не беспокойся. Утрясем мы твой вопрос. А сегодня, если ты, конечно, не забыл, — мой день рождения.

— Джо, ты скоро? — Заглянула в мой кабинет хищного вида красотка, озаряя полумрак нашего убежища ослепительной рекламной улыбкой. Раньше я не видел этой барышни в окружении моего друга, однако, если мне не изменяла зрительная память, именно ее трехметровое изображение убеждало каждого встречного и поперечного носить ультрамодные колготки.

Этот щит, установленный на въезде в наш преимущественно холостяцкий закрытый поселок, пользовался большим успехом. Во всяком случае, что я мог сказать абсолютно достоверно: если не спеша скользнуть взглядом по демонстрируемой на щите ноге от заманчивых округлостей вверху до изящных пальчиков внизу, то можно дважды не торопясь прочитать «Отче наш». Правда, дочитать удавалось не многим — у большинства перехватывало дыхание после первых слов.

— Знакомьтесь, — произнес Зеф, вновь наливая себе коньяка, — это Айрин. Длина ноги сорок четыре дюйма, мисс чего-то обо что-то. — Красотка вновь прорекламировала свои ровные белые зубы. — А это лорд Камдил, рыцарь без страха, упрека и многих других полезных качеств. Большой специалист по подвигам в честь прекрасных дам. Если тебя донимает какой-нибудь дракон, ты только скажи ему — и можешь готовить место для драконьей головы у себя над кроватью.

— Что, правда? — Распахнула свои русалочьи

глаза красotka. — Как это романтично! Вы расскажете мне о своих подвигах? — томно промурлыкала она.

— Непременно расскажет, но ближе к ночи, — оборвал ее красноречие мой побратим. — Пока иди развлекай гостей.

Мисс чего-то об чего-то скрылась за дверью.

— Господи! — сокрушался мой друг. — Ну почему: как красивая и умная — так стерва, а как просто красивая — так дура непроходимая!

Я не разделял категоричности Зефа, но спорить с ним было делом абсолютно бесполезным.

— Ибо такова природа вещей, — глубокомысленно заметил я, незаметно пряча недопитый коньяк за стопку книг.

— Ладно, братец, пошли веселиться, — отчаянно махнув рукой, закончил разговор Рассел. И мы исполнили свое намерение.

В общем, когда утром вновь зазвонил телефон, я счел это неприкрытым издевательством и решил не подходить ни за что. Когда он зазвонил во второй, третий и четвертый раз — я стоически терпел, но во время пятого штурма моей нервной системы брауни, разбуженный наглым трезвоном, выбрался из своего угла и, проделав обычную операцию с телефонной трубкой, произнес, не раскрывая глаз, но становясь в непременную торжественную позу: «Его Высочество принц Готлиб фон Гогенцоллерн». После чего он рухнул головой на скомканную пачку «Пэлл-мэлл» и вновь заснул непробудным сном со счастливым сознанием выполненного долга.

С трудом добравшись до аппарата, я решительно промолчал в трубку. Голос шефа, пробившийся через минуту такого «разговора» до моего сознания, не прибавил моей любви к нему, но, судя по интонации, он тоже был не рад меня слышать.

— Да? — произнес я, собравшись с силами.

— Где вас изволит носить? — с новой яростью накинулся на меня Отпрыск.

— Я отдыхаю! Черт возьми, вы сами приказали мне отдыхать!

— Очень мило, — кипятился вельможный начальник, — я вижу, как вы отдыхаете.

— И как вам нравится то, что вы видите? — по-немногу оживая, поинтересовался я.

— Это просто неслыханно. Более того, это возмутительно. Я буду ставить вопрос о вашем поведении на заседании ученого совета.

— Уж лучше сразу в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций, — спросонья съэвзил я.

— Это авантюризм, а не работа, — продолжал возмущаться шеф, явно пропустив мое замечание мимо ушей.

— Вся моя работа — сплошной авантюризм, — парировал я. — Вы позвонили мне в такую рань, чтобы сообщить этот потрясающий факт?

— Я этого так не оставляю, и не надейтесь!

В общем-то, я и не надеялся. Судя по тому, что шеф выражался без обычных витиеватостей, он был очень зол.

— И все-таки, чем я обязан столь раннему звонку?

— Какая рань? Девять часов!

Отметив про себя, что после вчерашнего отдыха три часа на сон — явно маловато, я вновь вернулся к своему вопросу.

— Монсеньор, чего вы от меня хотите?

— Чего?.. — В паузу, образовавшуюся после этих слов, можно было спокойно вставить весь лексикон какого-нибудь полинезийского племени. — Приезжайте в институт и отправляйтесь хоть к чертовой матери, хоть на тот свет!

— Ясно. Еду! — я опустил на держатель трубку и щелкнул пальцами. Из зеркала напротив на меня смотрел стройный мускулистый мужчина с

опухшим лицом и всклокоченной бородой цвета темной бронзы. «Несказанно хорош», — усмехнулся я, встряхивая остатками некогда буйных кудрей и нанося хук слева своему отражению. Отражение ушло с линии атаки и стало в дзенкуцу-дачи¹.

— Эй, малыш. — Я осторожно потряс за плечо посапывающего в пепельнице брауни. Судя по всему, в порядке дегустации он допил вчера не одну рюмку горячительных напитков. — Позвони, будь добр, Сергею Лисиченко, эсквайру, и сообщи ему, чтобы он выдвигался в Контору. Скажи, что мы выезжаем.

Полупроснувшийся домовый дико озибался вокруг, мучительно пытаюсь понять, что, собственно, он делает среди всего этого беспорядка. Оставив моего маленького друга приходить в себя, я отправился провести магический круг водой вокруг носа и соскоблить со щек неположенную щетину.

Вернувшись в свои апартаменты уже проснувшимся и посвежевшим, я сделал чашечку очень крепкого кофе и стал одеваться. Одного носка на месте не было. «Опять брауни развлекается», — вздохнул я, вытаскивая из шкафа новую пару. Мне никогда не удавалось добиться от моего домового, что за странную коллекцию он собирает. Впрочем, какое это сейчас имело значение.

Глава вторая

Балу: «Что нужно сделать, когда встретите большого зверя?»

1 волчонок: «Зарычать?»

2 волчонок (поджимая хвост): «Убежать?»

Балу: «Сказать, сказать, что надо?!»

Маугли: «Мы с тобой одной крови. Ты и я».

Р. Киплинг

Ворон, огромный и черный, как собственное крыло, философически наблюдал за лесной доро-

¹ Дзенкуцу-дачи — одна из стоек в карате.

гой, тянувшейся, сколько позволяли видеть его глаза, по обе стороны толстой дубовой ветки, на которой он восседал с достоинством принца крови.

Вот уже полтора года лет изо дня в день созерцал он этот пейзаж, наблюдая, как растут деревья, и набираясь своей птичьей премудрости. «И это пройдет», — думал ворон, созерцая всадников, несущихся во весь опор на взмыленных лошадях, одиноких путников, роскошные кортежи и неспешные купеческие возы: «Все суета сует».

Сумерки, едва начавшие сгущаться над лесом, были еще нежны и прозрачны, когда однообразие мирной лесной картины было нарушено появлением небольшой кавалькады. Трое всадников и две вьючные лошади в поводу неспешно двигались по наезженному тракту.

Серебристая кольчуга из многих тысяч мелких колец обтягивала мощный торс первого всадника, переливисто поблескивая из-под темного дорожного плаща. Золотая цепь на его груди, рукоять меча, усыпанная множеством мелких рубинов, превосходный вороной конь, гордо ступавший по дорожной пыли, — все указывало на рыцарское звание путника.

Судя по кожаному панцирю, луку, колчану со стрелами длиной в добрый ярд и паре коротких мечей, висевших один — у пояса, а другой, рукоятью вверх, — за спиной, первого спутника рыцаря можно было принять за одного из тех профессиональных воинов, которых с радостью принимали к себе драбантами¹ знатные вельможи.

Лицо его, загорелое и обветренное, казалось, было вырезано из темного дерева мастером хоть и не слишком щедрым на детали, но несомненно обладавшим хорошим вкусом. Переносица всадника, напоминавшая в результате жизненных передряг латинскую букву S, тоже указывала на

¹ Драбант — телохранитель.

основную специальность ее обладателя. Только мандола, притороченная у седла, выбивалась из общего ряда, намекая на неожиданные таланты воина.

Наружность третьего джентльмена тоже не вызвала сомнений ни в происхождении, ни в занятиях его. Благородное сословие оруженосцев, которое представлял этот юноша, приобрело в его лице весьма замечательный образец.

Светлые волосы, выбивавшиеся из-под кольчужного хауберга¹, четкие, пожалуй, даже резкие черты лица безукоризненного нордического типа и ясные синие глаза его однозначно выдавали во втором спутнике рыцаря представителя одного из тех родов, чьи предки мечом отмечали путь своих драккаров² на карте Европы.

Всадник этот звался Кристиан де Ла Доннель виконт де Монгийе, в просторечье — просто Виконт. Свежая поросль старинного древа, числившаяся стажером, прикомандированным к нашей группе, таила в себе множество дарований, тщательно скрываемых от общества.

В юности я был близко знаком со старшей сестрой Криса — леди Мей, что, в общем-то, и определило нынешнее положение юного светского львенка. Не знаю уж, протекции ли сестры, состоявшей в свите Ее Величества, или же настоянию отца моего оруженосца графа Уорчестера, возглавляющего какую-то лабораторию, название которой начиналось со слова «Всемирная», был обязан этот шалопай ссылкой в недра нашей Конторы, но сегодня он гордо гарцевал рядом со мной на великолепном испанском жеребце так, словно с младых ногтей занимался только этим.

Впрочем, как я уже говорил, мой славный оруженосец был отнюдь не бесталанен. После некото-

¹ Хауберг — кольчужный капюшон.

² Драккар — парусно-гребной корабль викингов.

рого времени упорных тренировок в фехтовальном зале он уже мог похвалиться серебряным кубком открытого турнира Северных Графств по историческому фехтованию. Что, если учесть, что золотой завоевал Брасид, было совсем неплохо.

Неясный шорох в придорожных кустах заставил мудрую птицу насторожиться, отвлечься от созерцания дороги и, негодуя каркнув, взмыть в воздух.

— Итак, дружище Лис, — продолжил фразу идущий впереди рыцарь (полагаю, вы догадались, что это был я), — как говорил наш коллега, благородный дон Румата Эсторский: «Бесшумных засад не бывает». А потому, будь добр, дай знак Виконту, чтобы он передал мне шлем и щит.

Ну щит, положим, мой новый оруженосец мне передал, а вот со шлемом чуток замешкался. Нечто глыбообразное обрушилось на дорогу, издавая ужасающий вой. При ближайшем рассмотрении это нечто оказалось огромнейшим верзилой, заросшим бурой шерстью так, что, казалось, только глаза выдают, где у него лицо, а где — затылок.

— Ну вот, — скорбно произнес Лис, кладя ладони на рукояти мечей, — что ни дорога, то гнилые разборы. Чего тебе надо, почтеннейший?

Глыбообразный молчал. Мне почему-то пришлось в голову, что в условиях отсутствия электрического освещения в первобытных пещерах какой-нибудь недобитый медведь спокойно мог перепутать праматерь этого достойного индивидуума со своей законной женой.

Между тем верзила стоял, картинно опираясь на длинную рукоять боевого топора, вид которого невольно оживлял в памяти давние легенды о всадниках, разрубленных пополам вместе с конем. Как будто чувствуя что-то такое, Мавр попятился и встал на дыбы. Естественно, я тут же обнажил меч. Однако пустить его в ход мне не пришлось. Чья-то крепкая рука ухватила жеребца за поводья,

и насмешливый голос, впрочем, не лишенный приятности, властно произнес: «Вложите меч в ножны, милорд, и вы, господа, опустите оружие».

Блондинистый молодец в зеленой тунике и зеленой же шляпе с алым петушиным пером держал одной рукой поводья моего коня, а во второй сжимал добрый английский лук с прижатой к нему стрелой. Если бы не выражение глумливой издевки, нескрываемо присутствовавшей в его больших зеленых глазах, лицо незнакомца вполне можно было бы назвать добродушным.

— Сэр рыцарь, — обратился ко мне лучник, кланяясь с деланной почтительностью, — я и мои друзья покорнейше просим вас разделить с нами нашу скромную вечернюю трапезу. Не откажите в любезности, господа. Так велит обычай здешних мест, — добавил он значительно.

— Вот ведь ударно-штурмовое гостеприимство, — услышал я в голове голос Лиса. — Ох, не нравится мне этот общепит.

— А я бы с удовольствием перекусил, — вмешался в наш разговор стажер. Понятное дело. Распухший организм требовал калорий, а кроме того, виконт Крис де Монгийе, достойный представитель славного рода Ла Доннелей, никогда не отказывал себе в сытном ужине.

Ну что ж, судя по внешнему виду, медведеобразный верзила не казался активным проповедником вегетарианства, да и его приятель мало походил на человека, изможденного постом.

«Ладно, — вздохнул я, — подражаться мы всегда успеем. Сначала подкрепимся». С некоторым сожалением, правда абсолютно фальшивым, я выполнил просьбу гостеприимного хозяина, возвращая меч в ножны и поворачивая коня.

Из окрестных кустов высыпало две дюжины зелено-туничных рейнджеров, все как один с длинными луками и рожами со стенда: «Их разыскивает шериф». Схватка с подобным стрелковым

подразделением на глухой лесной дороге предвещала поистине фатальные последствия для нашего предприятия.

Ну, скажем прямо, дорогу можно было проложить и получше. Битый час мы тащились по всем староанглийским буреломам, нагуливая аппетит. Время от времени лучники соревновались в художественном свисте со своими коллегами, свившими себе гнезда в кронах, где погуще. Наконец наш вечерний моцион был завершен, и, вынырнув из очередных зарослей, мы буквально носом уперлись в причудливое нагромождение скал, притащенных сюда каким-то не в меру разгулявшимся ледником и брошенных им на произвол судьбы во время панического отступления миллион лет тому назад. Судьба была благосклонна к несчастным скалам — они стали надежным пристанищем шайке страшных лесных разбойников.

Необходимо, однако, заметить, что заботливые руки джентльменов с большой дороги немало потрудились, придавая мрачным замшелым камням жилой вид и превращая их в весьма остроумный фортификационный изыск.

Под массивной гранитной плитой, застрявшей некогда между двух огромных, выше человеческого роста, валунов горел костер. Какой-то местный умелец приспособил над этим очагом некое подобие железного колпака с дымоходом, исчезавшим между каменных глыб, так, что дыма не было видно и за двадцать шагов.

Вокруг огня хлопотало несколько женщин, готовивших обещанную нам трапезу.

Командовала куховарской гвардией молодая статная девушка в дорогом светлом платье, явно взятом напрокат у проезжего купца. На мой взыскательный взгляд, она была несколько крупновата, но, безусловно, весьма привлекательна. Самым, однако, прекрасным в ее облике были густые золотистые волосы, столь длинные, что она с лег-

костью могла бы повторить подвиг леди Годивы. Заметив возвращающуюся лесную братию, она со всех ног бросилась к красноперому предводителю и, добежав, радостно повисла у него на шее.

— Ах-ах-ах! — пробурчал я, отворачиваясь и подавляя на месте предательски шевельнувшуюся зависть.

Спустя совсем немного времени мы уже сидели на толстенных бревнах и справляли тризну по трем королевским оленям, чьи ноги проиграли сегодня состязание в скорости со стрелами сидевших вокруг огня браконьеров. Теперь эти самые ноги вступили в единоборство с зубами лесной братии, но и здесь, похоже, их ожидало сокрушительное поражение.

Отдав должное изысканному ужину и подбору дорогих вин, щедрой рукой разливаемых на этом празднике желудка, благородное общество перешло к приятной застольной беседе, сиречь к набору смешных случаев и небылиц разной степени непристойности. Надо сказать, что и тут мы не отступили ни на пядь, не ударили в грязь лицом и достойно поддержали марку нашей славной Конторы.

И вот когда Лис в четвертый раз пытался втолковать соседу соль какого-то анекдота о Штирлице, вожак поднял руку и вокруг костра мгновенно воцарилась тишина. Кажется, даже комары смолкли, прекратив свою кровавую вакханалию. В этой гнетущей тишине неестественно четко раздавались слова моего напарника.

«Пойми ты, дурья твоя башка, этот Штирлиц — советский разведчик. А Мюллер — шеф гестапо», — выговаривал он, выразительными жестами подкрепляя свои слова. Говорил мой старый боевой товарищ уверенно и твердо, лишь едва немного медленнее, чем обычно. Для человека, знающего Лиса так долго, как я, это было вернейшее свидетельство высокой степени опьянения. Си-

девший рядом с ним рыжебородый детина недоуменно хлопал глазами, не понимая столь элементарных вещей.

«Внимание, Рейнар!» — окликнул я Сережу. И тут хозяин заговорил, обращаясь ко мне.

— Дорогие гости, осмелюсь узнать, понравилось ли вам наше угощение?

— О, ужин был превосходен! — прикладывая руку к груди и всем своим видом выражая глубочайшую благодарность радушному хозяину, произнес я, внутренне готовясь к тому, что должно было произойти дальше. Как я уже говорил, я не был англосаксом, однако предания старины глубоко знал совсем неплохо.

— Я рад, господа, что мы сумели угодить вам. Но, увы, мы люди не богатые. Все наше достояние — это то, что дарит нам этот лес, — произнес он, почему-то указывая на стоящий перед ним чеканный серебряный кубок великолепной гильдесгеймской¹ работы, почти до краев наполненный терпким анжуйским вином. Поистине обширность подвластного нашему хозяину «леса» поражала воображение.

— А потому, — продолжил разбойничий предводитель, — мы вынуждены просить вас оплатить эту скромную трапезу. При этом, господин рыцарь, я заклинаю вас, помните, что щедрость — одна из важнейших добродетелей, присущих вашему высокому званию.

«Ну вот и началось, — вздохнул я. — Пообедали. Пошло-поехало. Ладно, посмотрим, чем все это закончится».

— Рейнар, сколько может стоить все это пиршество? — обратился я к Лису.

Он машинально назвал некую астрономическую сумму, услышав которую, я невольно усом-

¹ Гильдесгейм — город, в котором размещалась известная в раннем средневековье мастерская в монастыре св. Михаила (Германия).

нился, не спросил ли я вдруг у него о количестве листьев в лесу хлебосольного хозяина.

«Господи, это ж он о своей национальной валюте!» — догадался я, несколько успокаиваясь и мучительно пытаясь вычислить соотношение по биржевому курсу. В таком виде сумма выглядела куда как менее впечатляюще. Похоже, мой друг всерьез считал, что весь вечер мы пили неочищенный спирт, закусывая его третьесортной собачатиной.

Вздыхнув, я полез в кошель и протянул нашему незваному метрдотелю несколько золотых монет. Это было втрое больше, чем стоил сегодняшний ужин, и раз в десять более того, что называл Лис, но, как я имел возможность заметить, сдачи ждать не приходилось.

Разбойника подобная щедрость явно не устроила.

— Черт возьми, милорд, да вы, оказывается, пресквернейший скряга! Ваш приятель куда как щедрее вас.

Я невольно улыбнулся. Думаю, если бы нашему отважному оленебою пришлось когда-либо попытаться отнять у Рейнара медный пенс, он недолго бы придерживался такого мнения. Так уж устроен был мой верный напарник, что в любую минуту готов был отдать ради друга последнюю рубашку, но в остальных случаях каждую монету в чужих руках воспринимал как личное оскорбление.

— Вот этот рубин, — не унимался предводитель лесной братии, — что красуется у вас на пальце, вполне достойный дар. Ведь надо же одарить от милости своей очаровательную хозяйку, которая сама, вот этими руками, — он погладил руки своей соседки, — приготовила все сегодняшние яства.

— Этот перстень очень дорог мне, — попытался возразить я.

— Тем более милорд! Тем более! Здесь он будет в большей безопасности, чем у вас на руке. Вы же

знаете, жизнь благородного рыцаря так беспокойна и так полна опасностями, что можно враз лишиться и перстня, и руки. Ну а если ваша милость соскучится по этой прелестной вещице, мы всегда будем рады видеть вас вновь за нашей трапезой. Не правда ли, друзья мои? — обратился он к честной братии, внимательно следившей за «обуванием фраера ушастого», как выражался Лис.

Слова его были встречены бурным весельем. Право, я и не подозревал, что возможность моего повторного присутствия на подобном ужине может вызвать у разбойного люда такой приступ неконтролируемой радости.

— Сын мой, — произнес густым низким басом широкоплечий коренастый разбойник в латаной сутане, чье объемистое чрево выплыло из окружающего мрака секунд на десять ранее его самого. Крест, усыпанный драгоценными камнями, явно украшавший когда-то впалую грудь какого-то епископа, болтался у него под самым подбородком. — Неужели в те долгие часы, которые я провожу в изнурительном посте и покаянной молитве о спасении, заметь, ваших же многогрешных душ, ты пренебрегаешь заботой о делах матери нашей церкви? Не забыл ли ты собрать церковную десятину с этих почтенных странников?

— Прости меня, отче, ибо я согрешил, — скорбным тоном ответил придорожный джентльмен, молитвенно складывая руки перед грудью. — Эй, Том из Лудтона! — крикнул он, обращаясь к разбойнику, сидевшему слева от меня. — Прими у господина рыцаря его кошель. Я вижу по глазам, он горит желанием внести свою лепту в строительство новой часовни святого Дунстана в Компенхерсте.

— Благодарю вас, сэр, — пробасил толстяк, состроив рожу, наиболее, на его взгляд, соответствующую понятиям благочестия и смирения. — Быть может, этот скромный вклад, это никчемное, презренное золото станет той крупницей, которая

поднимет перед вами засов на предвечных вратах святого Петра.

Разбойник, которого «верный сын церкви» называл Томом, протянул руку, чтобы схватить кошелёк, висевший у меня на поясе. Он уже почти дотянулся до него, но тут правая моя рука намертво перехватила его запястье, а ребро левой врезалось туда, где под тонкой нежной кожей располагалась сонная артерия. Бедняга обмяк, не успев понять, в чем дело. В ту же секунду я вскочил на ноги, держа несчастного Тома за шиворот перед собой, словно полуживой щит.

Удар, предназначавшийся мне, свернул челюсть незадачливому грабителю, но, видит Бог, я не оставил обидчика без справедливого возмездия. Получив удар под коленный сгиб, он обалдело взмахнул руками, ища опору в воздухе, и рухнул в костер. Запахло паленым.

За спиной моей послышался характерный гул. В ход пошли знаменитые литые нунчаки, изготовленные по спецзаказу для моего друга. Судя по раздававшимся воплям, выпитое никоим образом не сказывалось на его мастерстве. Краем глаза я мог различить и Виконта, прижавшегося к скале и ожесточенно отбивавшегося от нападающих на него разбойников. Вот один из них сложился пополам, получив сокрушительный удар ногой в живот. Вот другой со всего маху ткнулся лицом в каменную стену и сполз, цепляясь скрюченными пальцами за мох.

Дальше произошло следующее. Стажер, ожесточенно работая всеми имеющимися в наличии ударными поверхностями, протиснулся между нападающими и, словно мяч с двенадцатиметрового штрафного, отработанным ударом профессионального футболиста послал стоявший неподалеку котел с водой прямо в костер. Наступивший мрак скрыл нашу передислокацию.

Когда пламя вновь запылало, наша троица занимала выгодную позицию, имея с трех сторон ка-

менные глыбы и узкое пространство по фронту. Теперь в три клинка мы могли наворотить много дел, и разбойники, похоже, нимало не сомневались в этом. Отказавшись от мысли одолеть нас в рукопашной схватке, они начали хвататься за луки.

Теперь преимущество нашей позиции моментально становилось ее недостатком. Перспектива превратиться в ежика с деревянными иглами почему-то никого из нас не прельщала.

Положение грозило стать безвыходным. А значит, стоило найти выход, пока ситуация не испортилась окончательно. И я рискнул.

— Сэр Роберт Локсли, — прокричал я в ночную тьму, — именем всех, когда-либо опоясанных мечом, вызываю тебя на честный бой. И да будешь ты проклят в веках как вероломный разбойник и трус, если откажешься принять этот вызов!

Я еще кричал, что пусть возьмет себе деревянный меч, если опасается пускать в дело благородную сталь, но, право слово, это было уже лишним.

Глумливое выражение слетело с лица радушно-го хозяина, и, обнажив висевший на поясе меч, он мягко, по-кошачьи ступая, стал медленно сближаться со мной. Разбойники расступились, освобождая место для схватки. Бой ожидался нешуточный.

Я легко спрыгнул со своего валуна, и мы все так же медленно и осторожно начали двигаться по кругу, прошупывая глазами защиту противника и постепенно сужая круги.

Локсли бросился на мгновение раньше, одним прыжком сократив разделявшую нас дистанцию. Однако меня в этом месте уже не оказалось, и его клинок, описав дугу, столкнулся с моим, высекая сноп искр. И пошла забава. Клянусь честью, приятно было иметь дело с сильным соперником!

Ни в ранней юности, в родовом замке, ни позже, в Святой Земле, ни теперь, в лесных чащобах, сэр Роберт не тратил время попусту, когда осваи-

вал и оттачивал каноны фехтовального искусства. Что мудрить, сегодня это был сильный, ловкий, а следовательно, крайне опасный противник.

Ежесекундно меняя секторы атаки, нанося тяжелые, тщательно выверенные удары, он все более теснил меня к границе круга, под громкий свист и улюлюканье лесной братии, приветствующей каждый ловкий удар своего вожака.

Я старательно делал вид, что утомлен схваткой и слабею под неутомимым натиском разбойничьего предводителя. Открываясь раз за разом, словно по чистой случайности уходя в последний момент от разящих ударов, я старательно выжидал подходящий момент. Конечно, это была рискованная, крайне рискованная игра, но выбора, в общем-то, у меня не было. Не знаю, желал ли сэра Роберт Локсли моей безвременной гибели, но мне-то его смерть была совсем уж ни к чему.

А удары между тем продолжали сыпаться как ни в чем не бывало. Вот я поскользнулся и чуть было не упал, и только это спасло меня от смертоносного лезвия, просвистевшего над головой. Вот взвихрившийся плащ каким-то чудом обвился вокруг меча моего противника, уводя его со смертоносной траектории... И все же мой час пробил.

Сияющая полоса булата стремительно обрушилась сверху, норовя изрядно добавить мне головной боли. Приняв атакующий клинок на сток, я крутанулся под рукой хозяина здешних мест и, развернув меч плашмя, со всей дурацкой силой ударил сэра Роберта в грудь. Он взмахнул руками и рухнул наземь.

Рев возмущения вырвался из десятков глоток. Многие разбойники схватились за оружие и, выкрикивая нечленораздельные угрозы, начали врываться в священный для любого опоясанного рыцаря круг поединка. Стараясь не обращать внимания на это вопиющее нарушение правил честного боя, я протянул руку поверженному противнику. Этот номер уже не раз выручал меня. Во

время своих многочисленных странствий по самым разным уголкам Европы и Леванта я имел возможность убедиться в одной простой, хотя на первый взгляд странной истине: «Хорошая драка при первой встрече в девяти случаях из десяти способствует установлению крепкой дружбы».

— Ох, как это? Что это было? — Локсли ухватился за протянутую руку и поднялся на ноги, потирая ушибленную грудь. — Однако не угодно ли доблестному рыцарю назвать себя? Клянусь, не много найдется в Англии воинов, столь ловко владеющих мечом.

— Меня зовут Вальдар из рода Камдилов, сьер де Камварон. Иногда еще величают Верная Рука.

— Вальдар Камдил? Вы и есть Вальдар Камдил — спаситель нашего короля?

— Не только я. Мой друг Рейнар принимал в этом деле ничуть не меньшее участие.

— Эй, Ален э-Дейл, спой-ка нам балладу о рыцаре Вальдаре и короле Ричарде! Клянусь своими золотыми шпорами, которые мне так и не довелось носить, друг нашего отважного короля — всегда желанный гость лесного братства.

Между тем Ален запел довольно складную балладу о том, какой я крутой парень и как мне все нипочем.

Песня была шикарная. Она вполне годилась для того, чтобы стать официальным историческим источником, то есть ни единым словом не соответствовала происходившим событиям.

— Благодарю тебя, благородный сэр Роберт. Слава о твоих деяниях так же давно уже покинула пределы Шервудского леса, дав тебе новое имя — Робин Гуд. Рейнар, дружище, спой-ка нам, будь добр, балладу о Робин Гуде.

И Лис запел:

Если рыщут за твоею
Непокорной головой,
Чтоб петлей худую шею
Сделать более худой.

Нет надежнее приюта,
Скройся в лес, не пропадешь,
Если продан ты кому-то
С потрохами не за грош...

Разбойничья братия, замерев, слушала напористое пение Лиса, гулом одобрения приветствуя каждый припев.

О раздорах было забыто, и ужин, грозивший перейти в завтрак, был записан на счет фирмы. Лишь только те, кому перепало в потасовке, не принимали активного участия в общем веселье, но, казалось, и они уже не таили на нас обиду.

Как обычно, Рейнар пользовался бешеным успехом.

Сто сарацинов я убил во славу ей.
Прекрасной даме посвятил я сто смертей.

Слова великого российского поэта гулко разносились между скал. Меня всегда поражало умение Лиса с ходу переводить песни с одного языка на другой.

Древнее золото редко блестит.
Древний клинок ярый.
Выйдет на битву король-следопыт.
Зрелый — не значит старый!

Разбойники слушали, затаив дыхание.
А уже через пару часов Рейнар пел им:

Ты ж мене пидманула,
Ты ж мене пидвела.

И доблестные джентльмены с большой дороги усердно выплясывали джигу под зажигательный мотив этой песни.

Глава третья

Никогда не разговаривай с незнакомцами.

Мама Красной Шапочки

Проснулся я от того, что на меня кто-то смотрел. Смотрел долго и пристально. Чуть приоткрыв

глаза, я из-под прикрытых ресниц осмотрел поляну вокруг себя. На дальнем ее конце ватага робиновских стрелков самозабвенно и по-детски непосредственно гоняла некое грубое подобие мяча. Их играющий тренер, по совместительству — мой оруженосец, блистая чудесами футбольной техники, носился по полю из конца в конец, потрясая руками и оглашая лес невразумительными криками команд.

Никому из играющих до меня не было равно никакого дела. Однако ощущение пристального взгляда не пропадало. «Что за чертовщина», — невольно подумал я, еще раз внимательно осматривая окрестности. Рядом со мной никого не было. Ни одной живой души.

И тут я увидел глаза. Поймите меня правильно. Если бы вместе с глазами имелись рот, нос и прочие полагающиеся по штату предметы, я не преминул бы о них упомянуть. Глаза глядели не мигая, и все бы в них было бы хорошо, но то, что подобным образом смотрело дерево, несколько смущало. Именно так. И моим визави был толстенный дуб, дупла и крона которого были вполне пригодны для жилья.

Минуты три мы поиграли с деревом в гляделки. Потом древесный взгляд переместился с моего лица на руки, снова на лицо и... исчез.

«О, черт! — выругался я, откидывая медвежью шкуру, служившую мне одеялом, и резко поднимаясь на ноги. — Вроде бы вчера и не сильно пил. Надо же такому примерещиться!» Подойдя к дубу, я потрогал кору руками, убеждаясь в ее грубой материальности. Кора как кора. Такая же, как и у остальных дубов, ровным кругом стоявших вокруг нашей поляны.

Пожав плечами, я стукнул кулаком туда, где еще недавно чудились мне глаза, и тут же был вознагражден десятком твердых, как камешки, желудей, барабанной дробью застучавших по моей ма-

кушке. Все бы это было ничего: как установил несколько позже сэр Исаак Ньютон, желуди обречены падать с дуба именно вниз, но все же то, что эти дубовые яйца упали точно мне на голову и никуда более, — несколько удивляло. «Вот тебе и доброе утро», — вздохнул я.

— Вы уже поднялись, дружище Вальдар? — спросил меня подошедший хозяин окрестных чащоб, лорд — хранитель поголовья королевских оленей. — Это хорошо. Марианна скоро позавтракает.

— Благодарю тебя, Робин, — невпопад ответил я. — Спалось хорошо.

— Ты это чего? — удивленно осведомился Локсли, глядя на мой ошарашенный вид.

— Робин, тебе никогда не казался странным этот дуб?

— Дуб как дуб. Хороший дуб. Мы называем его Деревом Совета. Под ним всегда приходят в голову хорошие мысли.

— Может быть, и так. Но все-таки очень странное дерево.

— Право, Вальдар, ты совсем как наш брат Тук. Он тоже все твердит, что корни окрестных дубов сами подползают ему под ноги. Ну с ним-то понятно, для него бочонок вина все равно что для тебя кубок, а с тобой-то что?

— Да нет, Роб, ничего. Наверно, приснилось.

Между тем солнце уже вовсю вознамерилось вставать и вся лесная певчая братия, оглушительно цвиркая и чирикающая, не то приветствовала восход светила, не то выражала свое мнение о ходе матча.

«Тоже мне сборная Шервуда», — проворчал я, потирая ушибленную макушку. Несмотря на явный суеверный ужас перед изысканным мастерством Криса де Монгийе, стрелки играли в типично английской манере, противопоставляя виртуозной технике напористый, жесткий, силовой футбол.

Наконец один из игроков «Шервуд Рейнджерс», тот самый, чью родословную я вывел от пещерного медведя, с ревом, подтверждавшим обоснованность моих предположений, врезался в Кристиана, снося его, и, немного помедлив, рухнул сверху на несчастного оруженосца.

«Пора изобразить судью на поле», — резонно заметил я, приближаясь к парочке, удобно расположившейся в утоптанной десятками ног траве.

— Эй, Виконт, вылазь! Нам скоро ехать. Иди готовь коней. Ты тоже поднимайся, — потряс я за плечо малютку Джона, а это был именно он, напоминая о необходимости вернуться в вертикальное положение.

Гигант скосил на меня хитрый глаз и, недовольно заворчав, начал вставать на ноги, выпуская Криса из-под своей неподъемной туши. Полурастопленный Крис с трудом отдирал себя от мать сыра земли.

В отличие от мифического Антея пребывание на отчем грунте не прибавило ему сил. Настроения, впрочем, тоже.

— Вот и учи их после этого играть в футбол, — со скорбью в голосе изрек де Монгийе, ощупывая, весь ли он на месте.

— Как говаривал, бывало, Фид Манлий Торкват, сидя на развалинах храма Соломона: «Цивилизация всегда насаждается с кровью».

— Кто-кто?

— Фид Манлий Торкват. Был тут один древнеримский понтифик. Как-нибудь расскажу тебе о нем. Пока что иди позаботься об отъезде.

Как и положенно в подобных случаях, отбытие высоких гостей сопровождалось военным парадом и обменом приветственными речами.

Слева от меня Виконт долго и прочувствованно жал руки разбойной братии, обещая вернуться и продолжить тренировки. Справа Лис внимательно слушал Робина, судя по жестикуляции, объясняв-

шего ему напоследок какую-то тонкость своей методы стрельбы. Рядом с ними робко жался Алэн э-Дейл, желавший переписать себе слова баллады о Робин Гуде.

Наконец вольные стрелки перестали хлопать по плечам и спине несчастного стажера, и Робин сделал знак нашим проводникам двигаться в путь.

— А ну стой!! — раздался за нашими спинами громовой голос такой силы, что кони затанцевали на месте. — Кому говорят, стой!

От неожиданности я, оборачиваясь, положил руку на эфес меча. Картина, представившаяся моему взору, была достойна кисти большого мастера.

Брат Тук, очевидно, разбуженный всеобщим оживлением, расталкивая толпу своих «прихожан», протискивался к нам. Поверх тонзуры у него почему-то была напялена железная шапка, предотвращавшая, вероятно, истечение благочестивых мыслей в пространство. Сбившаяся набок сутана, неуловимо похожая на десантный камуфляж из-за великого множества пятен, лучше всякого меню рассказывавших о скромных и постных блюдах, съеденных смиренным пастырем на этой неделе, едва не лопалась на его объемистом чреве. Драгоценный наперсный крест болтался почему-то возле плеча, знаменуя, очевидно, левый уклон причетника из Компенхерста. В одной руке он сжимал кость с увесистым куском мяса, в другой — бутылъ с живительной влагой, столь ему сейчас необходимой.

Потрясая над головой полуобглоданной костью, словно боевой палицей, и угрожая лесной братии неисчислимыми адовыми муками, он наконец протолкался к нам и вперил в нас затуманенный винными парами взгляд, выражающий, должно быть, по мнению святого отца, священное негодование. Переводя дух и выдерживая паузу перед началом речи, он воздел к небесам полупустую, судя по плещущейся в ней жидкости, бутылъ и заговорил.

— Грешники! — изрек он и замер, вслушиваясь в рокочущие перекаты своего голоса. — Грешники, ибо во грехе погрязли, аки... э-э-э. О-о-о, как голова болит. Так об чем это я? Ах да! Ну словом: не спите во всякое время и не забывайте молиться. — Он сделал какое-то странное движение бутылкой, видимо, означавшее пасторское благословение. — Дабы предстать! — завершил свою утреннюю проповедь брат Тук и замер, любуясь произведенным эффектом.

Виконт обалдело посмотрел на меня. Ему явно еще не приходилось иметь дело с подобным толкованием священных текстов. Мы с Лисом сделали понимающие лица, что моментально избавило нас от необходимости вслушиваться в ту околесицу, которую нес достойный шервудский капеллан.

— Ну что ж, теперь с Богом! — подвел итог страстному выступлению служителя культа наш друг Робин, хлопая по крупу моего вороного жеребца. Зеленый дубовый лист, плавно паря, пролетел над моим плечом и упал на луку седла.

— Странно, — удивился Локсли. — Дубы далеко, ветра нет, да и лист зеленый? Чтобы это значило?

Дорога из лагеря веселой братии утвердила меня в мысли о том, что дороги созданы для того, чтобы по ним ездить. Или, уж в крайнем случае, ходить. И уж никак не наоборот. Видимо, провожатые наши имели на этот счет свое мнение, поскольку, будь передо мной не здоровенные мужики, увешанные оружием, а более эфирные твари, я с радостью бы определил их способ передвижения как порхание.

Наконец в зарослях начали появляться просветы, и вскоре показалась опушка, покрытая веселой травяной зеленью. С видимым облегчением оставив за собой громаду Шервудского леса, мы въехали на небольшой холм, чтобы получше рассмотреть предстоящую нам дорогу.

— Отсюда вам направо, — указал старший из моих проводников. — Вон, видите одинокий вяз?

Вдали, среди обширной вересковой пустоши, действительно можно было различить очертания большого дерева, вполне могущего быть вязом.

— Там вы выедете на дорогу. Через пару миль будет развилка. Правая дорога ведет к Лондону, левая — к Ноттингему. Туда вам, пожалуй, совершенно ни к чему. Так что не спутайте дорогу. Если все будет благополучно, к вечеру вы доберетесь до Ашби. Однако не задерживайтесь в пути, иначе вам придется ночевать перед закрытыми воротами.

Внезапно речь его была прервана. Звук рога гулко раскатился по пустоши, пугая окрестных птиц и зверей.

Оглянувшись туда, откуда доносился этот звук, я увидел рыцаря в черно-лазурной котте¹, с копьем наперевес, резвым галопом приближающегося к нам на могучем караковом коне. Судя по угрожающему виду, он не был похож на обычного собирателя автографов. Встречу в этом месте я тоже никому не назначал. Тем более что за ним из подлеска выбегало две дюжины копейщиков, которые, рассыпаясь широким полукругом, пытались охватить нас с флангов.

— Ну что, милорд, — усмехнулся Лис, одним движением ставя тетиву на лук. Щелчок его тетивы прозвучал в унисон с еще двумя подобными щелчками. Люди Робин Гуда тоже прекрасно знали свое дело. — Спорим, — продолжил он, — что этот благородный рыцарь мчится так оттого, что спешит пригласить тебя на завтрак.

Три стрелы, пущенные из трех наших луков, пролетев ярдов сто, нашли свои цели. Одна из них вонзилась в щит, другая пробила ногу какого-то копейщика, от чего тот рухнул на колени и остался

¹ Котта — длинная накидка, вышитая геральдическими фигурами.

так сидеть, наблюдая дальнейший ход боя. Третья впилась в грудь еще одного воина. Тот остановился, выронил оружие, сделал два неуверенных шага вперед, с ужасом осознавая непреложный факт собственной смерти, и упал на спину. А новые стрелы уже пели в воздухе.

— Ну вот, — обреченно вздохнул Виконт, пристегивая мой шлем.

— Ты бы лучше приготовился к бою, — бросил я ему.

— Да я вообще-то пацифист, — грустно заметил мой оруженосец, доставая четырехфунтовый стальной шар, покрытый шипами, словно кожура каштана, болтавшийся на недлинной прочной цепи. Я знал, что в том месте, где шар соединялся с цепью, как последняя дань глупому юношескому максимализму, была выгравирована руна Алгиз¹, заключенная в круг. Виконт и сам не подозревал, какой правильный выбор он сделал, гравировав эту руну на Моргенштерне².

Рыцарь был уже в нескольких ярдах от меня, и его копьё, злокозненно направленное в самую грудь, чертовски уменьшало время для переговоров. Голубая молния Катгабайла рассекла утренний воздух и засияла, словно радуясь солнечному свету после непроглядной тьмы ножен.

Я развернул коня, уклоняясь от таранного удара яростного незнакомца, и, закончив пируэт, нанес размашистый удар по его копьё.

Рубины в рукояти радостно сверкнули, одобряя мое действие и вбирая в себя духовную энергию этого удара. Клинок мягко, словно топленое масло, отсек ясеновое древко у самой руки рыцаря.

¹ Алгиз — одна из рун скандинавского рунического алфавита. В нормальном положении (рогами вверх) означает защиту в истине. Вырезалась на оружии для обеспечения победы и сохранности в бою. В перевернутом (пацифик) — символ безвозмездного пожертвования, уязвимости.

² Моргенштерн (утренняя звезда) — оружие, представляющее из себя шипастый шар на ручке.

Мне показалось, что из-под шлема послышался скрежет зубов и сдавленный рык.

Сейчас я мог спокойно рассмотреть фигуры, изображенные на щите противника. Золотой лев в черни и кусающий себя за хвост серебряный аспид в лазури не оставляли сомнений, что передо мной представитель рода Хайсборнов. Насколько я помнил, родовой вражды между Хайсборнами и Камдилами не существовало, однако я догадывался о мотивах его хамского поведения.

— Кто вы такой, черт побери! — раздалось из-под шлема в тот момент, когда меч навязчивого джентльмена пытался лишить меня возможности ответить на этот простой вопрос.

— В наших краях обычно с этого начинают, — ответил я, парируя удар и демонстрируя атаку в плечо. — Только звучит это примерно так: «Благоволите назвать свое имя, сэр!»

Я сменил сектор атаки и ударил Хайсборна в бок. Он успел подставить щит и вновь атаковал. И вновь неудачно. Пригнувшись к холке коня, я пропустил удар над собой и, пользуясь выпадом противника, резко послал клинок вперед. Пробив котту и кольчугу под ней, меч вонзился в бедро моего врага. Рыцарь глухо застонал, покачнулся в седле, но лишь с еще большим остервенением стал наносить удары. Кровавое пятно на его одеянии становилось все больше, однако, похоже, он не чувствовал боли. От одного из могучих ударов Хайсборна мой щит раскололся, и я вынужден был вести бой, отбросив его в сторону.

Краем глаза я видел Лиса, вместе с вольными стрелками методично прореживающего охватывающую наш холм дугу копейщиков. Потеряв несколько человек убитыми и ранеными, они поубавили свой наступательный пыл и начали пятиться под укрытие деревьев. Чуть поодаль от меня доблестный Крис де Монгийе с отвагой, вообще присущей этому славному роду, ожесточенно сражал-

ся с двумя оруженосцами моего пациента, точнее, уже с одним. Второй лежал на земле, припав щекой к собственной секире, и не подавал признаков жизни.

Тяжелый шар Моргенштерна с характерным звуком раз за разом врезался в небольшой кожаный щит противника. Тот, уже, видимо, отчаявшись провести удачную атаку, безвольно отступал под ударами Виконта, все еще как-то защищаясь и пытаясь повернуть своего коня вспять. Пожалуй, ему, да и его товарищу по несчастью не стоило обижать нашего стажера. Когда кровь в жилах этого потомка викингов закипала, наполняя разум возмущенный зловредными испарениями, он становился практически неуправляем, и удержать его могла только железная клетка.

Но вот рука хайсборновского оруженосца опустилась, контуженная множеством тяжелых ударов, и стальной шар врезался ему в грудь, выбивая из седла и ломая ребра. Виконт, моментально успокаиваясь, спрыгнул с коня и подбежал к упавшему. «Он не был пацифистом», — сумрачно изрек Кристиан, щупая пульс бедолаги.

А между тем наш поединок с Хайсборном все продолжался, несмотря на то, что рыцарь был еще раз ранен — на этот раз в предплечье. Но вот при очередном развороте длинный плащ моего противника взвился, раздуваемый ветром, и я, ухватив его за край, резким рывком накинул полотнище на шлем врага, моментально ослепляя его.

Рыча от ярости, Хайсборн попытался освободиться от предательского плаща, но я, подхватив рыцаря под руки, всем своим весом увлек его на землю. Удар был столь силен, что мой противник потерял сознание. Я резко вскочил на ноги и, к ужасу своему, увидел отряд из трех десятков рыцарей и оруженосцев, наметом вылетающий из подлеска. Вслед за ними следовало сотни полторы копейщиков и до полусотни лучников.

— Господи, ну почему, почему так? Летели бы самолетом — давно бы уже были в Лондоне, — обреченно вздохнул Лис, автоматически пересчитывая оставшиеся стрелы. — Куда смотрит компания «Бритиш Эйр»?

— Остановитесь, сэры рыцарь! Я — шериф Ноттингемский! — Богато одетый всадник с массивной золотой цепью на груди остановил своего буланого скакуна у подножия холма и властным жестом поднял руку вверх.

— Час от часу не легче. Ну что за напасть такая?! Ста ярдов нельзя проехать по земле Английского королевства, чтобы не наткнуться на живой персонаж местного фольклора! — пробормотал я, слегка отводя меч от горла своего врага.

— По какому праву, сэры, вы нападаете на людей королевской службы и мешаете им выполнять приказ?

— Прошу простить меня, господин шериф. Этот рыцарь, носящий герб Хайсборнов, не назвав себя, не огласив причины, атаковал меня. В чем же я виноват? Единственное, что мне, по счастью, удалось сделать, — это помешать пронзить насквозь вашего покорного слугу, — я слегка поклонился, стараясь говорить как можно учтивее.

— Вы помешали ему и его людям схватить лесных разбойников. Тех самых людей, что стоят подле вас.

— Вот как? Возле меня находятся мой оруженосец, происходящий, кстати, из рода Ла-Доннелей, и мой доблестный конюший, происходящий из рода хотя и менее древнего и жалованного титулами, но никогда не пятнавшего своей чести. Остальные же люди, которых вы здесь видите, также никак не разбойники. Только благодаря им мне и моим спутникам удалось отыскать дорогу в шервудских чащобах. Ибо, сбившись ночью с пути, мы уже потеряли всякую надежду выбраться живыми из этого леса, когда эти добрые люди, единственно

волей Всевышнего посланные нам навстречу, вывели нас на дорогу. Следовательно, мы обязаны им жизнью. И я не позволю вам схватить их. Во всяком случае, клянусь честью, прежде чем вам удастся сделать это, вы вынуждены будете сразиться с нами. А еще раньше проститься с этим рыцарем!

Острие моего меча вновь вернулось к горлу Хайсборна.

— Капитан, взять его на прицел? — услышал я в мозгу голос Лиса.

— Всенепременнейше.

— Да кто вы такой, сэр рыцарь, чтобы позволять или не позволять мне делать что-либо?! — Шериф явно начинал выходить из себя.

«Подобный вопрос сегодня уже звучал», — невольно усмехнулся я, выдерживая подобающую паузу и злорадно предвкушая эффект, следуемый за моим именем.

— Простите, господа, я не представился. Вальдар Камдил, к вашим услугам. Вальдар Камдил сьер де Камварон, именуемый также Верная Рука. Старший сын герцога Камваронского, Ингвара III Камдила, родного брата короля Вестфольда Эстольда VI Свирепого и Полин де Берсак, дочери герцога Наваррского Беогарда, о чем прямо свидетельствует мой герб, — я указал на обломки щита, валявшиеся в высокой траве.

По лицу шерифа пронеслась буря чувств, причинившая ему немалый ущерб. Одно дело — неизвестный худородный рыцарь с парой слуг и уже совсем другое дело — вестфольдский принц, племянник короля, славившегося на всю Европу своим далеко не кротким нравом. А что совсем плохо — тот самый Вальдар Камдил, конфидиент короля Ричарда.

Трудно сказать, какое из чувств взяло верх в мятущейся душе шерифа, но, как-то нерешительно оглядевшись по сторонам, он сдвинул брови на переносице и буквально прошипел: «Взять их!»

— Ну, ну, не так быстро, милорд! — я недобро усмехнулся, указывая на Лиса, держащего одну стрелу на тетиве и две, прижатые к луку. — Не надо спешить! На тот свет не опаздывают. Мой друг Рейнар на пятидесяти ярдах всаживает три стрелы в лист, падающий с дерева. Прежде чем самый резвый из ваших воинов достигнет вершины холма, он успеет пересчитать все звенья в вашей рыцарской цепи. Когда же душа ваша, господин шериф, отправится в ад, где ей самое место, ей непременно составит компанию душа вот этого, — я ткнул Хайсборна сапогом, — с позволения сказать, рыцаря.

Шериф побледнел, слегка попятился и подал рыцарям знак остановиться. В век лошадиных скоростей и осязаемых чувств такие перлы ораторского искусства еще котиrowались.

Глава четвертая

Из огня да в полымя!

Девиз пожарной части № 13

— Что здесь происходит? — раздался за спиной шерифа звучный мужской голос. Голос этот, пожалуй, можно было бы назвать приятным, если бы не некая капризная нотка, слышавшаяся в нем.

Строй рыцарей расступился, и из-за их могучих спин выехал всадник с линиялым соколом¹ на руке. Вышколенный белый конь под ним, один из тех, который за невероятные деньги был куплен во время походов в Левант, рыл землю копытом и фыркал, широко раздувая ноздри. Вторая рука всадника поигрывала изящной уздечкой чеканного золота, украшенной самоцветными камнями.

Самого беглого из самых беглых взглядов на котту, вышитую тремя золотыми леопардами, было

¹ Линялый сокол — взрослый, опытный.

достаточно, чтобы понять, что перед нами обрета-
ется Его Высочество принц Джон Плантагенет во
всей своей красе.

Надо отдать должное, он действительно был
красив. В нем не чувствовалось львиной силы его
брата, однако прозвище «Да и Нет», присвоенное
Ричарду Бертраном де Борном¹, в случае с его вы-
сокородным братом Джоном звучало бы как «Не
исключено, что и может быть». Спокойно-вежли-
вая улыбка на губах принца не выражала ничего,
кроме равнодушной учтивости, но холодные серые
глаза с легким удивлением следили за participa-
ми мизансцены.

Шериф прищипорил коня и, подъехав к принцу,
что-то возбужденно зашептал ему на ухо. Его Вы-
сочество внимательно выслушал блюстителя по-
рядка и, усмехнувшись, посмотрел на меня.

— Вы и есть тот самый Вальдар Камдил, спаси-
тель нашего брата и короля? — Голос принца был
столь радушен, а лицо просияло такой радостью,
что всякому стороннему наблюдателю показалось
бы, что сбылась самая заветная мечта Его Высоче-
ства.

Я не был сторонним наблюдателем и поэтому
догадался, что означает сия улыбка на самом деле.

Я почтительно поклонился:

— К вашим услугам, мессир!

— О, что вы! Это я к вашим услугам! Друг мое-
го брата — мой друг!

Мой полувенценосный собеседник повернулся
к своей свите, спрашивая:

— Не правда ли, друзья мои?

Свита с нескрываемым удивлением моменталь-
но согласилась.

¹ Бертран де Борн — известный рыцарь-менестрель конца
XII в. Вначале сражался против Ричарда, позднее стал одним из его
апологетов.

— Однако, — продолжил он, — что это вы сделали с бедным Хайсборном?

— Бедняга ранен и потерял сознание при падении с коня.

— Печальное известие. Однако надеюсь, что раны не слишком тяжелы и в скором времени сэра Кай вновь будет с нами. Право же, он очень славный юноша. Уверен, что вы еще близко подружитесь. Знаете, он так ненавидит Робин Гуда и его разбойников! Этот дерзкий негодяй убил его старшего брата. Простите несчастного сэра Кая, он, видимо, сгоряча принял вас за сообщника лесных бандитов.

— Вот уж, право, не думал, что напоминаю джентльмена с большой дороги.

— О, нет, что вы! Но вот тот человек, который стоит подле вас, сжимая лук, — это Вилли Статли. Его персона мне хорошо известна.

— Эти люди спасли жизнь мне и моим спутникам, а потому было бы вопиющим нарушением законов рыцарства не вступить за них.

В моей голове родился план, настолько абсурдный, что вполне подходил к данной ситуации:

— Однако, если вы, господин шериф, утверждаете, что они разбойники, я ... объявляю их своими пленниками.

Мои проводники всполошились, снова изготовившись к бою. Лишь шепот Лиса и Виконта, бросившихся разоружать их, заставил вольных стрелков сложить оружие. Но расставались они с ним с явной неохотой.

— Вот истинно рыцарское решение! Браво, сэра Вальдар! Они — ваши пленники, и вы вольны делать с ними все, что вам заблагорассудится.

Принц Джон, казалось, пришел в неопишуемый восторг от столь простого и элегантного решения.

— Клянусь, если вы даже решите отпустить их на все четыре стороны, я велю не препятствовать вам в этом.

Я мысленно усмехнулся: «В такие ловушки мы не попадаемся». Головы отпущенных мною разбойников уже через час не стоили бы и пенса за штуку. Так что препятствовать их освобождению мне бы действительно никто не стал.

— Что вы, мессир! — Я удивленно взглянул на принца. — Если они и впрямь разбойники, как вы о том говорите, то они должны предстать перед королевским судом. Я лично представляю этих людей на суд короля Ричарда, не забыв, однако, при этом присовокупить и сегодняшнюю историю от начала до конца.

— О, сэр Вальдар, вы не менее мудры, чем храбры. Безусловно, вы нашли самый наилучший выход из создавшегося положения. Я непременно желаю помочь вам в осуществлении этого прекрасного плана. С вами отправится полсотни моих воинов. Дороги нынче беспокойны, а разбойников наверняка попытаются отбить. Этот Робин Гуд дерзок необычайно. К тому же мои люди прекрасно знают дорогу до Лондона, и вы уж точно не соььетесь с пути.

Но все это несколько позже. Сегодня я буду счастлив приветствовать вас у себя в Ноттингеме. О! И не думайте отказаться! — пресек мою слабую попытку отказаться от приглашения принц Джон. — Вы же не хотите меня обидеть? — плотно промурлыкал он. — Тем более следует отметить наше знакомство.

— Господа! — воскликнул Его Высочество, обращаясь к своей свите. — Сегодня и завтра — пир в честь моего нового друга, сэра Вальдара, спасителя моего брата и нашего короля Ричарда!

«Я понял, — услышал я в мозгу унылый голос Лиса, — затягивать на обед под угрозой оружия — национальная английская традиция».

«Ладно, ты, этнограф хренов! — обиделся я за родную страну. — Лучше сообрази на трезвую голову, чем на этот раз расплачиваться будем?»

«А неплохо бы сейчас плотно поесть», — мечта-

тельно-аппетитно присоединился к нашей мысленной перебранке Виконт.

Наконец кортеж, вернее сказать, конвой, закончил почетное построение вокруг нас, и длинная колонна всадников, блистая доспехами и разноцветием одеяний, двинулась все-таки в Ноттингем, где, как мы уже знали, находилась резиденция принца Джона.

Предшествуемые трубами и скороходами, мы неслись по местному пейзажу, поднимая всю пыль, накопившуюся на дороге за последние несколько веков. Попадавшиеся изредка нам навстречу фигуры крестьян, казалось, были изваяны Всевышним одновременно с окружающим ландшафтом; и та подвижность, с которой они сгибались в поклоне при виде леопардов Плантагенета, была, пожалуй, даже странной и неуместной.

...По этой дороге нам с Лисом ездить уже доводилось. И мало что изменилось на ней с тех пор. Но тогда... Наша задача была уже выполнена, и, потратив несколько дней на отдых и чревоугодие, мы, гордые собой, возвращались в постылые стены родного Института. И воспоминания наши были легки и приятны, ибо что может быть приятней, чем воспоминания о победоносном шествии по стране после плотного ужина.

Могучая эскадра под предводительством новоиспеченной грозы морей графа Шамберга, несмотря на его героические попытки управлять вверенным ему флотом, все-таки причалила к скалистым берегам туманного Альбиона. Великая армия, стоявшая под знаменами короля Ричарда, на момент высадки насчитывала чуть более десятка рыцарей и около полутора сотен латников и лучников. Оказавшись на твердой почве, граф Шамберг, придя в себя и с радостью сбросив опостылевшую шкуру морского волка, как и подобает рыцарю Атакующей Рыси, моментально осадил ближайшую к месту высадки крепость.

Еще последние войны сходили с кораблей на берег, когда первые уже отчаянно переругивались со стражей на стенах, обалдевшей от столь стремительного натиска. Крепость Бансингтон, обитателям которой первыми посчастливилось узнать о возвращении блудного монарха, едва успела поднять мост и закрыть ворота перед неизвестно откуда появившейся оравой головорезов во главе с имперским бароном.

Возмущенный таким неуважением к августейшей особе короля, Росс потребовал немедленно вернуть мост и ворота в исходную позицию, угрожая в противном случае сжечь город дотла. Отважный комендант Бансингтона сэр Джордж Лесс, ставший вскорости лордом Суффолком, демонстративно напялил на голову рогатый шлем и занялся проверкой готовности гарнизона к бою, игнорируя наглые домогательства нашего друга. Меркадье и менее рослый, но не менее мускулистый Шамберг, поплевав на ладони, взяли в руки по внушительной секире и не менее демонстративно начали рубить дуб, росший на расстоянии полутора выстрелов из лука от стен.

Мы с Лисом также было настроились поучаствовать в молодецкой забаве, но все испортил Ричард. Примчавшись на взмыленном коне, он в весьма недвусмысленных выражениях заявил, что не позволит нам сжигать его собственные крепости. Шамберг и Меркадье несколько приуныли, но, право же, штурм был уже излишним. Заметив фигуру короля, гарцевавшего ввиду стен, доблестные защитники Бансингтона во главе с комендантом огласили воздух приветственными воплями и начали подбрасывать вверх свои шлемы.

«И в воздух чепчики бросали», — прокомментировал увиденное мой напарник. Уже через несколько минут гарнизон крепости, зарыв секиру войны, яростно брался с непобедимым воинством короля Ричарда. Наскоро подкрепившись

голубыми мира, плотной стаей летавшими вокруг города, Ричард грохнул кулаком об стол и разразился получасовой речью, смысл которой сводился к классическому утверждению, что «Победа будет за нами, враг будет разбит!».

Я, Лис и еще несколько человек, имевших несчастье быть обученными грамоте, последующие несколько дней занимались унылым писанием агитационных прокламаций, диктуемых Его Величеством. А еще через несколько дней под стенами Бансингтона находилось более трехсот рыцарей и не менее четырех с половиной тысяч иного войска. Здесь мы распростились с нашим венценосным другом, но, как сообщали агентурные данные, подобная демонстрация силы вполне убедила принца Джона не совершать опрометчивых поступков.

Взяв с собой первых лордов и два десятка рыцарей для охраны, он, раскрыв объятия, поспешил к побережью, дабы припасть к братской груди и оросить кольчугу на ней потоком скупых слез братской радости. Не знаю, как себе представлял высадку Ричарда Оттон Лейтонбургский, но, наблюдая это победное шествие, я невольно подумал, что здесь король вполне обошелся бы и без нашей помощи.

Печально вздохнув, я напомнил Лису, желавшему урвать пару-тройку листиков от лавров Ричарда Львиное Сердце и посему рвавшемуся вслед королю, что где-то там, в далеком родном мире, в тиши кабинета, набитого шедеврами великих мастеров, страдает от разлуки наш обожаемый шеф. Лис тут же помрачнел, ибо понял, что каждый лишний день разлуки сулит нам долгие часы унылого распекания.

— Может, ты объявишь меня пропавшим без вести? А потом, недельки через две-три, я обязательно появлюсь, — безнадежно осведомился Лис, жалобно глядя мне в глаза.

— Э-э, нет, друг мой. Мы вернемся вместе, —

ответил я. — Нести тяжкий крест общения с Отпрыском в одиночку я не намерен.

Посему триумфальный въезд Ричарда в колено-преклоненный Лондон нам лицезреть не удалось. Вместо этого шоу мы любовались скорбным лицом исстрадавшегося от тоски по нам Готлиба фон Гогенцоллерна, выдававшего свои соображения по поводу прошедшей операции. По его словам выходило, что операцию мы провалили с блеском, что конечный результат никоим образом не является следствием нашей бурной жизнедеятельности в том несчастном измерении, что с таким же эффектом можно было бы подвергнуть Трифель ракетному удару; и вообще, судя по тому, что наша доходная часть превысила расходную, он хотел бы знать, чем мы там, собственно говоря, занимались. Представленный нами отчет Отпрыска явно не удовлетворил.

Но самое худшее ожидало меня не здесь. Послонявшись полдня по Институту в надежде найти Арви Эмрис, дабы, как и было обещано, сложить к ее ногам славу своего деяния, я не обнаружил даже туфельки с этой ноги. Отчаявшись найти ее, я, наплевав на все законы субординации, ввалился к старине Зефу и напрямик спросил его о местонахождении Арвешки.

Рассел несколько помрачнел и указал мне на глубокое кожаное кресло: «Присаживайся». После этого он подошел к великолепному доспешному набору работы миланских мастеров и, засунув руку под забрало шлема, что-то повернул. Кираса мягко опустилась, демонстрируя содержимое «желудка» воображаемого рыцаря. «Желудок» хранил исключительно спиртное, причем неопишимо высокого класса и еще более неопишимо цены.

Судя по той бутылке, которую выбрал Зеф, новости ожидались наихудшие.

— Арви? — переспросил он. — Миссис Арви Мак-Гил изволят пребывать в свадебном путеше-

ствии, вот только не помню точно где. То ли в Рио-де-Жанейро, то ли в Йоганнесбурге...

Он протянул мне наполненный до краев бокал.

— Советую тебе выпить за их счастье. Это лучшее, что ты можешь сделать в данной ситуации. Она просила меня переговорить с тобой, но я слабо представляю о чем.

Дослушав эти слова, я подумал, что, может, и не стоило торопиться возвращаться к родным пенатам и что наверняка королю Ричарду еще пригодилось бы наше общество...

На следующее утро мой верный брауни робко потряс меня за рукав, и я обнаружил, что лежу на полу, завернувшись в шкуру белого медведя и подложив под голову оторванное с корнем сиденье от стула работы мастера Гамбса.

— Его светлость двадцать третий герцог Бедфордский изволят желать пива... — робко произнес мой домовой, преданно глядя мне в глаза. — А у нас нет пива!

— А что... у нас... есть? — медленно произнес я, с трудом ворочая тяжелым языком.

— После вчерашнего у нас вообще ничего нет. Только вода из-под крана, — добавил он, минуту подумав.

Меня такой вариант вполне устраивал, но для лорда Рассела подобное предложение было бы равносильно личному оскорблению. Громкий храп доносился из соседней комнаты. Насколько я мог слышать, храпели в два голоса. Придав своей голове вертикальное положение, я мучительным усилием воли вернул пол и потолок туда, где им полагалось быть изначально, и предался размышлениям.

«Если герцог Бедфорд, сиречь старина Зеф, просит пива, значит, он не спит. А если он не спит, значит, не храпит. Ну, а поскольку он не храпит — соответственно, не может храпеть в два голоса. По-моему, логично, — подумал я, на всякий слу-

чай проверяя цепочку своих рассуждений путем от противного. — А кто же тогда храпит за стеной?»

Мой маленький брауни все еще ждал от меня вразумительного ответа, держа алебарду «на караул».

— Послушай, малыш, — с трудом спросил я. — Кто это там храпит?

— Те двое полицейских, которых вы с лордом Расселом изволили вчера привезти с собой.

— Мы привезли с собой полицейских?

— Да, милорд. Связанных.

— Почему связанных?

— Его светлость герцог Бедфорд изволил сказать, что они нажрались, как тамплиеры, и буянили в общественном месте, а потому их никак нельзя было оставить без присмотра.

— Кто нажрался? Полицейские?

— Да, милорд. Если будет угодно вашей милости, я их разбужу. Однако должен вам сказать, что эти господа действительно были весьма пьяны.

«Господи! Что же это творится! Чем это мы занимались?»

События вчерашнего вечера рисовались мне не более четко, чем береговая линия Америки на картах семнадцатого века. Я смутно помнил какой-то полутемный бар с двумя крашеными блондинками, терзаемыми кишечными коликами посреди сцены величиной с фуражку адмирала флота Ее Величества. С каждой минутой страдания девиц становились все больше, а одежды на них оставалось все меньше. И то сказать, в баре было жарковато.

Следующее мое воспоминание тоже относилось к бару, но, видимо, уже к другому. Потому что в этот бар лестница вела вниз, а тот наглец, который потребовал ключи от моего «лендровера», падал через перила с довольно-таки высокого крыльца.

Что же еще? Ну были еще те клепаные молоко-

сосы, которые, проносясь на своих сумасшедших мотоциклах, обрызгали Зефа. Не помню, вернули ли лорд Рассел им вожделенные «харлеи», но то, как эти мотокентавры играли в конный бой, сидя на плечах друг друга, — я помнил отчетливо.

Господи, откуда же взялись пьяные полисмены?

— Разбуди одного из храпунов-бобби¹ и пошли в супермаркет за пивом для его светлости. А сам, будь добр, позаботься о завтраке, — произнес я, извлекаясь из медвежьей шкуры.

— Слушаюсь, милорд, — склонился в почти-тельном поклоне брауни, стремительно бросаясь выполнять доверенное ему поручение.

Праздники кончились, начинались суровые институтские будни...

И вот мы снова были здесь. Снова мчались по этой дороге, но в этот раз сопровождая блистательного принца Джона, скакавшего рядом со мной и то и дело бросавшего на меня пламенные взоры, полные нескрываемой радости и какого-то хищного торжества.

Но вот из-за горизонта начали выныривать мощные башни Ноттингема.

— Держите ухо востро, джентльмены. Есть авторитетное мнение, что на этот пикник будет значительно легче попасть, чем выбраться, — передал я по мысленной связи своим друзьям.

— Очень мудро подмечено, — проворчал Лис. — Если ты уже придумал, как это сделать, то, будь уж так любезен, сообщи мне свой план до того, как придется прыгать с очередного моста.

— А по мне, так сначала надо поесть, а уж потом думать, как отсюда уходить. На пустой желудок все равно ничего путного в голову не идет, — вмешался стажер.

— Тем более что другого выхода у нас все равно нет, — все так же мрачно констатировал Рейнар

¹ Бобби (сленг) — прозвище английских полицейских.

Л'Арсо д'Орбиньяк, сдерживая коня. — Остается надеяться, что хоть кухня у них тут приличная.

Копыта лошадей зацокали по мосту, и мы очутились в темной арке ворот, едва освещенной парой факелов. Расторопные стражники со значками принца Джона суетливо приветствовали своего господина. Железная решетка с переплетенными прутьями толщиной в руку медленно поползла вверх.

— Однако, Капитан, похоже, здесь затевается смотр войск Ноттингемского военного округа, — услышал я в голове голос Лиса.

— Не только. Я видел здесь гербы Кюсар де Мерль и Бретшердов, а их замки далеко отсюда.

«Сэр Вальдар, — услышал я за спиной незнакомый тихий голос. — Слушайте меня не оборачиваясь».

Глава пятая

Кушать подано!

Граф Дракула

Голос незнакомца был настолько тих, что я едва слышал его за цокотом копыт и лязгом железа.

«Никаких интервью для газеты», — пробормотал я, включая связь и вызывая Лиса.

— Сережа, тут какой-то сэр жаждет пошептаться со мной. Он чуть сзади и правее меня. Ты что-нибудь можешь о нем сказать?

— Гм, немного. Спина, так, ничего. Хорошая спина, не горбатая. Плащ темный, оторочен мехом. Хауберг, оплечье — ничего особенного. Эмблемы на щите отсюда не разглядеть. Да и не больно-то их при таком свете увидишь. Жеребец под ним гнедой. Хороший опять же жеребец. Вот, в общем-то, и все.

— Негусто. Ладно, послушаем, что он скажет.

— Послушаем, — согласился Лис, — только если

денег будет просить — не давай. Мало ли, какой змей попадется. Знаю я этих сэров. Возьмет у тебя взаймы до завтра, а сам — шасть в Святую Землю, ищи его там.

— Ладно, не волнуйся, — оборвал я связь.

Дрожащий свет факелов метался по мрачным сводам тоннеля, выхватывая из окружающей темени неровные куски закопченной кладки. Наша кавалькада медленно втягивалась в каменный проход, отбрасывая гротескные причудливые тени, скользившие рядом с нами по стенам и плитам мостовой. Атмосфера, создаваемая этим местом, этим светом, этими людьми, невольно располагала к мистическому восприятию объективной реальности, данной нам Господом в ощущении. Дух чернокнижия буквально витал в воздухе, смешиваясь с запахами навоза, сырых кож и еще добрым десятком подобных ароматов.

— Я слушаю вас, — в тон моему неизвестному собеседнику произнес я.

— Милорд Вальдар, должен вас предупредить. Вы попали в пресквернейшую ситуацию.

— Об этом я, в общем-то, догадался.

— Да, но вы еще не представляете, насколько она скверна!

— Чего же мне здесь опасаться? Неужто кто-то здесь посмеет покушаться на личного друга короля Ричарда?

Наступила пауза, во время которой мой неведомый доброжелатель, по-видимому, строил судорожные догадки, такой ли я дурак, как кажусь, или только прикидываюсь таковым. Поскольку после минутного молчания он продолжил свою речь, очевидно, чаша весов склонилась ко второму варианту.

— Через пару дней король Ричард с войском отправится во Францию подавлять бунт своего вассала виконта Лиможского. Ровно столько же продлятся празднества в вашу честь. Сомневаюсь, од-

нако, что принц Джон всерьез решил долго строить из себя гостеприимного хозяина. У него хорошая память, и он далеко не дурак. Не сомневаюсь, вы найдете в нем для себя достойного противника. Так что не настраивайте себя на отдых. К тому же ко всем прошлым обидам сегодня вы нанесли ему еще одну. Сэр Кай Хайсборн — любимец и телохранитель принца. Так что, говорю вам еще раз, вы попали прямо в волчью пасть. Вам не следует задерживаться в Ноттингеме.

Я горько усмехнулся. Будь моя воля, сегодняшняя экскурсия по местам боевой славы не рассматривала бы этот город в качестве объекта, обязательного для посещения. Но кому здесь было дело до моего мнения?

— Это все? — осведомился я.

— Нет. Но остальное, вероятно, вы увидите сами. От вас не будут слишком прятаться. Насколько я знаю принца Джона, а поверьте мне, я знаю его хорошо, вы никогда более не должны покинуть этих стен.

— Спасибо за предупреждение...

— И еще! — быстрым шепотом перебил меня незнакомец. — Совет напоследок. Если вы все же решите попробовать выбраться отсюда, то езжайте через нижние ворота во время первой стражи.

— Скажите, почему вы все это мне говорите?

— Я — верный слуга своего господина, — бросил неведомый союзник и, пришпорив коня, скрылся в сумерках.

Выехав на центральную улицу Ноттингема, кортеж вновь ускорил движение и, сопровождаемый ревом труб, пронесся через торговую площадь, пугая запоздалых лавочников, и далее, мимо ратуши к цитадели.

Вид этой крепости наводил на мрачные мысли. Имея соответствующие запасы провизии, в ней можно было обороняться произвольно долго от армии противника, раз в двадцать превосходящей

силы гарнизона. Особенно в эти блаженные времена, не знающие пороха. Однако при всей своей фортификационной мощи для мало-мальски комфортного обитания эта твердыня была явно не приспособлена.

— Лис, давай немного подумаем вместе, — вызвал я своего напарника.

— Превосходная идея! Сам придумал или кто подсказал? — язвительно поинтересовался Рейнар.

— Нашлись добрые люди, подсказали... — в тон своему другу ответил я.

— Вы это об чем? — поинтересовался наш любознательный стажер.

— Не волнуйся, мой друг. Мы говорим о взрослых вещах. Тебе этот процесс еще не знаком, — продолжал направо и налево язвить Лис. — Могу тебя заверить, ты ничего от этого не потерял.

— Да ну вас, — обиделся Виконт, — я же серьезно.

— А я уж как серьезно, — попробовал продолжить эту тему Сережа.

— Эй, черно-бурый, отвлекись от воспитания молодежи и давай вернемся к нашим баранам.

— Баронам, — поправил меня Лис. — А почему «черно-бурый»?

— Потому что забурел по-черному, — ответил я. — Скажи лучше, как ты считаешь, принц Джон склонен к суровому аскетизму?

— Ага, примерно как я к посту и умерщвлению плоти. В смысле, конечно, своей плоти, — подумав, уточнил он.

— Тогда какого рожна он свил себе гнездо в этом драконьем логове?

— Может быть, чего-то опасается? — вставил свое умное слово Виконт.

— Скорее к чему-то готовится, а еще вероятнее — и то и другое вместе.

— Похоже, что так. А судя по количеству съевшихся баронов...

— И их отрядов.

— И их отрядов. Безусловно. Так вот, судя по имеющимся у нас скудным, но вполне впечатляющим данным, — это совсем не выставка достижений народного хозяйства.

— Это уж точно. Меня в этом деле одно интересует. Скажи мне, Капитан, — это в Европе так много заговоров или же у нас на них какое-то особое везение?

— Не знаю. Но только мне почему-то кажется, что мы скорее имеем дело с обратной стороной одного и того же глобального заговора.

— Ты же слышал, командир... Отпрыск тебе четко и ясно объяснил, что никаких глобальных заговоров не бывает. Все это плод твоего воображения и, как это он завернул: «бессознательной фальсификации разобщенных и несоотносящихся фактов исторического процесса». О как! Умеет же мужик умно говорить. Не то что некоторые.

— Лис, отвлекись от своих разглагольствований. Как ты сам уже имел возможность слышать, наш друг Ричард сотоварищи через пару дней покидает туманный Альбион и отправляется на континент отстаивать свои исконные тамошние владения. Отсюда следует только одно: мятеж уже готов к употреблению. Дело за сигналом.

— Которым и станет отъезд короля, — продолжил мою мысль Рейнар.

— Похоже, что так.

— Тогда нам действительно шашлык.

— Прости, что?

— Такое блюдо из мелких отдельных кусочков мяса, которое сделают из нас при первом же удобном случае, — со знанием кулинарного дела объяснил мой друг.

— Это уж точно. Хотя не исключено, что из этой ловушки есть лазейка.

— Ты имеешь в виду таинственного незнаком-

ца? — произнес Лис, делая ударение на букве Н в слове «таинственного».

— Кого же еще. Хотя эта лазейка вполне может оказаться новой каверзой принца Джона.

— Зачем?

— Ну, насколько я имел возможность рассмотреть нашего самозваного друга, Его Высочеству куда как больше нравится травить зверя, чем встречаться с ним лицом к лицу.

— Замечательное наблюдение. Однако другого выхода у нас пока что все равно нет.

— Вот интересно, — размышлял я вслух, в смысле про себя. — Если наш анонимный доброжелатель — человек короля, то Ричард знает о существовании заговора.

— Ты же знаешь, Капитан, что наш добрый друг Дики Львиное Сердце во всем, что касается его персоны, проявляет редкую неосмотрительность и безрассудство. А может быть, он просто не верит, что его милый братик сделает такую какую и вторично попытается всадить ему нож в спину.

— Зря. Это вполне в духе традиций рода Плантагенетов. В этом семействе уже который век идет какая-то странная внутренняя война. Безумно милая семейка, я тебе скажу.

— Ладно, посмотрим, что будет дальше?

Тем временем ворота цитадели успели распахнуться и захлопнуться за нашей спиной. Широкий крепостной двор был битком набит рыцарями, их лошадьми, оруженосцами и лошадьми оруженосцев. Даже теперь, когда большая часть воинства осталась в городе, где, как мы заметили, не осталось ни одного мало-мальски приличного дома, на котором не красовался бы чей-нибудь герб или капитанский значок, в цитадели находилось не менее ста копий. В общем, теснота была невообразимая, что, впрочем, не мешало проворным конюхам принца Джона принимать лошадей, согласуясь со знатностью и важностью прибывающих особ.

Как только наши ноги ступили на гранитные плиты двора, рядом с нами материализовался невысокий грузный человек в богато расшитой одежде. Значок принца Джона и подобострастное выражение на его надменном обрюзгшем лице составляли предположить, что перед нами не менее чем личный мажордом Его Высочества. Отметив про себя это проявление почета, которым нас с видимой старательностью окружал младший Плантагенет, я дал знак своим спутникам двигаться вслед за мной и держать ухо востро.

Крутая винтовая лестница шириной едва ли в ярд освещалась убогим светом, поступавшим из узких щелей бойниц, то там, то здесь прорезанных в каменной шкуре мрачной башни донжона, сложенной, казалось, руками великана. Впрочем, может, именно так оно и было. Судя по количеству факелов, укрепленных на стенах, энергетический кризис всюду свирепствовал на территории графства Ноттингемшир, а потому ночная иллюминация здесь не отличалась особенной роскошью.

Наконец унылое однообразие этого восхождения было нарушено, хотя и несколько неожиданным образом.

Не успел Виконт пробормотать по связи: «Не могли лифт поставить, сволочи!», как на очередном повороте мы уткнулись носом в толстенную кованую решетку. Точнее, я уткнулся в спину резко остановившегося мажордома, а все остальные в порядке следования — в спины впереди идущих. Я бросил взгляд вверх и увидел то, что хотел увидеть.

— Лис, — позвал я. — Бойницы видишь?

— Вижу, — ответил Рейнар, немного помолчав. — Не хотел бы я штурмовать эту лестницу.

У меня болезненно заныло между лопаток, когда я представил себе трехфутовую стрелу, готовую в любую секунду сорваться из каждой бойницы.

— Да, хорошо они тут устроились. Со вкусом, — пробормотал я.

Между тем наш провожатый просунул пухлую руку сквозь прутья решетки и что-то с силой дернул. Как нам почудилось, в глубине стены зазвонил колокольчик. Через минуту выше по лестнице послышался какой-то шум, а вслед за тем — тяжелые шаркающие шаги.

«Черт возьми, похоже, на этом парне целая скобяная лавка», — услышал я голос Лиса; и в тот же момент массивная фигура охранника появилась из-за поворота. Добротная кольчуга, облегающая его мощный торс, была перехвачена в талии широким кожаным поясом, украшенным множеством медных блях. Тяжелый боевой топор, рукоять которого виднелась из-за спины, недвусмысленно указывал, что перед нами отнюдь не новичок в ратном ремесле. Страж со скучающим видом выслушал мажордома, кивнул и пошел обратно. Через несколько минут решетка со скрежетом начала подниматься.

Еще три десятка шагов, и лестница уперлась в глухой тупик. Такой неожиданный архитектурный сюрприз мог сбить с толку кого угодно, однако, к нашему счастью, мы не штурмовали цитадель, а были в ней зваными гостями. Часть стены справа от нас мягко и плавно отъехала в сторону с тем самым неясным шумом, который мы уже слышали.

— Лихо! — присвистнул Лис, трогая шероховатый камень. — Весело строили и с душой.

— Обрати внимание, Рейнар. Здесь дублированная блокировка дверей. Решетка и стена одновременно открытыми быть не могут.

Мы вошли в помещение, находившееся по ту сторону плиты. Это была кордегардия, полная стражников, пивших, игравших в кости, отдыхавших на длинных скамьях или занимавшихся своим оружием и снаряжением, — словом, она не отличалась от сотен подобных кордегардий, находив-

шихся в любом уголке Европы. Наш проводник что-то сказал ветерану, встретившему нас у решетки, и тот согласно кивнул в ответ.

— Милорд, — обратился ко мне мажордом, склоняясь настолько низко, насколько позволял ему его высокий сан. — Я проведу вас в приготовленные для вашей милости покои. Об остальных людях позаботится Гремольд, он получил на этот счет все соответствующие указания.

— Ничего подобного, — с высокомерной небрежностью, подобающей сиятельному лорду, заявил я. — Они должны быть размещены там же, где и я.

— Но, ваша милость... — На лице слуги появилось выражение досады, смешанной с недоумением. — Такова воля принца.

— Мы с Его Высочеством сами решим этот вопрос. А вы, любезнейший, выполняйте то, что вам говорят, и, сделайте милость, поживее, — как бы невзначай моя рука легла на эфес Катгабайла, и я удовлетворенно отметил про себя, что мой жест не остался незамеченным.

— Мне придется доложить об этом принцу, — мажордом слегка побледнел, но все еще стоял на своем.

Мои брови сошлись над переносицей, уголок рта стал нервно подергиваться от сознания, что моему сиятельству приходится снизойти до пререканий с плебеем. Я холодно-высокомерно глянул на дерзнувшего ослушаться моего приказания. «Теперь важно не пережать», — мелькнуло у меня.

— Мне нет дела до того, о чем вы намерены докладывать принцу. — В моем голосе сталью зазвучала хорошо отрететированная ласковая ярость. — Либо вы поступаете так, как я вам велю, либо мы немедленно покидаем Ноттингем. Сомневаюсь, что Его Высочество будет рад этому.

Сказать об этом было гораздо легче, чем сделать оное. Однако благодаря моему классическому

самодурству довод возымел желаемое действие. Видимо, старый лизоблюд не был посвящен в планы своего господина, и перспектива выпроводить знатного гостя его явно не прельщала. Он недовольно пожал плечами и, пробормотав что-то себе под нос, направился к двери в другом конце кордегардии. Как и все ранее виденное в этом замке, дверь была сделана весьма добротно. За дверью оказалась новая лестница, приведшая нас в конечном счете в апартаменты «высокого» гостя. Я с наслаждением рухнул на ложе под балдахином, застеленное медвежьими шкурами.

— Добро пожаловать в мышеловку, благородные сэры, — Лис всегда отличался склонностью к тонкой задушевной шутке в самый подходящий для этого момент. За такие шутки...

Оставив, однако, наказание моего доброго друга до следующего раза, я стал осматривать помещение, где нам предстояло провести ближайшие, а может быть, и последние часы. Помещение, которое в зависимости от точки зрения можно было бы рассматривать либо как мышеловку, либо же как плацдарм в тылу врага. Второй вариант нравился мне гораздо больше, хотя положение наше от этого не менялось ни на йоту.

Итак, убогая роскошь, с которой было обставлено наше обиталище, свидетельствовала о сравнительно недавно начавшемся разграблении Востока, а также об отсутствии вкуса у хозяина здешних мест. Богатые хоросанские ковры, в которых наши изрядно запыленные сапоги тонули по щиколотку, соседствовали с не менее богатыми гобеленами, изображавшими сцены охоты. Сквозь пыль и копоть от факелов, освещавших залу, угадывались все еще свежие краски. Когда же порыв ветра, проникавшего сквозь щели в свинцовом переплете окон, вздувал полотнище гобеленов, в мерцающем свете факелов казалось, что вытканые фигуры оживают и живут собственной жизнью.

Высокое ложе, на котором без труда могло разместиться на привал отделение королевских лейб-гренадеров, как я уже говорил, было застелено, вернее, завалено медвежьими шкурами вперемежку с изящнейшими подушками, явно позаимствованными в чьем-то приватном гареме.

— Капитан! И снова риторический вопрос: как мы будем отсюда вылезать?

Традиционность этого вопроса не восхитила меня, а потому я лишь рассмеялся в ответ, расстегивая ремни перевязи меча.

— Как всегда, Лис. Не ранее обеда. Сохраняй спокойствие. Если разобраться, здесь не так уж и плохо.

— Ну, в сравнении с подземельем Трифеля, это несомненно так...

— Ладно! — прервал я наши состязания в риторике. — В общем, то, что как-то может называться планом, состоит в следующем. «Номер раз»: мы даем скрыться нашим друзьям и Кристиану, — я кивнул в сторону стажера, что-то усердно искавшего в одном из наших выюков. — Его задача — добраться до Лондона до того, как наши некрологи...

— Понятно, дальше! — перебил меня Лис.

— Хорошо. Дальше. «Номер два»: мы пока остаемся здесь и продолжаем разведку.

Брови моего верного напарника стремительно поползли вверх.

— Капитан, ты что, серьезно? Нет, ты это, конечно, умно придумал! После «номер раз» наш «номер два» накроется звонким медным тазом.

— Как бы то ни было, другого плана пока нет. Детали, как всегда, уточним по ходу пьесы.

— Вот! — радостно сообщил Виконт, протягивая мне нечто на раскрытой ладони.

— Что это? — спросил я, недоуменно уставившись на какие-то маленькие приборчики в широкой лапе отпыска Ла-Доннелей.

— Это? «Клопы». «Жучки» то есть.

— Что-что? — тут уж мы с Лисом были сражены на месте.

— Подслушивающие устройства, — гордо прошептал нас Крис.

— Скажите мне, господин де Монгийе, — очень медленно произнес я. — Скажите мне положи руку на сердце как дворянин дворянину: вы Льежскую конвенцию читали?

— Ну, в общих чертах...

— В адаптированном издании для учащихся церковно-приходских школ нижней ступени, — вставил свое веское слово Лис.

— Видите ли, мой друг. Статья № 7 данного документа запрещает использование в мирах с низким уровнем технологий подобных чудес цивилизации. Камеры перехода и средства связи, конечно же, не в счет.

— Что ж, я все это зря тащил? — В голосе моего оруженосца слышалось глубокое разочарование. Он сделал неопределенный жест в сторону нашей кладки, как бы ожидая высокого приговора.

— Влетит? — вздохнул Лис, вопросительно глядя на меня.

— Все равно влетит. Снаряжение не проверили, — махнул я рукой.

— Ладно, будет день, будет пища. Разберемся. Давай сюда свои игрушки.

На лестнице за дверью послышались гулкие шаги.

— Тихо, кого-то несет!

В дверь постучали.

— Ваша милость, принц Джон просит вас оказать ему честь, посетив его, — знакомый уже нам слуга склонился в изящном поклоне.

— Подожди за дверью! — Повелительный жест моей руки заставил его прервать речь. — Я сменю платье, и мы отправимся к твоему господину.

Посыльный вновь склонился и, бесшумно пятясь, покинул мои покои.

— Так, ребята, поехали. Сразу приступаем к пункту номер два. Виконт, подбери-ка мне что-нибудь по моде сезона. Официоз, но с эдаким оттенком гусарства.

Не скажу, что мне удалось уложиться в сорокапятисекундный норматив, о котором частенько рассказывал Лис, но, в общем, смена моего наряда не заняла слишком много времени. Наконец я одернул свою лазоревую, шитую золотом котту, поправил короткий, опушенный искристым мехом соболя плащ и, проверив, легко ли выходит из ножен кинжал, счел себя готовым к нанесению неофициального, но очень дружественного визита.

— Хорош, — подтвердил Рейнар, придиричливо оглядывая меня со всех сторон. — Представительский вариант.

— Ладно, друзья мои, я пошел. Лис, остаешься за старшего. Не скушайте. Ведите себя хорошо.

— Ходите только на горшок. Не ешьте манную кашу руками, — продолжил мою тираду д'Орбиньяк. — Мы в курсе дела. Давай, Капитан, с Богом!

— Держитесь на связи.

— Ладно. Не учи ученого.

Глава шестая

Нет оружия более коварного,
чем правда, сказанная в нужное
время в нужном месте.

Лорд Сен-Джон Болингброк

Стоило мне только переступить порог — и Его Высочество принц Джон устремился мне навстречу, весь лучась приветливостью и протягивая руку для пожатия. Пламя факелов испуганно метнулось в сторону от неожиданности, и я разглядел богато сервированный стол на двоих. Не замечая протя-

нутой руки, я инстинктивно сжал рукоять кинжала и склонился в традиционном учтивом поклоне. От принца Джона не укрылось движение моей руки, но он лишь печально усмехнулся и покачал головой.

— Ах, сэр Вальдар, сэр Вальдар! Досадно, что вы не слишком настроены доверять мне.

Мое лицо выразило деланное удивление.

— Да что вы говорите?

— Только то, что вижу своими глазами, мой дорогой друг. А вижу я то, что вы абсолютно не склонны мне доверять. Право же, зря! Вы и не представляете, видимо, насколько велико мое уважение к вам, ибо я стольким вам обязан!..

Отблеск свечей зажег драгоценные искры в камнях перстней принца, они плеснули этот блеск прямо мне в лицо. Пальцы моего собеседника нервно переплелись.

— Да-да, — продолжал он. — Незачем притворяться. Я отнюдь не слепой. Вы не верите ни одному моему слову, не так ли, досточтимый рыцарь?

Мы заняли места за столом, и Его Высочество самолично наполнил вином два чеканных кубка.

— Попробуйте хиосское. Поверьте мне, это настоящий шедевр виноделов. Мессир Вальдар, допустим, вы правы, не доверяя моим словам. Что ж, будем рассуждать вместе с вами.

Я немного расслабился и поудобнее устроился за столом.

— Не сомневаюсь, мой друг, что вы видите во мне братоубийцу, которому только чудо, совершенное вашими руками, помешало выполнить свой гнусный замысел.

— У меня есть все основания полагать именно так, принц, — ответил я, не особенно кривя душой.

— Несомненно, мессир Вальдар. Ведь вы спас-

ли моего брата именно в тот момент, когда мои посланцы договаривались о его смерти.

— Разве это не так?

— Так. Однако здесь есть несколько «но». Например, статьи этого договора: «смерть Ричарда не должна выглядеть насильственной, более того, должна казаться естественной. Второе: после смерти тело короля должно быть возвращено в Англию для захоронения».

— И в чем же тут заговоздка?

— Заговоздка в том, что люди подчас называют смертью лишь ее видимость, сиречь иллюзию.

— То есть? — спросил я, уже начиная кое о чем догадываться.

— То есть королю Ричарду вовсе не обязательно было умирать. Ему достаточно было выглядеть мертвым.

«Смерть есть сон», — вновь прозвучали у меня в мозгу последние слова Джорджа Талбота. Наконец мне стал ясен их скрытый смысл! От неожиданности я едва не прикусил язык.

— Неужели вы считаете, Ваше Высочество, что герцог Оттон не смог бы отличить живого человека от мертвого?

— Ну что вы, конечно, может! На совести этого негодяя добрая половина всех таинственных смертей Европы. Ему ли не знать, как выглядят мертвецы?! Но в том-то и вся прелесть. Давайте посмотрим: король Ричард не должен умереть от удара кинжалом, ибо подобное нарушает наше соглашение; он не может случайно упасть с коня и сломать себе шею, ибо свет еще не видел столь ловкого наездника. Что же остается?

— Яд? — заинтересовываясь все больше, спросил я.

— Вы абсолютно правы! Однако здесь появляется еще одно «но». При всей своей кровожадности Оттон Лейтонбургский терпеть не может, когда таинственная смерть врага может быть как-

то связана с его именем. Как вы понимаете, мне это тоже ни к чему. А значит, должен найтись третий, достаточно могущественный враг.

«И кто же этот счастливец? Или несчастный?» — промелькнуло у меня в голове.

— Ну, на эту завидную должность могло бы претендовать множество народу. У моего брата наблюдается редкостный талант портить отношения с людьми. Но я остановился на самой экзотической фигуре, — принц Джон сделал эффектную паузу. — Хасан, Старец Горы.

Надо сказать, желаемый эффект был достигнут. Я зафиксировал прямое попадание. Об этих ближневосточных ниндзя мне не доводилось слышать ни одного доброго слова. Действительно идеальная кандидатура для зверского убийства.

— И?...

— А далее мне оставалось только связаться с Саллах-ад-Дином и попросить его оказать мне маленькую любезность, придя на помощь его другу. Надо сказать, мой брат умеет находить себе друзей не менее успешно, чем наживать врагов. Оплот Ислама, наследник Магомета был столь любезен, что моему послу стоило больших трудов убедить его не посылать двадцать тысяч всадников на помощь своему августейшему другу, а взамен этого направить в наши края лишь одного человека — Иркена Аль-Хатина, искуснейшего медика, как никто сведущего в науке составления лекарств из всевозможных трав и минералов. Снадобье, изготовленное им, способно погрузить человека в глубочайший сон, неотличимый от смерти. Такой сон может длиться до тридцати суток. За это время мы бы спокойно переправили Ричарда в Англию, сведя на нет все попытки Лейтонбурга использовать моего брата как орудие для достижения своих замыслов. Согласитесь, план был хорош. И тут появились вы...

— Но к чему было затевать такие сложные игры? — горько усмехнулся я.

— К чему? — принц встал, подошел к массивному сундуку, стоявшему у стены, откинул крышку и щедро выгреб из него ворох разнокалиберных пергаментов. Ровным слоем распределив их по столу, он пустился в объяснения.

— Вот заемное письмо лондонским купцам, вот долговая расписка на сорок тысяч солидов, взятых у ломбардцев, вот счет от венецианских корабелов, а вот это, обратите внимание, мой друг, этот интереснейший документ недвусмысленно свидетельствует о том, что наш дражайший братец занял у еврейских ростовщиков сумму, которой с лихвой хватило бы на то, чтобы заново отстроить Сионский храм. Все это — счета, счета, счета... И, заметьте, то, что вы увидели, — лишь малая толика того, что покоится в сундуке.

Я посмотрел на этот сундук, служивший своеобразным мемориалом идее крестовых походов, и мне стало нехорошо. Он был велик, я бы даже сказал, очень велик.

Если бы все счета и расписки когда-либо были бы предъявлены к оплате, английским королям пришлось бы сменить порфиру на рубище и просидеть на паперти Кентерберийского аббатства скорбный остаток дней своих, передавая сие малопочетное ремесло потомкам вместо короны.

— Видите ли, мессир Вальдар, — прервал затянувшуюся паузу принц Джон, — последние полвека этому королевству чертовски не везло на правителей. Отец наш, урожденный граф Анжуйский, принял корону Англии в тягчайшие для страны дни. Междоусобицы и безвластие поставили ее на край гибели... И только железная воля и не менее железная рука способны были навести в ней порядок. Оба эти качества были присущи моему бедному отцу. Вскоре могучую его хватку почувствовали едва ли не все жители страны. Смута, казалось,

была прекращена навечно. Однако вышло по-иному...

Мне было трудно понять, чего же больше в словах принца Джона — восхищения волею отца или невысказанной боли. Он продолжал для меня исторический экскурс.

— Грубостью и жестокостью своей Генрих строил против себя многих вчерашних соратников. И хотя это нисколько не пугало его, но все же значительно ослабляло силу королевской власти. Тем не менее король Генрих продолжал неумные бесчинства, повергавшие в трепет всю страну. Никто и ничто не могло остановить его. По природе своей он был так же бесстрашен, как и мой брат Ричард. Ни башни неприступных замков, ни стены святых храмов не могли служить надежной защитой от безудержного гнева моего отца. Любой бы, кто выступил против него, расстался с головой прежде чем успел прочитать покаянную молитву. Томас Бекет, архиепископ Кентерберийский, был близким другом короля и считался одним из самых приближенных к нему людей до того самого дня, когда ему вздумалось сказать слово против его тирании — тогда его не спасли ни старая дружба, ни духовный сан. И так могло быть с любым. И так оно и было, покуда не вырос Ричард и покуда Его Величеству королю Генриху II не пришла в голову светлая мысль расстаться с нашей матушкой и жениться вновь... на невесте собственного сына. Что было дальше, вы, конечно, знаете?

Я утвердительно кивнул. Отец воевал с собственными сыновьями и женой два года и одно время даже немало в этом преуспел, изловив свою некогда пылкую возлюбленную и заточив ее в крепость. Видимо, именно за это военная фортуна, разгневанная недостойным отношением к даме, лишила его всех плодов победы, и он скончался от изнурительной горячки, разбитый и затравленный, покинутый всеми былыми сподвижниками и

окруженный на смертном своем одре лишь скопищем ликующих врагов.

«В какой-то из этих часов перебежал к молодому льву от старого лорд Томас Эйстон», — внезапно вспомнилось мне. Не знаю уж, почему в голове вдруг всплыл изможденный узник замка Ройхенбах, скончавшийся на наших руках, но в этот час чувство жалости ни на секунду не шевельнулось в моей душе.

— Помнится, Ваше Высочество, вы тоже принимали участие в заговоре?

— Вы напрасно иронизируете, мессир Вальдар. Я действительно принимал в нем участие. Мне тяжело сознавать, что человек, против которого мне пришлось бороться, был моим отцом, но голос моей матушки, взывавший из заточения о справедливом возмездии, требовал сделать свой выбор.

Но сейчас я говорю о другом. Война, прокатившаяся по всему королевству, вновь опустошила страну. Все, что удалось скопить за несколько лет мира, было начисто промотано в два года войны.

Быть может, вам известно, что лорд Томас Эйстон, бывший в те смутные дни помощником казначея короля Генриха, перешел на сторону моего брата и передал в его распоряжение немалую сумму денег. Однако мой брат умеет их тратить с поистине королевской щедростью. Какие празднества он устроил по поводу своей коронации! Лондонцы детям и внукам будут рассказывать об этих великолепных торжествах! А что в результате? Пустая казна! Новые налоги и займы!

А потом этот поход. Да простит меня Их Святейшество со всем своим синклитом, но меня более всего беспокоит судьба этого королевства, чуть менее — нашего домена во Франции и уж совсем никак не волнуют какие-то там обетованные земли за тремя морями!

— Но святыни веры?

— Бросьте, мессир Вальдар, не повторяйте этот

поповский вздор мне! Вы производите впечатление умного человека, а это, увы, большая редкость в наши дни. Не заставляйте же меня думать, что вы — зауряднейший безмозглый рубака, виртуозно владеющий мечом и хранимый судьбой для одной только ей известной цели.

Избыток горячей крови, жажда подвигов, желание поправить свои дела богатыми трофеями и захватами, быть может, даже просто желание повидать мир — это да. В это я верю. А какие-то там мощи и гробы?! Готов поклясться чем угодно, готов держать любое пари, что ни один гроб, будь он даже трижды Господний, не заставит английского барона вылезти из своей замшелой каменной берлоги и очертя голову тащиться бог весть куда, за тридевять земель к черту на кулички, жариться в тамошних песках, как карась на сковороде, если только этот гроб не заполнен золотом до самого края, а врожденное его рыцарское чванство не будет утешено десятком ран и иссеченным наметом¹.

Да что я вам рассказываю, — распаляясь все больше, продолжал принц Джон. — Вы же сами побывали в этом аду. Ну и как вам центр мироздания?

— Не богохульствуйте, принц, — попытался уйти от ответа я.

— Оставьте, ради Бога! В моих словах не больше богохульства, чем в Нагорной проповеди. Я говорю правду. Правду, как бы горька она ни была. Если это богохульство — то к чему такой Бог?

Скажите мне, мессир Вальдар, что лично вам до святынь, которые вы клялись освободить, но так и не освободили? Сарацины, конечно, гнусные язычники, однако до того, как первый крестonosец ступил на их землю, ни одна из них не знала

¹ На мет — небольшой плащик, надеваемый рыцарями в Святой Земле поверх шлема, чтобы избежать перегревания.

порушения и все святости были целехонькими. А что теперь? Ваши подвиги, как и подвиги моего брата, на все лады воспеваются менестрелями, и герольды ведут скрупулезный учет вашим победам, но зачем? Зачем и кому они нужны? Кому от них стало легче? — Его Высочество замолчал, переводя дух и пристально глядя на меня.

Мне нечего было ответить, он, безусловно, был прав. В той игре, которую вел младший Плантагенет, рыцарство со своей бессмысленной и неумной жадной подвигов было непростительной блажью, но именно эти правила толкали принца Джона к однозначному и неминуемому проигрышу. Ибо ничто не могло свести роль благородных рыцарей к роли тяжелой кавалерии, подвластной приказам единого командования, а следовательно, все попытки что-либо менять в стране неминуемо бы натыкались на глухое сопротивление номинально подвластного дворянства.

— Когда мой брат отправился сражаться в Святую Землю, — продолжил принц Джон, несколько успокаиваясь, — он вновь потряс Англию, словно кошелек в придорожном трактире. «Я бы продал Лондон, если бы нашел кому!» — это его слова. На наше счастье, покупателей не нашлось.

Вместе с королем в этот загробный поход отправился весь цвет нашего рыцарства, а вместе с ними — тысячи здоровых и крепких мужчин, способных держать в руках не только оружие. Что же осталось здесь? Нищая страна, со всех сторон окруженная врагами. Кого тут только не было: шотландцы, валийцы, ганзейцы, каталунские пираты! Все эти годы я только и делал, что старался залатать дыры, сделанные в нашем кармане за последние полвека, да отгонял врагов от границ Англии.

В довершение ко всему моего любезного братца угораздило попасться в плен. Вот уж этого от него я никак не мог ожидать! Вы знаете, какой

выкуп назначил император за голову своего вчерашнего союзника? Пусть будет проклят тот учитель арифметики, который рассказал ему, что в мире существуют такие числа! И что бы вы думали сотворила наша матушка, мир праху ее?

— Она начала собирать требуемый выкуп, — предположил я.

Принц Джон печально посмотрел на меня и отхлебнул из стоявшего перед ним кубка.

— Вы правы, мой друг, абсолютно правы. Во всех ее владениях, я думаю, не осталось ни одной мало-мальски ценной вещи. Как вы сами понимаете, выплата такого выкупа означала катастрофу для моей страны. Я не мог допустить этого, а потому пошел на риск, решив обвести вокруг пальца и императора, и его хитроумного дядюшку, а вместе с ними и весь голодный рой заимодавцев, ждавший только момента, чтобы вцепиться нам в горло.

Я преднамеренно распустил слух, что намереваюсь убить своего брата. Чернь не любит меня, ибо в ее глазах я значительно проигрываю Ричарду в осанке, храбрости и щедрости, а поскольку для блага страны я порою вынужден действовать жестоко и вероломно, то никто не удивился, узнав о моих замыслах.

Я невольно прикусил губу, вспоминая текст донесения, послужившего причиной нашего первого появления здесь.

— И что же?

— Чем больше ширился слух, тем дешевле становилось все это наследие. — Он указал рукой на свитки, содержащие в себе финансовую бомбу огромной разрушительной силы. — Под конец они продавались по цене пергамента. А что же касается дипломатической миссии Лоншана, на которой вы столь успешно поставили крест, то он имел право от моего имени давать любые обязательства и соглашаться на самые дикие условия. Естествен-

но, уступая после долгой борьбы. Это понятно. Ведь все они вступали в силу в случае смерти Ричарда. После возвращения его к жизни обо всех этих договорах можно было со спокойной совестью забыть.

Я невольно поймал себя на том, что испытываю чувство восхищения разыгранной комбинацией.

Раздался негромкий стук в дверь. Виденный уже мною дворецкий, кланяясь, подошел к принцу Джону и что-то прошептал ему на ухо. По мере нашептывания лицо Его Высочества принимало все более озабоченное выражение.

— Прошу простить меня, мессир Вальдар, — принц, извиняясь, развел руками, — государственные дела вынуждают прервать нашу беседу. Надеюсь, однако, что нам еще удастся поговорить на пиру.

Вернувшись в свои апартаменты, я застал там Виконта, колдующего над приемником. Шервудские лучники обалдело взирали на это чудо техники, пытаясь понять, что, собственно, происходит.

— Ну, что передает Би-би-си? — осведомился я. Судя по доносившимся звукам, «жучок», установленный мною под столом принца, работал великолепно.

— А вот послушай!.. — Крис протянул мне наушники.

Оттуда доносились немного приглушенные расстоянием голоса. Я нажал кнопку тонкой плавающей настройки.

— ...Откуда он здесь взялся?

— Не имею ни малейшего представления. Однако его появление здесь не предвещает ничего хорошего.

— Так убейте его, черт возьми.

— Убить? — Я узнал мягкий густой баритон принца Джона. — Что ж, неплохое предложение. Вот только ответьте мне, будьте любезны, на не-

сколько вопросов. Вопрос первый. Он отсутствовал более трех лет. С тех пор как мой брат вернул себе престол, этого славного рыцаря никто не видел. Обратите особое внимание — никто не видел. Ответьте мне — где он был все это время, откуда он здесь взялся и что ему нужно? Можете смело рассматривать эти три вопроса как один. Все равно, я полагаю у вас нет на него сколь-нибудь вразумительного ответа. И вопрос второй: что даст мне его смерть?

— Спокойствие.

— Даже так? Увы, у меня на этот счет есть большие сомнения, и пока они не рассеются, не думаю, чтобы смерть была хорошим решением данной проблемы.

— А когда они рассеются?

Да, один из голосов я узнал сразу и с легкостью. Всего несколько минут тому назад он убеждал меня в чистоте своих намерений. Второй мне тоже был смутно знаком, но я никак не мог вспомнить, где и при каких обстоятельствах мог встречать его обладателя.

— А что вообще известно об этом зеркале рыцарства? — принц Джон старательно уводил разговор в сторону от прямо поставленного вопроса.

— Родители его вам хорошо известны, нет смысла на них останавливаться. Участник крестового похода. Весьма искусный и опытный боец. Отважен до дерзости и в то же время осторожен.

— Разве такое может быть?

— Как видим, может. Вообще очень экстравагантный характер. Ему бы родиться не в наш просвещенный двенадцатый век, а в темные времена короля Артура. После возвращения из Святой Земли носится взад-вперед по Европе, совершая ряд «чудаществ», одно из которых вам хорошо известно.

— Воистину.

— Что еще? Имеет двух братьев и сестру. Сред-

ний его брат известен как умелый правитель и полководец, весьма, правда, равнодушный к золоту, в особенности чужому. Бывает горяч и жесток, особенно, когда пьян.

— И как часто это бывает?

— Всегда.

— Хорошо. А младший?

— Младший в юные годы тоже слыл неплохим воином, однако внезапно стал набожен и, того и гляди, примет сан.

— Конечно, не обошлось без чьих-то прекрасных глаз? Не может же, право слово, вестфольдинг в здравом уме мечтать о посте и молитве?

— Сие никому неведомо. Сестру же его вы вполне можете знать лично, Ваше Высочество.

— Даже так?

— Надо сказать, девица под стать своему братцу. Сейчас она проживает в замке Шангайл на границе с Шотландией.

— Да, припоминаю, Шангайл — такая полуразвалившаяся башня на спорных территориях.

— Ну башня, положим, уже вполне целая, а на землю вокруг нее, во всяком случае, Шотландия больше не претендует. Но речь сейчас не об этом.

Пятнадцати лет от роду сия красавица, переодевшись, как водится, пажом, сбежала в Святую Землю совершать подвиги, что, надо отметить, ей блестяще удалось. Несмотря на свой юный возраст, она была удостоена чести получить рыцарское звание за подвиги на поле боя и вот, когда на ногах у нее уже позвякивали золотые шпоры, она нежданно была изловлена своим старшим братом и со скандалом отправлена домой, к родительскому очагу. Однако там она долго не задержалась. Рассорившись со всеми родственниками, она удалилась в Шангайл, принадлежащий ей через родство с Невиллами, и теперь обретается в этом разбойничьем гнезде, наводя ужас на округу по обе стороны границы.

— М-да, веселая семейка.

— Что вы хотите, принц? В их жилах смешалась кровь вестфольдингов и гасконцев. Однако вернемся к делу. Мой господин настаивает на том, что король Ричард не должен умереть ранее того, как будет подписана капитуляция Франции. Поэтому ваше выступление должно быть отложено минимум на полгода.

— Вряд ли это возможно. К тому же появление Камдила здесь и сейчас — очень опасный признак. Мы должны спешить, если не желаем опоздать навсегда.

— Ни о какой спешке речи быть не может. Вы ведь не хотите, чтобы известное вам послание, где вы предлагаете пятьдесят тысяч солидов за голову своего брата, стало известно во всех городах и замках ваших владений? Что же касается Вальдара Камдила, думаю, что мой господин будет крайне удивлен, узнав, что этот авантюрист помешал осуществлению ваших планов, тем более что сейчас вы держите его в руках.

— наших планов, — спокойно поправил принц Джон, — наших планов. К тому же, помнится, подобная неприятность уже произошла однажды с вашим господином, причем в удивительно схожей ситуации.

— Тем более.

И тут я наконец понял, кто был собеседником принца Джона.

— Лис, ты знаешь, кто в гостях в этом замке?

— Мы!

— Правильно. А еще здесь имеет честь обраться герольд Лейтонбург.

— А вот тут ты не совсем прав, Капитан. Здесь имеет честь обраться, как ты выражаешься, герольд Императора Священной Римской империи Оттона II.

— Ну да, конечно, что, в общем-то, ситуации не меняет. А она такова: сказать, что пахнет паленым,

значит всенародно признать, что у нас плохо с обонянием. Мы пылаем, как олимпийский факел.

— Ша, кабан, не кипешуй. Сейчас ты пойдешь к Джону, напоешь ему военных песен за любовь, а я пока Виконта энд компани, как говорят у вас на диком Западе, выведу из Ноттингема. А потом мы сами тихо-тихо сделаем отсюда ноги — в общем, как обычно: волка ноги кормят — солдата они спасают.

— Ладно. Убедил, черт языкатый. Пойду выпью-закушу.

— Все б так убеждались. Давно бы на «лин-кольне» за картошкой ездили.

— А мне с тобой можно? — жалобно посмотрел на меня Крис, отчаянно сознавая, какое пиршество от него ускользает.

— На твой век, боец, сухпая хватит, — оборвал последние надежды стажера мой доблестный напарник. — В бой идут одни старики!

— Вот так мы и живем, — обреченно вздохнул де Монгийе и стал укладывать приемник.

Глава седьмая

Бег не только физически укрепляет вас, но и благотворно влияет на сердечно-сосудистую и нервную систему.

*Афинский гонец после битвы
при Марафоне*

Я исполнил обещание, данное Лису: изрядно выпил и закусил. Единственное, что меня несколько смущало, это жареный лебедь с вызолоченным клювом, установленный, как на грех, прямо передо мной и целый вечер назойливо предлагаемый мне расторопным слугой. Со школьной скамьи я твердо помнил, что лебяжье мясо малосъедобно и, поскольку уклониться от угощения было практически невозможно, теперь я ожидал больших неприятностей.

Надеяться оставалось только на опыт Лиса, утверждавшего, что хорошо проспиртованный желудок никакая зараза не берет. Сидевший подле меня принц Джон, в течение всего пира бдительно следивший, чтоб я, не дай Бог, не остался голодным, в очередной раз сделал знак слуге подложить мне вторую лебяжью ножку и, подняв кубок, с приветственной речью обратился к собравшимся.

— Милорды! Я поднимаю этот кубок за то, что собрало нас под этими сводами. За то, чему посвящены наши жизни и мечи, — за благо Англии!

Конец фразы утонул в приветственных криках и звоне кубков.

Проявление патриотических чувств было столь бурным, что появившемуся в дверях мажордому дважды пришлось стукнуть своим жезлом об пол, добиваясь некоего подобия внимания пирующих. Его Высочество поднял руку, призывая своих соратников к молчанию. В установившейся тишине старый слуга произнес хорошо поставленным голосом:

— Ее Высочество Лаура-Катарина, принцесса Каталунская!

Недоумение на лице младшего Плантагенета моментально сменилось радушной улыбкой. Та, имя которой было Лаура-Катарина, стремительно прошествовала в пиршественную залу, обгоняя слова мажордома. Все встали. Одновременно и не сговариваясь, и я — в числе первых.

Улыбка, которой принцесса одарила присутствующих, моментально заслонила мечи, кубки и благо Англии.

— Я приветствую вас, господа! — произнесла, а точнее, пропела она.

Да, это была воплощенная дочь юга! Глаза ее были черны, как ночи Барселоны, кожа нежна и напоена лучами весеннего солнца, как утро ее родины, и вся она светилась, озаряя собой промозглый сумрак Ноттингемской цитадели. Не знаю, о

чем еще собирался разговаривать со мной принц Джон, но, видимо, нашу беседу Его Высочество решил отложить до лучших времен. Ибо внимание его безраздельно принадлежало внезапно появившейся принцессе.

«Мне кажется, противник нам с кем-то изменяет», — процитировал я Короля-Солнце и с горя вызвал Виконта.

— ...В общем, Крис, запоминай. Ты выпиваешь один кубок, падаешь за ложе, лежишь там тихо, что бы ни случилось.

— А почему, собственно, только один кубок? — возмутился Вик. — Я и больше могу.

— Я очень рад за тебя, но ты уж, будь добр, считай, что у тебя сегодня малоалкогольная диета...

— А, это ты, Капитан! — услышал меня Лис. — Не мешай, сейчас здесь будет происходить действо. Так, ребята! Ваша роль крайне ответственная — вы будете дураками на подхвате, — обратился Лис к Вилли Статли и второму робиновскому стрелку.

— Вон, видите, те два бурдюка? Сейчас тут соберется здешняя стража с целью небольшого мальчишника.

На лицах обоих «вольных стрелков» выразилось легкое недоумение, переходящее в тяжелый мозговой ступор.

— Я буду толкать речи. Вы наливаете содержимое этих емкостей в кубки. Не спутайте мой с другими: мне — половину, остальным — полные, — раздавал указания Лис.

— Разумная предосторожность, — усмехнулся я.

На протяжении последующего часа я развлекался тем, что выслушивал тосты, произносимые принцем Джоном, становившиеся все красочнее и витиеватее; и наблюдал сцену попойки в моих покоях, становившуюся все гнуснее и гнуснее.

— ...Так выпьем же, господа!..
— ...Ша, братан! Не гони беса...
— ...Сударыня, вы — благоуханный цветок южных земель!..

— ...Чистейший натурпродукт, настоянный на мандариновых корочках. С перцем, — подумав, добавил Лис.

Наконец-то наступил долгожданный момент. Последний стражник тихо сполз на пол, трогательно уткнувшись носом в вышитую восточную подушечку.

— Салабоны они со своим элем! — прокомментировал увиденное мною Лис. — Всего-то два бурдюка «Лисового напию».

Зная тактико-технические характеристики этого гнусного пойла, я подивился могучим организмам стражников.

— Виконт, мальчик мой, вставай, нас ждут из подземелья! Мальчики, подберите себе шмотки по размеру, — указывая на отдыхавших на полу стражников, распоряжался Лис.

Недоумевающие лесные братья быстро и четко потрошили беспробудное воинство.

— В кордегардию их, что ли, перенести? А то кэп придет, ругаться будет, что мы тут намусорили. А, ладно! Потом сам уберу. Эй, приятель, чего разлежся, работать надо! — хорошенько потряс Рейнар ближайшего стража. — Иди, дверь за нами закроешь.

Жертва алкогольной зависимости, не открывая глаз, подняла голову.

— Да пошли же, тебе говорят! — Лис рывком поднял его на ноги и поволок за собой.

Почувствовав в руках знакомый штурвал, стражник сомнамбулическим движением повернул его, и плита, загораживающая выход, поползла в сторону.

— Что дальше делать, знаешь? — спросил свое-

го привратника Сережа. Тот согласно кивнул головой.

— Молодец! Тогда тут и стой. Я скоро вернусь. Так, Капитан, — обратился он ко мне. — Шас мы идем к нижним воротам; если я буду переться откровенно в стену, ты меня предупреди.

Ха! Он думал, что я могу ему чем-то помочь! Конечно, вино, подаваемое за столом принца Джона, не обладало той разрушительной мощью, что лисовский самогон, но все-таки начал я значительно раньше. По дороге к воротам Рейнара с товарищами окликнули: «Стой, кто идет?»

— Ричард Никсон! — подумав секунду, гордо отозвался мой напарник.

Я похолодел, дивясь наглости своего друга.

— А, это ты, Дик? Ну ты и нажрался! Старайся держаться в тени! Рыжий Бен еще не улегся спать, — донесся тот же голос, но уже лишенный суровости.

Не знаю, кто был этот Рыжий Бен, но дважды упрашивать Лиса держаться в тени, пожалуй, не стоило. Оставшийся путь до ворот Лис и его спутники проделали без особых приключений.

Сонный стражник возле них, уткнувшись в древко копья, клевал носом.

— Где командир? — стараясь говорить как можно более четко, выдавил из себя лжепрезидент Соединенных Штатов.

— А, это вы? — внезапно услышал он у себя за спиной.

— Это? Мы, — качаясь, недоуменно подтвердил Лис.

— Скорее берите коней на конюшне. Томас, открой ворота!

Пока Виконт и робиновские стрелки отвязывали коней, Лис сделал попытку рассмотреть своего неизвестного доброжелателя, но тщетно. Среднего роста человек, закутанный в плащ, стоял так, что свет, даваемый факелом, не достигал его лица.

— Не задерживайтесь в пути! — напутствовал он троичу, выезжавшую за ворота. — В Лондоне ждут ваших известий! Пароль на выезде из Ноттингема — «Эскалибур».

...В свои апартаменты я возвращался на ощупь. В коридорах замка изрядно штормило.

— Лис, ты там как? — возобновил я связь. Двойное изображение в моих глазах сменилось тройным. «Неужели связь выбило? Этого только не хватало!»

— Ща, Капитан. Все путем... Как, по-твоему, гобелены моргают? — Вернувшийся незадолго до меня Рейнар в глубокой задумчивости стоял посреди комнаты и тупо пялился на стену.

— Лис, ты бахнул! Наведи резкость.

— Нет, ты мне точно скажи, моргают или нет? Ответ боевому товарищу. Я в сомнении.

— Это что тебе — Вашингтон на стодолларовой купюре?

— Значит, не моргают. А ну не моргай! — слышался душераздирающий вопль и треск разрываемой ткани.

«Сам разберется», — решил я, отключая связь. К моему удивлению, решетка перед кордегардией была полуопущена. Я с радостью нащупал шнурок звонка и облегченно повис на нем.

— Ну нормально! Чего бы я тут так трезвонил? — слышался на лестнице голос Лиса.

— Лис, осторожно, двери!

— Да что там те двери! Этот пьяный придурок здесь что-то так напорточил, что теперь вообще ничего не закрывается. Вот и доверяй всяким забулдыгам дорогостоящую технику! — запинаясь на каждом слове, произнес мой напарник.

Наконец с третьей попытки, выбрав из пяти предоставлявшихся нашему взору дверей нужную, мы прошли в караульное помещение. Теперь оно напоминало хирургический кабинет: все в нем было тихо и проспиртовано.

— Что там у тебя за дела с гобеленом? — поинтересовался я у своего друга.

— Ша, Капитан, увидишь.

Посреди нашей комнаты валялось некое туловище, припорошенное обрывками гобелена.

— Кто такой?

— А бес его знает!

— Чего хотел?

Лис неопределенно пожал плечами:

— Не знаю. Я его, похоже, слегка пришиб.

— Ну, Лис, это ты зря.

— А не фига было моргать на посту! Зато посмотри, что я нашел! — Он ткнул пальцем в стену, еще недавно украшенную гобеленом. — Лестница. Самая что ни на есть. Предлагаю сыграть в Буратино.

Выдернув из держакон пару горящих факелов и захватив свое оружие, мы начали спускаться вниз. Пройдя десятка два ступеней, мы уперлись в дверь.

— Заперто, — констатировал мой верный соратник.

— Ну так постучи! Ибо сказано: стучащему да отворяется.

Недолго думая, Рейнар забарабанил кулаками в филенку. Послышался звук отодвигаемого засова, дверь резко распахнулась.

— И ты не моргай! — Следующий удар пришелся по челюсти возникшего на пороге стражника. — Ты, собственно говоря, кто такой? — запоздало вспомнил мои наставления д'Орбиньяк.

Нокаутированный солдат оставил этот вопрос без ответа. Аккуратно переступив через жертву лисовского произвола, мы проникли в небольшую круглую комнату, количество бойниц в стенах которой не оставляло сомнений в ее предназначении.

— Лис, как врач-травмапевт врачу-травмапевту признайся: ты тренировки по скалолазанию давно посещал?

— Да уж не вчера.

— Вот и я не вчера... Но сейчас, однако, придется отрабатывать тему «спуск дюльфером». При чем если нам ее не зачтут, то пересдача будет происходить в подземелье Ноттингема. Итак: точка А — на этой галерее, точка В — во-о-он там, внизу.

Лис вышел на галерею и с сомнением посмотрел вниз.

— А других домашних заготовок у тебя нет?

— Нет. А ты вниз не смотри. Я помню, мне инструктор говорил, что вниз смотреть нельзя.

Лис вздохнул и принялся деловито вытаскивать из пояса тонкий прочный шнур со множеством узлов.

— Ума не приложу, Капитан, почему ты никогда не предусматриваешь каких-нибудь человеческих способов ухода, например, с помощью ступеней?

— Это что, память о неудавшихся спусках? — игнорируя его вопрос, спросил я, указывая на веревку.

— Да, и сегодня будет повод завязать еще один, — недобро глядя на меня, хмыкнул Лис. — Насчет дюльфера я сильно сомневаюсь; если, конечно, у тебя не зарезервировано место в папской капелле, — с нескрываемым ехидством добавил он. — Хотя это, в общем, не важно. Здесь всего десять метров троса.

— Ну что ж, это примерно две трети предстоящего полета, — ободрил я своего напарника.

— А оставшуюся треть?

— И-к! Пешком...

Неся чувствительные потери в самоуважении, мы начали свой героический спуск.

— Почему люди не летают, как птицы? — торжественно, с болью в голосе процитировал Лис слова какого-то очередного русского классика, шлепаясь рядом со мной на немилосердную твердь двора.

На галерее, с которой мы только что так удачно спустились, замелькало пламя факелов, слышались какие-то крики и лязг оружия.

— Сдается мне, Капитан, у нас скоро будут последователи, — неожиданно трезвея, видимо, от падения, заметил Рейнар. — Так... Куда дальше?

Я огляделся по сторонам:

— Туда!

Ближайшим от нас зданием была часовня.

— Это правильно, командир. Самое время о душе подумать.

Часовня представляла из себя очень странное сооружение: кряжистые романские стены и венчавшая их утонченная готическая крыша.

«Надеюсь, на праве укрытия этот мезальянс никак не сказывается», — подумал я.

— Ну что ж, отпустим друг другу грехи! — съерничал Лис, когда мы с ним укрылись в исповедальне.

Помещение церквушки стало наполняться стражей.

— Остается надеяться, что природная испорченность этих джентльменов помешает им прийти к мысли исповедаться в столь поздний час, — прошептал я Лису, вжимаясь в стену. Вдруг под нашими ногами раздался странный шорох. Мы изумленно воззрились на плиту, которая начала медленно отодвигаться в сторону.

— Это не крыса... — шепотом подытожил я наши наблюдения.

В образовавшемся отверстии блеснула отполированная временем тонзура.

— Спокойно, святой отец, — угрожающе прошипел Лис, зажимая ладонью рот изумленного служителя культа. — Не дергайтесь. *Mea culpa*!¹

Судя по испуганному выражению глаз монаха,

¹ *Mea culpa* — «моя вина» — установленная формула католической исповеди.

эта новость его нисколько не обрадовала. Две объемистые фляги, нежно прижимаемые к чреву, ясно указывали на цель его паломничества. Он попытался что-то промолвить.

— Тише, отец мой. Тут слишкомлюдно и не место для откровений, — Лис пинком втолкнул монаха обратно в лаз, и мы оба последовали вслед за ним. Нора, в которой нам довелось очутиться, была явным творением рук благочестивых отцов, нашедших кратчайший путь к источнику aqua vita¹.

Вскоре мы очутились в обширном подвале, сплошь заставленном бочками, бочонками, бутылками, флягами и прочей винно-водочной тарой.

— Побудьте с нами, ваше преподобие, здесь никто не отвлечет нас от возвышенных молитв и мыслей о тщете всего сущего, — произнес я, зябко поеживаясь.

В отличие от вина я чувствовал себя здесь крайне неуютно. Похоже, мои спутники ощущали себя не лучше. Лис, осознав себя отвратительно трезвым, начал лупить какой-то бурдюк, дико вращая глазами и выкрикивая невнятные угрозы принцу Джону, здешнему промозглому климату и всему феодальному строю в целом. У монаха, по видимому, начали зарождаться какие-то смутные подозрения.

— Пощадите, не убивайте меня! Я помогу вам выбраться отсюда. Я никому не скажу, что видел вас. Не убивайте! Я знаю, где здесь находится потайной ход.

— Вот уж не было печали — убивать священника. Всего лишь небольшая теософская беседа на тему девяностого псалма: «Ибо ангелам своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих»... Постой-постой, что ты там говорил о потайном ходе?

¹ Aqua vita — буквально — «вода жизни».

— Клянусь святым причастием, здесь есть... Мы нашли!.. — сбивчиво и радостно затараторил монах. — Да-да, мы нашли его с братом Ансельмом в пустой бочке. Я покажу, сейчас же покажу, только не убивайте!

— Да Бог с вами, отче! О горнем помышляйте, а не о земном. Где там ваш выход?

Лис с нескрываемым сожалением посмотрел на окружавшие его богатства:

— А может, все же повременим с побегом?

— Лучше запомни дорогу, заглянем сюда после победы. На тебя, отче, уповаю! — напутственно шлепнул я по пухлой спине святого отца. — Шевелите ногами.

Уверенно минувя рифы мозельского и токайского, монах резвым аллюром затрусил к пирамиде амонтильядо.

— Здесь, здесь! — он радостно потянул на себя одну из крышек, и перед нами разверзлась воистину бездонная бочка.

— Прямо «Три толстяка», — хмыкнул за моей спиной Лис. — Падре, на какую капустную грядку мы попадем?

— Не знаю, — пожал плечами падре. — Отпустили бы вы меня, дети мои?..

— Э-э, нет. А как же наш теологический диспут? Ступайте вперед и помните о всеблагости Господней.

Монах вздохнул и, обреченно пыхтя, полез в дыру.

— Бодрее, отец мой! Не задерживайте движение! — непочтительно напутствовал первопроходца Лис, сопровождая свои слова увесистым пинком по филейным частям монаха. На наше счастье, ход был значительно шире бочонка, и мы могли двигаться в нем без труда. Идти пришлось долго. К моему удивлению, тоннель был прямой, как стрела, и не имел ни поворотов, ни ответвле-

ний. Наконец, прошагав где-то минут двадцать, мы уперлись в глухую стену.

— Неожиданный финал для столь удачно начавшегося путешествия. Ты не находишь, Лис? Ну и куда дальше, святой отче?

— Не знаю, сын мой, — священник сконфуженно пожал плечами. — Я здесь никогда не бывал.

— Может быть, здесь просто что-нибудь недостроили? — выдвинул версию Лис.

— Угу. Например, выход. Маловероятно, — произнес я, ощупывая стену. Внезапно мою руку повело сильно вправо, и пальцы сами собой обнаружили небольшое углубление в каменном своде.

— Ну-ка, ну-ка, это уже интересно. — Я провел рукой выше и нащупал точно такое же. — Это несколько проясняет дело, — пробормотал я, пытаюсь прийти в себя от удивления и включая связь.

— Лис, похоже, здесь лестница.

— Падре, когда в последний раз вам доводилось наблюдать чудеса? Смотрите внимательно! Рейнар, давай посох.

Я ткнул палкой гранитный потолок, и она наполовину вошла в каменную толщу.

«Крашенная материя!» — услышал я в голове восхищенный голос моего догадливого напарника. В углу тихо и быстро крестился монах.

— Да вы не бойтесь, — успокаивал его Лис. — Для моего друга такие чудеса — раз плюнуть, обычное дело.

Воспользовавшись обнаруженной лестницей, я начал подниматься вверх. Помещение, в котором я оказался, было узкой нишей, в которую едва мог втиснуться один человек. Два тонких лучика зыбкого света, пробивавшихся сквозь отверстие в камне, были единственной отрадой этого каменного мешка. Я прильнул к ним, пытаюсь определить наше местонахождение.

— Лис, это не выход. Это наблюдательный

пункт. Ищи там, внизу. Обрадовать могу только одним: если тут мы и ляжем, наши тела будут покоиться в освященной земле. Мы на кладбище.

Глава восьмая

Она так прекрасна, что просто грех не убить кого-нибудь в ее честь!

Приписывается Ланселоту Озерному

Перед моими глазами открывался веселенький пейзаж. Всюду, куда ни достигал мой взор, — а достигал он сравнительно недалеко, — в живописном беспорядке высились надгробия.

И вдруг у одного из памятников я заметил две фигуры. «Поздновато для посетителей», — удивился я.

Снизу слышались возня и сдавленная ругань Лиса.

— Тише, Рейнар!

— Да ни черта нас отсюда не услышат.

— Мне тоже ничего не слышно!

Лис приумолк, и я явственно различил хруст щебня под ногами пришельцев. Было так тихо, как бывает на кладбище ночью. Где-то ухала сова, ввергая в суеверный трепет души честных христиан. Вдалеке выла собака, созерцая на небе огрызок луны. В общем, самое время заняться приведением в порядок разрозненных впечатлений сегодняшнего, а точнее, уже вчерашнего дня.

А задуматься было над чем. Я не в первый раз бывал в подобного рода переделках, а потому отлично знал, насколько ничтожен шанс вмешательства его величества случая в таких ситуациях. Конечно, однозначно сбрасывать этот фактор было никак нельзя, но и надеяться на него — это все равно что ожидать солнечного затмения безлунной ночью.

И все-таки сегодня мне везло. Определенно

везло. Ничего сверхъестественного, безусловно, не происходило. Бушующее море не расступалось перед беглецами, чтобы через мгновение снова сомкнуться, поглощая в своей пучине фараоновы колесницы. Но все же, даже если отбросить случайности «рукотворные», вроде тайного агента неизвестно чьей разведки, выпустившего Виконта, или этих чертовых электронных игрушек, прихваченных с собой бестолковым стажером, список нерукотворных совпадений был неестественно велик.

Сюда можно было смело занести и Дика Никсона в охране цитадели, и поломку механизма запираания решетки, и моргающий гобелен, и лейтентбургского герольда, и путешествующую красотку, начисто отбившую у принца Джона интерес к моей скромной персоне, и забулдыгу монаха, и ход в исповедальне, и этот странный наблюдательный пункт, в котором я сейчас обретался.

Безусловно, количество спирта в моей крови никак не оставило бы равнодушным любого взятого на выбор сотрудника дорожной полиции, но я был не настолько пьян, чтобы хоть на минуту причислять все эти странные совпадения к разряду случайностей.

И, что самое забавное, памятуя о своей руке, самопроизвольно на шаривавшей ступени на стене подземного хода, мне почему-то казалось, что список «случайностей» на сегодняшний день еще далеко не завершен.

Между тем поздние посетители некрополя приближались, о чем-то оживленно беседуя между собой. Казалось, ни судьбы покоящихся в этой земле, ни то, как проходит слава земная, ни в малейшей степени не волновало странных экскурсантов.

Один из них, несмотря на свой возраст — явно старик! — и изрядную худобу, производил впечатление человека физически крепкого и закаленного

превратностями судьбы. Он безуспешно пытался умерить шаг, подстраиваясь под движение своего спутника, но по всему было видно, что ходить медленно он не приучен.

Собеседник этого стремительного старца немного превосходил его ростом и был весьма широк в плечах. Во всей его стройной, но в то же время крупной фигуре чувствовались недюжинная сила и повадка ловкого бойца. Однако движения его были по-кошачьи мягки, и он с явной неохотой спешил за своим престарелым поводырем, вещавшим что-то с видом человека, привыкшего к безоговорочному повиновению.

— Я совершил дальний путь, чтобы сообщить вам это, — произнес старец тем тоном, которым прославленные полководцы сообщают своим недалеким монархам о взятии «на копье»¹ неприступной крепости противника.

Парочка, прогуливавшаяся по этой обители вечности в столь неурочное время, наконец приблизилась к моему наблюдательному пункту настолько, что я мог, напрягая слух, слышать их разговор.

— Я очень ценю вашу доброту, мессир, — отвечал его спутник.

— Речь сейчас не идет о доброте. И уж не о моей доброте, во всяком случае. Так постановили приоры пятнадцати башен из шестнадцати, и триумфират великих иерархов счел возможным предпочесть вас вашему брату.

— Но мой брат...

Старик отрицательно покачал головой.

— Он не имеет ключа и, соответственно, не может быть адептом — хранителем божественной крови. Следовательно, ваш брат должен умереть! — завершил он тоном, не допускающим и саму возможность возражения.

¹ На копье — то есть с ходу, штурмом.

— Да, но мы оба — ростки этого дерева. Пылкие ростки.

— Я не хуже вас осведомлен об этом, и, поверьте, я очень сожалею о том, что должно произойти. Но иного выхода нет. Так хороший садовник обрезают гниющую ветвь, чтобы сохранить остальные.

— Но кто может судить о том, какая ветвь гнилая, а какая — нет?

— Мы. И вы прекрасно знаете об этом.

Могучий собеседник железного старца немного помолчал, очевидно, обдумывая услышанное.

— Вы предлагаете мне неслыханную, более того, небывалую власть. И что вы просите взамен? Ничего? Я не верю в это. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

— Я передаю в ваши руки то, что издавна и по праву принадлежит вашему роду. Взамен же мы требуем лишь одного: точного соблюдения предначертанного. И помните — хрустальная клепсидра¹ в круглой зале замка свидетельствует о приближении заветного часа.

— А, черт! — слышался внизу отчетливый возглас Лиса. — А ну-ка, ну-ка! Что это у нас тут такое?

Насколько я понимал, случайности продолжали неумолимо случаться.

— Клянусь брюхом Господним, это воск, — продолжал мой друг. — А это что у нас за цепь?

То, что произошло дальше, ввергло в шоковое состояние всех невольных свидетелей случившегося и меня в первую очередь.

Сквозь каменные глазницы я с ужасом увидел, как поднялась и с грохотом упала в сторону мраморная крышка надгробия, с которым как раз поравнялись мои собеседники. Но это были только цветочки. Полуистлевший гроб, явив себя взору восхищенной публики, вдруг, как по мановению

¹ Клепсидра — водяные часы.

волшебной палочки, стал подниматься и, поднявшись, торжественно распался на части. Перед оторопевшими зрителями предстал человеческий остов в ошметках того, что некогда составляло его последний наряд. Пальцы скелета сжимали ржавый меч.

— На тебя, Господи, уповаю, да не посрамлюсь вовек! — услышал я голос старца, мгновенно пришедшего в себя и обнажившего свой клинок.

Я не успел уловить момент, когда ретировался его спутник, но видно было, что и старый рыцарь не горит особым желанием вступать в бой с выходцем из преисподней. Когда же из могильной ямы начал вылезать некий демон, рука моя невольно поднялась, дабы свершить крестное знамение. И только лунный луч, блеснувший на тонзуре поднимавшегося вслед за ним монаха, вернул меня к действительности.

— Нормально, Капитан! Они таки достроили этот тоннель! Конечная станция, джентльмены, просьба освободить вагоны.

Я с радостью последовал совету моего друга. Честно говоря, я давно уже так не радовался вечерней прохладе.

Внезапно святой отец, дотоле дико озиравшийся по сторонам, с резвостью, не угадывавшейся первоначально в его дородной фигуре, метнулся в сторону, оглашая кладбищенский воздух истошными воплями:

— Демоны! Держи вора! Пожар! Помогите! С нами крестная сила!

— Волка ноги кормят... — произнес Рейнар. — Капитан, делаем ноги! И побыстрее.

Кладбище явно оживало... Невдалеке уже слышались бряцание оружия и топот ног. Наша экскурсия по кладбищу не заняла много времени. Жилища мертвых быстро сменились пристанищами живых, но вторые были закрыты так же, как и первые.

— Капитан, здесь явно ждут гостей! — Лис указывал на полуоткрытую дверь в одном из ближайших строений.

— Что ж, зайдем на огонек.

Мы решили не заставлять ждать гостеприимных хозяев и стремительно вознеслись вверх по лестнице. Очутившись на площадке перед дверью в жилые покои, я, к ужасу своему, различил стражника, стоящего, облокотясь на копьё. Бегущий вслед за мною Лис среагировал на секунду быстрее: он резко выбросил руку вперед и, ухватившись за древко копьё, на которое опирался стражник, пнул его ногой в живот. Несчастный отлетел в сторону и безжизненным мешком рухнул на пол, демонстрируя нам окровавленную рану в районе затылка.

— Черт побери! Да он мертв, — констатировал я. — Интересные дела тут творятся.

Оставив бедолагу, которому наша помощь была уже бесполезна, мы распахнули дверь и тут же наткнулись еще на два трупа, лежащих на полу.

— Похоже, здесь тоже не сучали.

Внезапно откуда-то из конца коридора, в котором мы находились, послышался возмущенный женский крик. Лис вопросительно посмотрел на меня. Я пожал плечами:

— Что делать? Пошли...

Ударом ноги распахнув дверь, мы ворвались в комнату.

— Всем на пол, падлы! Уголовный розыск! Руки за голову! Фанеру к осмотру! — завопил Лис.

Не знаю, какое впечатление произвел этот страстный монолог Сережи на его потенциальных клиентов, но действие, происходившее в комнате, на миг остановилось. «А у принца Джона губа не дура», — подумал я, увидев перед собой давешнюю красотку. Прямо скажем, она была не совсем одета.

Из верхней одежды на ней были лишь натель-

ный крестик и веревка, которой ее пытались связать явно неизвестные Ее Высочеству личности. Клянусь причастием, у нее была самая прекрасная грудь из виденных мной за последние несколько лет. Я был настолько поглощен созерцанием роскошных форм недовязанной жертвы, что в чувство меня привел лишь сильный удар кинжалом в область желудка. Нижняя рубашка из лучшего лионского кевлара¹ спасла мое пищеварение от столь грубого вторжения. Однако удар был весьма чувствителен.

— Сударыня! — наконец возмутился я. — Прикройтесь, вы мешаете работать!

Обескураженный неудачей негодяй хамским образом попытался повторить свой маневр. Это уже было слишком. Перехватив запястье нападавшего, я другой рукой зафиксировал его локоть и, поворачиваясь, направил разбойника головой в стену. Удар был силен, но проломить каменную толщу с первого раза ему не удалось. Похититель так и остался лежать, обдумывая этот печальный факт.

Схватка со следующим противником заняла немногим больше времени. Его стремительная атака завершилась тем, что, наткнувшись на собственный кинжал, он рухнул на пол, вспоминая перед смертью древнее выражение на тему того, от чего погибает поднявший меч... Оставшиеся два бандита, имевшие несчастье атаковать Лису, тоже не заставили себя долго упрашивать. Несомненно, мой напарник был лучшим боксером этого графства.

— Кто позволил вам врывать в мои покои без стука? — донесся из-за занавесей мелодичный голос спасенной нами дамы.

¹ Кевлар — синтетическая ткань для производства бронежилетов.

— Я стучал... — глядя на сорванную с петель дверь, начал оправдываться Лис.

— Прошу извинить нас, сударыня, если мы вам помешали, — я на секунду умолк, подыскивая подходящую случаю куртуазную фигуру речи.

— С кем имею честь разговаривать? — капризно осведомилась гостеприимная хозяйка.

— Рейнар Серж Л'Арсо д'Орбиньяк! — резво отрапортовался мой напарник.

«Эк его проняло!» — подумал я.

— Вальдар Камдил, — честно признался я, — сьер де Камварон.

В коридоре послышался грохот множества шагов.

— А это еще кто? — недовольно спросила Лаура, шебурша за занавесью.

— А-а, это за нами! — беззаботно откликнулся Серж Рейнар де Л'Арсо д'Орбиньяк, попутно оглядывая комнату в поисках укрытия. — Сейчас нас будут вязать.

В дверном проеме показалась фигура принца Джона в сопровождении изрядного количества стражи.

— Вы, мессир Вальдар?! — оторопело воскликнул молодой Плантагенет, созерцая живописный беспорядок в покоях принцессы. — В нарушение всех законов рыцарства и гостеприимства вы врываетесь в покои благородной дамы?!

— Не ругайте их, мой принц, это мои телохранители, — мило прошептала выпорхнувшая из своего укрытия прелестница.

Я еще раз вспомнил ее прекрасное тело и, польщенный доверием, гордо расправил плечи. Далеко не всякому доводилось охранять столь ценный предмет. За время пребывания по ту сторону шелковой занавески она успела соорудить себе некое подобие греческого хитона и смотрелась в нем просто потрясающе.

— И давно? — осведомился у пленительной

нимфы еще не пришедший в себя от неожиданного известия принц Джон.

— Не очень. С этой минуты, — Лаура-Катарина одарила всех лучезарной улыбкой.

Принц перевел на меня недоумевающий взгляд.

— Вы же знаете, — развел руками я, в очередной раз вспоминая о «случайностях», преследующих нас с момента нашего появления здесь. — Я люблю неожиданные приключения.

Его Высочество метнул на меня взгляд, полный бессильной ярости. Видимо, выбор прекрасной дамы его отнюдь не радовал.

— Поздравляю вас, кузен, — вновь обретая свой ядовито-светский тон, произнес Джон и, слегка склонив голову в сторону невозмутимой Катарини, резко повернулся и зашагал прочь.

— Нужны нам твои поздравления... — проворчал Лис, деловито прилаживая на место входную дверь, безвинно пострадавшую в пылу боя, — как рыбке зонтик. Прислал бы лучше своих олухов жмуров с пола убрать. А то ходишь тут, спотыкаешься.

Последнее обвинение оказалось безосновательным. Появившиеся через несколько минут после ухода принца городские стражники оперативно освободили покои принцессы от *persona non grata*¹, после чего комната перестала напоминать поле боя и вновь обрела жилой вид.

— А вы, правда, кузены? — заинтересованно спросила меня наша новая работодательница, забираясь в альков и тщательно задергивая полог.

Невольно вздохнув про себя о том, что придется кричать через всю комнату, я поспешил удовлетворить любопытство Ее Высочества.

— Это не совсем так. На самом деле наше родство куда как более отдаленное. Однако по знатности и древности мой род не уступает роду План-

¹ *Persona non grata* — нежелательная особа.

тагенетов. Я Вальдар Камдил, сын герцога Кальваронского, соответственно являюсь вестфольдским принцем. Что же касается родственных отношений, то моя дорогая матушка является двоюродной теткой супруги короля Ричарда.

— Вестфольд, — задумчиво произнесла Лаура голосом, слышав который, любой уважающий себя мужчина с радостью стал бы Петраркой. — Это где-то очень далеко. Говорят, у вас там всегда зима, оттого-то вы и стремитесь захватывать земли потеплее.

— Каталуна, — в тон маленькой проказнице ответил я, — это где-то очень далеко, аж в Арагоне. Говорят, у вас там всегда лето и так жарко, что все каталунцы только и знают, что валяться на солнышке и греть бока.

— Ну, неправда! — возмутилась принцесса, явно вскакивая на кровати. — Каталунцы, чтобы вы знали, ничуть не худшие мореходы, чем вы. И вообще...

Моя собеседница, казалось, разошлась не на шутку, но, услышав наши с Лисом сдавленные смешки, внезапно замолчала, а потом, обиженно буркнув: «Ну и ладно!», юркнула под пуховое одеяло.

Молчание длилось недолго. Судя по всему, наша подопечная имела характер столь же вспыльчивый, сколь и отходчивый.

— Скажите мне, мессир Вальдар, вы и ваш друг давно знаете принца Джона?

— На несколько часов больше, чем вы, сударыня, — честно признался я.

— И что же вас привело к нему в гости? — поинтересовалась принцесса.

— Сказать по правде, только неумное гостеприимство Его Высочества. Мы направлялись в Лондон к его брату, да вот, на беду, встретились с ним.

— Постойте! Ну конечно же! Вспомнила! Вы —

Вальдар Камдил, прозванный Верная Рука, освободивший короля Ричарда!

— Вы абсолютно правы, сударыня.

— Тогда ваш друг — тот самый... знаменитый гайренский менестрель?

— И вновь вы угодили в цель.

— О господи, для меня высокая честь иметь подобных телохранителей.

— А уж для нас-то! — хмыкнул Лис, соорудивший некое подобие лежанки у входной двери.

— Теперь я понимаю, почему вы были вынуждены бежать, — сочувственно произнесла Лаура-Катарина.

— Мы бежали? — возмутился «знаменитый гайренский менестрель», оскорбленный столь безосновательными подозрениями. — Да мы просто спешили вам на помощь!

— А что вас привело в эти края? — перебил я своего друга, явно собиравшегося привести многочисленные аргументы в пользу высказанной им версии.

— Я тоже собираюсь в Лондон к королю Ричарду. Мы, я и моя свита, сегодня утром выехали из Грейсфорда...

— Грейсфорд? Но это же в стороне от Ноттингема.

— Ах, — вздохнула прелестница, — нас сегодня весь день преследуют неудачи. Вначале, вскоре после того, как мы выехали из замка, обвалился мост через реку.

— Обвалился мост?

— Ну да, прямо перед нами. Так что мы были вынуждены ехать другой дорогой, как раз мимо Ноттингема. А совсем уже перед городом сразу две лошади моего возка потеряли подковы. Пришлось ночевать здесь.

— Понятно... — произнес я, немедленно причисляя дорожные неудачи принцессы к длинной веренице странных совпадений, имевших место

сегодня. — А кто были эти люди, которых мы у вас застали?

— Понятия не имею. Но еще утром я заметила каких-то странных всадников, всю дорогу следовавших за нами.

— Скажите, Ваше Высочество, они что-нибудь говорили? Может быть, что-то кричали, когда пытались вас вязать? — дрожащим голосом спросил я, потому, как мне казалось, я уже понял, кому мы обязаны нашим маленьким ночным приключением.

— Нет. Они все время молчали. Хотя, погодите. Когда вы ударили в дверь, один из них крикнул что-то вроде: «Донна Виттори».

— Лис, ты слышал? — обреченно включил я связь.

— Доннэр вэтэр — по-немецки «черт побери», — моментально отозвался мой напарник, — ежу понятно, что это Лейтонбург. Я думаю, здесь всего-то и есть один такой извращенец, который гоняется за красотками по Европе, как по собственной спальне.

— Почему извращенец? — поинтересовался я.

— Да потому, что он хочет от них совсем не того, что все остальные мужчины, — устало ответил Лис. — Ладно, Капитан, ты как знаешь, а я буду баиньки. И да будет наш завтрашний день длиннее, чем клинки наших врагов.

Глава девятая

Кинулся ясный сокол головой
оземь, и стал полным идиотом.

Из народных сказок

— Идиот! Кретин! Ай! Ой-ой-ой!!! — Эти лестные эпитеты, внезапно услышанные нами на канале закрытой связи с Виконтом, не относились ни к одному из нас. Мы ошалело вскочили, оглядываясь по сторонам и хватаясь за оружие.

— Почему я прогуливал занятия по верховой езде?.. Ай!

Измотанный трехчасовой скачкой конь, по-видимому, чувствовал себя много лучше хозяина. Крис де Монгийе мчался, низко пригнувшись к конской холке. За его спиной явственно слышался drobный топот погони.

— Эй, Крис! Мальчик мой, что там у вас за состязания на кубок Дерби? — поинтересовался Лис.

— Разъезд принца Джона!

— И давно вы так? — сочувствию Сережи не было предела.

— Да уж миль сорок...

— Лис, не балабол! — прервал я своего язвительного друга. — Вик, попробуй свернуть в лес и положить коня!

— Не выйдет! Их там человек двадцать, да и коня точно услышат.

Среди бешено мелькавших придорожных кустарников внезапно вырисовались крупным планом две ступни, своими размерами способные привести в отчаяние гильдию лондонских обувщиков.

— Эх, пошла, родимая! А это что такое? — раздался свист плети.

Виконт с оттягом хлестнул по босым пяткам, и дикий отчаянный рев лишил нас возможности слышать что-либо. Впоследствии, сопоставляя свидетельские показания, мы постановили, что особь, обладавшая такими замечательными ногами, имела от пяти до семи метров в высоту (Виконт клялся, что все десять); то ли две, то ли четыре руки (Виконт утверждал, что их было значительно больше); вся с головы до ног была покрыта темно-бурой шерстью и с небывалой яростью размахивала огромной дубиной (Виконт опять же настаивал, что это был вырванный с корнем местный дуб).

Дальнейшее напоминало скачку из голливудского вестерна, прокручиваемую с бешеной ско-

ростью по телевизору, в котором изрядно барахлит изображение. В конце концов раздалось заветное: «Хрясь!» — и экран погас.

— Ну и что это было?

— Попал!

— Куда попал?

— Точно в цель.

— Проклятие! Навязали на мою голову неуча!

Какие будут предложения?

— Исключительно нецензурные. Капитан, ну его на фиг! Прибор активизирован, так что ставь на маяк. Когда этот «ковбой» очухается, мы непременно узнаем. Пошли спать, нам еще с утра это высочество сторожить! — указал Лис на мирно посапывающее под балдахинем высочество.

«Интересно, чем же это наш стажер так насолил этому разъезду?» — засыпая, подумал я. За стеной мерно отдавались шаги стражи из личных телохранителей принца Джона, заботливо оставленной нам на подмогу.

— Пусть молодые караулят, им по сроку службы положено, — блаженно вздохнул Лис, поудобнее заворачиваясь в шкуры.

...Янычары гнались за мною по пятам. «Врешь, не возьмешь, гвардейцы не сдаются!» — крикнул я, загоня последнюю обойму в свой пистолет. Янычары в мотоциклетных шлемах размахивали катанами и подступали все ближе, воинственно выкрикивая: «Харе Кришна!» Внезапно рядом с собой я увидел высокую каменную стену, с которой призывно спускалась веревочная лестница. Я ловко полез наверх. Янычары, усевшись в кружок под стеной, достали баночное пиво и нестройно затагнули «Орла VI легиона». «Совсем с ума спятили!» — подумал я.

По ту сторону стены ласково светило солнце, месяц, луна, два десятка комет и стоваттная лампочка, висевшая в пространстве на оголенном проводе. Все было оплетено плющом, лилиями,

виноградом, розами, орхидеями, мексиканскими кактусами и прочей ботаникой. В центре пейзажа призывно журчал фонтан, в радужных брызгах которого вяло резвился выводок прелестных гурий. Раздался свисток боцманской дудки, и гурии суматошно начали строиться в две шеренги.

— Зухра!

— Я!

— Лейла!

— Я!

— Анна де Бейль!

— Я!

— Графиня де ля Фер!

— Я!

— Леди Винтер!

— Я-я!

— Гюльчата-а-ай! Ай-яй!!!

Если бы меня попросили описать лицо, возникшее вдруг передо мной, я бы вновь поставил многоточие. Видимо, так должна была выглядеть гарпия, съевшая лимон. Понятное дело, настаивать на открытии личика я не стал. Скорее наоборот — попытался отогнать ужасный фантом. На месте отвратной карги вырисовалась прелестная Изабель Аджани в подобающем случае наряде.

— Гюльчатой! — протянул я к ней свои загребушие руки. Девушка исчезла, и я увидел перед собой толстую сломанную ветку...

— Капитан, вставай, связь пошла! — ворвался в мой чудесный сон до омерзения знакомый голос Лиса.

«Ах, как ты не вовремя!» — пробурчал я, с усилием преодолевая барьер от сна к яви и пытаюсь понять, откуда взялась у меня в голове вся эта бредятина.

Ну, с Гюльчатой, предположим, понятно: мой дедушка, служивший во время гражданской войны в России военным атташе в соседнем Афганистане, частенько смотрел фильм «Белое солнце пус-

тыни». Смахивая скупую мужскую слезу, он приговаривал: «Эх, уверэшаген, уверэшаген, не посылшал ты меня тогда»... А янычары? А миледи, единая в трех лицах? А эта карга, не к ночи будь помянута? Нет, явно пора на воды в Форж.

Виконт сидел на земле, тупо созерцая длинную ветку с руку толщиной. Посидев так минут пять, он поднес свою руку к голове и стал ощупывать лоб. Точно в центре его красовалось некое новообразование, способное соперничать своими размерами с эльфийскими холмами древних сказаний.

— Это что, ты ее так лбом?! — восхищенно спросил Лис.

— Ага, — ожесточенно собираясь с мыслями, ответил стажер. — Где это я?

— Скорее всего, в Англии. Более точные координаты указать пока сложно. Походи, посмотри. А мы тут пока в это время что-нибудь придумаем.

Виконт пробурчал под нос традиционное: «Вот так и живем!» и стал осторожно подниматься.

— Ну и местечко!..

Местность и вправду была презанятная. Казалось, что кто-то долго и старательно пытался сплести из веток огромный кроссворд. Надо сказать, это у него получилось. Вик обреченно вздохнул, обнажил кинжал и начал яростно разгадывать эту в прямом смысле слова головоломку. Я на минуту убрал звук с канала стажера.

— А ведь местечко-то действительно оч-чень примечательное! — передал я Лису. — Посмотри, что у нас там сегодня на небе?

— Молодой месяц, а что?

— Прелестно... — Я включился на канал Виконта. — Крис, будь добр, посмотри вверх.

— Полнолуние! — обалдело прошептал Рейнар. — Не может быть!

— Конечно, не может. Но есть. А что самое забавное — связь действует.

— Вы там что-то нарыли? — осведомился Виконт.

— Пока ничего серьезного, смотри дальше.

Буреломы и чащобы сильно поредели, и лес стал значительно светлее. Кусты орешника, перемежаемые молодой ясеновой порослью, серебрились в лучах незаконной луны.

— Как интересно! — Крис де Монгийе склонился над муравейником.

— Что там у тебя?

— Помнится, в школе рассказывали, что муравейники строятся всегда с южной стороны дерева.

— И что? — поинтересовался я.

— Ничего, только здесь они с разных сторон. Вон, видите? — Вик указал пальцем в сторону высокого ясеня, у подножия которого также красовался конус муравьиной кучи. — Если они оба указывают на юг, то я в нескольких метрах от Южного полюса!

— Да нет, просто это муравьи-оппортунисты, — с ходу выдвинул теорию Лис.

— Запишем в непонятное, — перебил я своего напарника. — Вик, судя по всему, здесь недалеко должна быть опушка или поляна.

— Недалеко — это где? — недовольно пробурчал стажер. — Эй, поляна! Ау-у-у, ты где?

Надо сказать, что от своих предков-викингов наш юный соратник унаследовал голос, позволяющий управлять драккаром, заглушая рев бури; и все же эти слова прогремели в лесной тиши неестественно громко, испугивая спящих птиц и сбивая с ветвей окрестных деревьев сухие листья. Лес напряженно молчал, и даже разбуженные внезапным громом птицы, казалось, опасались хлопнуть крыльями.

— Здесь! — раздался звонкий девичий голосок, и отдаленно не напоминающий эхо.

— Ты кто? — ошалело произнес Вик.

— Как кто? Поляна! — Голос звучал удивленно. — А кто же по-твоему? Королева Гвиневра?

— Охреть... — это уже произнес Лис, а может быть, и я.

— Слышь, может, ну его, туда ходить? — В голосе стажера слышалась изрядная доля сомнения. — Может, нечисть какая морочит?

— Может, и да. А может, и нет. К тому же не обязательно нечисть. В любом случае выбор невелик. Не стоять же тебе здесь «памятником себе». Крест, серебро и холодное железо у тебя с собой. Значит, вперед, дерзай.

— Дерзай, дерзай... Вон и луна за тучи ушла. Эй! Ты где? Покажись! — последние слова Виконта относились к обладательнице таинственного голоса.

— Экие вы, люди, право слово, глупые! Как же я вам, молодой джентльмен, покажусь? Я же поляна!

— А как же ты тогда разговариваешь? — продолжал упорствовать недоверчивый потомок викингов.

— А я и не говорю совсем. Это ты меня слышишь.

— Ладно, прости. Скажи лучше, в какую сторону мне идти? — немного успокаиваясь, спросил де Монгийе.

— А куда ты хочешь попасть? — радостно осведомилась Поляна. — Если к ручью, то это во-он от того старого вяза налево, до осинника. Там как поваленную осину увидишь, от нее — все прямо, до оврага. А по оврагу уж дойдешь, не заблудишься. Или лучше, давай, я сейчас русалок разбужу, они тебя враз доведут.

— Нет, благодарю покорно! Не стоит беспокоиться! — с резковатой учтивостью отозвался Крис, нимало не сомневаясь, что уж эти точно доведут кого угодно.

— Как скажешь! Тогда, может быть, ты желаешь попасть в замок?

— А что за замок?..

— О-о! Это самый величественный и неприступный замок в здешних краях. Двадцать белоснежных башен его вздымают свои величественные головы прямо под небеса, словно исполины, чьими руками они были сложены. На стенах его без труда разъезжается пара колесниц. Над воротами его — золотая ветвь с изумрудными листьями дуба... — У Поляны перехватило дыхание от восхищения. Если у нее было, что перехватывать...

«Интересно, куда же это Вика занесло? — подумал я. — Откуда в этой глуши подобный укрепленный район?»

— Этот замок совсем рядом, красавчик! Вот только... скажи, Старая Леди ждет тебя?

— Не знаю, не уверен...

— Если нет, то тебе туда нипочем не попасть. Даже и не пытайся! Впрочем, это уже не мое дело. Вон, видишь, два куста орешника?

— Вижу, — честно признался Вик.

— Как раз посередине между ними молодой ясень видишь?..

— Ага, — ответил Кристиан, беря на заметку указанное дерево.

— Вот от него-то и начинается тропинка. Ступай по ней смело. Она ведет прямо к мосту. Только запомни, там развилка одна будет у гнutoго вяза, так ты направо иди. Потому что ежели пойдешь налево, то непременно к лешему пришагаешь. Он, в общем-то, так старик добродушный, но если его разбудить не вовремя, тут уж держись! Как начнет глаза отводить да голову морочить — ввек дороги не найдешь. Вот и все! Только просьба у меня к тебе, красавчик: будь уж так добр, не сходи с тропы в сторону. А то ты мне своими сапожищами все цветы и травы потопчешь. Хорошо?

— Нет проблем. Спасибо, родная, выручила! —

Окончательно успокоившийся Виконт зашагал в указанном направлении.

— Чего уж там, пустяки. Зови, если что, — мы услышали сдавленный зевок. — А пока, если не возражаешь, я посплю. До утра еще столько времени...

Казалось, тропинка сама собой легла под ноги стажера, как только он миновал указанные кусты орешника, и, излучая какой-то слабый, но ясный свет, мягко потекла вперед. Пройдя еще ярдов триста, Кристиан очутился наконец на поляне, богато заросшей цветочно-травяным густоцветьем. Ближе к середине она заметно поднималась, образуя пологий холм, на вершине которого мрачно темнели какие-то древние руины. Выглянувшая в этот миг из-за туч луна позволила рассмотреть то, что было так гордо наименовано самым величественным в округе замком.

На мой взгляд, Поляна несколько польстила убогому строению, открывшемуся нашим взорам. Сколько мы ни силились, нам не удалось разглядеть ни двадцати величественных башен, гордо устремивших в небеса свои головы, ни могучих стен, ни всех прочих атрибутов, присущих мало-мальски пристойной крепости. Громоздившиеся на холме развалины скорее всего действительно некогда были замком. Я даже был склонен допустить, что в нем мог останавливаться на ночлег могущественный король Пендрагон. Но боюсь, что за последние несколько столетий не нашелся ни один полководец, который решился бы штурмовать эти стены без ущерба для собственной репутации.

Две соединенные между собой круглые башни, одна повыше, другая пониже, в лучшие времена, видимо, именовались донжоном. Ныне же они сиротливо вздымали вверх свои истерзанные временем и оружием бока, зияя темными провалами бойниц.

Каменная насыпь, сохранившая кое-где еще видимость кладки, претендовавшая на роль стены, напоминала ряд гнилых зубов; и лишь буйная поросль плюща и дикого винограда, густо обвившего развалины, несколько скрадывала впечатление. Впрочем, время пощадило младшую из каменных сестер чуть больше. Несмотря на то, что на боевой галерее сохранилось лишь несколько зубцов, а контрфорсы давно были заменены бревнами, она не казалась столь неотвратимо мертвой, как ее соседка.

Наблюдая эту мрачную картину разрухи и запустения, Виконт приближался все ближе к холму.

— А вот и обещанный мост, черти б его побрали! — выругался Крис, едва удерживая равновесие, чтобы не сорваться в ров, внезапно возникший у него под ногами.

Похоже, что черти давно уже разобрались с мостом, не дожидаясь пожеланий нашего стажера. Неожиданное препятствие несколько озадачило отважного первопроходца. Понятное дело, ров давно уже пересох, лишь на дне его тонкой струйкой журчал ручей и черная до глянца непролазная грязь весело поблескивала в лунном свете. Оба склона рва густо поросли осотом и каким-то колючим кустарником, демонстративно топорщившим во все стороны свои длинные иглы.

— Ну вот, не было печали туда лезть! — раздраженно пробурчал стажер, настроение которого вновь резко ухудшилось. — Ладно, посмотрим, нет ли другого пути.

Яростно продираясь сквозь высокие травы, подступавшие к самому краю рва, Монгий начал двигаться по периметру «замка». Путешествие заняло не более пяти минут. Пройдя ярдов сто, Вик остановился, указывая на башню.

— Клянусь святым Дунстаном, там свет!

В одной из бойниц полумертвой башни действительно зыбко колебался отсвет огня.

— Сейчас мы здесь устроим раннюю побудку! — злорадно пробормотал Виконт, набирая полные легкие воздуха.

— Э-э-эй!!!

Молчание было ответом на этот крик.

— Э-эй! Есть тут кто живой? — повторил Крис несколько громче, но без прежнего энтузиазма.

— Ой-ой-ой!... — донесло дальнее эхо.

— Что, не слышат? — зазвенел рядом уже знакомый девичий голосок. — Не мудрено. Ты бы, воин, лучше в колокольчик позвонил.

— Какой еще колокольчик? — Недоумевающе огляделся вокруг себя де Монгийе.

— Здесь только один-то и есть, — немного помолчав, удивленно ответила Поляна.

— Ах, ну да! У вас ведь совсем плохо со зрением. Что ж, красавчик, ежели колокольчика ты не видишь, хотя я не совсем понимаю, как тебе это удастся, то попробуй камень кинуть. Может быть, это выйдет.

Виконт нашарил в траве увесистый булыжник и, тщательно прицелившись, запустил его в освещенную бойницу. С тем же успехом он мог метать камни в луну, ехидно подсматривающую из-за облаков за его упражнениями.

Долетев ровно до середины рва, камень на мгновение замер в воздухе и, повисев так что-то около секунды, отвесно рухнул вниз. Там, где когда-то стояла вода, заполнявшая в былые года пересохший ров, булыжник с характерным плеском исчез из виду.

— М-да, — произнес я, мучительно пытаюсь осмыслить увиденное. — Оч-чень замороченное место.

— Кар-рр! — раздался над головой Кристиана хриплый вороний крик.

— Не ругайся, Казначей! Говори толком, кто там к нам пожаловал? — Голос, явственно доносившийся из башни, спокойно мог соперничать

по тембру со скрипом дыбы. — А, это ты, молодой воин. Что же ты не заходишь? Давно уже тебя ожидаем.

— Так я того... — опасливо произнес Виконт, явно обескураженный подобным заявлением.

— Казначей, распорядись, чтобы немедленно опустили мост.

В ночной тишине раздался характерный скрежет цепей и грохот опускаемого моста.

— Вернись на тропу, красавчик, и заходи в дом, — вновь послышался из руин скрипучий старушечий голос, наводящий на мысли о мрачных застенках инквизиции.

Волевым усилием стронувшись с места, Виконт все же последовал дружескому совету разговорчивой башни. Однако никакого моста там, где заканчивалась тропа, так и не было.

— Да где же мост, хозяйка? — крикнул обескураженный стажер.

— Перед тобой, мой свет. Ступай себе спокойно.

Крис осторожно ошупал ногой пустоту и, к удивлению своему, почувствовал под подошвой нерушимую каменную прочность. Собравшись с духом, он шагнул в пустоту. Мост держал.

Глава десятая

Чудеса, да и только.

Скив Великий

Первое, что услышал Виконт, ступив на зеленую твердь по ту сторону рва, был грохот закрываемых ворот. Поймите меня правильно, я специально повторю еще раз: он услышал звук закрываемых ворот. Естественно, Крис моментально обернулся, но не обнаружил за спиной даже плохонькой калитки. Впрочем, рва, щедро заполненного грязью, не увидел тоже. Позади, насколько

позволял видеть глаз, клубился непроглядный бесесый туман.

Крис зябко передернул плечами и зашагал дальше. Мы с Лисом переглянулись. Версий по поводу того, где очутился наш стажер, не было ни у него, ни у меня. Но об одном можно было говорить с полной уверенностью: Кристиан де Монгийе был способен не только пить пиво и горланить песни дурным голосом под расстроенную гитару. И это вселяло надежду.

Виконт все шагал по направлению к полуразрушенному замку, который, несмотря на все его усилия, и не думал приближаться. Пару раз он оборачивался и убеждался, что загадочный туман по-прежнему находится ровно в шаге за его спиной. Крис снова начинал нервничать. Как вдруг... прямо перед собой явственно увидел распахнутую дверь.

— Ну и дела, — ошалело прошептал он, медленно приходя к мысли, что приветливо открывшаяся перед ним дверь висит прямо в воздухе. Он недоверчиво пощупал феномен рукой и, убедившись в его материальности, решительно шагнул за «порог».

— Казначей! — раздраженный старческий голос звучал где-то совсем рядом. — Где мой посох?

— Ка-а-ар!

— Что ты мелешь! Какие мыши? Как мыши могли утащить посох? Ну-ка отыщи его немедленно, негодник!

Послышалось хлопанье крыльев, очередное карканье; и после некоторой паузы на пороге залы, в которую обалдевший Виконт попал через неизвестно откуда возникшую дверь, предстала Старая Леди во всей своей неизъяснимой красе.

Я нервно сглотнул и невольно схватился за меч. «Кажется, мои сны начали становиться вещими», — с ужасом подумал я. «Но почему тогда не Изабель Аджани?!» Устрашающий фантом, не

менее реальный, чем все это замороженное место, ковылял навстречу замершему стажеру.

— Добро пожаловать в Кээр Урмарк¹, красавчик!

Де Монгийе инстинктивно попятился, но потом взял себя в руки и галантно поклонился.

— Приятно иметь дело с учтивым юношей! — улыбнулась хозяйка замка, демонстрируя нам свое потрясающее родственное сходство с «Веселым Роджером». — Однако я вижу, мой облик тебе не по вкусу, — она самодовольно хихикнула. — Прости уж меня, старуху. Гости здесь очень редки... — Старая Леди сделала ударение на слове «очень». — Красоваться не перед кем. Следуй за мной, сынок.

Виконт невольно поежился от такой фамильярности, однако неукротимый дух викингов все-таки взял свое, и он отважно последовал за хозяйкой.

Не знаю, какие мрачные образы рисовал себе возбужденный мозг Криса, но помещение, в котором располагался «кабинет» первой красавицы здешних мест, мало чем напоминало чертоги колдуньи. Комната была чиста и уютна. Огонь камина, жарко поедавший дрова, освещал большой стол, играя зайчиками на лежавших там папирусах, листах пергамента и отточенных гусиных перьях.

Объемистые лари, служившие одновременно шкафами и скамьями, буквой П стоявшие у стен комнаты, были покрыты чистым беленым полотном. Никаких жаб, никаких летучих мышей, никаких дурнопахнущих ингредиентов адского варева. Запах мяты и шафрана, пучками развешанных по стенам. Казалось, не было ничего, что свидетельствовало бы о малопочетном занятии хозяйки. Но что было уж совсем непонятно, ее самой тоже не было.

¹ Кээр Урмарк — город, упоминаемый Гальфридом Монмутским в «Истории Бриттов». Современными историками его местонахождение не установлено.

Девушка-подросток с милым приветливым лицом, волосами цвета спелой ржи, двумя косами, аккуратно уложенными вокруг головы, и ярко-синими глазами, полными озорного лукавства, — вот кого мы увидели там, где ожидали вновь узреть старую каргу. Туника, вышедшая из моды в конце правления императора Феодосия, тем не менее очень шла ей, мягкими складками выгодно очерчивая стройность фигуры. С открытой улыбкой, в которой ясно читалась детская радость произведенному эффекту, она предложила Виконту располагаться поудобнее.

Крис, не имевший еще вплотную дел с магией, ошалело плюхнулся на ларь.

— Не бывает... — явственно прошептал он, заставив очаровательное личико девушки озариться новой улыбкой.

— А где эта... — на всякий случай спросил он, делая неопределенный жест рукой в воздухе. — Ну, эта... пожилая леди?

— Не угодно ли моему славному кавалеру подкрепиться с дороги? — лукаво улыбнулась красавица, оставляя вопрос стажера без ответа.

Доблестный оруженосец, дар речи которого находился все еще в явном упадке, молча кивнул головой.

— Прости меня, милый юноша, за скудность трапезы. Мы здесь, в глуши, питаемся по-деревенски просто. — Девушка подняла крышку одного из ларей и удивленно замерла, глядя внутрь.

— Казначей, где сыр?

Черный с проседью ворон, казалось, материализовался из воздуха и, хлопая крыльями, опустился на стол.

— Кар. Ка-а-ар!

— Опять мыши? Казначей, да что же ты все время врешь?!

Ворон, похоже, оскорбленный подобным обвинением в лучших чувствах, засунул голову под

крыло и стал там что-то сосредоточенно выискивать.

— Эй, Нинанна, мать мышей, иди сюда!

Маленькая серая мышь, словно ожидавшая приказа появиться, быстро перебежала комнату, вскарабкалась на стол и уселась на задних лапках, шевеля усами и преданно глядя на хозяйку. Ворон перестал чесаться, переступил на мощных лапах поближе к той, кого хозяйка назвала Нинанной, и начал демонстративно отводить клюв для удара.

— Прекрати немедленно, старый дуралей! — прикрикнула на него чародейка.

Ворон обиженно поскреб лапой по листу пергамента и вновь возобновил свои поиски, всем видом желая явить монумент поруганной невинности и добродетели.

— Нинанна, твой народ брал сегодня сыр из этого ларя?

Мышь презрительно посмотрела на ворона и что-то возмущенно запищала.

— Ага! Этот черный мироед стащил головку сыра и спрятал ее у себя в гнезде. Понятно. И ты можешь ее найти?

Мать мышей утвердительно пискнула.

— Тогда вели принести его сюда.

Ворон настороженно посмотрел на свою маленькую соперницу, на хозяйку и снова на соперницу. Не прошло и трех минут, как внушительная процессия серых тварей, пыхтя, тащила к столу увесистую головку сыра, на которой следы вороновых когтей соседствовали со следами мышиных зубов.

— Кар-р! Ка-а-ар! К-к-кар.

— Ах, тебе его подбросили? Тебя пытаются очернить? Очернить? — Девушка невольно улыбнулась такому каламбуру.

— Пи-и-и!! — Нинанна опустила на четыре лапки и став, кажется, в пару раз больше от возму-

щения, приготовилась отстаивать свою правоту любыми возможными средствами.

— Кар! К-кар-р! — Ворон расправил крылья и угрожающе шагнул к матери мышей.

— А ну прекратите! Сладу с вами нет. Возвращайтесь к себе и не появляйтесь, куда я вас не позову!

Ворон исчез так же стремительно и внезапно, как и появился. Лишь звук его прощального карканья еще висел в воздухе. Мышиный караван немедленно развернулся и опрометью кинулся прочь, унося с собой сыр.

— Нет, сыр оставьте.

Процессия с явной неохотой затормозила, и пропажа наконец-то была возвращена владелице.

— И так всегда. Постоянно ссорятся, — пожаловалась красавица.

— Вот так мы и живем, — согласился дотолемолчавший Крис.

Похоже, весь этот сырный конфликт дал ему время прийти в себя. Объятый приливом галантности, стажер обнажил кинжал и начал нарезать сыр кусочками. Клинок прошел сквозь головку, как сквозь воздух, и вонзился в столешницу, оставляя на ней глубокую царапину. Чуть помедлив, она стала затягиваться.

— Не так, мой милый воин. — Хозяйка провела пальцем над сыром, и тот распался на аккуратно порезанные части. — Однако сыра будет, пожалуй, маловато, — задумчиво произнесла она, созерцая ненасытный блеск Виконтовых глаз. — Ладно, сейчас мы это поправим.

Девушка вытянула руку по направлению к лесу, видневшемуся сквозь бойницу. Раздался свист втягиваемого воздуха; крупный заяц, возмущенно дергая лапами, влетел в комнату. И к тому времени, когда нам посчастливилось закрыть рты, он уже призывно шипел салом на вертеле, вращаемом неведомой силой. Наконец Виконт вновь пришел

в себя настолько, чтобы поддержать свое реноме учтивого юноши.

— А-а-а-а... Э-э-э... мнэ-гм... Сожалею, что некому представить меня вам, прекрасная госпожа, — он склонился в глубоком поклоне. — С вашего позволения, я позволю себе... э-э... н-н... в общем, представляюсь сам.

«А также позвольте мне извиниться за то, что я позволил себе быть непредставленным вам непроизвольно долго», — моментально съязвил Лис.

Не обращая внимания на выпады недоспавшего начальства, стажер продолжал свою учтивую речь:

— Мое имя Кристиан де Ла Доннель, виконт де Монгийе, оруженосец доблестного рыцаря Вальдара Камдила.

— Когда вот тот дуб можно было обхватить одной рукой, — леди указала на маячившего за бойницей исполина в четыре обхвата, — забредший сюда охотник назвал меня Хена¹. Воин из твоего народа, бывший здесь тогда, когда этот дуб можно было обхватить двумя руками, назвал меня Ану...² — хозяйка замка тихо вздохнула и, помолчав, добавила: — Ты даже похож на него. Очень похож.

Она еще раз внимательно посмотрела на Криса и отвела взгляд.

— Можешь называть меня так, а можешь придумать что-то свое. Однако оставим беседу на потом. Время трапезы, — закончила свою речь хозяйка зачарованного замка.

Виконт галантно предложил ей руку и повел девушку к столу, который непонятным образом был уже вполне прилично сервирован.

Лис, чей ужин сегодня был весьма условным, немедленно вломился на канал связи и потребовал

¹ Хена — богиня смерти у кельтов.

² Ану — богиня вод у тех же кельтов.

полной передачи всех вкусовых ощущений в научных целях.

— Сейчас! — сказал Виконт и стал еще более ожесточенно работать могучими челюстями. — Нет, не могу! Видимо, связь барахлит.

— Чтоб у тебя желудок так барахлил, жлоб проклятый! — возмутился Рейнар и, отключив свою связь, деланно зевая, пробурчал: — Не вижу ровным счетом ничего интересного. Понятное дело, парень с дороги проголодался, пусть себе подкрепитя, а я пойду спать. Если что, буди.

Между тем Кристиан самозабвенно расправлялся с зайцем, словно тот был его заклятым врагом.

— Мой юный друг, — обратился я к Крису, внутренне признавая правоту Лиса. — Ты что, жрать сюда пришел?

— Угу! И за этим тоже, — незамедлительно радостно отозвался Вик, тщательно пережевывая пищу.

— Стажер, ближе к делу! — Лишенный возможности физически урезонить зарвавшегося юношу, я перешел на официальный тон. — В этот замок просто так не попадают. Задача: узнать, что эта Старая Леди имеет тебе сообщить.

— А как? — благодушно отозвался сытый в первом приближении Виконт.

— Послал Господь помощника! — тяжело вздохнул я. — Чему вас там в ваших колледжах учат?

— А, не знаю! Я за сборную Оксфорда в футбол играл. — Стажера после еды пробило на откровенность.

— Займи ее куртуазной беседой! — обреченно посоветовал я, понимая, что добиться толку от моего оруженосца все равно не удастся. — Если я что-то в этом понимаю, она сама перейдет к делу.

Виконт, загадочно улыбаясь, подсел поближе к своей очаровательной соседке.

— Сударыня, вот вы тут в лесу все одна да одна, и не скучно вам?..

— Виконт, тормози! Этой сударыне лет больше, чем тому дубу за окном! Ты что еще этого не понял?

Мне почему-то показалось, что Крис меня не расслышал.

Девушка печально вздохнула:

— Скучновато... Но когда надоедает весна, делаю лето. Надоедает лето — устраиваю осень... Иногда, конечно, заходит кто-нибудь из обители святого Корнелия¹, а то с Поляной поболтаем. А уж когда совсем тоскливо, смотрю в волшебный кристалл. — Она помолчала немного и добавила: — Это единственная вещь, оставшаяся от моего возлюбленного.

— М-да... — сочувственно отозвался Виконт. — И давно он умер?

— А кто сказал, что он умер? — Хозяйка явно удивилась.

Тут пришла пора изумляться бравому стажеру. Перспектива появления пресловутого возлюбленного его почему-то не обрадовала. Вернувшись в прежнюю позицию, он решил перевести разговор на более нейтральный предмет.

— И что, скажем, видно в этом кристалле?

— Да много чего. И как ты Берту Большеногую по пяткам хлестал. Чем она тебе, кстати, не угодила? Безобиднейшее создание, даром что великанша. ...Впрочем, если хочешь, взгляни сам. Может, увидишь чего интересного. В нем каждый видит свое...

Девушка прочертила в воздухе пальцем какие-то таинственные знаки. Они вспыхнули голубоватым пламенем и медленно растворились в темно-

¹ Св. Корнелий — никогда не существовал. Христианизированная форма имени кельтского бога лесов Кернунноса, имевшего вид человека с оленьими рогами и раздвоенными копытами.

те. На том самом месте, где еще недавно громоздились живописные останки невинноубиенного зайца, сухо потрескивая и искрясь, возник граненый прозрачный кристалл величиной со средний арбуз. Хозяйка поднесла к нему руки:

— Для начала давай найдем твоего рыцаря.

Изображение кристалла исчезло, и я увидел себя, сидящего в вальяжной позе на скомканных шкурах в самом непрезентабельном виде: мешки под глазами, солома в волосах, свежая щетина.

«Что-то кудри мои растрепались», — смущенно подумал я, проводя пятерней по густым некогда зарослям. Мое, казалось бы, простое действие произвело весьма неожиданный эффект. Девушка внезапно вскочила, в волнении закрывая рот рукой. Раздался треск, изображение пропало.

— По-видимому, пришло время, — спустя несколько минут тихо и торжественно произнесла она.

— Сударыня, а-а-а?.. — начал Виконт.

— Ах, да! Смотри, — небрежно произнесла колдунья.

Кристалл вновь заискрился и... пропал. Я был обескуражен. Я видел стол, камин, девушку, как-то вдруг растерявшую всю свою веселость и задумчиво глядящую перед собой, а больше — ничего! Но, судя по эмоциональному фону, Вик видел явно что-то другое.

— Крис, у тебя все нормально?

— Молчите, Капитан!

Я обалдел от такого хамства:

— Эй, де Монгийе, что с тобой?

— Заткнитесь вы, ради Бога! — выкрикнул он и, помолчав, добавил: — Пожалуйста...

Впоследствии Виконт наотрез отказывался говорить о том, что же он видел в ту ночь. И никакие посулы и угрозы с нашей стороны не могли заставить его раскрыть рта. Но мы заметили, что

на меня он стал иногда глядеть с явной опаской, как-то вдруг повзрослел и переменялся.

— Ну что, доволен? — раздался за спиной Кристиана уже позабытый нами голос старой ведьмы.

Де Монгийе подскочил от неожиданности, резко обернулся и увидел свою собеседницу в ее прежнем облике.

— Так говоришь, твой рыцарь — славный воин? — спросила она, сверля стажера своими пронзительными синими глазами, казавшимися тем более странными на ее старушечьем лице.

— Лучше не встречал, — как бы оправдываясь, ответил Крис.

— Ну что ж, будем надеяться, что это действительно так. Уж пора бы, — пробормотала Старая Леди. — Теперь спи! — властно произнесла она.

— Да, но... — начал было Виконт и тут же внезапно опустил голову на покрытый полотном ларь, так и не закончив фразы.

— И ты, рыцарь, тоже отдохни! Тебе понадобится много сил, — услышал я, веки мои отяжелели, и, не успев даже изумиться, я провалился в глубокий сон.

...Золотистые искры пробегали по граням рубина, манившего своей беспредельной глубиной. Казалось, что камень пульсирует, как огромное сердце. Я явственно услышал властный зов, шедший из огненной сердцевины кристалла. И в тот же миг почувствовал, как две сотни фунтов моего веса перестали приковывать меня к земле — я, словно капля воды, падающая в озеро, стал неделимой частью камня.

Меня подхватило каким-то неведомым потоком, бурным и неудержимым, словно весенний паводок, и, закружив, понесло в сияющем алом вихре. Я перестал ощущать себя человеком в мире людей и стал мельчайшей частицей чего-то непостижимого и вместе с тем бесконечно величественного, имя которому — изначальный Хаос.

Внезапно все кончилось. Я сидел на берегу озера, освещенного ярким солнцем, и наблюдал, как плещется рыба в его необычайно чистой воде.

— Ну что же ты? — раздался совсем рядом со мной чей-то до боли знакомый тихий женский голос. — Иди! Ты же за этим сюда пришел.

Я оглянулся по сторонам, чтобы поподробнее расспросить обладательницу этого голоса о цели своего визита. Похоже, она знала об этом значительно больше, чем я. Но этого не потребовалось. Ноги сами собой понесли меня вверх по склону высокого холма, сплошь поросшего яблонями. Поднявшись на вершину, я с немалым удивлением установил, что часть суши, на которой я находился, была со всех сторон окружена водой, то есть представляла из себя остров в классическом понимании этого слова.

Яблони разнообразных сортов, в необыкновенном изобилии росшие здесь, наводили на мысль о присутствии человека, однако более ничего не говорило в пользу этого предположения. Казалось, на острове, кроме меня, нет ни души.

Созерцание этого идиллического пейзажа было прервано самым неожиданным и бесцеремонным образом.

Оглушительный тоскливый то ли рев, то ли вой заставил кровь мою похолодеть, а птиц, поющих на ветвях, на минуту замолкнуть. Хотя, похоже, особого страха этот звук у них не вызвал.

Немного помедлив, я определил, с какой стороны доносился этот рев, и осторожно начал спускаться, внимательно изучая окрестные ландшафты. Спуск не занял много времени. Я уж было отчаялся понять, откуда раздавался услышанный мною звук, но... тут я увидел его.

Громадный дракон, длиной футов в сто двадцать, лежал на небольшой поляне, свернув хвост и положив на передние лапы плосколобую шипастую голову. За его спиной виднелся вход в пещеру,

светившуюся изнутри каким-то странным светом. Глаза дракона были полуприкрыты. Казалось, он был глубоко печален и ничего из того, что происходило вокруг, его не трогало.

Я, замерев, смотрел на реликтовую тварь, не зная, что же мне надлежит делать. Медно-красная чешуя доисторического ящера блестела на полуденном солнце, притягивая к себе взгляд, словно завораживая.

Тут дракон, очевидно, почувствовав мое присутствие, повернул морду, и наши взгляды встретились. Он медленно поднял голову, тоскливо поглядел в сторону непрошеного гостя и выдохнул в мою сторону струю огня.

Глава одиннадцатая

Самое замечательное в путешествиях — это те незабываемые впечатления, которые не встретишь больше нигде.

Джеймс Кук

Я проснулся от странного шума на улице. Лиса со мной не было. «Разминается», — подумал я, вставая и потягиваясь. Сквозь витражный переплет пробивались разноцветные солнечные лучи, составляя причудливый подвижный узор на полу и стенах. Через щелку, образованную выпавшим кусочком стекла, я выглянул на улицу.

Прямо посреди двора, в кругу восхищенных зрителей из числа телохранителей принца Джона, стоял Лис, методично натягивая лук, проходивший у нас в Институте под кодовым названием «аттракцион «Женихи Пенелопы». Время от времени кто-то из смельчаков пытался повторить его движение, но натянуть тетиву дальше щеки не удавалось никому.

«Слабаки!» — подумал я, забывая о собственных «успехах» на этом поприще. — Ладно, здесь все нормально. Надо проверить, что там у Виконта».

— Капитан вызывает стажера!

Минут через пять настойчивого вызова на канале начал появляться некий сумбур из обрывков сна и предподъемной мути. Наконец, видимо, после зверского насилия над организмом, пошла картинка.

Трудно сказать, туманное ли утро было причиной плохой видимости или же физическое и моральное состояние моего славного оруженосца, но одно можно было утверждать точно — место, где он отверз свои очи, ничуть не походило на то, где он их смежил.

Послышалось негромкое ржание. Виконт несколько обалдело перевел взгляд в ту сторону, откуда доносился звук. Альбарай, великолепный гнедой жеребец испанской породы, принадлежавший Крису, хорошо отдохнувший и вполне довольный жизнью, стоял в трех ярдах от хозяина, нетерпеливо роя землю копытом.

— Ну ни хрена себе! — произнес Виконт, оглядываясь по сторонам и пытаясь определить свое новое местонахождение.

— Доброе утро, Вик!

— Да, Капитан. Вы что-нибудь понимаете?

— Не очень. Но здесь, похоже, это в порядке вещей. По правде говоря, я уже начинаю к этому привыкать.

Невдалеке послышался цокот копыт, скрип колес и шелканье кнута. На ходу поправляя сбившуюся перевязь меча, Крис довольно легко вскочил в седло. Звуки раздавались все ближе:

— Дьявол раздери этот туман! Не ровен час, завалишься в какую-нибудь канаву. Н-но, неживые! — Голос возницы звучал уже совсем рядом.

Виконт тронул шпорами своего скакуна. Раздалось призывное ржание.

— Эй, кто там, отзовись! — послышался настояренный окрик незнакомца.

— Честный путник! — отозвался де Монгийе. —

Держу путь в Лондон. Да, кажется, сбился с дороги в тумане.

— Подъезжай сюда, приятель! Дорога совсем рядом. Если хочешь, поедem вместе. Все веселее! До Лондона еще миль пять.

— А, привет, Вик! — ворвался на канал связи радостный Лис. — Как голова? Ничего? А с глазами? Или это у вас такой туман? Ну-ну. А у нас тут солнце светит, благодать!

— Лис, ты чего влез?

— Там принц Джон пригнал наших лошадей и скарб. Да и вообще пора отсюда сваливать, а то потом по жаре придется корячиться. Буди принцесску, труба зовет!

— Как ты себе это представляешь? Насколько я что-то понимаю в коронованных особах, если часов до одиннадцати их разбудить, нам тут всем будет мало места на корабле.

— Капитан, я все, конечно, понимаю, она обалденно красивая девушка, но время играет против нас. Надо делать отсюда ноги, пока принц Джон не придумал, как нам их выдернуть из того места, где их Господь первоначально приделал.

— Ладно, попробую, — сдался я. — Ты пока распорядись, чтобы все было готово к маршу. Действуй, — и отключил связь.

Мне доводилось многим заниматься в своей жизни: я торговал браслетами на Водах и рисовал вывески в доме Святого Лазаря¹, греб на галерах и венчался на царство, но, видит Бог, мне никогда не доводилось будить капризных принцесс после бурно проведенной ночи. «Леди, в Лондон собирайтесь, петушок пропел давно!» — крутилось у меня в голове.

Я приблизился к ложу, все еще довольно смут-

¹ Лечебница Святого Лазаря — лечебница для прокаженных (отсюда — «лазарет»).

но представляя, что же, собственно говоря, должен буду сделать.

Из-под приподнятой занавеси балдахина мой нескромный взор выхватил округлое плечо и тонкую изящную руку, саму по себе являвшуюся произведением искусства. У меня невольно перехватило дыхание. «Спокойно! Возьми себя в руки, — приказал я себе. — Да! Вот именно: руки надо срочно чем-то занять».

Мой взгляд с явной неохотой оторвался от столь сладостного для него зрелища и уныло заскользил по окрестному натюрморту. Наконец после бесцельных блужданий по комнате он выхватил то, что хоть как-то могло мне помочь. К моему величайшему сожалению, это была лютня.

Надо сказать, далеко не всем нравится, как я пою, хотя находятся и такие, кто утверждает, что у меня приятный голос. В далеком детстве, помнится, считалось, что у меня есть слух. Но в чем я действительно был неподражаем, так это во владении музыкальными инструментами. Три блатных аккорда, как выражался Лис, как три горных пика, являются высочайшими вершинами моего мастерства.

Вы никогда не пробовали играть на лютне эти самые блатные аккорды? Если, скажем, вам понадобится веский повод для дуэли где-нибудь в Провансе во времена трубадуров, попробуйте сыграть им «Чижика-пыжика» на этих самых блатных. Заверю вас, от желающих скрестить с вами клинки не будет отбоя.

Но, как говорится, что делать, если делать нечего?

Я старательно выбрал место, куда принцесса не могла бы, не вставая с постели, запустить в меня какой-нибудь увесистой безделушкой, и, по мере сил аккомпанируя себе на лютне, запел как можно более задушевно:

В полях под снегом и дождем,
Мой милый друг, мой нежный друг,
Тебя укрыл бы я плащом
От зимних вьюг, от зимних вьюг...

Звуки серенады в панике уносились под высокие своды спальни, но, усилившись эхом, возвращались обратно.

И если б дали мне в удел
Весь шар земной, весь шар земной,
С каким бы счастьем я владел
Тобой одной, тобой одно-о-ой...

При этих «о-о-ой» я скосил глаза на заветный полог. Пылкая дочь арагонского королевства внимательно слушала меня, подперев своей обворожительной ручкой свою еще более обворожительную головку. Тактично дождавшись, когда я наконец заткнусь, она приветливо улыбнулась, и я с радостью отметил, что я таки добился своей цели, и заснуть ей сегодня уже вряд ли удастся.

— У вас приятный голос, мессир Вальдар. Но скажите, ради Бога, кто учил вас игре на лютне?

— Доброе утро, Ваше Высочество! Я рад приветствовать вас в добром здравии. Сказать по чести, до сегодняшнего утра я и сам не подозревал, что умею на ней играть.

Моя честность была вознаграждена еще одной улыбкой, от которой сердце мое тут же загрохотало, как полковой барабан перед подъемом флага.

— Если Вашему Высочеству угодно, я велю распорядиться насчет завтрака. Нам стоит поторопиться с отъездом, чтобы не пропустить утреннюю свежесть, — я церемонно поклонился.

— Вы очень любезны, милый рыцарь, — произнесла принцесса, вновь скрываясь за пологом. — Велите подать завтрак и пришлите ко мне, пожалуйста, моих дам.

Я с трудом скрыл тяжкий вздох. Время, которое прекрасные дамы тратят на сборы, не поддается никакому исчислению... Это процесс, это тайный ритуал, смысл которого теряется во глубине

веков и никогда не будет ясен непосвященным. Это всемирный женский заговор против мужчин, имеющий целью умерить их прыть и помешать движению исторического прогресса. Вместе с тем одна лишь мысль о том, что в конечном счете они одеваются и всячески прихорашиваются только для того, чтобы повергнуть в благоговейный трепет нас, грешных, — лишь одна эта мысль при всей своей абсурдности — есть питательнейшая пища для мужской гордыни. Причем чем выше рангом благородная леди, чем обширнее штат ее прислуги, тем больше времени тратится на сборы. Ибо действие сие превращается в спектакль, где каждая камеристка, каждая фрейлина играет свою, именно ей отведенную роль. Играет вдохновенно, вкладывая всю душу, порой заключая в этой роли смысл своей жизни. Иногда мне кажется, что, будь Вседержитель женщиной, творение Вселенной по сей день не было бы окончено.

Отловив в коридоре какую-то хорошенькую барышню с характерным лицом южанки, я поинтересовался у нее, кто командует лейб-курятником Ее Высочества. Служаночка хихикнула и начала строить мне глазки. Судя по всему, она ни слова не понимала по-английски. Я перешел на испанский, старательно симулируя сильнейший акцент. Это значительно облегчило наше общение. Она не в меру пылко схватила меня за руку и волоком потащила за собой по коридору.

«А может, она меня все-таки неправильно поняла?» — едва успел подумать я. В этот миг мы остановились у одной из дверей, в которую девушка робко постучала и тут же спряталась за мою спину. Не успел я удивиться подобной реакции, как на пороге возникло женоподобное существо довольно-таки устрашающего вида, ростом с Лиса и еще более худое, чем он. Глубоко посаженные угольно-черные глаза чем-то неуловимо напоминали пару отточенных ятаганов. Увидев мою золотую

рыцарскую цепь, эта дочь пустыни, неизвестно как оказавшаяся в этих северных широтах, посмотрела на меня с такой ненавистью, как будто лично я был виновником всех крестовых походов, начиная с конца прошлого века.

— ...Сцилла Харибда, — услышал я шепот позади себя.

— Что Сцилла Харибда?! — изумился я. Служанка за моей спиной попыталась забиться мне под плащ.

— Это я — Присцилла Харибда! — прошипела прелестная пери, одаривая меня пламенным взглядом. — А ты кто?

— Ну я тогда Гамлет, принц Датский! — ото-звался я в тон нашей великосветской беседе. — Но дело, в общем-то, не в этом. Ее Высочество Лаура-Катарина требует к себе всех своих придворных дам.

При этих словах мегера запустила руку мне за спину и за ухо, извлекла перепуганную болтушку из-под моего плаща. Дав ей какую-то команду на языке, еще менее напоминавшем испанский, чем мой, она резко повернулась и захлопнула дверь у меня перед носом.

«По-моему, Ее Высочество зря суетилась, набирая себе телохранителей», — философски подумал я.

Как бы то ни было, времени у нас было предостаточно, и я решил посмотреть, как там стажер.

Там текла неторопливая беседа.

— Вот хозяин наш, барон Тичфилд, полагая, что цены на кожу в этом году в Лондоне будут выше, чем в Йорке, и послал меня туда...

— Да, кстати, уважаемый, а нет ли тут поблизости, скажем, харчевни?

«Ну, слава Богу, все нормально. Виконт, как обычно, страдает «ямой» желудка, попутчик вроде человек вполне мирный», — подумал я, собираясь отключить связь. Но тут стрела просвистела у

меня, то есть, конечно, у Виконта перед глазами, прерывая ход моих благодушных размышлений. Одна из лошадей, запряженных в повозку, начала валиться на бок, увлекая за собой свою соседку.

— Разбойники! — сжав зубы, прорычал возница, вытаскивая из-под сиденья добрый боевой топор.

По всему было видно, что пользоваться им ему было не внове. Сразу вслед за обстрелом десятка полтора крепких ребят, облаченных в кольчуги, высыпали на дорогу, окружая повозку.

«Неплохо экипированы эти разбойнички», — удивился я, одновременно вызывая Лиса.

— Рейнар, у Криса неприятности!

— Что такое? Наш мальчик переел зайчатины и теперь страдает несварением желудка? — начал было острить Лис, но тут же замолк.

С некоторым удовлетворением я заметил, что де Монгийе не зря потел в фехтовальном зале под моим чутким руководством. Двое нападавших уже валялись на дороге с раскроенными черепами, еще один зажимал рукою рану на плече. Краем глаза я увидел, что возница тоже был неробкого десятка. Судя по той ловкости, с которой он орудовал топором, можно было предполагать, что он отнюдь не всю жизнь занимался почтенным ремеслом купца.

— Уйди вправо! — рявкнул Лис.

Инстинктивно подчиняясь приказу, Вик прильнул к конской холке, и в ту же секунду предназначавшееся ему копье ударило в спину торговца. «Разбойники» застыли на какое-то мгновение; воспользовавшись этим, Виконт подхватил своего спутника за шиворот, перекинул его в седло и что есть силы дал шпоры коню.

— Капитан, ты что-нибудь понимаешь? — после некоторой паузы спросил меня Рейнар.

— Только то, что это такие же разбойники, как мы с тобой.

Крис мчался по лесной дороге, рассекая туман, все еще стелившийся над землей. На счастье стажера, нападавшие не имели коней. Убедившись, что погони нет, де Монгийе свернул в лес и, осторожно сняв с седла раненого купца, уложил его на свой плащ.

— Гаплык, — мрачно произнес Лис. — Отторговался.

Копье вошло в спину бедняге по самый рожон, перебив два ребра и пронзив правое легкое. Рана, несомненно, была смертельна, и купец знал это.

— Парень! — прохрипел он из последних сил. — Сейчас я умру... Там, в правом сапоге... пергамент... — Купец дышал все с большим трудом. — ...очень важные счета... В Лондоне отдай их... хозяину шорной мастерской... «Два седла», скажи: «Барон Тичфилд... — тут он захрипел, и темная струйка крови показалась в уголке рта.

— Все... — Виконт растерянно сидел возле бездыханного тела, смутно представляя, что ему делать дальше. Со времени нашего появления здесь ему уже приходилось применять оружие по назначению, но зрелище бессмысленной и жестокой гибели своего попутчика ошеломило его. Мысль о том, что копье, сразившее купца, предназначалось ему, явно не давала нашему коллеге покоя.

— Виконт, приди в себя. Ему ты уже ничем не поможешь, — позвал стажера Сережа. — Единственное, что ты можешь для него сделать, — это похоронить его по христианскому обычаю.

Крис, все еще толком не пришедший в себя, взвалил труп поперек седла и, пустив коня в галоп, помчался в Лондон...

...Слуга, с гербом Лауры-Катарины, вышитым на золотой котте, разыскав меня, сообщил, что Ее Высочество велит готовиться к выезду.

Хмыкнув не слишком почтительно, я сообщил посланцу, что все уже давно готово, и отправился на поиски Лиса. Еще минут через сорок величест-

венный кортеж принцессы неспешно начал выдвигаться из Ноттингема. К немалому своему неудовольствию, я заметил, что вслед за нами, на расстоянии ярдов ста, последовал довольно крупный конный отряд принца Джона.

— А вот и обещанные проводники, — мрачно заметил Рейнар, оценивающе глядя на всадников, увязавшихся вслед за нами.

Я смотрел на эти вещи философски. Пусть себе скажут — люди подневольные, что с них возьмешь. Погода между тем стояла великолепная, и наш вояж вполне можно было считать прогулкой. Верховые Джона нас не донимали, держась отмерянной для них дистанции, и мы с удовольствием тратили дорожное время на беспечную болтовню.

— Кстати, Ваше Высочество, — обратился я к Лауре-Катарине, когда она перестала заразительно смеяться над каким-то полуприличным анекдотом, рассказанным Лисом. — А вы что делаете в Англии? Какая нелегкая занесла вас в Грейсфорд?

Прекрасная дама вдруг замолчала и грустно посмотрела куда-то на дорогу.

— Дело в том, милорд Вальдар, что вот уже неделю я являюсь законной и несомненной графиней Грейсфордской.

Я сделал удивленное лицо.

— В этом нет ничего странного, — продолжала она. — Неделю назад скончалась моя тетушка Сесилия. Царствие ей небесное. Это была воистину прекрасная женщина. Послушайте, господин Рейнар, — внезапно обратилась она к моему напарнику. — Я слышала, что вы пишете прекрасные стихи. Недаром вас величают «знаменитым гайренским менестрелем». Я была бы очень вам благодарна, если бы вы посвятили моей милой тетушке одну из своих баллад.

Послушайте, история эта, право же, стоит того.

Случилось все это десять лет назад, в самом начале знаменитого похода. В этот год мой дорогой

отец только-только принял корону из рук моего покойного деда короля Альфонса. Мне тогда было почти семь лет, поэтому я отлично помню эту историю. Вместе с нами в королевском дворце жили две мои тетушки, сестры моего отца. Старшая из них, Бланка, была женой маркиза Конрада Монферратского, а младшая, Сесилия, была помолвлена с герцогом Болдуином Савойским. Обе тетушки были редкими красавицами. Я по сравнению с ними показалась бы дурнушкой, — скромно произнесла она, потупив очи и наблюдая из-под невероятно длинных своих ресниц за произведенным эффектом.

Мы с Лисом, не сговариваясь, начали нести какую-то куртуазную чушь о майских лилиях, живительных источниках, отраде глаз и прочей тому подобной белиберде.

Видимо, подобная реакция вполне удовлетворила Ее Высочество и, томно вздохнув, она продолжала.

— Когда король Ричард отправился в крестовый поход, он с войском пошел морем мимо Геркулесовых Столбов. Однако большой отряд английских и гасконских рыцарей в это время находился в Наваррском королевстве, которое, как вам, конечно же, известно, граничит с Арагоном. Король Ричард, а вместе с ним и папа Климент III просили моего отца пропустить это войско через наши земли с тем, чтобы, погрузившись в порту на Средиземном море на корабли, предоставленные венецианцами, они могли присоединиться к королевскому флоту на Кипре. Мой отец, подумав несколько дней, согласился. Через несколько дней доблестные рыцари, защитники гроба Господня, были уже в Барселоне.

Командовал этим отрядом граф Освальд Грейсфорд. Это был настоящий рыцарь, — мечтательно промолвила она, одарив меня при этом таким взором, что со мной едва не сделалась икота. — От-

важный, обходительный, красивый. Он был на двенадцать лет старше моей тетушки, но разве это имеет значение для настоящей любви?

— Ровным счетом никакого, — немедленно рассеял я «сомнения» принцессы, отмечая про себя, что, в общем-то, гоюсь ей в отцы.

Улыбнувшись моему ответу, Лаура продолжала:

— Как только лорд Освальд и тетя Сесилия увидели друг друга, они поняли, что это — судьба и что противиться ей бессмысленно и глупо. Спустя три дня своего пребывания в столице граф Грейсфорд пришел к моему отцу и просил у него руки его сестры. Отец отказал, ибо тетушка была уже помолвлена, и это был, несомненно, очень выгодный брак. Ничто не могло изменить волю короля, и тетя Сесилия, носившая тогда тот же титул, который я ношу сейчас, — многозначительно добавила она, — знала это лучше, чем кто-либо другой. Однако в нашем роду все обладают негибимой волей. Услышав отказ, данный братом ее любимому, принцесса Каталунская велела седлать коней и на следующий день они уже венчались в ближайшей церкви Кастилии. Узнав об этом, отец пришел в ярость и велел крестоносному воинству немедленно убираться из его владений. Тут он получил еще одно известие, что вторая его сестра — Бланка — изъявила желание ехать вместе с крестоносцами, чтобы воссоединиться со своим супругом маркизом Монферратским. Так мои милые тетушки оставили королевский двор в благословенной Барселоне и разъехались: одна — сюда, в туманную Британию, а другая — в знойную Палестину. Однако удел их ждал один, ибо вскоре обе они стали вдовами.

— Очень печальная история, — отозвался я.

— Да, — согласилась Лаура, — очень грустная. О смерти Конрада Монферратского вы, несомненно, слышали. О ней много говорили в свое время.

Граф Освальд умер немногим раньше. По при-

казу короля Ричарда он возглавил посольство, отправленное в Аламут, страшную крепость, в которой живет, наверное, самый страшный человек на свете — Хасан, прозванный Старцем Горы, — при упоминании этого имени принцесса зябко поежилась.

«Нет, детка, — невольно подумал я, — самого страшного человека, с некоторой натяжкой, конечно, можно именовать старцем, но живет он никак не на Востоке и не в крепости Аламут. Хотя, безусловно, в чем-то Аламут и Трифель, несомненно, схожи. И что во всем этом самое печальное — это то, что ты его почему-то очень интересуешь. Интересно — почему?»

— Возвращаясь назад из посольства, граф Освальд тяжело заболел и вскоре скончался. Когда его близкий друг и соратник сэра Джордж Талбот принес тетушке эту страшную весть, она чуть с ума не сошла от горя. Удалившись в Грейсфорд, она стала настоящей затворницей. Имея богатейшие владения, она жила впроголодь, а вместо подobaющих ей по происхождению одежд носила грубую власяницу. Она пережила своего мужа всего на восемь лет, но каждый год был для нее десятилетием...

Мы с Лисом переглянулись.

— Простите, сударыня, как вы назвали человека, принесшего скорбную весть?

— Сэр Джордж Талбот. Вы его знаете?

— Более того, — усмехнулся я, — господин Рейнар приходится ему родственником по материнской линии.

— Что, правда? — внезапно воодушевилась Лаура. — Вы знаете, господа, девчонкой я была в него страстно влюблена и жутко ревновала его к своей тете Бланке, чьим кавалером он был. Он был такой... — девушка зарделась и замолчала, уносясь в воспоминания. — Вы знаете, — продолжила она после минутного замешательства, — даже мой

отец, который после случая с тетей Сесилией с большой неприязнью относился к рыцарям короля Ричарда, охотно принимал его при своем дворе. Раньше сэр Джордж часто посещал Барселону, и всякий раз мой отец находил в его лице умного собеседника и толкового советчика. После того как закончился траур по убитому мужу тети Бланки, отец даже начал поговаривать, что желал бы видеть его мужем своей сестры.

— Как, простой рыцарь — муж принцессы крови?!

— Не-е-е-т, — произнесла Лаура-Катарина все тем же мечтательным тоном. — Он не простой рыцарь. Он таинственный рыцарь. Очень таинственный.

— С чего вы это взяли, Ваше Высочество?

— Как я уже говорила, моя детская ревность не знала никаких границ. Я была готова отравить свою милую тетушку или же пронзить ей грудь кинжалом. Я на клочки готова была ее разорвать, — продолжала она с такой яростью в голосе, которая, несомненно, убедила самый пристрастный суд присяжных в искренности ее намерений. — Так вот, движимая этой ревностью, я тайно следила за предметом своего обожания. И вот что странно, граф Освальд, у которого в подчинении находился сэр Джордж, при посторонних обращался к нему как к обыкновенному рыцарю, а тогда, когда считал, что его никто не видит, оказывал ему почти что королевские почести.

«Именно, что королевские, — подумал я. — А этот Талбот, оказывается, совсем не был одиночкой. Скорее всего, кроме Грейсфорда, его поддерживали и другие лорды. Забавно, забавно».

— Увы, — добавила принцесса, — последние годы он совсем позабыл о нас.

— Это не так, Ваше Высочество, — отрицательно покачал головой я. — То, что я вам скажу, боюсь, опечалит вас, но это правда, чистая правда.

Сэр Джордж погиб, он был убит на такой вот лесной дороге неподалеку от замка Шамберг, во время схватки с раненым гоблином.

Лаура-Катарина отшатнулась, в ужасе закрыла рот рукой, и на глазах ее выступили слезы.

— Увы, это действительно так, — подтвердил мое печальное известие Лис. — Я сам лично выслушал последние его слова и закрыл ему глаза.

— И каковы они были? — едва не плача, спросила принцесса.

— Он произнес имя принцессы Бланки, — солгал во благо Рейнар.

Ее Высочество, рыдая, скрылась за шторкой. Похоже, ее рассказ о детской любви был правдой, но не всей правдой, а лишь ее частью.

И тут я явственно услышал, как в кустах, подступавших к дороге почти вплотную, кто-то негромко кашлянул. Вслед за этим послышался тихий скрип взводимых арбалетов.

— Лис, готовность один! Сбоку засада! — командовал я.

— Что, опять разбойники?! Они там что, озверели? Сколько можно?! — возмутился мой напарник.

Видимо, почувствовав праведный гнев моего напарника, придорожные заседатели ничем не давали о себе знать все то время, покуда наш обоз тянулся мимо злосчастных кущей.

— Капитан, — несколько удивленно заметил Лис, когда опасное место осталось позади. — Я бы с радостью сказал, что ты болен паранойей, но засада там действительно есть, причем явно не английская.

— Почему ты так решил?

— Да где же ты видел англичан с арбалетами? Но если они охотятся не за нами, то за кем?

Я не успел ответить на этот вопрос. Огромная сосна, стоявшая дотоле абсолютно спокойно, со

страшным треском, летячая подлесок, рухнула поперек дороги за нашими спинами.

Ее примеру последовала вторая сосна, но уже по другую сторону тракта. Потом еще и еще. Десяток деревьев, одно за другим, рухнули наземь в считанные мгновения, образовав завал, отсекающий наш кортеж от людей принца Джона. И в ту же минуту в сопровождавший нас отряд посыпались стрелы.

— Гони! — взревел я на ни в чем не повинного возницу.

Глава двенадцатая

Добрым словом и пистолетом
можно добиться куда большего,
чем просто добрым словом.

Аль Капоне

Мы мчались по лесной дороге настолько быстро, насколько позволяли имеющиеся в нашем распоряжении лошадиные силы. Миль семь мы проскакали, не сбавляя темпа, однако ожидаемой погони я так и не слышал.

— Капитан, собственно, от кого мы имеем честь бежать? — раздался наконец в моей голове язвительный голос Лиса.

— Если бы они нас догнали, я непременно бы тебя с ними познакомил, — парировал я лисовскую шпильку. В окошке возка, подсакивающего на ухабах лесной дороги, появилось прелестное личико принцессы, слегка заплаканное и очень удивленное.

— Куда мы так спешим?

— Мессира Вальдара расстроила ваша детская влюбленность в моего покойного родственника, — поспешил вставить очередную колкость сладкоголосый менестрель.

Я мысленно поблагодарил его за медвежью услугу.

— Что, правда? — Подскакивающее в окошке возка личико заметно просветлело. — Ну что вы, мой храбрый рыцарь, не надо осуждать меня за давнее невинное увлечение!

Принцесса, видимо, была не прочь и далее развивать эту тему, но обстоятельства не дали мне возможности выслушать ее милый бред.

Лес кончился, и наша кавалькада понеслась вверх по пологому склону довольно высокого холма. словно дожидаясь этого момента, а скорее всего, так оно и было, из ближайшей рощи наметом вылетело десятка два всадников на крепких свежих конях.

— Так вот где таилась погибель моя! — бросил очередную цитату д'Орбиньяк, давая шпоры изрядно подуставшему коню. В свою очередь, подбодрив шенкелями возмущенного Мавра, я мысленно прикинул наши силы. Кроме нас с Лисом, за повозками с принцессой и ее свитой мчались человек восемь вооруженных слуг Лауры-Катарины, однако их умение вести конный бой внушало мне серьезные опасения, правда, в пешем строю против наших преследователей они стоили еще меньше.

— Когда достигнем вершины холма, разворачивайте повозки поперек дороги! — крикнул я ближайшему вознице.

Но в этот момент произошло то, чего уж мы с Лисом никак не ожидали. Из последней повозки, издав пронзительный визг, выпорхнула черная двухметровая фурия, моментально впившись в седло скакавшего за возком андалузского жеребца. Еще через секунду первый из мчавшихся за нами преследователей, широко раскинув руки, запрокинулся назад. Из груди его торчала короткая хорошо оперенная стрела.

— Капитан, если мы все-таки куда-нибудь доскачем, напомни мне, чтобы я сегодня вечером ничего не пил! У этой милой леди аварский лук из

рогов тура! — Лис, позабыв о погоне, развернул коня, чтобы полюбоваться столь редкостным для этих широт зрелищем, что позволило ему увидеть еще две грешные души, возносящиеся прочь от безжизненных тел.

— Во баба дает! — восхищенно прошептал мой напарник и, чтобы не ударить в грязь лицом, монгольским разворотом выпустил пару стрел по погоне. Я не кривил душой, когда объявлял Лиса как отличного лучника. Новые потери еще более обескуражили наших преследователей, и они стали заметно отставать, предпочитая не искать новых приключений на то место, которое сейчас соприкасалось с седлом.

Тем временем возок принцессы на бешеной скорости вылетел на вершину холма, и тут нашим взорам предстала идиллическая картина: десяток крестьян с кетменями и лопатами усердно перекапывали дорогу. Еще человек десять, кряхтя, перетаскивали на нее тяжеленные камни, сооружая посреди этой контрольно-следовой полосы миниатюрное подобие Стоунхенджа¹.

Неподалеку от этой шайки вредителей маячили фигуры латников и их предводителя, гарцевавшего на лошади. Возница судорожно натянул вожжи несшейся под уклон повозки, однако было видно, что обезумевшие кони не успеют остановиться. Возок стремительным болидом² несся прямо в глубокий овраг, тянувшийся по правую сторону дороги.

Лис, рискуя сломать ноги своему скакуну, перехватил вожжи, пытаясь развернуть упряжку в другую сторону. Одновременно я перескочил на спину ближайшего ко мне коня и начал что есть

¹ Стоунхендж — буквально «стоящие камни» — древнее оружие, строительство которого приписывается кельтам. Один из символов Англии.

² Болид — астероид, перен. — скоростной автомобиль для гонок Формулы-1.

силы колотить несчастных тварей кулаком по мордам, заставляя их остановиться. Совместными усилиями нам удалось отвернуть экипаж принцессы от губительного края оврага. Но тут же одно из колес наскочило на предусмотрительно воткнутый в землю камень, от чего возок подлетел в воздух и опрокинулся набок.

— Дьявольщина! — выругался я, подскакивая к дверце. Однако меня опередили: статс-дама арагонской принцессы, с корнем вырвав дверцу экипажа, нырнула внутрь, выкрикивая какие-то невнятные ругательства на своем арабо-испанском диалекте.

— Не смейте ничего трогать! Все, что лежит на земле моего господина, по закону принадлежит ему! — послышался звонкий юношеский голос, и крепкого вида молодец с вышитым на золотистой котте стоящим на скале черным вепрем бросился к перевернутой повозке.

— Я тебя сейчас самого трону! Я тебя так трону, что ты навеки ляжешь в землю своего господина! — вознегодовал Лис и, засучивая на ходу рукава, угрожающе двинулся к молодому наглецу.

— погоди, Рейнар, давай попробуем разобраться миром, — едва умирив клокотавший в груди гнев, я попытался остановить своего товарища.

— Да что с ним разговаривать? Забить его головой под этот камень, и дело с концом! — пробурчал недовольный моим внезапным пацифизмом Лис.

— Эй, милейший! Что это у вас тут за полевые работы? — с деланным благодушием обратился я к ревнителю феодального права, игнорируя предыдущие слова о собственности его господина.

— Я, кажется, ясно выразился! Все, что находится на земле моего господина, принадлежит ему! — вновь заорал зарвавшийся юнец, пытаясь проскочить мимо меня и ухватить за подол все еще торчавшую из перевернутого экипажа тыловую часть Присциллы Харибды.

— Ну нет, так не пойдет! — пробормотал я и, спасая наглеца от преждевременной смерти, перехватил его руку у запястья. Вторая моя рука скользнула под его локтем и, захватив бицепс атакующей руки, я резко крутанулся на месте. Жертва моей благотворительности очень мягко приземлилась на землю, так и не сумев по достоинству оценить величие моего подвига. Пятка буйной дочери ислама протаранила воздух в том месте, где только что находился его кадык. В глазах у парня зажегся заметный интерес. Моментально вскочив на ноги, он диким зверем бросился на меня. Я развернулся, пропуская этот живой снаряд мимо себя. Не дав ему уйти слишком далеко, моя нога опустилась на его коленный сгиб, словно заводя мотоцикл, а основание ладони впечаталось ему в нос.

Однако через секунду агрессор снова был на ногах. По-моему, приватизация повозки его уже не интересовала... Как и большинство истых англичан, мой собеседник явно был страстным приверженцем хорошей драки. Судя по его необыкновенной живучести, наша «беседа» грозила затянуться до вечера. Поэтому, поймав его руку, я старым полицейским приемом заломил ее за спину и, перехватив второй рукой горло этого любителя острых ощущений, нежно зашептал ему на ухо:

— Милейший, если вы не против, я переломаяю все ваши кости как-нибудь в другой раз. А пока будьте любезны объяснить, что здесь происходит?

— Все, что лежит на земле моего господина... — прохрипел плотно упакованный законник...

— О Боже! — вздохнул я. — Это я уже слышал! Ладно, начнем иначе: как тебя зовут?

— Бультерьер! — вмешался в наш дипломатический процесс мой напарник, грозно расхаживавший перед латниками, для пушей убедительности вращая оба своих коротких клинка, напоминая готовящийся к взлету двухмоторный истребитель.

Армия противника переводила взгляд с нашей неразлучной парочки на Лиса, а с Лиса — на подтянувшийся эскорт принцессы. Судя по всему, настроены они были куда как более миролюбиво.

— Александер Шаконтон, — признался неукротимый «бультерьер».

— Прелестно, — ободрил его я. — А господина твоего как зовут?

При слове «господин» он встрепенулся и попытался выдать мне намертво заученную фразу о праве частной собственности.

— Да-да, я помню, — заверил его я. — Звать-то его как?

— Барон Джон Нейвур.

— Вот и славненько. Так вот, сейчас ты пошлешь одного из своих головорезов в замок сообщить, что Ее Высочество Лаура-Катарина Каталунская оказывает честь твоему господину отобедать сегодня в его замке. Ты меня понял?

— Понял, — отозвался Шаконтон.

Я разжал руки, мой пленник бодро встряхнулся и отправился отдавать надлежащие команды.

— Капитан! — вызвал меня Лис. — Вруби связь со стажером. Он наконец-то добрался до Лондона.

Я включил картинку. Крис с непревзойденным апломбом молодого аристократа устраивал разнос страже, безучастно слушавшей его гневные речи.

— ...Прямо под самым носом, — услышал я его, — какие-то грязные разбойники смеют нападать на честных купцов! Зажрались, скоты! Не можете добиться порядка на подъезде к Лондону! Что же говорить об остальных дорогах по всему королевству?

— А только вы зря нам это говорите, — скучающим тоном произнес сержантского вида стражник, согласно кивавший головой в тон ругани. — Это вы все расскажите нашему капитану.

— Где этот выскочка? — продолжал разоряться Виконт. — Сейчас я ему покажу!

— Том Берри, Билли, проводите молодого господина к командиру!

Тот, кого сержант назвал Томом, открыл одну из дверей в крепостной стене и, вздохнув, повел Виконта за собой. Второй стражник встал у него за спиной. Процессия проследовала на два лестничных пролета вверх и остановилась перед входом в какое-то помещение.

— Погодите минутку, милорд, — лениво произнес первый стражник, поворачиваясь лицом к Крису. И в то же время тупой конец копья с удивительной точностью врезался в солнечное сплетение моего оруженосца. У Виконта перехватило дыхание; второй удар последовал сзади, после чего сознание оставило его. Картинка исчезла.

— Не по-онял! — возмутился Лис. — Ну, согласен, Робин Гуд. Ну, допустим, еще какие-то лесные разбойники, экипированные как на парад. Ну я еще где-то как-то понимаю эту нашу переделку. Но чтобы вот так, по-хамски, палкой по голове благородного дворянина?! И где? И кто? Лондонская городская стража! Куды мы катимся? Верно вам говорю, близок конец света.

— Меня утешает то, что они его не убили сразу. Значит, он нужен им живой. А следовательно, у нас есть реальный шанс по прибытии в Лондон отыскать его.

Потянулись долгие минуты ожидания. Очаровательная принцесса, невредимой извлеченная своей верной дуэньей из-под обломков транспортного средства, мило улыбнулась нам, но потом, заметив кровь на лице Шаконтонна, всплеснула руками и оживленно зачирикала:

— Ах, бедный юноша, ваше лицо разбито в кровь! Кто это вас так? Мессир Вальдар, неужели вы были столь жестоки к бедному мальчику?

Лис насмешливо фыркнул, а потом, хитро поглядывая на меня, залился певчей птичкой:

— Ваше Высочество, все было очень просто:

бедняга спешил вам на помощь, пытаюсь опередить вашего верного телохранителя. И тут мессир Вальдар ка-а-ак...

— Рейнар! — резко окликнул я своего обнаглевшего напарника, напуская на себя грозный вид. — Ходи-но, будь ласка, до пани Прыськи, то нехай вона навчить тэбэ полюваты з лука, а мэнэ облыш! — добавил я по мыслесвязи, для пушей убедительности переходя на родной язык Сережи.

— Ну, как знаешь, — пожал плечами «гасконец». — А только я тебе в глаза скажу, что первый долг любого уважающего себя менестреля — это воспевание своего сюзерена!

Тут наша перепалка была прервана появлением «господина здешних земель». Это был грузный мужчина лет пятидесяти — пятидесяти пяти, с круглым добродушным лицом, обросшим седой бородой. По манере держать поводья в нем угадывался опытный наездник, однако в седле барон Нейвурский сидел с какой-то странной напряженностью.

— Шаконтон! — крикнул он, подъезжая к нам. — Помоги мне спуститься на землю!

Бойкий юноша не заставил себя просить дважды — он тут же подбежал к своему господину, подставляя плечо и помогая ему сойти с коня.

— Ваше Высочество! — не сгибая спины, поклонился Джон Нейвур. — Для меня большая честь принимать вас в своих владениях. Не будете ли вы столь любезны представить мне ваших спутников?

— Пожалуйста! — мило улыбаясь, ответила каталунская принцесса. — Это мои телохранители. Вот это — мессир Вальдар Камдил, прозванный также Верная Рука, а вот это — шевалье Рейнар Л'Арсо д'Орбиньяк, известный как знаменитый гайренский менестрель.

Это, казалось бы, простое заявление почему-то привело барона в бурный восторг.

— Как?! Вы Вальдар Камдил, сын Ингвара Камдила, герцога Камваронского?

— Абсолютно верно, — отозвался я.

— Вот неожиданная удача! — радостно воскликнул Нейвур, бросаясь ко мне и заключая в объятия.

Признаться, я был весьма изумлен подобным приступом гостеприимства, однако благоразумно не стал торопить события.

— Вот неожиданная удача! — прочувствованно повторил барон, отечески похлопывая меня по плечу. — Я превосходно знаю вашего батюшку, да и вас, господин рыцарь, некогда самолично качал на вот этих самых коленях. Эх вырос, сорванец! — он еще раз хлопнул меня по спине, отчего я едва устоял на ногах.

Несмотря на преклонный возраст, силой Джон Нейвурский отличался немереной.

— Эх, какие годы были, да какие годы! Но что же мы, право, здесь стоим? Скорее в замок! А для тебя, Вальдар, есть сюрприз, — старый лорд Джон хитро посмотрел на меня. — Приятный сюрприз, но об этом после. Эй, болваны! — прикрикнул он на латников. — Поставьте возок на колеса! Не беспокойтесь, друзья мои, они сами дотащат его до замка, а там мы всеотремонтируем, будет лучше прежнего.

Латники, аккуратно составив копья в пирамиду, засуетились у возка, а наша юная подопечная перебралась в экипаж своей свиты.

— Александер! Помоги мне взобраться на лошадь! — вновь услышали мы странный приказ.

Уже через пару часов, отдохнувшие, мы сидели в пиршественной зале замка Маунт-Нейвур и слушали рассказы о былых героических деяниях нашего радушного хозяина.

— ...Да, друг мой, вы не застали эти дни. Вы прибыли в Святую Землю двумя годами позже. Сражение при Тивериаде было самой страшной

бойней, которую я видел в своей жизни. А уж их-то я насмотрелся немало. Мы с вашим отцом, Вальдар, были очень дружны тогда с триполійским графом Раймундом. И, когда он бросил боевой клич, с радостью присоединились к его отряду. Саладин двинул тогда свое неисчислимое воинство к Тивериаде. Наш военный совет постановил всем силам крестоносцев соединиться на Сефурийской равнине, дабы дать решительный бой полчищам язычников. Все, кто только мог держать оружие, встали под боевые знамена. В городах оставались только женщины, дети и старики. И вот когда наша армия уже занимала всю равнину из конца в конец, пришла скорбная весть, что Саладин захватил Тивериаду и ныне осаждает крепость, в которой находится жена графа Раймунда. На нашего друга было страшно смотреть. Ибо он был истинный рыцарь и нежно любил свою очаровательную супругу. И все же он твердо стоял на том, что наше войско должно оставаться в Сефуре и дожидаться врага здесь, ибо там у нас были вода и продовольствие. «Что будет с армией в бесплодной пустыне? — говорил он. — Что, кроме гибели от голода, жажды и зноя, ждет ее там?»

Барон жадно отхлебнул из кубка, очевидно, живо вспоминая те времена:

— «...После взятия Тивериады Саладин сам будет искать встречи с нами. Так пусть же проклятые язычники терпят лишения в этой дикой пустыне, пусть Саладин потеряет то, что сохраняют крестоносцы!» Если бы граф Раймунд командовал нашим войском! — тяжело вздохнул Нейвур. — Мы бы непременно победили. Но этот паршивый королишка, Ги де Лузиньян, — старый воин закрипел зубами от ярости, — оказался еще более паршивым полководцем. Он обвинил нашего друга в трусости и заявил, что если уж он не желает идти на помощь своей супруге, то его долг как ко-

роля и сюзерена помочь ей. Обвинить в трусости графа Раймунда!!

Слегка захмелевший барон с силой грохнул кубком об стол. — Да свет еще не видел столь отважного рыцаря, как он!

Я украдкой глянул на Лауру-Катарину. По-детски открыв рот, она жадно внимала рассказу старого рыцаря и, казалось, не видела ничего вокруг.

— Утром третьего июля мы выступили из лагеря. Ты знаешь, мой мальчик, какой зной царит в тех краях летом.

Я согласно кивнул: сорок градусов в тени в это время года было там обычным явлением.

— ...Граф Триполийский командовал авангардом, в котором и находились мы с твоим отцом. В арьергарде был Лузиньян, храмовники и иониты. Мы дошли до селения Марескальция, что в трех милях от Тивериады, и тут произошло то, что предсказывал граф Раймунд. Чтобы добраться до Генисаретского озера, нам пришлось долго плутать по тесным проходам меж безжизненных скал. И вот, когда наш отряд уже преодолел этот адский лабиринт, сарацины напали на арьергард. Это мерзкое ничтожество Ги Лузиньян, который оказался храбрецом только на словах, тут же поджал хвост, как трусливый шакал, и замер на месте, не зная, что делать дальше. «Увы, увy! — кричал он, разрывая на себе одежды. — Все для нас кончено, мы погибли и королевство потеряно!»

Барон на некоторое время замолчал, видимо, вновь переживая события того времени.

— Это была ужасная ночь. Сарацины подожгли сухую траву, покрывавшую долину, — дым, пламя, тучи стрел со всех сторон; прибавьте к этому голод и изнурительную жажду — такова была расплата за красивые слова коронованного глупца. Но только наступило утро, граф Раймонд, спокойный и невозмутимый, так, словно сладко спал всю эту ночь, решительно повел авангард через холмы к

озеру. И вот, когда мы уже были у самых холмов, на них появилась армия Саладина. Она была несметна. Сарацинские воины были свежи и их кони не знали усталости. Но это не могло остановить нашего друга. Выстроив клином пехоту, он стремительным маневром повел их на вершину холма. За нашей спиной с небывалой доблестью сражались храмовники. Этот день покрыл их знамена неувядаемой славой, а имя иерусалимского короля — несмываемым позором.

Обессиленные все новыми и новыми атаками сарацин, эти отважные рыцари стояли насмерть, до последнего мига ожидая подмоги от короля. Но тщетно! Ничтожный трус вовсе потерял голову от страха. Он разбил свои шатры и совсем перестал предпринимать что-либо. Его войско, видя предательство своего полководца, тут же рассеялось, ища спасение в бегстве.

Мы предприняли новую отчаянную атаку. Подобно ангелу смерти, карающему язычников, мы ворвались в самую гущу их войска, мечами и копьями прокладывая себе путь к свободе. И вот, когда казалось, что спасение совсем уж близко, мусульманский дротик, пробив доспех, ударил мне в спину. Я рухнул с коня на острые камни, усугубляя свою и без того тяжелую рану. Не будь в эту минуту рядом со мной вашего отца, мой мальчик, не рассказывал бы я вам сегодня эту давнюю историю. Но на мое счастье, герцог Ингвар мчался рядом со мной. Увидев мое падение, он, рискуя жизнью, спрыгнул с коня и с такой яростью набросился на подступивших сарацинов, что обратил их в бегство. Затем ваш отец взвалил меня, словно куль, поперек своего седла, и длань Господня заслонила нас от стрел врага. Ибо Всевышний всегда на стороне отважных. Мы прорвались.

Барон Нейвур вновь замолчал, задумчиво глядя куда-то в дальний конец залы, где с потолочной

балки свисало добрых три десятка знамен, захваченных старым рыцарем в былые годы.

— А жена? — раздался в наступившей тишине неожиданно робкий голос нашей маленькой принцессы.

— Чья жена? — не понял вопроса наш добрый хозяин.

— Жена графа Раймунда Триполийского, — пояснила свой вопрос Лаура-Катарина.

— А? Да! Мы спасли ее. Саладин, как и предполагал граф Раймунд, идя навстречу нам, снял осаду с этой крепости, оставив около нее лишь небольшой отряд. Завидев нас, сарацины, не приняв бой, поспешили ретироваться. Но, к слову сказать, леди Луиза вела себя, как подобает благородной даме и жене доблестного рыцаря. Она столь надежно организовала оборону крепости, что сарацины напрасно потеряли время, стоя под ее стенами.

Лицо каталунки просияло. Не знаю уж, чему она так радовалась, но, похоже, батальная эпопея, рассказанная лордом Джоном, интересовала ее исключительно с этой точки зрения.

— Да, мессир Вальдар, — лукаво ухмыльнулся барон, — твой отец, безусловно, великий воин. Но мне ли рассказывать о его славных подвигах?! Ты наверняка знаешь их не хуже меня. Но вот то, что ты пошел душой и характером в своего отца, — меня действительно радует.

Я попробовал сделать удивленное лицо.

— Ну, полноте, не смущайся, мой мальчик. — Джон Нейвур покровительственно похлопал меня по плечу. — Добрая слава к лицу опоясанному рыцарю. Конечно, я давно уже не появлялся в Лондоне, при дворе нашего шалопая-короля, но и здесь, в нашей глуши, есть кому поведать о твоих деяниях!

Я переглянулся с Лисом и стоически приготовился слушать очередную балладу. Соратник

моего отца позвал слугу, исполняющего в этом доме роль дворецкого, и, дав знак приблизиться, что-то зашептал ему на ухо. Выслушав господина, тот кивнул и исчез из залы. Видимо, это и был обещанный бароном сюрприз. И он не заставил себя долго ждать. Слуга вновь появился на пороге и горделиво произнес:

— Ее сиятельство, леди Джейн Эйстон, маркиза Венджерси.

— А также моя дочь! — добавил славный ней-вурский лорд, кладя руку мне на плечо. — А также молодой лорд Эдвард Эйстон, наследный маркиз Венджерси!

— А также твой сын, — добавил сидевший напротив меня Лис, лишь только упомянутые особы появились в дверях залы.

— Беата, — произнесла леди Джейн голосом спокойным, как Везер при тихой погоде, обращаясь к уютного вида кормилице, ведущей за руку упитанного двухлетнего малыша, — сегодня здесь слишком многолюдно. Отведи лорда Эдварда в мои покои.

Я проводил тоскливым взглядом карапуза, забавно вышагивающего за миссис Беатой. Характерный высокий лоб, прямой нос и родинка над крылом правой ноздри малыша не оставляли ни малейшего сомнения в том, что передо мной самый что ни на есть чистокровный Камдил.

Глава тринадцатая

Я высоко ценю атмосферу дружбы и искреннего доверия, в которой проходит наша беседа.

Папаша Мюллер

Годы, проведенные в разлуке со мной, ничуть не изменили леди Джейн. Видимо, палящее солнце Британии давно уже иссушило потоки ее слез. Выглядела она по-прежнему потрясающе.

«Чудны дела твои, Господи...» — подумал я, мило улыбаясь своей незабвенной маркизе. Не скажу, чтобы это заставило ее мгновенно броситься мне в объятия, но ответная ее улыбка была традиционно-приветлива и нежна. Я чуть скосил глаза на Лауру-Катарину. Ее черные очи пылали, как костры инквизиции. Появление малыша вначале вызвало у нее закономерную умильную улыбку, которая тут же сменилась выражением растерянности. Но эта растерянность была тем самым «затишьем перед бурей». Я смиренно вознес молитву Всевышнему, чтобы весь этот ураган страстей не пронесся сейчас же по пиршественной зале, сметая столы и сокрушая домочадцев.

— Капитан, — проникновенно обратился ко мне Рейнар. — В годы моей босоногой юности у нас на родине бытовало авторитетное мнение, что генетика — продажная девка капитализма... Мне почему-то сейчас захотелось выслушать, что ты думаешь на этот счет?

Я внезапно почувствовал себя жутко усталым.

— Послушай, Сережа, — начал было я.

— А-а-а-а-а!!! Что с моими глазами!!! Я ничего не вижу! Они ослепили меня! Мне нечем дышать! Они меня удавили!!! — истошно вопил Виконт на канале закрытой связи.

— Живой, — придя в себя от акустического удара, констатировал Лис.

— Я, что, уже умер? — Вик сделал воистину странное умозаключение из слов Сережи.

— И не надейся. С преисподней у нас связь еще не налажена.

— Да? — обрадовался Кристиан. — Тогда я хочу есть.

— Всегда пожалуйста! — мстительно отозвался Лис. — Щас я тебе на ушко пожую. Тебе что больше нравится — баранья нога или перепела на вертеле?

Крис обиделся.

— Тоже мне отец-командир! Рассказали бы лучше, что дальше делать.

— Для начала опиши свои ощущения, — попросил я Виконта.

— Ну, лежу я на полу... Руки у меня связаны, ноги... тоже связаны... Не вижу ни черта, в животе пусто... Хреново мне, в общем.

— Будешь знать, как хамить людям при исполнении служебных обязанностей! — встрял Лис.

— Погоди, Рейнар. Ну, судя по всему, глаза твои все-таки целы, — обратился я к Вику, — у тебя мешок на голове. Проверь, пожалуйста.

— Ага, есть! — откликнулся стажер.

— Теперь, будь добр, прислушайся, попытайся выяснить, куда тебя затащили.

Виконт стал напряженно прислушиваться. Мы с Лисом услышали набор приглушенных мешковиной очень странных звуков: какое-то сопение, стоны, бульканье, скрежет железа и дерева.

— По-моему, он в кабинете зубного врача, — выдвинул смелую версию Лис. — Вик, ты помнишь, что после экзекуции в этом месте тебе еще два часа есть нельзя?

Виконт молча взвыл, если, конечно, можно так выразиться. Чей-то очень спокойный и безразличный голос раздался неподалеку от Виконта, заставляя его до максимума напрячь слух:

— Пит, дружище, будь добр, поверни во-он то колесико на три оборота...

Дружище Пит был добр. Раздался дикий вопль, перешедший в сдавленные стоны.

— Не нравится... — констатировал все тот же голос. — Ну что, говорить будешь или еще покрутить вот это колесико?

Раздался повторный вопль, и вслед за тем чей-то слабый голос прохрипел:

— Я ничего не знаю...

— Это так неинтересно, что ты мог бы этого даже не говорить. Пит, налей мне, пожалуйста,

ковшик воды. Ну, спасибо. Пей, бедолага... Так вот, послушай меня внимательно. Надеюсь, ты понимаешь, что уж если я тебя здесь допрашиваю, то вина твоя доказана давно и несомненно. Для того, чтобы послать тебя на плаху, у нас уже вполне достаточно материала.

— Так пошлите, — прохрипел неизвестный.

— Ты пей, не отвлекайся. Насчет этого можешь не волноваться, обязательно пошлем. Но тут, понимаешь ли, вот в чем загвоздка. Ты должен рассказать все, что знаешь по делу лорда Томаса Эйс-тона, — отчеканил последние слова следователь.

Мы с Лисом переглянулись.

— Имя-то тебе известно? — продолжал тот.

Видимо, пытаемый кивнул, потому что его мучитель после некоторой паузы произнес:

— Уже лучше. Теперь пойми меня правильно. Я высоко ценю проявленное тобою мужество. Ты превосходно держишься на допросе. Правда-правда, можешь мне поверить. Но! Дело в том, что пока я не вытащу из тебя все, что тебе известно, о плахе можешь и не мечтать. Ты каждый день будешь узнавать о боли столько нового, что все христианские великомученики по сравнению с тобою покажутся изнеженными сибаритами. Ты мне веришь?

Виконт, дотоле напряженно прислушивающийся сквозь мешок к разговору, тихо запаниковал.

— Эй, вы! Слышите, что этот инквизитор втирает?! Хватит обжираться! Послушайте, что меня ждет! — взывал к нам многострадальный стажер.

— Веришь... — вновь услышали мы тот же вкрадчивый голос. — Вот видишь, мой дорогой, мы уже начали находить общий язык. Тогда давай рассказывай все по порядку. Потому что умереть тебе здесь не удастся, а висеть и далее в столь странной позе просто глупо. Давай так: ты чуть-чуть отдохнешь, соберешься с силами, а Пит пока

не будет крутить колесики. А потом ты мне все расскажешь. К чему дожидаться страшного суда и досаждать Всевышнему своими мелкими мирскими секретами?.. В конце концов, ты что, думаешь, Господу это интереснее, чем мне? Я же тебе, в свою очередь, обещаю, что на следующий же день после того, как ты все расскажешь, тебе без всех этих глупых судейских проволочек отрубят голову. Ну что, согласен?

— Согласен... — слышался глухой тяжелый вздох.

— Ну вот и славно. Сделай одолжение, Пит, подай мне еще ковшик воды...

— Примите эту чашу из моих рук, мессир Вальдар! — прямо перед собой я увидел кованую серебряную чашу и едва не отшатнулся, но вовремя взял себя в руки.

— Я вижу, мой славный рыцарь, — нежным голосом произнесла леди Джейн, протягивавшая полный кубок вина, — что эти три года ничуть не изменили вас. Вы по-прежнему храбрый защитник прекрасных дам и, видимо, вновь спасаете нашего доброго короля от нависшей над ним опасности? — закончила она несколько вопросительно.

— Да нет, что вы, миледи! — резвым аллюром вклинился в нашу беседу гайренский менестрель, дотоле мирно перебиривший струны мандолы. — Мы так, ездим, путешествуем, навещаем старых знакомых. Вот, в Трифель собираемся съездить.

Прекрасная маркиза с вежливой насмешкой выслушала эти слова, не удостоивая Лиса взглядом.

— Я очень рада видеть вас вновь... — но продолжить эту фразу леди Джейн не удалось.

— Так. Я очень устала! — Лаура-Катарина, внезапно взвившись со своего места за пиршественным столом, величественно выпрямилась и слегка нервозно потребовала:

— Господа телохранители! Проводите меня в мои покои!

Вечер был безнадежно испорчен.

— Капитан, я не понял, — недоумевающе уточнил Лис, — я что, пропустил что-то важное?

— Не ты один, — обнадежил я друга.

— Господин д'Орбиньяк, — обратилась к Рейнару наша пламенная работодательница тем самым тоном, которым некогда вулкан Везувий пожелал «доброго утра» мирно спавшей у его подножия Помпее, — будьте так добры, проверьте, как размещены мои люди!

Лис бросил на меня вопрошающий взгляд, словно спрашивая, можно ли оставлять нас наедине? Но увидев, что я, словно гордое дерево, готов умереть стоя, вздохнул и вышел.

По счастью, я не стал провожать взглядом уход напарника, иначе, боюсь, моей стойкости тотчас бы пришел конец. Тяжелое серебряное блюдо, просвистев в воздухе, врезалось в стену. А могло бы и в меня. Если бы, конечно, я не уклонился. Глядя на погнутый край этого увесистого диска, я невольно отметил, что другой поворот событий сулил бы мне весьма плачевные последствия.

Но промедление было смерти подобно. Пылкая каталунская красавица уже примеривала для броска полированное серебряное зеркало. Подскочив к туалетному столику, предусмотрительно поставленному около ложа, я схватил ручной кувшин, видимо, уготованный мне напоследок, и, уклоняясь от запущенного зеркала, окатил бушующую принцессу водой. Получив столь неожиданный и наверняка первый в своей жизни холодный душ, юная красавица стояла, сверкая своими неестественно черными глазами и хватая воздух ртом. Струйки воды стекали по ее пылающим щекам, надеюсь, несколько охлаждая внутренний огонь, пылающий в этом прелестном создании.

Как бы там ни было, придя в себя, принцесса

сжала кулачки и метнулась ко мне, очевидно, желая растерзать своего верного телохранителя. И все же это уже был последний порыв пронесшейся по спальне бури. Мягко, но твердо перехватив атаку не в меру страстной южанки, я взял ее на руки и, несмотря на все попытки вырваться, водрузил на ложе, заботливо приготовленное расторопными камеристками. Освободившись из моих лап, Ее Высочество порывисто села, надула губки и обиженно шмыгнула носом.

— Хоть бы прощения попросили, — наконец произнесла она, прерывая грозящую затянуться паузу.

— О, сеньорита, бездна моего раскаяния столь велика, что слова, исторгнутые из самого сердца, из самых глубин его, просто не достигают ее краев. Поверьте, я — само раскаяние!

Удовольствовавшись этой куртуазной галиматшей, Лаура тяжело вздохнула и тотчас же потребовала:

— Немедленно подайте мне зеркало и отвернитесь! Я не желаю, чтобы вы меня видели такой!

Вид у принцессы действительно был преуморительный. Выполнив приказания прекрасной дамы, я воззрился на дубовую дверь и вызвал Виконта.

— Хорошо, мой друг. Надеюсь, ты уже отдохнул? — послышался уже знакомый нам вкрадчивый голос инквизитора лондонского подземелья, где томился наш коллега. От звуков этого голоса невольно холодела кровь.

— Да, мессир, — прохрипел пытаемый, внезапно ставший «другом». — Только повелите отослать ваших подручных. То, что я вам расскажу, не подлежит широкой огласке.

— Пит, Бен, сходите развейтесь. Да, вот еще, зайдите в караулку, узнайте, что за тело мне тут приволокли. Несут сюда всякую падаль, так, глядишь, всех лондонских воришек ко мне перетаскают!

Виконт лежал ни жив ни мертв, опасаясь пошевелиться. В дверь постучали. Мучитель с явной неохотой оторвался от своей жертвы и рывкнул неожиданно грубо:

— Ну, кто еще там?

— Послание от государя, милорд!

— Давай сюда и проваливай.

Принесший пакет явно не собирался напрашиваться на чашечку чая, входная дверь хлопнула раньше, чем прозвучали последние слова милорда.

— Прости, приятель, я должен прочитать, что накропал этот венценосный идиот. Если хочешь, я велю пока тебя покормить...

При последних словах стажер заметно приободрился, видимо, ожидая, что его тоже позовут к столу. Однако приглашения не последовало. Позвав стражника, неизвестный инквизитор велел ему кормить из рук несчастную жертву и, по-видимому, погрузился в чтение.

— Мессир Вальдар, — услышал я за спиной голос принцессы, продолжавшей наводить порядок в своей прическе. — Вы специально заманили меня в этот замок?

Я широко открыл глаза от удивления. Принимая во внимание события сегодняшнего дня, заподозрить меня в столь коварном умысле было весьма сложно. Но, очевидно, для Ее Высочества не существовало ничего невозможного.

— Скорее уж в этом виноваты ваши лошади, — попытался пошутить я.

— Эта женщина — ваша возлюбленная? — без дальнейших экивоков прямо спросила Лаура.

— Нет.

— Но это ваш ребенок?

— Да. Скорее всего — да.

— И она — не ваша возлюбленная?

— Нет.

Мой ответ, видимо, привел собеседницу в замешательство. Помолчав немного, она возобновила вопрос.

— Вы любите ее?

Любил ли я леди Джейн? И да и нет. Я был влюблен в нее, как и всякий порядочный мужчина, признающий, что красивая, а тем более столь красивая женщина — это последнее и наиболее совершенное творение Создателя. Не восхищаться, а следовательно, не влюбляться в эту носительницу искры предвечного гения было бы неппростительной гордыней с моей стороны. Наши встречи с прекрасной маркизой были столь стремительны и сумбурны, что я попросту не имел возможности полюбить ее по-настоящему. Хотя, скорее всего, маленькая принцесса не делала особой разницы между понятиями любви и влюбленности.

— Пожалуй, нет.

Похоже, мои слова несколько успокоили Ее Высочество. Она задумалась, очевидно, готова новые каверзные вопросы, но тут нашу беседу прервал голос Лиса, донесшийся из-за дверей.

— О Боже! Что тебе здесь надо? Чего ты сюда приполз? — Мой верный собрат по оружию, вернувшись из инспекционного рейда, всюю нес караульную службу по ту сторону порога, очевидно, осмотрительно решив, что если будет надо, о нем вспомнят.

— Мне нужен мессир Вальдар, — голос явно принадлежал Шаконтону.

— Он не может тебя принять, — грудью встал на мою защиту Лис.

— Почему? — не унимался оруженосец лорда Нейвура.

— Потому что занят.

— Я отниму у него не более минуты.

— Черт возьми! — начал горячиться Лис, — тебе английским языком говорят, он занят. Он на службе.

— Всего одну минуту.

— О, мама дорогая! Это ж надо! Как не тевтонская ярость, так кельтская упертость. Пойми ты,

он никак не может сейчас с тобой разговаривать. Он там не один. Понимаешь, не один.

— Понимаю, — утвердительно ответил Шаконтон.

— Ну слава Богу! — обрадовался было Рейнар.

— Но я же совсем ненадолго.

— О-о-о! — Лис обреченно вздохнул. — Ты понимаешь, он там с женщиной!

Вот это было уже совсем некстати.

— Я сейчас выйду! — крикнул я, так чтобы за дверью меня было хорошо слышно.

— Ваше Высочество, вы позволите? Это оруженосец барона. Наверняка он пришел сообщить какие-то важные новости.

— Хорошо, идите, — как-то неохотно ответила Лаура-Катарина, — но возвращайтесь поскорей.

Через мгновение я предстал перед радостным взором Александра Шаконтонна, готовый к отражению новой атаки.

— Я слушаю тебя, Сэнди. Но если ты мне снова начнешь рассказывать о земле твоего господина, то лучше сразу оставь эту затею.

— Нет, нет, что вы, милорд. Прошу простить мне это досадное происшествие. Я и не думал...

— А следовало бы хоть иногда, — вмешался Рейнар.

— Хорошо. Забыли о дороге. Это все или у тебя есть еще какие-то дела ко мне?

Шаконтон замолчал, очевидно, подбирая слова.

— Милорд, научите меня драться так, как вы.

— Нет, — покачал головой я.

— Почему?

— Потому, что драка для дураков.

— А для умных?

— Для умных — победа, — продолжал цитировать я один из афоризмов великого мастера Ю Сен Чу, опуская, правда, его концовку: «для мудрых — мир». Пожалуй, здесь и сейчас это было бы чересчур сложно.

— Но, милорд, ведь я же прошу вас научить

меня драться так, чтобы побеждать, следовательно, чем большему я научусь у вас, тем больше ума наберусь.

Не попрешь. Логика железная. Впрочем, как и хватка. При должной постановке дела из парня, безусловно, мог выйти толк. Лет этак через несколько в нем можно было бы встретить весьма и весьма опасного бойца.

— Хорошо, Сэнди, но не сейчас. Начнем с утра. А сейчас, будь добр, сходи к барону и скажи, что Ее Высочество просит не держать на нее обиду за столь внезапный уход. Она очень устала с дороги. К тому же волнения сегодняшнего дня...

— Да-да, — поспешил вставить неизменную колкость Лис. — Внезапно подурнела. То есть, в смысле, подурнело.

— Хорошо, господа, я передам. Только вряд ли барона сейчас заинтересуют эти вещи. Он готовит замок к бою.

— Что?!

— Как, вы ничего не знаете? Вскоре после того, как вы ушли, барона вызвали к воротам. Там прискакал какой-то отряд и именем принца Джона потребовал впустить его в замок.

— Хором, что ли? — поинтересовался д'Орбиньяк, выразительно глядя на меня.

— Нет, почему хором? Командир, конечно, потребовал.

— И что барон?

— Барон разозлился и начал им кричать, что держит эти земли не от какого-то там безземельного принца, а от своих благородных предков. И что только король в праве здесь повелевать и что всякие проезжие бездельники и прощелыги могут спокойно отправляться куда подальше или же смиренно ждать до утра, когда его милости будет угодно опустить мост и открыть ворота.

— А они? — спросил я.

— Начали угрожать гневом принца, — хмыкнул Шаконтон.

— Ну, а лорд Джон?

Лицо юного оруженосца просияло.

— Он велел выстрелить в наглецов из баллисты.

— И как?

— Знаете, милорды, я не буду хвастать, но за последний год еще не было случая, чтобы, стреляя, я не попал в цель.

Лис усмехнулся, рукою прикрывая улыбку. Утверждение допускало три варианта: либо баллиста была заколдована, либо Шаконтону действительно не стоило хвастать, либо же он за последний год просто ни разу не стрелял из этой боевой машины. Однако сейчас нас интересовал результат одного-единственного выстрела.

— Ты попал? — уточнил Рейнар, сумевший наконец справиться с предательской улыбкой.

— Да, — гордо отозвался Сэнди, расправляя плечи, хотя, на мой взгляд, дальше их расправлять было уже просто некуда, — прямо в командира.

— Молодец! — похвалил его мой боевой товарищ. — Способный юноша. Далеко пойдешь, если, конечно, вовремя не остановят.

— И что люди принца?

— Отошли и стали лагерем под стенами. Мы — в осаде! — Почему-то эта новость доставляла будущему рыцарю бурную радость. — Завтра с утра будет славное дельце. Вы примете участие, правда?

— Непременно, — ответил Лис тоном, не предвещающим ничего хорошего. — Прямо сейчас же начинаем готовиться к бою. А ты пока иди, да сообщи барону то, что тебе велено.

Шаконтон отправился выполнять поручение.

— Ну, что ты думаешь про все это? — осведомился шевалье д'Орбиньяк.

— Люди, скорее всего, из нашего конвоя.

— Недобитки и прихвостни, — вставил свое веское слово пресловутый менестрель, — делать-то с ними что будем?

— В общем-то, нам они не помешают. Утром с ними побеседуем. Вотрем им сало между ушей.

Так, кажется, у вас говорится? И двинемся всей честной компанией в стольный град Лондон.

— Ага! А ты не допускаешь, что на случай столь стремительного маневра, благодаря которому мы с ними сегодня распрощались, у них заготовлен приказ держать и не пущать?

— Допускаю. Вот утром и разберемся. А пока давай лучше глянем, как там дела у Виконта.

— Да что там за дела? Один жует. Другой читает. Я связь не выключал, так что — все под контролем.

Возобновив связь, я напряженно вслушался. Лис не обманывал — на канале слышалось бульканье в виконтовском желудке, приглушенное чавканье и редкая по выразительности брань.

— Господи, — помянул Всевышнего заплечных делgrossмейстер. — Ну почему, почему наш король такой придурок? Представляешь, дружище, — обратился он к своей жертве, от щедрот его вкушавшей свой, может быть, последний ужин. — Я ему твержу, что в стране — заговор и братец его только и ждет, когда Ричард покинет Англию, а его величество, будь он неладен, пишет мне о мятеже какого-то лиможского виконта. Что виконт?! Тьфу! Нас...ть и — розами засыпать! Одно только слово Эду де Меркадье — и он голыми руками передавит всех виконтов Франции и Арелата вместе взятых!

При этих словах бульканье в животе стажера тут же прекратилось.

— Опять на подвиги потянуло! Сколько ж можно! Послушай, он пишет, что, оставляя страну на меня, Солсбери и своего любимого графа Честера, он абсолютно за нее спокоен, — продолжал незнакомец. Похоже, он не испытывал особого почтения к фигуре короля-рыцаря. — Я, конечно, тронут его доверием, но тут через несколько дней такое начнется, что все свое доверие он может скомкать и затолкать в то место, откуда у лошади хвост растет. У Солсбери на северной границе триста копий. У Честера здесь и того меньше. А у

принца Джона раза в два больше, чем у того и другого вместе взятых. И стоит он на полдороге от Лондона к Нортумберленду.

Чавканье на время прекратилось.

— Мессир, так, может, тогда вы велите расковать меня? Вы даруете мне свободу, а я вам — власть, богатство...

— И четки из философского камня в придачу! Дорогой мой, ты поел? Отлично. Вернемся к делу.

Послышался звук пера, окунаемого в чернильницу.

— Так. Джон из Уэкомба. Родился на свою беду в году тысяча сто сорок шестом в Ланкастере. Отец — латник, мать — служанка леди Фитц-Дейвуд. Это, что ли, покойной матери лорда Эйстона?

— Да, — со вздохом отозвался Джон из Уэкомба. Лис задумчиво посмотрел на меня.

— А ведь это к нему я должен был идти с паролем от Лейтонбурга, — помолчав, заметил он.

— Вот как? Что ж, можешь передать ему привет через Виконта.

— С какого года на службе у лорда Эйстона? — продолжал допрос тот, кого король полагал одним из столпов — оплотов своей державы.

— С 1179 года, милорд. И все эти годы неотлучно при его особе. Почти до самой смерти.

— Угу. Похвально. Особенно это почти. Ладно, давай, выкладывай все по порядку. Как на исповеди. Все равно другого духовника у тебя не будет.

Глава четырнадцатая

Нет ничего тайного, чтобы не стало явным в нужный для дела момент.

Игнатий Лойола

— Мессир Вальдар! — раздался из-за двери сонный голос принцессы.

— Да-да, иду, — отозвался я.

— Что еще нужно этой мальвине? — пробурчал Лис. — Капитан, вино и бабы доведут тебя до цугундера!

— Не беспокойся, я не думаю, что это надолго. Всего лишь целомудренный поцелуй в лобик на ночь.

— Мессир Вальдар!.. — произнесла Лаура-Катарина, с трудом открывая глаза, когда я появился в ее опочивальне. — Я желаю немедленно покинуть этот замок!

— Никак невозможно — мы в осаде.

— Да? Ну тогда я, так и быть, подожду до утра... — принцесса зевнула, как котенок, повернулась на другой бок и тут же уснула.

Я вернулся к своему напарнику.

— Ну что там?

— Да пока ничего интересного... Детские болезни, были ли сумасшедшие в семье, нет ли родственников за границей...

— Ладно, послушаем...

— Дорогой мой! Годы своего туманного детства ты можешь опустить. Я не собираюсь тебя тут слушать до второго пришествия. Говори по существу! Или ты думаешь, что без Пита я не смогу вращать эти колесики?

— К тому моменту, когда покойный король Генрих воевал со своими сыновьями, я уже служил у лорда Томаса где-то около восьми лет и пользовался его полным доверием. И вот однажды король позвал лорда Томаса к себе и сказал: «Звезды предсказывают мне скорую гибель». А это было как раз в те самые часы, когда он уверенно шел от победы к победе. Мой господин пробовал возразить, но король приказал ему молчать. «Не смей прерывать меня! — сказал он. — Ибо дело, которое я тебе сейчас поручу, важнее, чем все мои военные успехи. Ты пойдешь к моему казначею и получишь у него 50 тысяч солидов. Эти деньги ты должен передать моему сыну Ричарду. Сделаешь

так, чтобы казалось, будто ты решил перейти на его сторону. Эти деньги должны на какое-то время удовлетворить золотую жажду моего сыночка и даровать тебе все доверие, на которое он только способен. Если же я умру, как о том говорят звезды, дождись удобного часа и езжай в замок Жизор. Скажи его хозяину, что ты послан Пылким Ростком, чтобы взять свое. Все, что он тебе даст, ты должен будешь скрытно перевезти в свой замок Венджерси и в должный час передать тому, кому это принадлежит по праву».

— И кому же? — в голосе «следователя» послышались интонации хищника, почуявшего дичь. — Ричарду или Джону?

— Законному наследнику. Единственно законному! Принцу Джорджу Плантагенету.

— Кому?!

— Принцу Джорджу Плантагенету, сыну короля Генриха, в ту пору еще графа Анжуйского, и его законной супруги перед Богом и людьми, Мари де Вердамон, дочери бальи¹ города Бордо.

При звуках этого имени мы с Лисом одинаково дернулись и ошалело поглядели друг на друга. Такого поворота событий никто из нас не ожидал. Потребовалось обменяться информацией.

— Все дело в том, что к моменту своего брака с Элинор Аквитанской Генрих Анжуйский уже несколько лет был женат.

— Выходит...

— Выходит, что принц Джон и великий король Ричард Львиное Сердце — не более чем...

— Лис, ты понимаешь, что это значит? — почему-то шепотом произнес я.

— Ну где уж нам, уж... Означает это то, что «родственничек» мой играл вовсе не за императо-

¹ Бальи — судебно-административный исполнитель, представлявший короля.

ра, а за себя. Имея Лейтонбурга и Раймунда Арагонского у себя в тылу в качестве базы.

— Ну, это как сказать. Принц Оттон, видимо, считал, что держит де Вердамона в качестве последнего довода в шпиле¹ с Англией.

— И ты видел этого сына? — все с той же охотничьей интонацией быстро задал вопрос невидимый мучитель.

— Нет. Но лорд Томас видел. Законный наследник должен был показать ему какой-то только ему ведомый медальон.

— Есть ли какие-то доказательства того, о чем ты мне тут поведал?

— Я своими глазами видел лист, вырванный из церковно-приходской книги церкви Девы Марии, подписанный аббатом Клодом, духовником графа.

— И где этот лист сейчас?

— В одном из тайников замка Венджерси.

— И что, о свадьбе анжуйского графа и дочери бальи никто не узнал? Не было пышных торжеств по поводу столь знаменательного события?

— Нет, всего этого не было. Отец невесты внезапно умер незадолго до свадьбы, а выдерживать положенный траур было не в духе нашего покойного короля. Поэтому в нарушение всех обычаев венчание состоялось тайно и немедленно.

— Хорошо, с этим понятно. Ты знаешь, где этот тайник?

Заключенный, видимо, отрицательно покачал головой.

— Так я и думал. Ну ничего, если будет нужно, я велю разобрать этот замок по камешку. Что еще хорошего ожидает нас в его тайниках?

— После смерти короля Генриха мы отправились в Жизор и, к своему изумлению, получили там такие несметные сокровища, о существовании

¹ Ш п и л ь — дипломатическая или разведывательная игра (*оперативный сленг*).

которых вряд ли кто догадывался в Английском королевстве.

— А точнее?

— Одного золота, которое мы там получили, было четырнадцать возов.

Следователь явственно поперхнулся.

— Что? Съел, сталинский сокол? — злорадно прошипел Лис. — Капитан! У меня есть глобальная идея. А не заехать ли нам в Венджерси, пока этот сатрап переводит дух? Должен тебя предупредить, второго такого случая может не быть.

Он наткнулся на мой выразительный взгляд и сразу скис.

— А то можешь жениться на маркизке, — внезапно оживляясь, завершил он. — Хотя мне как-то не показалось, что она была особо рада нас видеть...

Судя по звуку, отец английской демократии и личность, приближенная к государю, в волнении осушила пресловутый ковшик.

— Ладно. С этим тоже вроде понятно. Перейдем к тем дням, когда ты предал своего господина.

— Все было совсем не так, милорд! — Запротестовал слуга лорда Томаса. — Незадолго до отплытия короля из Святой Земли маркиз встречался с посланцем законного наследника престола. Тот велел ему, как только корабль окажется у берегов Европы, сделать так, чтобы он пошел на дно вместе с Ричардом. Лорд Томас, мир праху его, проделал все в точности. В одну из ночей, когда море было беспокойным, он увидел невдалеке волны, разбивающиеся о скалы. И тогда Томас Эйстон велел мне приготовить к спуску однуединственную шлюпку, а сам отправил на корм рыбам впередсмотрящего, и если бы не злосчастный обломок мачты, ударивший его по голове, мы бы оба могли спастись. Мне удалось спустить шлюпку на воду, хотя это было совсем не просто. Каким-то образом мне удалось добраться до бере-

га. К радости своей, утром я увидел, что среди оставшихся в живых был и мой господин. Он был жив, но тяжело ранен. Я скрытно наблюдал за ними, опасаясь приблизиться, вплоть до того часа, когда короля, его оруженосца и лорда Томаса схватили имперские солдаты. Я отправился вслед за ними и однажды ночью решился прокрасться в лагерь, чтобы похитить своего хозяина или хотя бы его бездыханное тело. Увы, мне не повезло. Меня заметили, избили и как сообщника пленников доставили прямо к герцогу Лейтонбургу.

— И ты ему выложил все?

— А что мне оставалось делать? Лорд Томас был уже при смерти, сделать для него я все равно ничего бы не смог, а иной надежды спасти свою жизнь у меня не было.

— Ты прав, мой друг. Так что же именно ты ему сказал?

— Я сказал, что король Генрих, умирая, велел сохранить для своего законного наследника неисчислимыя богатства, которые хранятся в замке Венджерси. Казалось, он пропустил мимо ушей мой рассказ о золоте и драгоценностях и все спрашивал о каком-то посохе.

— Каком?

— Он называл его «посох императора Феодосия».

— Гм-м... Это мне ни о чем не говорит. Надо будет спросить у Инельмо.

«Ба! Знакомые все лица! — обрадовался я. — Во всяком случае, будет кому нас представить».

— Хорошо, оставим пока посох в покое. Что было дальше?

— Император, простите, герцог Лейтонбург дал мне денег, велел купить мне какую-нибудь ферму здесь, в Англии...

— И ни за что, ни за что не продавать каморку с очагом, нарисованным на куске холста! — не выдержал Лис.

— ...И ждать возвращения законного наследника.

— Понятно. Но, по-моему, ты кое-что забыл. Как насчет весточки, которую ты с оказией передал супруге своего господина?

— Вам же и так все об этом известно, — после некоторого молчания отозвался узник.

— Мне с самого начала было известно почти все то, о чем ты говорил! — тоном, не допускающим возражений, рявкнул неизвестный. — Но это мое дело! Мне важно, что знаешь ты!

Пытаемый обреченно вздохнул:

— Принц Оттон велел мне сообщить жене маркиза Венджерси, что ее супруг жив и находится в заключении в старом, полуразваленном замке Ройхенбах. Так я и сделал.

— Молодец, друг мой. Должен тебе сообщить, что по твоей милости погибли пятеро добрых англичан и едва избежала смерти твоя госпожа.

— Проклятие! По глупости своей они погибли! — неожиданно зло выругался Лис.

— Я не виновен, милорд! — словно слышав мысли моего напарника, запричитал Джон из Уэкомба.

— Виновен, виновен. Но речь не об этом. Ты облегчил свою душу, сказал правду и, как честный человек, достоин смерти. Более того, друг мой, ты умрешь от удара меча, как положено дворянину, а не как грязный изменник, разорванный четверкой лошадей.

— Пошадите, милорд! Я вам еще пригожусь!

— Не надо, Джон. Ты мне уже больше ничем не годишься! Не порть мое мнение о тебе, ты так великолепно держался на допросе. Когда-нибудь я закажу мессу за упокой твоей грешной души... Эй, Пит!

Послышался звук открывающейся двери.

— Отнеси приговоренного в его камеру да позаботься, чтобы у него была теплая вода и вообще

все, что он себе пожелает. Завтра на рассвете отрубишь ему голову. Да, кстати! Ты узнал, что это за туловище мне сюда притащили?

Несчастный стажер, все это время лежавший в душном волосяном мешке ни жив ни мертв, обомлел, поняв, что наконец-то пришла его очередь.

— Они сами не знают! — прогудел Пит голосом низким, как звук соборного колокола. — Говорят, что он сопровождал Джеймса Лесли.

— Занятно! — Раздался гулкий звук шагов, звяканье шпор, и Виконт почувствовал сильнейший тычок под ребра.

Надо признать, что он достойно встретил первый натиск неприятеля, то есть продолжал усердно изображать бесчувственное тело.

— Да он, часом, не окочился? — с тревогой в голосе спросил будущий собеседник де Монгийе. — Вечно эти остолопы материал портят! Так! Вода у нас кончилась. — Пустое ведро полетело в угол. — Бен, идиот, чего ты смотришь! Быстро принеси воды!

Виконт внутренне запротестовал, предчувствуя холодный душ, но тут шаги вновь стали приближаться. Чья-то рука подхватила мешок, в котором он был добротнo упакован, и первое, что он увидел, было острие кинжала, проскользнувшее в полудюйме от его носа. Виконта бесцеремонно вытряхнули из вспоротого мешка на свет божий, кой который соответствовал самым грустным его предположениям.

Пыточная камера была оборудована по последнему слову науки и техники конца XII века. Часть приборов была мне известна, о назначении некоторых я только догадывался. Я от души надеялся, что лекции, на которых рассказывалось о применении подобных изобретений человеческого гения, наш стажер благополучно проиграл в футбол. Во всяком случае, мне не хотелось его расстраивать раньше времени.

— Ба! Очухался! Прекрасно, мой друг, прекрасно. Что ж, давай знакомиться. Я — Джордж Уолрен, граф Шейтмур. В народе меня еще называют Варрава.

— Варрава? Тот самый? — зачарованно прошептал Крис, созерцая коренастого атлета, оголенного по пояс... Действительно, в комнате было жарко: пламя, разведенное под многочисленными щипцами, давно уже натопило комнату до банного состояния.

— Тот самый! — с радостной улыбкой подтвердил граф Шейтмур. Его добродушное лицо рубахи-парня как-то странно не сочеталось с графским титулом и основной профессией.

Виконт вдумчиво икнул.

— А почему ты так волнуешься? По мне — основная трагедия христианства в том, что Иисус слишком поздно познакомился с Варравой. Будь он знаком с ним раньше, весь Синедрион вкупе с римским прокуратором и Иудой был бы вырезан еще до того, как они додумались коснуться Сына Божия. Смотреть надо, кому истину проповедовать! Да ты не молчи, ты разговаривай! Потому что сейчас ребята придут, на дыбу тебя подвесим, и разговаривать тебе все равно придется. Правда, с куда меньшими удобствами.

Наш юный друг не заставил себя долго упрашивать.

— Я — Кристиан де Ла Доннель, виконт де Монгийе, оруженосец доблестного рыцаря Вальдара Камдила.

Крепыш, кажется, в полном изнеможении сел на дубовую плаху, напоминающую разделочную колоду мясника:

— Господи, ну а этот-то авантюрист откуда взялся на мою голову?! В портах вы не высаживались, на территории королевства о нем слышно не было... На ковре-самолете вы что ли прилетели?

Виконт стоически молчал. То ли его напугала

неожиданная реакция внезапно ожившего библейского персонажа, то ли еще что... Но, видимо, кроме собственного имени, он решил не сообщать врагу более ничего.

— Ну ладно... — со вздохом продолжал Джордж Уолрен, — этот хоть вменяемый. Надеюсь, с ним можно будет говорить по-человечески. Как твой хозяин, понимает нормальный язык?

Кристиан кивнул.

— Спасибо, друг! Ты меня буквально возвращаешь к жизни! — облегченно произнес граф, меряя шагами камеру пыток. — Ну, а тебя-то чего понесло к этому Лесли?

— К кому?! — от удивления Вик забыл свой обет молчания.

— Сэру Джеймсу Лесли, знаменщику лорда Тичфилда.

— Не знаю такого, — угрюмо пробормотал стажер.

— Ну-у, вот и приехали. Я-то уж думал, что мы хоть с тобой пойдем друг друга без помощи всего этого арсенала, — граф широким приглашающим жестом обвел свои владения. — Хорошо, даю тебе последний шанс! Но учти, что чем больше ты сможешь следствию, тем целее останешься.

— Суд учтет твое глубокое раскаяние, и смерть твоя будет легка и беззаботна! — утешил Виконта Рейнар.

Фраза, которой ответил ему Вик, не подлежит публикации в изданиях, которые могут попасться на глаза дамам.

— Сам дурак! — вежливо парировал Лис.

— Так, — продолжал Шейтмур. — Ты помнишь, за что тебя взяли?

— Нагрубил караулу, — нехотя признался Крис.

— Нет, друг мой. За это сюда не попадают. За это можно получить в глаз, оказаться в Темзе под большим мостом, но чтоб вот так вот, к лорду-

канцлеру Пурпурной палаты — за препирательства со стражей, это ты что-то путаешь.

— Ну... я только сказал им, что у них разбойники под стенами нападают на честных купцов.

— О, это уже теплее. Что там за купцы?

— Да там-то и был всего один купец...

— Постой, постой! Высокого роста, крепкого телосложения, над правой бровью родинка, весьма ловко действует секирой.

— Да, — удивленно согласился Кристиан, — секирой действует действительно хорошо.

— Ну вот, — вновь расплылся в улыбке граф. — А ты говоришь, что не знаешь Лесли! И где он сейчас?

— Так, вот... его ж... это... и убили...

— Ай-яй-яй! Какая неудача! — расстроился лорд-канцлер Пурпурной палаты. — Что за времена! Во всей Англии не сыскать толковых работников. Убит... какая жалость! Что ж ты его не уберег? — все так же горестно сокрушался Варрава. — Тебе такого человека доверили сопровождать!

— Да не сопровождал я его! В пути встретил, милях в двадцати от Лондона.

И Виконт начал долго и сбивчиво рассказывать нашу историю со времени попадания к Робин Гуду.

— ...Знаешь, Капитан, — задумчиво обратился ко мне Сережа, — мне этот пыточных дел лорд-канцлер сильно напоминает кормчего Накта. Помнишь, был у тебя на флагманском драккаре? Одно лицо! Да и хватка, в общем-то, та же...

— погоди, дружок, что-то я не понял, чего это патруль принца Джона за тобой погнался? — услышали мы голос графа Шейтмура.

— Да они меня окликнули: «Кто едет?» Ну я возьми наобум и ляпни: «Рональд Рейган!»

— Да, — изумился его собеседник, — а почему ты это сказал?!

— Просто так, — стушевался Виконт, понимая,

что назвал не тот пароль. — Имя знакомое, актера одного так звали...

— Хорошие у тебя знакомые! Скажи спасибо, что тебя из лука сразу не пристрелили. Больше так не шути. За голову разбойника и душегуба Рона Ригана назначена награда в сто золотых.

Возникла неестественно длинная пауза, по истечении которой Лис радостно заржал.

В комнату ввалился буйволородный мужчина, волокущий ведро воды.

— Вот, милорд, как вы приказали!

— Спасибо, дружок. Поставь в угол. А теперь, знаешь что? — Граф Шейтмур приблизился к детине, возвышавшемуся над ним на целую голову. — Будь добр, сходи-ка к графу Честеру, попроси его зайти ко мне. Только накинь что-нибудь, а то еще подумают, что его черед настал... — Он напутственно похлопал питекантропа по спине. — Ступай, мой дорогой.

Виконт продолжил свою одиссею.

— Ладно, — прервал его лорд-канцлер. — Обо всем этом ты мне расскажешь как-нибудь на досуге. Времени у нас с тобой будет достаточно. Сейчас переходи к тому моменту, когда ты встретился с Лесли.

И Крис начал печальную повесть о безвинно убиенном купце. Шейтмур слушал его с напряженным вниманием, не пропуская ни единого слова.

— погоди! — остановил он Вика, услышав о «последней воле» бедного странника. — Где пергамент?

— В сапоге...

— Правильно, мой мальчик! — одобрил Лис. — Сапог, он всегда в бою надежнее! А планшет у нас только кэптэн предпочитает...

— Давай сюда! — потребовал Уолрен, вмиг теряя всю мягкость своих манер.

Де Монгийе вытащил из левого сапога иско-

мый пергамент. «Пыточных дел канцлер» хищно схватил протянутое послание и погрузился в чтение.

— Счета, — констатировал он. — Вино, лес, кожа... Ерунда, в общем... А вот и то, что нам нужно. Хитрец! — ухмыльнулся он. — Три буквы S, пересеченные линией! Только полный идиот может принять их за подпись!

Граф явно преувеличивал количество недоумков. Я бы, например, принял.

— «Слой на слое», — пояснил он своему растерянному собеседнику. — Простенький алхимический значок. Ты не возражаешь, если мы покинем эти стены и поднимемся ко мне?

Виконт не возражал. Джордж Варрава, подойдя к стене, в которую были вмурованы две колоды с зажимами для рук, взялся за них и с силой потянул. Каменная плита рядом с ним стала медленно поворачиваться.

— Проходи! — пригласил гостеприимный хозяин, указывая на открывшуюся за плитой винтовую лестницу. — Да поскорее! За каждым кольцом по два пуда!

Вик проскользнул на лестницу, граф бросил кольца и быстро последовал за ним. Плита за их спиной быстро встала на прежнее место. Путь по лестнице не занял много времени. Вскоре стажер и шеф тайной полиции очутились в обещанных апартаментах. Шейтмур положил пергамент на стол, прижав его по краям серебряными монетами.

— Так, сейчас мы тут соорудим пентаграмму... Мало ли какой нечисти они сюда напихали... — Граф взял шило и ловким движением начертил обещанную фигуру. — По углам светильнички зажжем, на всякий случай... И прочтем заклинание.

— А вы умеете? — заинтересованно спросил Виконт. — Вы что, настоящий маг?

— Да нет, конечно. Но с моей работой всякой гадости нахватаешься.

Варрава сосредоточился и начал что-то заунывно выпевать, вибрируя голосом на каждом слове. По пергаменту забегали голубые язычки пламени, слившиеся в одну яркую вспышку. Когда пламя утихло, на столе лежал нетронутый пергамент с ясно видимым истинным текстом.

— И все?! — как-то обиженно удивился граф. — Могли бы чего-нибудь и половчее придумать. Нет, старику Тичфилду давно пора на покой. Ладно, что тут они понаписывали?

Держа пергамент в руках, он патетически прочел: «Когда внук трубадура повезет железные кольца в страну петухов, буйволиные кожи в столице поднимутся в цене».

— Поэт! — хмыкнул Джордж Уолрен.

— А по мне, так полный бред, — признался Вик.

— Ну что ты, мой дорогой! Это не бред. Это обычная детская загадка. Вот посмотри: «внук трубадура» — это наш дорогой король Ричард. Дед его, граф Пуату, был известный всей Франции трубадур. «Страна петухов» — Галлия, иначе Франция. Кого он туда повезет? Солдат, одетых в «железные кольца», или кольчуги.

— Ну а эти кожи?

— А в колетах из буйволиной кожи выходит в бой чернь... И означает это пренеприятнейшее событие, что с отплытием Ричарда во Францию в столице должен начаться мятеж. Значит, огонь ждет нас с двух сторон.

Граф в задумчивости барабанил пальцами по свитку... Виконт тоже притих, осознавая важность момента. В коридоре слышались стремительные шаги уверенного в себе человека. Дверь распахнулась, и на пороге возник граф Честер, хотя нам с Лисом показалось, что это был барон фон Шам-

берг, рыцарь Атакующей Рыси, собственной персоной. Да, так оно и было.

— Привет, Джо! Ты звал меня? — жизнерадостно обратился вошедший к лорду-канцлеру.

— Да, Росс. Вот, хотел познакомить тебя с этим молодым человеком.

Лорд Честер недоумевающе посмотрел в сторону Виконта.

— Зачем?

— Ну как тебе сказать... Он утверждает, будто является оруженосцем твоего друга Вальдара Камдила.

— Скажи ему, что я часто вспоминаю встречу у Лухсенвальского моста и передаю ему горячий привет, — поспешил передать я Крису.

Тот не замедлил воспользоваться моей рекомендацией. Секунду барон недоверчиво смотрел на юного оруженосца, а затем с диким приветственным ревом: «Вернулся! Ну наконец-то!» — заключил несчастного в свои медвежьи объятия.

— И где он?

— В замке Нейвур осажден войсками принца Джона.

— Что? В замке Нейвур?! — Росс грохнул кулаком по столу, обрушивая светильники. — Немедленно трубить поход!

Глава пятнадцатая

Война — это война!

Георг Ганноверский

— Постойте, ваше сиятельство! — Варрава, кажется, начисто забыл дружеское «Росс». — О каком походе вы изволите говорить? Если мне не изменяет память, под вашим началом состоит двести семьдесят копий и отряд из восьмисот лучников. Этими силами вы обязаны контролировать

весь юг и юго-восток Англии, да к тому же и сам Лондон!

— Проклятие, ваше сиятельство! Я и сам не хуже вас знаю, какие силы состоят у меня под рукой. Заметьте, Его Величество поставил меня командовать этими войсками, а не вас! И я лучше знаю, как ими распорядиться. Я велю трубить поход сейчас же!

— Граф Честер! — в голосе Шейтмура слышался уже знакомый нам металл. — Еще раз говорю вам: это неразумно. Силы принца Джона превосходят ваши втрое. К тому же вы не сможете оставить столицу без гарнизона, и вам придется взять лишь часть своей армии. Тогда его силы будут превосходить вас еще более. Вам следовало бы немедленно разослать гонцов во все окрестные гарнизоны с приказом немедленно привести их в боевую готовность. А наипервейшее, что вам следует сделать, — это сообщить о мятеже Уильяму Солсбери и объединенными силами ждать противника у лондонских стен.

— Не вам меня учить, что я должен делать! — отчеканил Росс и сделал попытку обойти стоявшего у него на пути графа.

— Стойте, милорд! Я требую, чтобы вы меня выслушали! — Рука Шейтмура тяжело легла на плечо рыцаря Атакующей Рыси. — Согласно сведениям, которые доставил этот юноша, — он указал на Криса, — сегодня-завтра в столице также должен вспыхнуть мятеж. Ваше присутствие здесь более чем необходимо.

Но для графа Честера все уже было решено.

— Я оставляю вам достаточно людей, чтобы справиться с кучкой взбунтовавшейся черни! — с этими словами он сбросил руку Уолрена со своего плеча и решительным шагом вышел за дверь.

— Дьявольщина! Любовный зуд этого бешеного упряма губит Англию! — с бессильной злостью пробормотал лорд-канцлер. — Не успел твой гос-

подин ступить на территорию Британии, как ситуация начала выходить из-под контроля. Какие-то дьявольские случайности! Сначала он попадает к принцу Джону, чем провоцирует его начать выступление раньше, чем я предполагал; потом нелегкая заносит его в Нейвур, куда та же нелегкая всего неделю назад занесла эту чертову пассию нашего пылкого тевтонца! Интересно, какие еще приятные сюрпризы приготовил нам сей доблестный рыцарь?

Граф оборвал свою гневную речь, позвал слугу и потребовал принести ему письменные принадлежности. Повернувшись к стажеру, замороженно наблюдавшему за вершителями судеб английского королевства, абсолютно спокойным тоном поинтересовался у него:

— Ты, наверное, голоден?

Сладкой музыкой прозвучали эти слова для Виконта. От избытка чувств он лишь энергично кивнул.

Начальник тайной полиции крикнул вдогонку слуге:

— Принеси-ка что-нибудь пожевать этому молодому господину!

Слуга почтительно поклонился и отправился выполнять приказание.

— Так, Капитан! В общем, я пошел спать! — Лис широчайше зевнул и демонстративно рухнул на стоявшую поблизости лежанку. — Не кантовать, при пожаре выносить первым... Росс придет — разбудишь, — предупредил он.

Слегка ослабив перевязь, я вытащил меч и, усевшись поудобнее, начал полировать голубоватый клинок. За стеной мирно почивала принцесса, на лавке вовсю давал храповицкого Лис, аппетитно чавкал по мыслесвязи Виконт... Где-то за стенами замка строили коварные планы нежданные-негаданные враги... Все было тихо и спокойно. Идиллический средневековый пейзаж.

— Милорд!! Милорд! Нас сейчас будут штурмовать!!! — вездесущий Шаконтон с радостными воплями ворвался в нашу обитель мира и покоя.

Я устало на него посмотрел. Разговаривать с этим приверженцем хорошей драки мне не хотелось. Только-только заснувший Лис перевернулся на спину и, не вынимая рук из-под головы, гнусавым сонным голосом назидательно произнес:

— Какой штурм?! Глубокая ночь! Только полный идиот полезет на эти куртины¹ в такую темень.

— Барон уже на стене!.. — несколько разочарованно продолжал воинственный оруженосец, не ожидавший подобной реакции. — Я думал, что и вы хотите...

— Лично я хочу спать! — Лис перевернулся на другой бок.

Шаконтон стоял, растерянно моргая, посреди кордегардии. Я поднялся, возвращая клинок в ножны.

— Поспи пока одним глазом, я схожу посмотрю, что там делается, — обратился я к Лису. — А насчет «полных идиотов» — вспомни Ольденбург и господина фон Бендера!

— Иди-иди, — напутствовал меня сонный напарник. — Безумству храбрых поем мы песню! Безумство храбрых сродни психозу...

Вскоре радостный Шаконтон вывел меня на боевую галерею. Барон Нейвур, стоя за мощным каменным зубцом, с нескрываемым изумлением наблюдал за происходящим внизу.

— Ну что там? — обратился я к хозяину замка.

— Не могу понять... Мне кажется, они сражаются друг с другом!

По ту сторону рва слышался звон оружия, невнятные крики и стоны. В неясном, мечущемся

¹ Куртины — крепостные стены.

свете пламени караульных костров можно было разглядеть, что внизу идет жаркая схватка.

— С кем это они?

— Не могу понять...

Никаких боевых кличей не звучало в ночи.

— Четверть часа назад осаждающие подняли тревогу, вот с тех пор и рубятся.

— А что, штурмовать не будут? — подал голос окончательно расстроившийся Александер.

— Скорее всего, нет, — обнадежил его я.

— А может, сделаем вылазку? — обратился к барону его оруженосец.

— Может быть. Но на рассвете, — успокоил не в меру ретивого бойца Джон Нейвур.

— Да вы не беспокойтесь, в случае чего мы и сами управимся, — повернулся он ко мне.

С некоторой досадой я возвратился к Лису, открывшему глаза при моем появлении.

— Ну что, герой? Поразвлекался? Куда прикажешь ставить воз твоих лавров?

Пропуская слова моего язвительного друга мимо ушей, я вновь уселся полировать меч, как бы невзначай напомнив ему:

— Кстати, вставать тебе через два часа.

— Нечестно! — запротестовал он. — Пока ты там совершал чудеса героизма на стене, я тут бдел, как пограничник Карацупа!

Кто такой пограничник Карацупа, я не знал. Видимо, герой украинского эпоса. Но я только пожал плечами, демонстрируя, что дела это не меняет. Лис тяжело вздохнул и поспешно стал наворачивать упущенное.

«Интересно, как там поживает наш ненасытный стажер?» — подумал я, включая связь. Перед моими глазами возникла картина, достойная стать основой для фламандского натюрморта. Груды костей всевозможных размеров на пустом блюде свидетельствовали, что на сей раз трапеза одним зайцем не ограничилась. Благодушный Виконт

сидел за столом, держа полупустой кубок в руках, расслабленно глядя на углубленного в работу хозяина.

— Как дела, Вик?

— Хорошо-о-о... — констатировал де Монгийе.

Тут Шейтмур отвлекся от своего занятия и, устало поглядев на разнежившегося гостя, обратился к нему:

— Так куда ты должен был доставить этот свиток?

— Хозяину шорной мастерской «Два седла».

— «Два седла», — повторил он. — Хорошее название. Говорящее.

Виконт молчаливо согласился, хотя по всему было видно, что ему оно как раз ни о чем не говорило.

— Значит, без братьев тамплиеров и этот бунт не обошелся. Надо будет как-нибудь на досуге заняться этим змеиным гнездом. Друг мой, — снова обратился Уолрен к Крису. — Давно ли ты в оруженосцах?

— Да нет, не очень, — сконфуженно признался де Монгийе.

— Ну ничего, золотые шпоры тебя не минуют. Такого молодца, как ты, сам Бог создал рыцарем.

Виконт блаженно улыбнулся. Я насторожился — подобное начало не предвещало ничего хорошего.

— Эй, Крис, внимание! — прервал я его эйфорию. — Кажется, сейчас тебе сделают предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

— А что, разве этот лорд неправду говорит?

— Правду, правду...

Между тем лорд продолжал вешать эту самую правду на уши потерявшего бдительность стажера.

— Понимаешь, в чем дело... Наш общий друг, граф Честер, устремившись на помощь твоему господину, поставил нас всех в очень трудное положение. Да ты и сам слышал, — добавил он. — Я был

бы очень тебе благодарен... да что я, король Ричард был бы тебе очень благодарен, да и твой господин также...

— Вот меня в эту компанию пока еще не включать! — строго заявил я.

Шейтмур продолжал заливаться соловьем:

— Если бы ты помог мне. Заметь, помог не в какой-то ерундовой затее — помог спасти Англию!

— Что я должен сделать? — автоматически отреагировал Вик.

— Да практически ничего, сущие пустяки: ты, как честный человек, должен выполнить последнюю волю этого бедняги Лесли. Только понесешь ты по указанному адресу чуть измененное послание.

— Ну что, — спросил меня мой оруженосец. — Идти или нет?

— В общем-то, варианта «не идти» у тебя нет. Но лучше все равно идти.

— Хорошо, я согласен.

— Я верил в тебя, мой друг! — Варрава похлопал Кристиана по плечу. — Мы спасем Англию! Тогда остается самая малость.

Он положил лист пергамента посреди начертанной пентаграммы и вновь начал устанавливать по углам перевернутые Россом светильники.

— Вот вечно так: придет, нашумит, надебоширит...

— Вик, на всякий случай посмотри, что за шифровку ты повезешь под эти «Два седла», — посоветовал я стажеру.

Тот поразился простоте этой мысли и, сделав отсутствующее лицо, скосил глаза на пергамент.

«Когда внук трубадура повезет железные кольца в страну петухов, гвозди на яблочном брое будут необычайно дешевы. Продажа их и буйволых шкур обещает нам большую прибыль». Я поразился необычайным талантам второго в государстве человека: написанный им текст был неотли-

чимо похож на тот, что был написан рукой Тичфилда.

Произведя необходимые магические операции над пергаментом, Шейтмур стал тем же почерком выписывать счета на вино, лес и кожи.

— Ну вот и готово! Я буду очень удивлен, если кому-то удастся обнаружить подделку. — Граф удовлетворенно оглядел свое произведение. — Славно. Сейчас слуга проводит тебя в опочивальню, отдохни, выспись... А поутру отнесешь сей пергамент по известному тебе адресу.

Ничего интересного в ближайшее время здесь не ожидалось. Виконтовские сны меня не интересовали. Дождавшись смены, я растолкал недовольного Рейнара и радостно улегся на его теплое место.

— Давай я тебе страшные сказки на ночь буду рассказывать! — предложил мой заботливый друг.

— Да нет, с меня Варравы на сегодня хватит.

Я провалился в сон. Мне показалось, что прошло всего несколько минут, а Лис уже тряс меня за плечо!

— Не спи, замерзнешь!

— Не замерзну, — попытался отбиться я.

— А я говорю, замерзнешь!

Положение было безвыходное — пришлось вставать.

— Ну, что у нас плохого? — процитировал я Мишеля Дюнуара.

— Шаконтон приходил.

— Чего хотел?

— Сказал, что противник отступил. По этому поводу у мальчика плохое настроение.

— Сходить посмотреть, что ли?

— Сходи, что ли, может, интересного чего увидишь.

Плеснув на лицо водой, я несколько пришел в себя и отправился инспектировать поле боя. Барон Нейвур был уже там. Поле неподалеку от

замка было усеяно следами ночной сечи. Похоже, схватка была жестокой и беспорядочной.

— Двадцать два человека убито со стороны принца Джона, их противники потеряли семнадцать.

— А кто же эти противники?

Барон пожал плечами:

— Раненых не осталось...

— А значков или гербов на щитах нет? На разбойников не похожи... Снаряжены прекрасно, отличные кони, — я указал на бродивших невдалеке коней убитых.

— Скорее всего, это те же люди, которые гнались за нами. Следовательно, нужны им были, видимо, мы, а на солдат Джона Плантагенета они наткнулись случайно. Видимо, хотели по-тихому пробраться в замок, да вот не вышло.

— А куда делись остальные осаждающие?

— Отступили ранним утром. Я послал Шаконтон с несколькими воинами разведать обстановку.

Внутренне похвалив предусмотрительность барона Нейвура, я отправился к Лису сообщить ему результаты своих наблюдений. Напарник радостно поприветствовал меня фразой:

— Ты знаешь, что Виконта вербанули?

— Знаю.

— Это хорошо, это по-нашему, — продолжал восхищаться он.

— А чему ты, собственно, радуешься?

— Ну как же! Теперь весь наш маленький, но дружный коллектив состоит из сотрудников английских спецслужб. Ну, про тебя я совсем молчу, с Виком тоже понятно, а я, если ты помнишь, вообще ветеран британской разведки еще с прошлого похода. Кстати, будем в Лондоне, напомни, чтобы я не забыл зайти к Шейтмуру — получить зарплату за годы безупречной службы.

Я включил связь.

— ...Когда передашь письмо хозяину мастерской, тебя либо поблагодарят и выставят за дверь, либо, и скорее всего, попросят подождать и дадут ответ.

— Принести его вам? — догадливо предположил Виконт.

— Ни в коем случае! Когда ответное послание будет у тебя, отправишься в портовую таверну «Полный трюм». Спроси хозяина, не приходил ли сегодня господин Бенуа. Он должен сказать тебе, что тот недавно вышел, но вскоре должен вернуться. Закажи себе завтрак, платить не надо, за все заплачено. Посиди, осмотришься. К тебе подсядет человек, который спросит, не вы ли ждете господина Бенуа. Незаметно отдай ему пергамент и уходи. Где-то пополудни вновь наведайся в эту корчму — тот человек будет уже ждать тебя с тем посланием, которое ты должен будешь доставить по назначению. Запомни лицо этого господина. Вполне возможно, что тебе еще придется с ним в будущем встречаться.

Крис согласно кивал.

— Ну что ж, с Богом, мой друг! И да пребудет с тобой святой Георгий!

— Святой Януарий, святой Франциск, святой Антонио!.. — весело продолжил Лис.

Стажер гордо расправил плечи и отправился совершать свой великий подвиг. Оставив Виконта блуждать по кривым улочкам средневекового Лондона, мы с Рейнаром занялись делами нашими настоящими.

— Послушай, Лис. Что ты думаешь по поводу сегодняшнего ночного недоразумения?

— Ну, судя по тому, какой грустный был сегодня утром Шаконтон, драка, видимо, была хорошая.

— Нет, Сережа, я не о том. На людей принца Джона напали, скорее всего, те самые джентльмены, которые совсем недавно гонялись за нами.

Я все больше склоняюсь к мысли, что это — люди императора.

— Да уж, судя по их наглости, очень похоже на то.

— Тогда давай подумаем, кого из нас они преследуют?

— Явно не меня! Разве что он решил возобновить мои гастроли в Германии.

— А если серьезно?

— Ну смотри: есть две кандидатуры — либо ты, либо Их Высочество. Твою неумеренную прыть император уже отлично знает. Думаю, если бы вся эта свистопляска была организована исключительно ради твоей персоны, то ты бы уже давно лежал посреди глухой лесной дороги со стрелой где-нибудь в основании черепа. Логично?

— Более чем.

— Теперь дальше. О тебе герольд Лейтонбургский узнал когда? Правильно — в тот же день, когда какие-то неизвестные пытались спереть принцессу.

— Думаешь, та же рука?

— А почему нет? Подумай сам — люди, которые устраивают весь этот балаган, сюда приехали еще до того, как мы еще здесь — случайно, заметь! — появились. Опять же, если помнишь, принцессу по дороге в Ноттингем кто-то преследовал. Так что и не надейся, это не за тобой! Ты вот мне лучше скажи, эта-то красotka зачем ему нужна? С леди Джейн все ясно, а какие костыли нужны ему от принцессы Каталунской? Или этого старого хрыча все-таки на склоне лет пробил любовный стих? Но он же ей в деда годится!

— В отцы, — машинально поправил его я. — А ну, стой, стой! Сейчас уточним! «Джокер-1» вызывает Базу! «Европа-Центр», ответьте «Джокеру-1»!

— О, Капитан, ты снова здесь! — послышался знакомый девичий голос.

— Радость моя, неужели ты могла подумать, что я вот так брошу тебя среди всех этих кнопочек и мигающих ламп?

— Ой, ну что вы! — деланно смутилась барышня.

— Честное слово! И разговор у нас с тобой будет сегодня исключительно о семейных узах, — я сделал паузу, во время которой девушка затаила дыхание. — Будь добра, дай-ка мне справочку о составе семьи императора Оттона II.

Дежурная разочарованно хмыкнула и официальным голосом начала выдавать мне требуемую информацию.

— Оттон Лейтонбургский, женат. Жена — Матильда Плантагенет.

— Это можешь опустить. Дети?

— Старший — Оттон, 32 года.

— Род занятий?

— Герцог Австрийский.

— Прелестно. Дальше?

— Второй сын — Конрад, 30 лет, король Сардинии и Корсики.

— Еще лучше.

— Дочь Генриетта, 27 лет, замужем за Альфонсом VII, королем Кастилии. Третий сын — Генрих, ныне Энрико III, король обеих Сицилий, 25 лет. Дочь Маргарита, 22 года, замужем, за королем Чехии Венцеславом.

— Хороша семейка! Прямо не император, а Всеволод Большое Гнездо! — восторженно воскликнул Лис.

— Еще дети есть? — устало спросил я свою невидимую визави.

— Есть! — с оттенком злорадства ответила она. — Йоган, 20-ти лет.

— Ну мужик дает! — восхитился Рейнар.

— А этот чего король?

— Ничего. Йоган, прозванный Криворотым, на данный момент является первым герцогом Гессенским.

— Всего-то?! Что же ему папаша к двадцатилетнюю порядочную корону не мог подарить? — Лис был явно разочарован.

— Вот мы и подходим к разгадке нашего ребуса. Радость моя, а что, этот Ганс женат?

— Нет.

— Что и требовалось доказать. Остальное, я думаю, мы узнаем у нашей подопечной.

— А что, что там такое, расскажите! — Девушка, видимо, давно дежурила и испытывала острый сенсорный голод.

— Подруга, это тайны высокой политики! — Патетическим тоном произнес д'Орбиньяк, как всегда без спросу вмешавшись в мою беседу. — Я, может быть, себе боюсь в них признаться! Не грусти, на досуге я к тебе как-нибудь заверну, напою военных песен тебе на ушко!

— Хам! — отозвалась девушка, моментально переходя на официальный тон. — База «Европа-Центр», связь заканчиваю.

Я выразительно посмотрел на Лиса:

— Ну что, теперь нам только остается дожидаться пробуждения юной леди. Думаю, проснувшись, она изъявит желание тотчас отправляться дальше.

— Прочь из этого замка! Сюда я больше не ездец! — писклявым голосом завопил Лис, капризно топая ножкой.

— Слушай, сходи-ка лучше к своей боевой подруге, пусть трубит зарю в своем курятнике. Займитесь с ней подготовкой к отъезду.

— Правда глаза колет! — уходя, заметил он.

Я вновь занял вакантную лежанку, но расслабиться мне так и не удалось.

— Мессир Вальдар, вы здесь? — прозвучал требовательный голосок из-за двери. — Осаду уже сняли?

Принцесса спросила об этом так, как будто это были грязные носки, и снять ее было делом минутным.

— Да, Ваше Высочество, — отозвался я.

— Значит, мы можем сейчас же двигаться дальше? — обрадовалась она.

— Как только это будет угодно Вашему Высочеству, — ответил я как можно почтительнее.

— Распорядитесь прислать сюда моих дам!

— Уже делается.

Принцесса мило поблагодарила меня, задернула полог и стала, чем-то шурша, приводить себя в подобающий вид. Я стоял и размышлял, как спросить это дитя юга, не сватался ли к ней наш подзреваемый? После некоторого раздумья я рассудил, что куртуазные обороты тут будут неуместны, и решил спрашивать, что называется, «в лоб».

— Ваше Высочество, скажите, просил ли кто-нибудь вашей руки?

Шуршание мгновенно прекратилось.

— Да, а что? — Заинтересованное личико принцессы показалось из-за тяжелой бархатной занавеси. — И неоднократно!

Это несколько осложняло задачу.

— А был ли среди претендентов Йоган, младший сын императора Оттона?

Личико скрылось.

— Был. — В голосе принцессы отчетливо слышалось разочарование. — Отец был за, но я ему отказала. У него рот кривой, — добавила она.

— Тогда я должен вас поздравить. Всадники, преследовавшие нас вчера днем и, видимо, пытавшиеся пробраться сегодня ночью в замок, — шаферы вашего отвергнутого жениха.

— Никто и никогда не заставит меня выйти замуж за этого уроды! — возмутилась страстная каталунка.

В этом я как раз сильно сомневался. Не доверять умению Лейтонбурга убеждать кого угодно и в чем угодно причин у меня не было. Но сказать об этом я не успел. Дверь кордегардии хлопнула.

— Они идут! Идут... Ой, а есть тут кто? — услышал я голос Шаконтонна.

— Простите, Ваше Высочество! Оруженосец барона прибыл с каким-то срочным сообщением. — Я быстро вышел в караульное помещение.

— Чего ты кричишь? Кто куда идет?

— Авангард принца Джона выступил из Ноттингема и движется в нашем направлении, — скороговоркой выпалил юноша.

— Все готово, милорд. Дамы сейчас придут, где-то через час можем отправляться. — В комнате появился Лис, держа в руках наши дорожные сумы.

— Как?! — Александер, казалось, был близок к шоковому состоянию. — Вы не будете сражаться вместе с нами?!

— Понимаешь, в чем дело... — попытался объяснить я. — Мы должны срочно ехать в Лондон, и это не наша воля.

— Мессир Вальдар! — звонко и властно прозвучало из-за двери. — Я прошу вас войти!

— Прости, Александер, — я развел руками и направился обратно в опочивальню.

Едва открыв дверь, я был встречен решительным заявлением.

— Мы никуда не едем!

— То есть как? — опешил я.

— Мы не должны никуда ехать! Это не по-рыцарски, это недостойно благородных людей! Мы остаемся, чтобы помочь нашему доброму хозяину отстоять замок.

Глава шестнадцатая

Никогда не посылай человека
туда, куда можешь послать пулю.

Джеймс Бонд

— Так я тогда пойду обрадую дам, что мы остаемся, и своими бирюльками они могут заниматься хоть до полудня. — Лис развернулся и поспешно вышел.

Я, не обращая внимание на воспрянувшего духом Шаконтону, закрыл дверь у него перед носом и остался наедине с бледной от собственной отваги принцессой.

— Одумайтесь, Ваше Высочество! — начал я, изо всех сил стараясь убедить не столько ее, сколько себя. — Вы должны прибыть в Лондон целой и невредимой. Поймите, то что здесь произойдет, будет ужасно. Вы когда-нибудь находились в осажденной крепости?

— Бывала! — с вызовом ответила отважная воительница. — Но это ничего не меняет. Как я уже сказала, мы остаемся.

— Вы представляете себе, что ожидает женщину в случае, если замок не сможет выстоять?

— Я верю, что вы сделаете все, чтобы этого не произошло. — Лаура-Катарина посмотрела мне прямо в глаза. — В этом замке находится ваш сын и женщины, которые вас любят.

Это был удар ниже пояса. Возразить что-либо после таких слов было невозможно.

— Молите Господа, Ваше Высочество, чтобы он не оставил нас своей заботой. Его помощь сегодня нам будет очень кстати, — с этими словами я поклонился и вышел.

Лис ждал меня в кордегардии уже в полном снаряжении.

— Давай команду, Капитан!

— Командую: пошли к хозяину замка держать военный совет.

Барон уже ждал нас в обширной замковой зале, которая сейчас мало напоминала пиршественную. За длинным столом сидело, кроме него самого, еще несколько человек, чья профессиональная принадлежность не вызывала ни малейшего сомнения.

— О, вот и вы, мой юный друг! Присоединяйтесь к нам!

Меня несколько удивило обращение «юный

друг» по отношению ко мне, однако, вспомнив почтенный возраст своего собеседника и то, как он «качал меня на коленях в далекие былые годы», я счел уместным пропустить эту фамильярность мимо ушей. Поприветствовав честную компанию, мы с Лисом уселись за стол.

— Знакомьтесь, мой дорогой, — добродушно прогремел барон. — Это мой друг и сосед сэр Алан Бассет...

«Хаунд», — добавил по мыслесвязи не удержавшийся Лис.

Джон Нейвур указал на невысокого черноволосого мужчину лет тридцати, сидевшего рядом с ним. Судя по мужественному лицу соседа, тот был человеком неробкого десятка.

— Это Квентин сын Губерта, мы были с ним вместе в Святой Земле и немало сражались бок о бок. Он тоже прекрасно знает твоего отца, мой мальчик. Сейчас он командует замковой стражей. А это, — указал барон на четвертого человека, — мой лесничий и командир лучников. Я думаю, рыцаря Вальдара Камдила вам представлять не надо.

— Как похож на своего отца! — пробормотал седой Квентин. — Вот помню, в Триполи... — начал было он, но тут барон похлопал его по плечу:

— Оставь, мой друг. Расскажешь как-нибудь в другой раз.

— Что нам известно о противнике? — стараясь придать разговору нужное направление, спросил я.

— Шаконтон сообщает, что сейчас на нас движется отряд около ста копий.

— Прилично. Но, может быть, он проследует мимо нас?

— Нет. Сэнди был чуть дальше от командира отряда, чем вы от меня, когда тот, разговаривая с бежавшими из-под стен людьми принца Джона, поклялся стереть замок с лица земли.

— Понятно. Весьма неосмотрительное заявление. Известно ли, кто командует авангардом?

— Сэнди утверждает, что это граф де Мерль.

— А ваш оруженосец ловкий малый! Много ли известно об этом полководце?

— Он умелый и отважный воин, — вступил в разговор дотоле молчавший Бассет. — Пожалуй, несколько горяч.

— Горяч... — повторил я. — Ну что ж, может, это и к лучшему.

— У вас есть какой-то план? — спросил меня барон Нейвур.

— Отчасти этот план принадлежит вашему оруженосцу, но, в общем-то, есть. Однако вначале я хотел бы узнать, какими силами мы располагаем.

— Под моим стягом сейчас состоят три рыцаря, двадцать семь латников и двадцать лучников. Я разослал гонцов к моим друзьям и вассалам, так что к вечеру силы могут возрасти в несколько раз.

— Но это пока из области предположений. Сэр Алан, чем вы можете нас порадовать?

— Со мной прибыли четверо аршеров, шестнадцать копейщиков и десять лучников.

— У меня, конечно, меньше всего: я и мой друг Рейнар д'Орбиньяк. Быть может, я возьму еще четырех латников из конвоя принцессы. Однако думаю, этого нам будет достаточно. Да, вот еще. В замке есть маг?

Джон Нейвур несколько замялся:

— Есть, хотя он скорее не маг, а астролог...

— Хорошо, — с сожалением сказал я, вспоминая хитреца Инельмо. — К нему мы вернемся попозже. А пока что, господа, мой план таков... — И я поведал собравшейся компании о моей затее, вполне обещавшей нам успех.

Дослушав молча мою речь до конца, все сидевшие за столом разразились дружным хохотом.

— Ты такой же хитроумный, как и твой отец! — воскликнул, утирая слезу, седовласый ветеран. — Тот тоже, бывало... Как-то раз отправились мы с Ингваром...

— Квентин, в другой раз. Время дорого, — прервал своего товарища лорд Джон. — Так. Нам

понадобятся все имеющиеся в замке доспехи, побольше тряпок и соломы, все кони, оружие и знамена. Я сейчас же велю слугам приняться за работу, после чего, полагаю, нам следует осмотреть поле предстоящего сражения. — Барон поднялся из-за стола, и все остальные последовали за ним.

Начальник стражи Нейвура подошел ко мне и, поглаживая свою седую бороду, вновь начал тур «военных песен»:

— Послушай, сынок, когда еще покойный король Генрих был молод, мы, будучи во Франции...

— Квентин! Ты мне нужен! — Барон, заметив, что я осажден его старым другом, не замедлил прийти мне на выручку.

— Прости, — развел тот руками, — я расскажу тебе как-нибудь в другой раз.

Я отправился к себе, чтобы надеть кольчугу и подготовиться к выезду. Идя по коридору замка, я услышал настоятельный вызов стажера:

— Эй! Вы еще обо мне не забыли? Все утро молчите.

— Да у нас тут небольшая война намечается. Замотались.

— А, знаю! — радостно отозвался Виконт. — К вам туда Росс с двумя сотнями рыцарей сегодня выехал.

— Выступил, — поправил его я.

— Один черт. Слушайте, отцы-командиры, мне тут сейчас в эту лавку идти, вы б посмотрели, чтоб я себе случайно голову не сломал.

— А сам когда думать будешь?

— А я и думаю. Мы с графом Шейтмуrom вон какую интригу придумали!

Оставив это «мы» на совести Вика, я обнадежил его, что в трудный час мы будем мысленно вместе. Вскоре де Монгийе уже находился перед грубо сколоченной дверью, над которой красовались два подвешенных на цепи седла, символизирующих род занятий владельца мастерской. Кристиан постучал. Плотный мужчина средних лет с

одутловатым лицом отворил дверь и бесцветно-водянистыми глазами уставился на пришельца.

— Чего желает молодой господин?

— Мне нужен хозяин этого заведения.

— Хозяин? — переспросил открывший. — Ну, я хозяин. А вы-то кто такой?

— Тогда у меня к вам письмо.

— Письмо? Для меня? — удивился владелец лавки. — Ну хорошо, заходите.

Вик переступил порог лавки, тускло освещенной масляной свечей. Помещение было загромождено стопками резко пахнущих кож, кучами стремян и всевозможной лошадиной сбруи. Дверь за его спиной захлопнулась. Хозяин подошел к большому разделочному столу и взял в руки остро отточенный нож, служивший ему для резки кожи.

За спиной Криса кто-то многозначительно хмыкнул. Резко обернувшись, он увидел дюжего детину в кожаном фартуке, небрежно опирающегося на массивную дубину. Из дальнего угла, где находился вход в жилую часть, появился его брат-близнец с небольшим хорошо наточенным топором в руке. Подобное гостеприимство могло заставить стушеваться кого угодно, но не Виконта. Его можно было удивить, ошеломить, сбить с толку, но вот испугать его было чрезвычайно трудно. В подобных случаях все тот же «неукротимый дух викингов» побуждал его к действию, прежде чем он успевал о чем-либо подумать.

— Капитан, мне их убить? — спросил меня Кристиан.

— Я тебе убью! — возмутился я. — Стоят себе люди, никого не трогают. Они же тебя в лицо не знают, вот решили немного на психику подавить.

— А-а-а! Тогда другое дело.

Стажер нахмурил брови, широко шагнул к хозяину, замершему у стола в неестественной позе, и грозно произнес:

— Я что, неясно сказал?! Мне нужен хозяин этой дрянной лавки! Если ты и есть тот человек, который мне нужен, то отзови своих псов, а не то я сверну им головы! И потрудись получить письмо.

Не ожидавший подобной реакции шорник несколько замялся.

— Только вы бы не кричали на меня, молодой человек! А это, с позволения вашей милости, не псы, а мои сыновья. И головы им сворачивать дело совсем не простое.

— Письмо не нужно? Тогда я уйду!

— Э-э! Куда уходишь? Эй, Джейк, держи его!

Верзила у двери сделал шаг в сторону Виконта. Не тратя более времени на разговоры, Крис ухватил так ничего не успевшего понять хозяина за плечи в качестве дополнительной опоры и своим излюбленным пижонским уширо-гери¹ в голову заставил хозяйского сынка отлететь назад и стукнуться лбом о дверной косяк. Похоже, шорника вполне убедила демонстрация силы.

— Хорошо, хорошо. Род, оттащи брата в комнату! Я поговорю с молодым господином. Присаживайтесь, милорд. Так что там за письмо у вас?

Виконт протянул ему записку Тичфилда, заботливо изготовленную Варравой. Хозяин развернул пергамент и, бросив на него беглый взгляд, безразлично заметил:

— Счета, как мы и договаривались. — Он положил свиток на стол и уставился на своего молодого гостя.

— Простите за такой прием, господин, но мы ждали другого человека.

— Лесли убит, — похоронным голосом произнес Виконт.

— А как это письмо попало к вам? Как вас, кстати, зовут?

— Кристиан де Монгийе, дворянин из Норман-

¹ Уширо-гери — круговой удар ногой назад в карате.

дии. Мне было поручено сопровождать Лесли. Позвольте в свою очередь узнать ваше имя?

— Тим Филби. Разве ваш спутник не сказал вам этого?

— Ему было очень трудно говорить с копьем, торчащим в спине. По дороге в Лондон на нас напали разбойники. Нам удалось прорваться, но увы — мой спутник был смертельно ранен. Полдня я просидел над ним, боясь пошевелить, чтобы он не испустил дух раньше времени. Увы, все мои старания были тщетны. Лишь перед смертью он ненадолго пришел в себя и велел мне передать этот пергамент хозяину шорной лавки «Два седла» в Лондоне.

— А где его тело? — недоверчиво спросил хозяин.

— Я передал его страже у лондонских ворот.

Это был верный ход. Я был уверен, что хозяин лавки непременно поспешит проверить информацию, прежде чем решится вручить Крису ответное послание.

— Вы знаете, что здесь написано? — Тим Филби указал на лежащий на столе пергамент.

Виконт пожал плечами:

— Не имею ни малейшего понятия. Лесли сказал, что тут очень важные счета.

— Да-да, конечно, — подтвердил шорник. — Будьте добры, милорд, если вы подойдете в час пополудни, я передам с вами ответ для вашего господина.

Я невольно усмехнулся.

— Хорошо, — просто сказал Кристиан и, поднявшись с лавки, пошел к двери. — Я пока пойду чего-нибудь перекушу.

Я решил выключить связь — покушать Виконт мог спокойно и без меня. Мои сборы не заняли много времени и уже через несколько минут я присоединился к нашему маленькому штабу. Вскоре мы уже были на том памятном месте, где про-

изошло наше первое знакомство с бароном Нейвуром. Казалось, мало что изменилось с того часа: там всюду суетился Александер Шаконтон, занимаясь своим излюбленным делом. Подгоняемые его командами крестьяне усердно ворочали камни, перекапывали дорогу, поливали конопляным маслом траву, вкапывали в землю заточенные колышки, оплетая их бечевой, — в общем, всячески уродовали землю своего господина. Я порадовался размаху и темпу работ и пустил коня шагом, стараясь не угодить в расставленные ловушки.

«Вперед, мои верные землеройки, солнце еще высоко!» — воскликнул по мыслесвязи мой напарник.

— Лис, ты лучше посмотри, вон та рошица нас устроит? — перебил я его остроумнейший пассаж.

— Для гуляния с прекрасными дамами — вполне!

— О Боже! Ты можешь воздержаться от своих комментариев хотя бы сейчас?

— Попробую. Но не уверен, что смогу. А что роша? Роша вполне подходящая. До дороги ярдов девяносто, ну девяносто пять — с такого расстояния хороший лучник сделает рыцаря, как бабочку на булавке, — вслух произнес он.

— Но что ж, на это вся надежда. Теперь давай посмотрим пути отхода. Милорд, — я обратился к Нейвуру, дававшему какие-то распоряжения Шаконтону. — После того как вы спуститесь с холма, вам надлежит очень быстро избавиться от «мертвых душ» и выдвигаться вправо вокруг холма. Ударив оттуда, мы принудим противника окончательно оставить затею прорваться сегодня к замку.

— А завтра? — нахмурился барон.

— А завтра я ожидаю здесь появления нового подкрепления.

— Хорошо бы, если так... — вздохнул Джон Нейвур. Тревожные морщины пролегли по его лбу. — Пора возвращаться в замок. Нам еще пред-

стоит немало работы. Скорее всего, они появятся здесь часов около пяти.

По дороге к замку Нейвур, чьи башни грозно возвышались над окрестными холмами и лесами, я вновь возобновил связь с Виконтом, впадая для проформы в глубокую задумчивость.

— ...Ну вот, молодой господин, ответ готов.

Виконт стоял посреди уже известной нам мастерской, и доброжелательно настроенный хозяин лавки протягивал ему ответное послание.

— Передайте своему господину нижайший поклон от меня и скажите, что я всегда рад быть полезным его милости. Да берегитесь в пути! — напутствовал он Кристиана де Монгийе.

— Непременно. — Крис вышел из лавки и тут повел себя странно.

Пройдя ярдов сто, он, порывшись в кошель, вытащил монету и, старательно изображая случайность, уронил ее на землю. Широко расставив ноги, он наклонился над ней и долго осматривал пустынную улицу позади себя.

— Что за странная поза, мой мальчик? Что они там с тобой сделали? — встревоженно спросил включившийся в этот момент Лис.

— Смотрю, нет ли хвоста, — заговорщически прошептал Виконт по каналу закрытой связи.

Лис чуть не вывалился из седла. Впервые за многие годы мой напарник не нашелся, что ответить.

Резко выпрямившись, стажер повернулся и быстро зашагал в обратном направлении. Дойдя до перекрестка, он завернул за угол, прижался к стене и медленно выглянул, бдительно озирая только что пройденный маршрут.

«Вот они, пагубные последствия тех низкопробных детективов, которым наш друг Мишель Дюнуар захламил лабораторию», — догадался я. Между тем новоиспеченный тайный агент, не обнаружив на улице ничего подозрительного, кроме

свиней, роющих в сточной канаве, горделиво расправил плечи и с сознанием исполненного долга направился в «Полный трюм». Оставалось надеяться, что излишняя конспирация не помешает ему дойти до него сегодня.

В замке в это время всюду кипела работа. Вытащенные на свет божий из подвалов старые доспехи времен короля Гарольда и всех последующих монархов постепенно принимали человеческие очертания.

Чуть в стороне старый дворецкий выдавал трофейные знамена, вновь надетые на древки, которые тут же укреплялись в руках чучел, посаженных на коней. Вся эта громоздкая конструкция была хитро привязана бечевой к спинам лошадей, дико озиравшихся от столь непривычного груза. Барон подошел к одному из «знаменосцев» и похлопал его по набедреннику:

— Ну что, старина де Вернье? Вот уж не ожидал, что мы встретимся с тобой вновь...

Оставив барона предаваться ностальгическим воспоминаниям, я поднялся в покои принцессы, намереваясь прочесть ей небольшую лекцию о правилах поведения в осажденном замке. Здесь тоже не сидели без дела.

Весь дамский штат арагонской наследницы был занят раздиранием нижних рубаш на длинные лоскуты. Гора перевязочного материала уже громоздилась посреди комнаты. Поискав глазами принцессу среди этой толпы сестер милосердия, я обнаружил ее в углу, сидящую рядом с своей статс-дамой. Обе женщины были не на шутку увлечены серьезнейшим делом: Присцилла аккуратно и сноровисто насаживала наконечники на древки стрел таким образом, чтобы те, попав в тело противника, не вынимались из раны, а Лаура тщательно вощила готовые изделия. Увидев меня, она просияла:

— А вот и вы, мой рыцарь! Ну как, вы уже ви-

дели врага? — В голосе очаровательной леди слышалось что-то родственное тону Шаконтонa. Я понял, что моя лекция будет здесь совершенно излишней.

— Если верить нашим планам, то враг уже давно разбит, — пошутил я. — А на самом деле, думаю, к вечеру это станет ясно. Вы умеете пользоваться ими? — спросил я, указывая на стрелы, лежащие у ног принцессы.

— Да, — уверенно произнесла она. — Хотя, конечно, намного хуже, чем моя учительница. — Лаура-Катарина указала на хищно улыбающуюся Присциллу Харибду.

— А вот с этим я обращаюсь неплохо.

Ее Высочество сделала неувловимое движение рукой, и небольшой остро отточенный кинжал вонзился в дверную притолоку.

— Это тоже она меня научила! — с гордостью похвалилась Лаура.

— Едут!! — раздался оглушительный вопль в коридоре. Дверь чуть не сорвало с петель, и в импровизированный медпункт вихрем ворвался запыхавшийся Шаконтон. — Мессир Вальдар здесь?!

Завидев меня, он немного успокоился и, переводя дух, с достоинством произнес:

— Милорд, передовые отряды противника замечены в двух часах езды от замка. Его милость просит вас спуститься к нему.

— Мой рыцарь, я верю, что вы победите! Ибо вы должны победить. Что бы ни случилось, я буду ждать вас! — Эта мужественная девочка подошла ко мне и, не смущаясь, положила свои маленькие ладошки на мою грудь, обтянутую серебристой кольчугой. — Я не прошу вас о подвиге, я знаю, что и без моих слов вы сегодня их немало совершите. Я молю вас об одном — берегите себя!

Я благодарно поцеловал ее руки, молча развернулся, с трудом справляясь с нахлынувшими чувствами, и, уже уходя, краем уха услышал негромкие слова:

— Охраняй его, как меня. Лучше, чем меня.

Спустившись во двор, я с радостью заметил еще нескольких рыцарей, прибывших на подмогу своему лендлорду. Построившись в походную колонну, мы с величавым достоинством неторопливо выступили к месту предстоящей схватки. Так начиналось, быть может, самое странное сражение в истории рыцарства.

...В пять часов пополудни на гребне холма во всю его длину выстроился мощный рыцарский отряд в пятьдесят копий. Конечно, живых рыцарей у нас было всего десять, включая меня, но в качестве конвоя к каждому из нас было приставлено еще по четыре соломенных чучела, обряженных в доспехи. А если учесть рогатки из копий, которые были предусмотрительно установлены за нами, то зрелище, по словам Сэнди Шаконтонa, наблюдавшего за нашим маскарадом с опушки леса, было весьма внушительным.

Я вызвал Лиса:

— Рейнар, у тебя все в порядке?

— А ты меня видишь? — беззаботно отозвался Лис.

— Нет, — признался я.

— Значит, и остальные не увидят. Не беспокойся, Капитан. Работаем по плану.

И вот настал долгожданный миг: пурпурное знамя с золотым крестом де Мерлей выплыло на опушку леса. Первые всадники отряда появились сразу же вслед за ним. Видимо, высланный вперед дозор сообщил о неожиданной преграде, ждущей на пути, потому что, не теряя времени зря, рыцари начали перестраиваться из маршевой колонны в боевую линию.

— Капитан, хочешь анекдот расскажу?

— Лис, нашел время!

— Нет, по теме анекдот, по теме.

— Ну давай, только быстро!

— Ты видишь, какие заморенные кони у этих орлов?

— Не вижу, но верю тебе на слово.

— И правильно делаешь. Так вот, когда этим ретивым воителям стуканули, что вы их тут ждете, у них от радости в зобу дыхание сперло, они бросили на фиг свою пехоту и на всех рысях примчались сюда совершать подвиги.

— Ну что я могу сказать, кто же им доктор!

Между тем перепостроение было окончено, и грозный рог затрубил над полем, извещая о начале боя. Повинуясь сигналу, стальная фаланга шагом двинулась вперед, постепенно ускоряя ход и опуская копыта.

— Пора! — сказал я, повернувшись в сторону гарцевавшего неподалеку от меня Нейвура.

Барон протрубил сигнал, и наш отряд с неприличной быстротой начал отступать, не принимая боя и оставляя свою выгодную позицию на гребне холма. Азартные крики за нашими спинами свидетельствовали о том, что наш противник заглотнул наживку вместе с крючком. Расторопные латники тут же загородили рогатками единственный проход, позволявший спуститься с холма, не сломав шеи себе или коню.

— Вы знаете, что делать дальше! — крикнул я барону, обрезая бечевы, соединявшие меня с соловенным эскортом.

— Не беспокойся, сынок! — Голос барона звучал с молодым задором. — Мы зададим этому безземельному выскочке!

Я пришпорил Мавра и вместе с дюжиной наших аршеров наметом помчался в объезд холма. В это самое время первая волна наших радостных преследователей вознеслась на гребень холма и тут же со страшным грохотом и воплями ужаса обрушилась вниз — на отточенные колья, которыми был утыкан весь крутой склон. Кони оскальзывались в обильно политой маслом траве и падали, запутавшись в бечеве, увлекая за собой беспомощных всадников. Что и говорить, зрелище было ужасающее. Но продолжения я уже не видел.

Вторая волна рыцарей частично разделила судьбу первой, частично затормозила, останавливая всех тех, кто следовал за ними. И в этот момент в беспорядочную толпу, еще недавно радовавшую глаз стройностью своих рядов, смертоносным дождем ударили стрелы пяти дюжин отличных английских лучников, ожидавших своего часа в роще. Ни одна стрела не пропадала даром — по такой мишени просто трудно было промахнуться. Десятка три рыцарей, которым удалось развернуть коней и тем самым избежать смерти, спустились с холма и, быстро перестроившись, повели атаку на рощу.

— Теперь твоя работа, Капитан! — услышал я. — Мы отступаем, стрелы на исходе.

Лучники начали отходить к каменным завалам, заблаговременно подготовленным Шаконтоном. Наш маленький отряд понесся наперерез рыцарям, прикрывая отход лисовской группы. Пронесшись буквально под самым носом у разъяренных рыцарей, мы выпустили по ним две дюжины стрел. И я с удовлетворением отметил, что, потеряв еще нескольких человек, наши противники замедлили свое рьяное наступление. Вслед за этим аршеры рассыпались по полю, а я, соскочив с коня, присоединился к Лису.

— Черт побери, где Нейвур?

Отряд барона по нашему плану уже должен был быть здесь, чтобы фланговым ударом окончательно завершить разгром авангарда принца Джона. Но пока наши ударные силы были представлены лишь мной и д'Орбиньяком.

— Рубль за сто даю, наши сэры доблестно берут в плен их сэров! — проскрежетал Лис. — Ладно, повоюем! — Он взялся за мечи.

Пара рыцарей, вырвавшихся далеко вперед, предприняла попытку атаковать нас. С их стороны это было крайне неосторожно. В глазницу шлема первого из них моментально вонзилась хорошо знакомая мне стрела. Второй попробовал увернуться, и следующая стрела попала ему подмышку. Я за-

вертел головой, ища неожиданного спасителя. Невозмутимая сарацинская воительница верхом на своем жеребце маячила неподалеку.

— Спасибо, Прыся, вечно благодарен! — поклонился в ее сторону Лис.

Мы вновь изготовились к атаке. И тут... Новый трубный звук ворвался в начавший было затихать шум схватки. Мы обернулись, пытаюсь понять, кого там еще принесло на наши головы. Со стороны, противоположной наступавшим на нас людям принца Джона, во весь опор мчался еще один рыцарский отряд.

— Это не Нейвур, — мрачно констатировал Лис.

— А кто?

— Сейчас попробую разглядеть зная.

И у меня, и у Лиса, судя по утверждению медиков, было стопроцентное зрение. Но, видимо, украинский процент был куда как больше английского.

— Ага, ага... Интересно... Вот скажи — когда герб окружен вот такой как бы каемкой, это что-то означает?

— Означает, — ответил я, удивляясь столь несвоевременному интересу к геральдике.

— И что это означает?

— То, что мы имеем дело с младшей линией рода.

— Тогда я готов тебя поздравить: мы имеем дело с младшей линией славного рода Камдилов.

Глава семнадцатая

— Вася! — закричал первый сын лейтенанта Шмидта, вскакивая. — Родной братик! Узнаешь брата Колю?

О. Бендер

— Эй, Капитан! Очнись! Ну, что ты застыл, как вдова Неизвестного солдата? Мы победили, вон скачет Нейвур со своими головорезами. Враг

бежит, в ужасе бросая предметы личного обихода. Кстати, мессир Вальдар, быть может, нам следует по-быстрому пуститься в погоню за поверженным противником? — Лис указал на улепетывающих к лесу рыцарей принца Джона. — А то мне почему-то кажется, что вы не горите страстным желанием видаться с родней.

Я устало покачал головой:

— Бессмысленно. Если бы это был кто-то из моих братьев, то здесь бы уже обреталась либо целая армия, либо вся римская курия во главе со святейшим папой. Поскольку это больше всего похоже на дружину какого-нибудь разухабистого лендлорда, то это не иначе, как моя дражайшая сестрица. Тем более что, по утверждению имперского герольда, она имеет неосторожность обретаться в Англии.

— Но тот, кажется, что-то говорил о шотландской границе?

Я обреченно вздохнул:

— Для бешеной собаки семь верст не крюк...

Между тем отряд неотвратно приближался к месту нашего укрытия. Моих английских ста процентов зрения уже вполне хватало для того, чтобы разглядеть леопардового льва Камдилов в лазури, окруженного горностаевой каймой, и еще один лазоревый значок с бэйджем¹ этой опоясанной воительницы — скачущим серебряным единорогом.

— Скажи мне, — проникновенно осведомился мой добрый напарник, — так, между нами, ты хоть знаешь, как ее зовут?

— Знаю, — мрачно огрызнулся я, разглядывая подъезжающую кавалькаду, — Инельгердис.

— Очень красивое имя, — мечтательно произнес Лис. — Словно треск сучьев в лесу во время осенней бури.

¹ Бэйдж — личная эмблема.

— Не обижай мою девочку! — обиделся я за семью.

— Ага, эту девочку попробуй обидь! Вон она. Иди раскрывай братские объятия!

Мчавшаяся впереди других всадница на великолепном золотисто-гнедом жеребце соскочила на землю, бросаясь нам навстречу.

— Неужели я опоздала? Что, бой уже кончился? — звенящая железом воительница, кажется, была не на шутку разгневана своим опозданием. Повернувшись к своему отряду, она воскликнула: — Догоняйте их! Не дайте им уйти!

— Это ты во всем виноват! — неожиданно переключилась она на мою несчастную особу. — Я так скакала! Я мчалась от шотландской границы до этого чертова замка, а потом еще быстрее — сюда, а тут все уже закончилось!

— Ну извини, дорогая, — начал было я, но тут в наш разговор вмешался Лис, с явным интересом разглядывавший этот воинственный образчик женственности:

— Так, миледи... ежели б мы только знали, что вы приедете, мы бы их тут еще часок промурыжили...

— Я вам не миледи! Я — опоясанный рыцарь! — отрубилла моя сестричка.

Моему другу явно не везло. Второй раз за сегодняшний день он не знал, что ответить.

Мы стояли, разглядывая друг друга с нескрываемым интересом. Уж и не знаю, какой была моя маленькая сестрица семь лет назад в Яффе, но сейчас она выросла в очень милую девушку. Хауберг был откинут на плечи, открывая характерный для всех Камдилов высокий лоб. Серо-голубые глаза северянки в сочетании с более тонкими, чем у меня, чертами лица, унаследованными от матери, смотрели ясно и открыто.

— Я рад тебя видеть, сестричка! А теперь скажи мне, чего ради ты сюда примчалась?

— Ты по-прежнему невыносим. Я тоже рада тебя видеть. Ты опять забываешь, что я уже давно совершеннолетняя и вольна делать все, что мне заблагорассудится.

— Да, конечно, ты уже вполне взрослая. Но все же ты не ответила на мой вопрос.

Инельгердис подозрительно посмотрела на меня. По-моему, мои слова ее несколько удивили. Немного помолчав, она продолжала уже более спокойно:

— Видишь ли, братец... Три дня тому назад мне приснился странный сон — ты знаешь, со мной это иногда случается.

Она хитро улыбнулась мне, видимо, ожидая соответствующей реакции. Я добросовестно кивнул.

— Так вот, я увидела старца в белом одеянии, с сияющим посохом, который сказал мне: «Инельгердис! Ты должна спешить к замку Нейвур, ибо то, чему суждено быть, начинается там. Но торопись, поскольку твоему брату угрожает смертельная опасность». «Которому из братьев?» — спросила я старца. «Тому, который не рожден и чья жизнь предначертана его мечом». Я почему-то сразу подумала, что это ты. Кстати, что там с твоим мечом?

Я обнажил Катгабайл. Благородный клинок, как живой, засветился голубоватым светом, словно красуясь перед девушкой.

— Какая прелесть! — шепотом выдохнула моя сестренка, забывая обо всем на свете.

— Тэйвас... руна Тюра...

— Господа рыцари! — Лис подчеркнуто обратился к Инельгердис, благоговейно разглядывающей руны, начертанные на клинке. — Боюсь показаться неучтивым, но я был бы крайне благодарен, если бы кто-нибудь из вас объяснил мне, какого дьявола мы вот уже битый час торчим на этих камнях? Вот, кстати, и барон возвращается

вместе с вашим отрядом, милорд. — Лис злорадно посмотрел на младшую ветвь рода Камдилов.

— Я не милорд! — возмутилась было девушка и тут же осеклась, вспомнив свое недавнее заявление.

— Да! Позвольте представить, — поспешил заглаживать я создавшуюся неловкость. — Мой боевой друг, шевалье Рейнар Л'Арсо д'Орбиньяк.

Лис с преувеличенной церемонностью поклонился.

— Инельгердис Камдил, принцесса Эссине, — я сделал жест в сторону своей сестры.

— Здесь меня называют баронессой Шангайл. И мне это больше нравится. — Она кинула на меня вызывающий взгляд.

— Как тебе будет угодно.

Характерным семейным жестом левая бровь августейшей баронессы поползла вверх. Я понял, что повел себя как-то не по-братски... Но тут, на мое счастье, к нашей троице подскакал разгоряченный барон Нейвур.

— Вальдар, мальчик мой, помоги мне сойти с коня!

Я подставил ему плечо, и он, облокотившись на него, тяжело спустился на землю.

— Полная победа! Поверишь ли, только трем рыцарям удалось спастись бегством! — Барон близоруюко прищурился. — А что это за юный рыцарь рядом с тобой?

— Это не рыцарь, — сделал попытку объяснить Лис. — То есть, конечно, он рыцарь, но она таки все равно сестра...

— Да, барон, вы не ослышались, — поспешил успокоить я удивленного Джона Нейвура. — Это действительно моя сестра Инельгердис. Знакомься, Гердис, — барон Джон Нейвур, старый друг нашего отца.

— О! — Барон радостно заключил ее тонкую фигурку, обтянутую кольчугой, в свои могучие

объятия, отчего баронесса издала какое-то невразумительное кваканье. — Для меня это высокая честь! Скорее в замок, друзья мои! — отпуская слегка придушенную миледи-рыцаря, воскликнул могучий ветеран.

— Наконец-то! — пробурчал Лис, взбираясь в седло.

— Листик! — внезапно заорала опоясанная рыцарь. Все невольно вздрогнули. — Где тебя носит?

Золотисто-рыжий конь баронессы послушно подошел к ней и доверчиво положил морду ей на плечо, требуя ласки.

— Не приставай, баловник! — Девушка легко вскочила на коня.

— А почему Листик? — спросил у нее кто-то из рыцарей, подъехавших вместе с бароном.

— Когда я увидела его первый раз — рыжего жеребеночка на зеленой траве, — он напомнил мне осенний кленовый листик. С тех пор он носит это имя, — ответила Инельгердис нежно и как-то совсем по-детски.

Вскоре мы приблизились к месту недавнего побоища. Латники, возглавляемые Шаконтоном, подбирали трофеи, убирали тела павших, оказывали первую помощь раненым, осторожно клали их на возы и отправляли в замок.

— Ну что, Сэнди! Надеюсь, теперь ты доволен? Все, что лежит на земле твоего господина, в твоём полном распоряжении! — Лис весело помахал рукой деловито распоряжающемуся оруженосцу.

— Александер, каковы потери противника? — спросил барон Нейвур, подъезжая к Шаконтону.

— Двадцать шесть рыцарей убиты, сорок четыре ранены, — рапортовал Сэнди.

— Там еще четверо, — добавил Лис. — А раненых сходите подберите в роще.

— Каковы наши потери? — поинтересовался барон.

— Трое раненых. Лошадь одного рыцаря упала

на склоне и отдала ему ногу, двое латников, поскользнувшись, напоролась на колышки.

Джон Нейвур просиял:

— Небывалая победа! Я рад, что на склоне моей жизни мне довелось принять участие в такой славной битве!

— Не стоит обольщаться, это еще не битва. Думаю, что завтра нас ожидает дело куда как более серьезное...

Мы триумфально вступили под своды старого замка, приветствуемые радостными криками его обитателей. Не успел расторопный конюший барона принять уздечку моего коня, как на меня вихрем налетела вопящая от радости принцесса:

— Я знала! Я знала, что вы всех победите!

Моя сестра, спрыгивая с коня, кинула на пыльную южанку взгляд, способный соперничать по холодности с северным сиянием.

— А это кто такая? — напряглась Лаура-Катарина.

— Простите, я вас не представил. Моя сестра, сэр...

— Баронесса Шангайл к вашим услугам, — холодно поклонившись, перебила меня чем-то явно недовольная сестрица. — Прости, брат, я должна проследить, как разместят моих людей. — Она резко развернулась и пошла прочь.

— Похоже, я не слишком-то понравилась вашей сестре, — глядя ей вслед, задумчиво произнесла Лаура. — И все же не будем портить такой праздник.

Вечером в замке был пир. Сняв поножи и наручи, собравшееся воинство оставалось в кольчугах, как бы подчеркивая, что этот пир — не празднество, а естественное утоление голода и жажды в часы войны. Я находил это крайне неудобным, но идти против обычая суровой рыцарственности мне было не с руки. Даже Инельгердис была в легком

кожаном гамбизоне¹, символизирующем ее принадлежность к воинскому сословию.

Не рискуя более запутаться волосами в железных кольцах кольчуги, она распустила тугую русую косу, узлом уложенную на затылке, что неслучайно красило ее. Леди Джейн, благоразумно сказавшись больной, на пиру не появилась, что заметно прибавило настроения каталунской принцессе, обильно пожинавшей сегодняшним вечером жатву восторженных взглядов. Да и то сказать, рыцарям не приходилось скучать: прелестные фрейлины и камеристки Лауры-Катарины бесповоротно и решительно пленяли взоры суровых северян своей горячей прелестью.

Воины отдыхали от одной битвы и в предвкушении другой слушали звучные песни менестрелей, повествующие о сражениях дней былых и о любви к прекрасным дамам. Знаменитый гайренский менестрель, сменивший лук на сладкозвучную мандолу, всюду услаждал публику балладами Бернса, время от времени бросая пытливые взоры в сторону моей новоявленной сестрички, сидящей в окружении прибывших с ней десятка рыцарей.

После каждой песни пиршественная зала оглашалась одобрительными криками, во время которых Рейнар с завидной регулярностью прикладывался к огромному кубку, каждый раз доливаемому виночерпием. Я сидел рядом с принцессой, вполуха слушал Лиса, внимал рассказам о детстве Ее Высочества, проведенном в Арагоне, о тетушках, об отважном и мудром правителе Раймунде Арагонском, бывшем по совместительству ее любимым папочкой... Я внимательно глядел на нее, вежливо кивал и восхищался, все больше и больше отдавая себе отчет в том, что влюблен в эту пылкую девочку, в общем-то, годящуюся мне в дочери. Внезапно я услышал голос сестры:

¹ Гамбизон — кожаная рубаха, надевавшаяся под кольчугу.

— Спасибо, господин Рейнар! Я давно не слышала столь прекрасных песен, — она подошла к гайренскому соловью и протянула ему новый кубок, доверху наполненный вином.

Лис расцвел. Слегка пошатываясь, он поднялся, обеими руками взял кубок и прижал его к груди, расплескав по ходу дела его содержимое.

— Инельга! Можно я так буду вас называть? А то имя Инельгердис, знаете ли... — И тут изрядно поддавший Лис выдал свою версию насчет треска ломаемых сучьев.

— Называйте, — после некоторой паузы произнесла девушка. — Красивое имя. Хотя звучит несколько по-венедски¹. А сейчас, позвольте, я спою. А вы пока передохните.

Завладев при помощи этого хитрого обходного маневра лисовской мандолой, Инельга вернулась на свое место и начала тихо перебирать струны. Освоившись с инструментом, она запела:

О, Анабель, моя Анабель,
Жди, я приду, я уже в пути.
Ветер качает луны колыбель,
Ярче, луна, свети!
Рыцарь несется ночью порой,
Меч у бедра и доспеха звон, —
Вот уже близко, за этой горой,
Замок его — Камварон.
О, Анабель, моя Анабель,
Ветер крепчает, в свой рог трубя.
Много с боями прошел я земель,
Нету милей тебя!
Долго я странствовал, бился с врагом,
За короля кровь лилась из ран...
Славой увенчан, вернусь я в дом,
Жди, я приду с утра.
Конь захрапел и подал назад,
Рыцарь поднял свой лазурный щит.
Кости белы и пусты глаза —
Призрак пред ним стоит.
О, Анабель, мне хватит сил,
Если придется, снесу удар!
— Кто ты, безглазая? — рыцарь спросил.
— Смерть твоя, сэр Вальдар!

¹ Венеды — балтийские славяне.

Я сосредоточенно и, не скрою, удивленно прислушивался к словам песни. Глубокий задушевный голос разносился по потрясенно-замершей зале. Все взоры обратились ко мне.

— Смерть? Что ж, посмотрим мы, чья возьмет!
Вспыхнул клинок, предвкушая бой.
— Прежде чем трижды петух споет,
Схватимся мы с тобой!
Сталью о сталь зазвенела ночь,
В прах обратились и шит, и броня...
Сколько ни бились — Смерти невмочь
Рыцаря сбить с коня!
О, Анабель, моя Анабель,
Жди, я приду, мне преграды нет.
Смерть не постелет мою постель,
Скоро уже рассвет.
Крик петуха — словно клич в бою
Тут прогремел, разрывая мрак.
Смерть опустила косу свою:
— Дело решим не так!
Бросим же кости, пусть им решать,
Коль победишь — уходи, как есть!
Бросили: Смерти упало «пять»,
Рыцарю выпало «шесть».

Зал разразился приветственными криками. У меня возникло ощущение, что меня сейчас бросятся поздравлять с удачно забитым пенальти. Инельга продолжала:

— Мчись же, лети, загоняя коня,
Сколько б ни кануло в бездну дней —
Ты никогда не найдешь меня
И не вернешься к ней!
О, Анабель, моя Анабель,
Жди, я приду, я уже в пути...
Ветер качает луны колыбель,
Ярче, луна, свети...

Последние аккорды прозвучали в полнейшей тишине. Рыцари и оруженосцы, а более всех — моя очаровательная соседка с нескрываемым подозрением и опаской смотрели на меня.

— Это старинная баллада рода Камдилов, ей уже несколько веков. Она сложена о нашем славном предке, носившем то же имя, что и мой брат... — Сидящие за пиршественным столом облегченно разразились восхищенными криками.

— ...И невероятно похожего на него! — услышал я, к своему ужасу. Моя нежная сестренка, не особо прячась, сверлила меня вопросительным взглядом. Понимая, что рискую оказаться в числе библейских долгожителей, я встал и, злоупотребляя своим положением предводителя здешнего дворянства, объявил:

— Господа, сегодняшний день принес нам победу, но надо помнить, что день завтрашний будет куда тяжелей. Всем нам надо отдохнуть перед предстоящей битвой.

— Покемарь перед сраженьем, а потом пускайся в бой, — пробормотал Лис, отрывая голову от стола. — Спокойной ночи вам, господа! — произнес он уже громче. — А вам особенно, сэр Инельга, спокойной ночи...

Воины недовольно начали расходиться. Я подал руку своей спутнице и под леденящим взглядом сестры повел Лауру-Катарину в занимаемые ею покои. Подымаясь по лестнице, я услышал по мыслесвязи голос своего напарника:

— У меня есть к тебе ценное предложение: ты курлычь с принцессой, а я буду с грозным видом спать в кордегардии. А на случай непрошенных посетителей я пару каких-нибудь сюрпризов на дверях приготовлю. Ты, главное, сам ночью никуда не выходи! — зевнул Лис.

Я понял, что сон сейчас жизненно необходим притомившемуся менестрелю и, вздохнув, покорно согласился... Для проформы проверив все углы спальни Ее Высочества на предмет затаившихся там злодеев, я, считая свою миссию телохранителя выполненной, собрался было прикорнуть на пороге, как из-за полога послышался воркующий голосок:

— Мне не спится, мессир Вальдар. Вы не могли бы рассказать мне что-нибудь на ночь?

На канале опрометчиво невырубленной связи раздалось мерзкое хихиканье:

— Расскажу тебе, деточка, сказку... — голосом Милляра из старых советских сказок проскрипел гайренский соловей.

— Лис, заткнись! — попробовал я урезонить его.

Раздался еще более громкий и омерзительный вопль:

А только мы собрались сало хряпать с кумом,
Тут Минхерц ввалился, пьяный и угрюмый!
И шо это такое, где бронез-ж-жилеты?
Через час отплытие, все уж-же одеты!
Гы-гы!..

Я в ответ безнадежно выругался и отключил связь.

— Что вам рассказать, моя принцесса?

— Не знаю, какую-нибудь историю или легенду... Только вы подойдите поближе, а то вам придется кричать через всю комнату, и тогда мне точно не удастся уснуть.

Я задумался... В голове крутились мои институтские отчеты прошлых экспедиций, сказки братьев Гримм и куски золотой фильмотеки моего дедушки.

— Расскажите что-нибудь о вашем Вестфольде, — предложила каталунка.

— Вестфольд... — задумчиво произнес я... — В незапамятные времена эта страна не была могучей державой. Воюя между собой, здесь жили племена данов, свеев, лапонов и еще множество других, даже имя которых стерлось из памяти людской. Так продолжалось многие десятки и сотни лет, пока откуда-то с неведомого запада приплыли вестфольдинги.

— Приплыли? Я всегда считала, что Вестфольд¹ получил свое название потому, что находится в самой западной части мира.

¹ Вестфольд — буквально означает «Народ Запада».

— Нет, моя маленькая госпожа. Вестфольдинги приплыли с далеких земель, находящихся на Западе.

— Но там же ничего нет! Аббат Эвлезиус, учивший меня наукам, рассказывал, что если два месяца плыть на запад от Ирландии, по Морю Мрака, то более нет никаких шансов вернуться, ибо там вода с ревом обрывается в ненасытную туманную бездну — это и есть край мира.

Ее рука как бы невзначай коснулась моей и тут же полностью завладела ей.

— Это не так. Наши драккары заплывали много дальше, находя там новые, неизведанные земли. Однако рассказ мой совсем о другом. Древней родины вестфольдингов уже давно нет над поверхностью волн. Океанская пучина поглотила этот огромный цветущий остров, где науки и искусства достигли небывалого совершенства, а богатства были столь несметны, что вода из целебных источников по серебряным трубам текла в дома всех граждан этой страны.

Принцесса потрясенно молчала. Я сделал паузу и продолжил.

— Катастрофа, которая обрушилась на эту землю, произошла во времена незапамятные, так что даже самые древние из наших старцев утверждают, что уже их деды не помнили точно, когда это случилось. Но речь сейчас не о том.

В тот год, когда страна, еще гордясь несокрушимым могуществом своим, доживала последние дни, ее король, носивший, согласно нашим хроникам, имя Аранторий, послал один из многих своих флотов туда, откуда восходит солнце, чтобы подчинить встреченные земли своей власти.

Пятьдесят кораблей с воинами и гребцами много дней шли на восток, не встречая ни одного мало-мальски достойного клочка суши. И тут налетела небывалая буря. Волны величиной с гору бросали корабли, как щепки, норовя в ключья ра-

зорвать их деревянные борта и уничтожить все живое на своем пути.

Неизвестно, сколько дней бушевала эта буря, поскольку день нельзя было отличить от ночи, но, когда наконец она стихла, над океаном опустился такой густой туман, что с кормы невозможно было разглядеть фигуру лебедя, вырезанную на форштевне. Потом уже, много позже, мои соотечественники узнали, что именно эта буря и погубила их цветущую родину, а тогда им, чудом спасшимся от смерти среди ревущих волн, представлялось, что они обречены на не менее страшную гибель — на вечное бессмысленное блуждание в этом неправдоподобно густом тумане.

Когда силы команды были на пределе, а отчаяние уже достигло предела, так, что несчастные странники готовы были броситься за борт, чтобы в пучине искать спасение в быстрой смерти, военный предводитель этой армады, за храбрость и силу свою получивший прозвище Лон, что на нашем языке означает Лев, вышел на бак¹ и, вознеся благодарственную песню Норнам², метнул в туман свое копьё.

И оно полетело. Там, где пролетало его ясеневое древко, туман расступался, давая дорогу кораблям, оставшимся на плаву после бури. Две недели день за днем летело это копьё, и две недели корабли шли вслед за ним по узкому проходу в густом тумане. И, наконец, копьё долетело до земли и вонзилось в берег.

И тут свершилось новое чудо. Ясень, из которого было сделано древко этого чудесного копья, тут же пустил молодые побеги. И в ту же минуту туман, столько времени висевший над океаном, рассеялся, как и не бывало.

Двенадцать кораблей, спасшихся во время

¹ Бак — носовая часть корабля.

² Норны — скандинавские богини судьбы.

бури, — вот все, что осталось от их прежней родины. Здесь теперь был их дом. Воины и моряки, приплывшие вместе с Ингваром Лоном, стали первыми вестфольдингами, а сам Ингвар стал их королем. Из его копья вырос могучий стройный ясень, чьи семена дали жизнь другим ясеням нашей страны, и, как гласит пророчество, Вестфольд будет стоять, покуда жив хотя бы один из ростков этого удивительного дерева.

А Лон потом еще много странствовал. Бывал, кстати, и в Англии, тогда еще совсем дикой, и даже основал здесь небольшую крепость, по-нашему, дун.

От удивления принцесса чуть приоткрыла глаза. Не знаю, то ли я уже совсем уморил бедную девочку своим эпическим рассказом, то ли просто ей уже очень хотелось спать, но она лежала очень тихо, почти не шевелясь, лишь едва подрагивая ресницами.

— А когда он умер, то оставил королевство трем своим сыновьям: Сайлону, Возлху и Эннэду. От этого Сайлона и идет наш род.

— Скажите, мой милый рыцарь, — тихо прошептала Лаура, сжимая мою руку, — правда же, вы не тот самый Вальдар, о котором пела ваша сестра?

Ответить на ее вопрос я не успел. Из кордегардии послышался грохот, плеск выливаемой воды и четкий звук удара чего-то твердого обо что-то твердое.

— Так! В этом доме мне не дадут поспать, — раздался недовольный голос разбуженного шумом Лиса. — Господи, Сэнди, тебе чего?

— Я только насчет уроков... — начал оправдываться Шаконтон, обалдевший от подобного приема.

— Ну, утомил! Ладно, Бог с тобой. Начинаем курс молодого бойца. Тема первая: «Смотри, куда прешь!» Постулат: «Прежде чем сунуть куда-то го-

лову, подумай, как ты намерен ее оттуда вынимать». Уяснил? Все. Спокойной ночи. Обдумай на досуге мои слова. Утром доложишь. А сейчас — спать.

— А мессир Вальдар?

— Мессир Вальдар непроходимо занят вплоть до самого утра, — решительно закончил Рейнар. — Спать!

Спустившись поутру в пиршественную залу, я с радостью отметил в толпе людей, окружавших Джона Нейвура, новые лица. Ободренное нашей победой, слух о которой эхом прокатился по округе, местное рыцарство спешило внести свою посильную лепту в дележ трофеев и купание в лучах славы. В общем, со вчерашнего дня наши силы заметно пополнились.

Заметив меня, барон радостно махнул рукой, приглашая в свой шумный круг.

Внезапно эта воинственная идиллия была прервана появлением дворецкого.

— Милорд, — слегка запинаящимся голосом произнес он, — прибыл еще один отряд вам на подмогу. Его командир утверждает, что он личный друг мессира Вальдара, но...

— Ну так в чем же дело? Зови его сюда!

— Дело в том, ваша милость, что это... Робин Гуд...

Глава восемнадцатая

— Благодарю вас, батюшка Денис Васильевич, буду в первопрестольной, непременно загляну в имение ваше. Как вы говорите оно называется?

*Бородино.
(Из беседы Кутузова с Денисом Давыдовым)*

Присутствующие в зале недоуменно воззрились на меня.

— Выразайтесь точнее, милейший, — попра-

вил я дворецкого. — К нам на помощь прибыл сэр Роберт Локсли со своим отрядом. И видит Бог, я не нахожу причин отказываться от лучших лучников Англии.

По лицам многих рыцарей было видно, что своеобразное гостеприимство Робина в свое время не миновало их кошельков, но я скорее бы согласился расстаться с любым из железнобоких сэров, нежели с самым худшим из шервудских стрелков.

— Прекрасно! — прогрохотал могучий бас Джона Нейвюра. Барон опустил свой железный кулак на столешницу. — Это то, что нам нужно! Что ты стоишь, как истукан, — прикрикнул он на дворецкого. — Зови их скорей!

Через несколько минут делегация лучших представителей лесного братства прошествовала в залу, наполненную бывшими своими клиентами и будущими соратниками. Первым вышагивал Роберт Локсли собственной персоной, сменивший по такому поводу свой зеленый наряд на добротную вороненую кольчугу и все прочие подобающие рыцарскому званию атрибуты. Рядом с ним шел еще один опоясанный рыцарь — сэр Роберт Ли. За их спинами возвышался уже знакомый нам Малютка Джон, держа на плече ту самую секиру, один вид которой наводил ужас на окружающих.

— Пропустите, пропустите, дети мои! — Отец Тук в сутане, выглядывающей из-под чудовищной ширины кольчуги, видимо, сплетенной из двух поменьше, протолкался вперед.

Окинув многообещающим взглядом новоявленную паству, он собрался с мыслями и гаркнул так, что кольца на кольчугах присутствующих жалобно зазвенели:

— Мир вам, дети мои!

Начало не предвещало ничего хорошего.

— Помните ли вы о Боге? — грозно осведомился святой отец. Оценив молчание, повисшее в зале

как знак единодушного одобрения, он тут же перешел к основной части проповеди.

— Архангел Майкл с мечом огненным в одиночку рассеял неисчислимое воинство врага человеческого. Я прямо как сейчас вижу эту схватку... — Отец Тук жестом оратора, поправляющего галстук, сдвинул переливающийся всеми цветами радуги крест у себя под подбородком и пробасил драматическим шепотом: — ...Глухая ночь. Заросли. По зарослям крадется Сатана со своим неисчислимым воинством. А, каково?! — он повернулся ко мне, видимо, ожидая поддержки.

От святого причетника из Компенхэрста отчетливо разило спиртным...

— Сатана со своими приспешниками пытается незаметно подобраться к райским кушам. И тут! — внезапно заорал он. — Майкл ему своим мечом огненным как даст! Но Люцифер тоже не лыком шит — он быстро берет парад¹, а потом ка-а-ак!..

— Отче, о чем это вы? — перебил я эту экспрессивную проповедь.

— Действительно, о чем это я? — монах задумался. — Ах, да! Благословляю вас, дети мои, на ратный подвиг! — Он попытался еще что-то сказать, но тут Локсли решительным движением вернул святого отца в прежнюю позицию, препоручив его заботам Малютки Джона.

— Я рад тебя видеть, дружище Вальдар, и вас, господа, — обратился Робин к нам, насмешливо глядя на мрачных рыцарей. — Надеюсь, меня и моих людей здесь покормят? — пошутил он.

— Всякий, кто готов сражаться вместе с нами, — желанный гость под этим кровом, — торжественно ответил барон Нейвур.

Рыцари одобрительно зашумели, вынужденно соглашаясь с хозяином замка. Я обратил внимание на свою сестру, которая в отличие от большинства

¹ Парад — поставить защиту, парировать удар.

местных жителей знала о хозяине Шервудского леса лишь понаслышке. Инельга стояла, буквально разинув рот от удивления. Похоже, ее несколько шокировали мои здешние знакомства.

— Мне сказали, что ты собираешься устроить хорошую взбучку принцу Джону? Вот я и подумал, что тебе не обойтись без моей помощи. Со мной полторы сотни лучников, каждый из которых со ста шагов не даст промаху в серебряную монету. Так что принимай нас под свои знамена.

Последнее заявление меня поразило, потому что теперь под моими знаменами, кроме Лиса, находилось еще некоторое количество военной силы. Я благодарно кивнул:

— Спасибо, Робин. Я буду горд сражаться бок о бок со столь славным воинством. А теперь, господа, приступим к делу! Барон, я прошу, чтобы в зале остались только командиры отрядов, иначе мы не закончим наши речи и до вечера.

Большая часть рыцарей, неодобрительно зашумев, покинула залу. Можно было с уверенностью сказать, что нелестных разговоров обо мне хватит им еще надолго.

— Господа, — обратился я к командирам отрядов, подходя к столу вместе с Робинот. — Будем честны перед собой: львиная доля вчерашней победы падает на неосмотрительность нашего врага и удачное стечение обстоятельств. Рассчитывать на это повторно — глупо и опасно. Вступать в бой теми силами, которые есть у нас, на мой взгляд, крайне опрометчиво. Я предлагаю начать медленное последовательное отступление в сторону Нортгемпшира, заставив тем самым врага растянуться в длинную колонну, что даст нам возможность уничтожить его рядом массированных фланговых ударов.

— Похоже, доблестный рыцарь слишком много времени провел в обществе грязных разбойников! — пророкотал один из баронов, гневно глядя

мне в глаза. — То, что вы предлагаете, противно законам рыцарства!

— Мы не должны отступать! — послышался еще чей-то голос.

— Мой брат говорит дело! — вмешалась Инельгердис. — Нет никакой чести в том, чтобы дать резать себя, как баранов на бойне! Мой опыт...

— Молчите, девушка! Будьте благодарны, что вам позволено вообще здесь присутствовать! Вам более пристало ткать гобелены, чем размахивать мечом.

— Вы дурак и невежа! — тут же выпалила разъяренная баронесса. — Я вам сейчас покажу, как именно я умею размахивать мечом!

Военный совет начал перерастать в военный конфликт.

— Что?! Меня тут оскорбляют? — хватаясь за меч, возмутился защитник рыцарских традиций.

Он был поддержан подавляющим большинством присутствующих лордов.

— Господа, господа! Успокойтесь! — вмешался Нейвур. — Нет причин для взаимных обид! В том, что говорит мессир Вальдар, безусловно, есть зерно истины. Лорд Иглстон, ведь вы же были при Арсуфе¹! Именно этот маневр применили сарацины против наших войск!

Казалось, что слова Нейвура лишь подлили масла в огонь.

— Но победили все-таки мы! И не нам, христианским рыцарям, перенимать обычаи подлых язычников! — Барон Иглстон возмущенно посмотрел на Джона Нейвура. — Если вы решитесь следовать этому бесчестному плану, мы немедленно забираем своих людей и уходим.

Честно говоря, меня вполне устраивал подобный исход дела. Я гораздо охотнее пожертвовал бы

¹ Битва при Арсуфе — сражение в Святой Земле, выигранное Ричардом.

отрядами нескольких местных лендлордов, чем дисциплиной в войске. Но, похоже, Нейвур был весьма огорчен таким заявлением.

— Мессир Вальдар, — обратился он ко мне. — Нет ли у вас другого плана?

Ответить я не успел.

— А почему вообще нами должен командовать какой-то вестфольдинг? — высокомерно заявил главный выразитель интересов угнетенной английской аристократии.

— Мы все здесь англичане, и у каждого из нас немало боевого опыта.

— Хорошо. Что вы предлагаете? — сдерживая раздражение, спросил я.

— Я предлагаю встретить войско принца Джона на том же месте и каждому со своим отрядом атаковать его.

Инельга презрительно хмыкнула:

— И каждому со своим отрядом героически погибнуть!

— Послушайте, Иглстон, у принца Джона более чем десятикратное превосходство сил. Там, где вы предлагаете его встретить, слишком мало места для маневра. Мы будем зажаты между нашей же ловушкой и железной конницей младшего Плантагенета, как между молотком и наковальней. Если вы не хотите повиноваться мне, — пожалуйста! К полудню я ожидаю здесь появление графа Честера с войском. Наши силы при этом все равно будут значительно меньше, чем силы врага, но все же не так безнадежно. Что ж, пусть он командует нашим объединенным войском.

— Что?! Этот немецкий выскочка?!

Комментарии были излишни. Я лишь пожал плечами.

— Лорд Иглстон! — повысил голос на своего соседа выведенный из терпения Нейвур. — Вы напрасно так горячитесь! Мессир Вальдар проявил себя в прошлом сражении как прекрасный коман-

дир, и у нас нет причин не доверять ему. Я предлагаю сообща разработать план предстоящего сражения и каждому следовать ему на своем месте.

Командиры отрядов, которым наша затянувшаяся беседа уже начала порядком надоедать, хотя согласились.

— Хорошо, — обреченно вздохнул я. — Тогда, если вы по-прежнему согласны повиноваться моим приказам, то план будет таков. Вы все видели пойменный луг неподалеку от замка. Ваши отряды занимают левый фланг, что возле оврага. В центре становится граф Честер, правый фланг я оставляю за собой.

— И что, вы в одиночку намерены оборонять его, имея за спиной лишь эту шайку разбойников? — не унимался спесивый лорд.

— Отчего же! — Влезла моя верная сестрица. В ее серо-голубых глазах светился вызов. — Нас тут более чем достаточно: у меня в отряде десять рыцарей. Со мной — одиннадцать! — поспешно добавила она.

— Мессир Вальдар, — внезапно произнес молчавший дотоле Алан Бассет. — Если вы не возражаете, я желал бы присоединиться к вам со своими людьми.

Лорд Иглстон, казалось, опешил от этих слов.

— Алан, ты что?!

— Я почту для себя за честь сражаться под вашими знаменами.

— Благодарю тебя, дружище. Этого вполне достаточно. Остальное я скажу вам на месте. Джен-тльмены, — обратился я к цветущему местному рыцарству. — Пора начинать готовиться к бою.

Все поднялись, собираясь возвращаться к своим отрядам, но тут появившийся дворецкий Нейвура как всегда церемонно сообщил:

— Ваша милость! Прибыл гонец от графа Честера. Его светлость уведомляет вас, что к полудню он со своим войском будет здесь.

— Ну вот и отлично, к делу! И да поможет нам Бог!

Признаться, этот военный совет изрядно утомил меня, и я с радостью вдохнул свежий утренний воздух, выехав из замка. Лис, прекрасно слышавший на канале все наши дебаты, уже ждал меня на месте предстоящего сражения. Подъезжая, я увидел, что он что-то упорно втолковывает стоящему рядом с ним Шаконтону.

— Как тут у вас дела, Рейнар?

— Уж во всяком случае, не хуже, чем у тебя. Пока ты там сражался с этими твердолобыми баронами, мы тут с Сэнди прикидывали, чем еще порадовать ожидаемых гостей.

— Ну и чем вы их намерены на этот раз приветить?

— Вальдар, как ты думаешь, принц Джон бледнолицый? — мечтательно спросил меня Лис.

Я удивился:

— В общем-то, да...

— Тогда он обречен дважды наступить на одни и те же грабли. Вот эта роща, — Сережа указал на осинник, окаймляющий заболоченную старицу, которой ограничивалось поле предстоящего сражения, — мне нравится ничуть не менее, чем та у холма. Даже больше. Насколько я понимаю, ты собираешься принять здесь главный удар. Давай опять устроим поохотать этим железнолобым придуркам! Здесь, в траве, — Лис сделал жест в сторону буйно заросшей осотом и камышом окраины пойменного луга, — сделаем «путанку» с колышками, накопаем ям, петель разбросаем... А там, за старицей, встанет Робин. Как тебе?

— Достоинно, — я согласно кивнул.

Примерно так я все себе и представлял. Побродив еще немного по полю, прикидывая диспозицию грядущей битвы, я решил возвращаться в замок, куда, по моим расчетам, вполне уже мог прибыть граф Честер.

— Вальдар! — Мой добрый друг кинулся ко мне, как только я вернулся в Нейвур. — Я бросился сюда, едва твой оруженосец сообщил мне, что ты в Англии. Ну, рассказывай, где тебя носило три года?

Я с трудом выбрался из могучих объятий рыцаря Атакующей Рыси, грозивших оставить наше войско без предводителя, и мы вместе с Россом и лордом Джоном укрылись от посторонних глаз, чтобы спокойно обсудить план боя.

— Сколько с тобой войска? — спросил я у Росселина с видом старого знакомого, беседующего с хозяином замка.

— Двести тридцать копий.

— Маловато. Даже если сосчитать все наши силы, у принца Джона получается раза в три больше.

— Прекрасно! Черт побери, будет среди кого выбирать себе противника! — со спокойной удачью сказал Росс. — Барон рассказал мне, какой разгром вы тут вчера устроили. Сомневаюсь, чтобы после такой порки люди принца Джона сильно хотели снова лезть сюда.

— Думаю, напротив. Они горят желанием отомстить за вчерашний позор, и сегодня у них есть все шансы преуспеть в этом деле.

— Хорошо, — ухмыльнулся Честер, — ты меня убедил. Схватка предстоит нешуточная. Но готов поклясться, что у тебя уже готов план на этот случай!

— Ты прав. Хотя лучше всего было бы отступить, не принимая сражения, и, заставив противника растянуть линию своих коммуникаций, отсечь его от оперативной базы и разгромить массированными фланговыми ударами.

Выслушав эту речь, фон Шамберг, как я его по привычке именовал, нахмурился и, подумав, произнес:

— Видимо, ты прав, но поскольку я все равно

не понял, о чем ты говоришь, то лучше перейди к тому, что мы должны сделать сегодня.

...И вот две армии стоят друг перед другом.

— Капитан! — вызвал меня Лис с явным недоумением. — Чего-то я тут не понимаю. Где обещанная тысяча копий? Мне тут, конечно, всех не видно, но я готов поставить свой лук против медного пенни, что здесь никак не более трехсот рыцарей!

Я и сам видел это. Триста копий не спеша, чинно и уверенно заняли позицию против нас. Но более всего меня смущало другое. Несмотря на то, что над шатром полководца развевался штандарт с леопардами Плантагенетов, весьма заметную фигуру принца Джона разглядеть мне никак не удавалось.

Конечно, можно было предположить, что Его Высочество вновь выдвинул на нас не все силы, но понять смысл этого тактического маневра я был не в состоянии. Я специально выбрал поле неподалеку от замка Нейвур, ограниченное с одной стороны рошей и старицей реки, а с другой — глубоким оврагом, чтобы не дать превосходящему нас противнику развернуться во всю ширь и заставить его обрушиться на наши «слабые» фланги. Сейчас же перед нами стояла армия, не превосходящая нашу, а практически равная ей по численности. Оставалось лишь уповать на то, что явная «беззащитность» флангов все-таки покажется лакомым куском для неизвестного мне полководца.

— Ты прав, — после некоторого раздумья отозвался я. — Разведка ничего интересного не принесла на хвосте?

— Люди Робина излазили всю округу... Все, что пришли сюда, — здесь.

— Застава на дороге выставлена?

— Обижаешь! Но там тоже все спокойно. Ладно, ежели что — свисти. Удачи тебе. — Я также

пожелал ему удачи и попытался отвлечься от предстоящей сечи...

Мне виделась Лаура-Катарина, откровенно плачущая, прижавшаяся к моему плечу, вспомнились слова ее напутствия: «Ах, зачем, зачем я впутала вас в это дело! Нам надо было уезжать, вы были правы! Я прошу вас, оставайтесь живы, во что бы то ни стало оставайтесь живы!» Сейчас она наверняка стояла на боевой галерее донжона, пытаюсь разглядеть мой лазоревый значок среди сотен других...

— Мессир Вальдар, я хотела бы поговорить с вами! — неожиданно официальным тоном обратилась Инельгердис, подъезжая ко мне.

— Дорогая моя, тебе не кажется, что ты выбрала неудачное время? — ответил я слегка раздосадованно.

О чем бы ни желала поговорить моя нежданно обретенная сестра, не думаю, чтоб это стоило прерванных воспоминаний.

— Не кажется! Неизвестно чем закончится сегодняшний бой и одному Богу ведомо, удастся ли нам поговорить после.

— Хорошо, я слушаю тебя.

— Кто вы, мессир?

Я обомлел. Это был явный прокол в моей легенде.

— Вы несомненно Камдил, — продолжала девушка, испытующе глядя на меня. — Вы безумно похожи на моего брата, и все же вы — не он. Я допускаю, что за семь лет, которые мы не виделись, Вальдар мог изменить привычки, характер, с трудом, но допускаю, что он изменил свое отношение ко мне...

Я даже могу поверить, что чудесным образом у него исчез шрам над правой бровью, полученный им, когда еще ребенком он учил меня фехтовать на палках. Но! Простите, у моего брата серые глаза, а не темно-карие, как у вас...

Инельга немного помолчала, как бы раздумывая.

— И в то же время вы не маг, принявший обличье моего брата... Итак, я требую ответа! — закончила она.

— Нет, Инельгердис, ты ошибаешься. Я — твой брат. И в то же время я тот, который нерожден и чей путь предначертан мечом! — это туманное объяснение было первым, что пришло мне в голову.

Не думаю, чтобы оно удовлетворило младшую из Камдилов, но по крайней мере заставило ее задуматься. И тут, на мою удачу, прогремел рог, оповещающий о начале боя.

Повинуясь навсегда установленному порядку, две железные лавины обрушились друг на друга, с азартом и неистовством убивая и калеча себе подобных. Треск ломаемых копий и звон железа о железо повис над лугом.

— Первый тур марлезонского балета! — произнес Лис по мыслесвязи.

Но мне уже некогда было слушать его шутки. Отряд, в три раза превосходящий по силам наш, мчался на нас, опустив копыта. Насколько я мог видеть, на левом фланге происходило то же самое. «Сработало! — успел подумать я. — Сейчас дело за полевой фортификацией!»

Первые несколько рыцарей, перелетев через головы своих рухнувших коней, с грохотом свалились на землю и остались лежать недвижимы. Однако этот пример ничему не научил их. Отряд продолжал свою безумную скачку, теряя все новых воинов. Потеряв изрядную часть боевого состава, противник замедлил движение.

— Врежь им, Лис!

Описывать дальнейшее не имеет смысла. Я не настолько кровожаден, чтобы живописать поголовное истребление массы, в общем-то, ни в чем не повинных людей. Я вновь кинул взгляд на ле-

вый фланг. Как мы и договаривались, барон Нейвур, приняв первый удар, постепенно начал отступать, увлекая за собой вошедших в боевой азарт рыцарей принца Джона. Увлеченные атакой, они слишком поздно заметили, когда оказались между семью вагенбургам¹.

— А вот теперь пора! — выкрикнул я.

— Фривэй!! — разнесся по полю мой боевой клич.

Наш небольшой отряд ринулся в атаку, нацеливая свой удар на шатер с развевающимся над ним штандартом. Мы сшиблись со свежим отрядом, мечами прокладывая свой путь. Судя по мастерству и храбрости, с которой сражались эти рыцари, мы имели дело с личными телохранителями принца.

— Ко мне, Старлинг²! — раздался отчаянный крик баронессы.

При всем желании рыцарь, имеющий на гербе эту веселую птицу, не мог выполнить ее приказа — стоя над убитым конем, он яростно отбивался клинком от наседавшего на него всадника с серебряной перевязью в лазури. Я с досадой разглядел тоненькую фигурку сестры, вырвавшейся далеко вперед на своем Листике и теперь теснью сразу тремя рыцарями.

«Куда тебя несет неведомая сила!» — пробормотал я, раскручивая правой рукой булаву и метая ее в голову ближайшего противника Инельги.

— Держись, сестричка! Сейчас мы их сделаем! — Я развернул Мавра, бросая его туда, где отчаянно рубилась моя сестра.

Внезапно сбоку от меня послышался звон мечей.

— Если не возражаете, милорд, — услышал я

¹ Вагенбурги — полевые укрепления в виде соединенных между собой цепями возов, за которыми укрывались стрелки. Широко использовались гуситами для борьбы с рыцарями.

² Старлинг — по-английски: скворец.

голос Бассета, перехватившего удар, предназначавшийся мне.

— Спасибо, Алан! Дарю его тебе — он твой! — Я кивнул моему соратнику на воина, готовившегося нанести удар, и помчался дальше.

Инельга из последних сил сдерживала натиск двух оставшихся рыцарей.

— Прочь! — рывкнул я, отрубив руку у ближайшего ко мне врага. — Не смей... обижать... мою сестру!

Второй рыцарь на секунду переключил на меня внимание, что весьма пагубно отразилось на его здоровье: собравшись с силами, баронесса Шангайл со всего маху плашмя навернула несчастного мечом по хаубергу, отчего тот, не издав ни звука, рухнул на землю.

— Сэр, вы мой пленник! — крикнула она, подымая коня на дыбы. Не думаю, однако, чтобы тот ее расслышал...

— Спасибо, братец! Скорее к шатру!

И тут вновь протяжно загудел рог, перекрывая шум битвы. Я обернулся: «засадный полк», поставленный по моему предложению Честером на левом фланге, сделал свое дело. Легко отбросив мечущихся в панике между вагенбургами рыцарей, он погнал их, нещадно истребляя всех, кто попался на его пути. Понимая бессмысленность дальнейшего кровопролития, неведомый мне полководец дал сигнал к отступлению. До шатра оставался десяток ярдов, однако нам лучше было поскорее возвращаться обратно, ибо мы рисковали быть попросту сметенными потоком отступающего войска. Схватив за уздечку рыжего жеребца Инельгердис, я силой развернул его:

— Назад!

Воительница бросила на меня негодующий взгляд, но, к моему удивлению, безропотно повиновалась.

— Уходим! Ожье, Серж, уходим! — закричала она своим людям.

Наш отряд, описав дугу, чтобы не столкнуться нос к носу с воинами Джона Плантагенета, возвратился на свои позиции. Сражение, давшее нам больше славы, чем пользы, угасало. По-рыцарски удовлетворившись отступлением врага, Росс и не помышлял о преследовании. Обе стороны, еще недавно беспощадно истреблявшие друг друга, теперь почти бок о бок занимались сбором раненых и убитых.

— Благодарение Богу, вы живы! — граф Честер подъехал ко мне, на ходу пытаясь унять кровь, сочащуюся из раны на бедре.

Наш отряд, сократившийся почти наполовину, представлял собой довольно жалкое зрелище: израненные люди, утомленные кони, изрубленные доспехи...

— Все произошло именно так, как вы и говорили. Жаль, что Нейвур не увидел исхода этой битвы.

— Он убит? — выдохнул я, готовясь услышать самое худшее.

— Жив. Но очень плох. Рана весьма опасна.

— А Иглстон? — сам не знаю почему спросил я.

— Погиб, как подобает настоящему рыцарю, поразив четверых.

— Ну что ж, надеюсь, теперь-то он доволен...

Глава девятнадцатая

По-моему, в этом блюде не хватает доброй английской соли!

Джон Силвер, кок «Эспаньолы»

Двор замка Нейвур сейчас менее всего напоминал тот объятый радостным возбуждением военный лагерь, каким он был вчера. Везде, где только мы могли видеть, лежали раненые, вокруг которых расторопно сновали женщины, превратившиеся

сегодня в сестер милосердия. Моя маленькая принцесса, как-то вдруг растеряв всю свою детскость, руководила работой этого лазарета. Рядом с ней уже вновь неотступно находилась ее грозная статс-дама, еще не успевшая сменить боевое одеяние на более приличествующий ее положению наряд. Заметив нас, Лаура опрометью бросилась ко мне через весь двор, плача и смеясь одновременно. Спрыгнув с коня, я обнял этого взрослого ребенка, пытаюсь утешить.

— Ты ранен, Вальдар?

— Ерунда, пара царапин. А вот Инельгердис нуждается в помощи.

Девушка действительно еле держалась в седле, бледная от сильной потери крови. Я заботливо снял ее с коня и отнес на одну из импровизированных лежанок.

— Я сама вполне могу ходить! Рана неопасна, — начала возмущаться моя героическая сестрица, еле шевеля языком от боли и усталости.

— Лежи и не дергайся! — рявкнул я. — Лаура, будь так добра, лично проследи за этой валькирией, а то я знаю эту породу — и минуты не пройдет, как она вскочит и куда-нибудь убежит, ищи потом ее!

— Что, воспитываешь? — раздался за моей спиной голос Лиса. — Это правильно. Ну что, госпожа рыцарь, ножка-ручка бо-бо? Ничего, до свадьбы заживет!

Инельга злобно зашипела, то ли от боли, то ли от того, что Рейнар, сам того не желая, наступил ей на любимую мозоль.

— О, злится. Это хорошо, значит, живая. Да! Вальдар, тебя барон зовет, — внезапно посерьезнел мой друг.

— И я! Я пойду с вами. Я уже совсем здорова, — Инельгердис, морщась от боли, решительно поднялась.

Я понял, что возражать бессмысленно.

— Ты Шамберга не видел? — спросил Лис, оглядывая двор.

— Ну если его нет здесь, значит, он уже в замке и, скорее всего, утешает леди Джейн.

— Кто такая эта леди Джейн? — спросила моя любопытная сестрица, облакачиваясь на руку, галантно подставленную Лисом.

— Дочь хозяина замка.

— Бедняга! Представляю, как ей сейчас тяжело...

Как я и предполагал, Честер был уже в покоях лорда Нейвура. Леди Джейн хлопотливо обрабатывала ужасную рану на груди своего любимого отца. На секунду оторвавшись от своего занятия, она перевела на нас уставший измученный взгляд.

— Приветствую вас, господа. Рада вас видеть. Благодарение Богу, вы живы. Отец постоянно теряет сознание... Но он просил вас быть подле него.

Мы расселись подле ложа тяжелораненого и стали ждать... Прошло около получаса, когда наш друг открыл глаза и, увидев нас, сделал слабую попытку улыбнуться.

— Мы вновь победили, сынок... Спасибо тебе. Я умираю счастливым. Только объясни мне, почему они кричали: «Смерть мятежникам!..» — Барон охнул и вновь потерял сознание.

— Господа. Я прошу вас, — обратилась к нам леди Джейн, — оставьте нас. Отцу нужен покой. Поймите меня правильно.

На ее усталом лице залегла тень глубокой печали.

В комнату семенящим шагом вошел маленький старичок с лицом иссушенным и сморщенным и глазами человека, обитающего душою в горних мирах.

— Знакомьтесь, — произнесла наша бывшая соратница, — это Брандинис, наш астролог и лекарь.

Звездочет, услышавший свое имя, вернулся из тех неведомых эмпиреев, где витал его дух, и, недоуменно оглядев нас, чопорно поклонился.

— Если господа не возражают, — неожиданно тонким голосом пропел он, выпрямляясь, — я приступаю к исполнению своих обязанностей. Джейн, девочка моя, надеюсь, ты поможешь мне?

Понимая, что наше присутствие здесь далее вызывает определенные неудобства, мы поспешили откланяться.

Когда я уже выходил из комнаты, маркиза неожиданно задержала меня и тихо произнесла:

— Вальдар, нам необходимо поговорить. Зайдите ко мне вечером. Это важно.

Я поклонился и вышел вслед за всеми.

— Как ты полагаешь действовать дальше? — спросил меня Росс, когда мы вышли из покоев Джона Нейбура.

— Думаю, ночная вылазка принесла бы нам больше пользы, чем сегодняшняя схватка.

— Быть может, ты и прав, — пожал плечами Честер, — но сражение было знатное.

Я тяжело вздохнул. Объяснить что-нибудь людям, ценящим процесс выше результата, в принципе невозможно.

— Так как, ты согласен? — просто спросил я.

— Отчего нет? — удивился рыцарь Атакующей Рыси. — Конечно, нападение ночью — это не в традициях рыцарства, но имея дело с мятежниками...

— Хорошо. Тогда отбери лучших из своих людей. Выступаем перед рассветом. А сейчас — отдыхать.

При всем желании я не смог исполнить просьбу маркизы: приготовления к предстоящей вылазке совсем вымотали меня. Прикорнув, как мне казалось, на несколько минут, я проснулся только тогда, когда Лис начал с силой трясти меня за плечо, приговаривая:

— Войска построены, командир. Ты едешь с нами или как?

Я наскоро умылся и, на ходу поправляя мятую одежду, спустился вниз. Росс и человек пятьдесят из его отряда уже ждали нас во дворе замка.

— Что слышно? — спросил я.

— Всю ночь было тихо. Робин со своими стрелками уже засел возле лагеря.

— Ну что, начнем, пожалуй?

Миновав наш бивак, разбитый Честером под стенами Нейвура, мы, стараясь производить как можно меньше шума, начали спускаться в овраг, чтобы скрытно приблизиться к врагу.

— А я? — раздался возмущенный окрик над самым моим ухом. В предрассветных сумерках вырисовалась фигура всадницы на рыжем коне.

— Святой Януарий! — Лис схватился за голову. — За что нам столько счастья?! Куда вас, миледи, опять понесло? Вам прописан постельный режим!

— Либо я еду с вами, либо без вас. Но участвовать в вылазке я буду в любом случае! — отрезала Инельга.

— Тише, не шуми! — приструнил я эту ретивую воительницу. — Если уж тебе не спится, спешивайся, как все, и не суетись!

— У меня нога болит! — обиженно пробурчала моя сестра.

— А это уж твои проблемы. Можешь вернуться обратно!

Инельгердис фыркнула, но, спешившись, захромала вслед за нами.

— Таковую бы энергию, да в мирных целях! — сокрушенно покачал головой Лис.

Мы приближались к лагерю все ближе. Казалось, там все спали, лишь кое-где у частокола смутно виднелись фигуры часовых да в глубине отсвечивали трескучие костры. Над моей головой послышалось негромкое карканье.

— Это Робин, — пояснил Росс.

Через минуту Локсли съехал по сыпучему склону оврага и оказался рядом.

— Ну что, начинаем?

— Да. Твоя задача — тихо снять часовых и открыть ворота. Досчитай до ста — и начинай.

Мы выбрались из оврага и стали ждать сигнала к атаке. Не прошло и десяти минут, как ворота, сонно заскрипев, отворились и... из них, не таясь, медленно вышел обескураженный Робин. Мы вскочили на коней и помчались к наспех возведенному частоколу.

— Что стряслось, Робин? — выкрикнул я, подлетая к главарю вольных стрелков. Впрочем, я и сам начал догадываться.

— Во всем лагере не больше двадцати обозников.

— Враг бежал? Мы снова победили? — спросил один из рыцарей графа Честера, приближаясь ко мне.

— Нет, друг мой... Враг бежал, и мы проиграли, — печально констатировал я.

— Я подозреваю, мы свалили большого дурака... — Граф Честер был хмур и задумчив. — Я готов биться об заклад, что принц Джон обвел нас вокруг пальца, как малых детей!

— Да, Росс, ты прав. Его Высочество связал нас этим бессмысленным сражением, а сам, скорее всего, марширует сейчас на Лондон через Дерби и Лестер.

— Проспали! — услышали мы разочарованно-возмущенный вопль баронессы Шангайл, носившейся по лагерю взад-вперед на своем Листике. Она остановила возле нас разгоряченного коня и, увидев наши мрачные физиономии, тревожно спросила:

— Как ты думаешь, они уже соединились с остальным войском принца?

— Если и нет, то это скоро произойдет. Нам их

уже не перехватить. Сейчас они должны быть уже где-то в Нортгемпшире.

— Проклятая баронская спесь! — зло выругалась Инельгердис. — Что ты полагаешь делать дальше?

— Для начала вернуться в замок.

Больше уже не таясь, мы помчались к Нейвуру. Вокруг замка царило странное оживление.

— Что тут происходит? — вмешался я, останавливая рыцаря из отряда моей сестры с забавным прозвищем Старлинг.

— Сам не знаю! — с явным недоумением на лице отозвался юноша. — Вскоре после того, как вы так незаметно уехали, — он сердито посмотрел на Инельгу, — в замке подняли мост и заперли ворота. На стенах видны шлемы стражи, на наш зов они не отвечают.

— Капитан, сдается мне, что нас кинули, как лохов!

— Кого-кого? — заинтересовалась новым словом любознательная баронесса.

— Людей глупых и недалёковидных, — перевел я Рейнара.

— Как ты думаешь, чья бы это могла быть работа? — В голосе Лиса слышалась явно провокационная нотка. Я знал, кого подозревает мой друг, но верить в это мне очень не хотелось...

— Росс! — позвал я графа Честера. — Кто еще знал о предстоящей вылазке?

— Никто... — медленно ответил он. — Ну, то есть, конечно, я сказал об этом леди Джейн, но не думаешь же ты...

Увы, именно так я и думал. Только человек, знавший, что ночью в замке не останется большей части гарнизона, мог спланировать столь остроумный план. И только человек, которому беспрекословно повиновалась оставшаяся часть воинов, мог осуществить его. Я бы с удовольствием подобрал другую кандидатуру на место леди Джейн, но,

кроме нее и лежавшего недвижимым в своих покоех барона, сделать это было некому. Заподозрить в этом изощренном предательстве лорда Нейвура было невозможно. Оставалась моя прекрасная маркиза.

— Измена?.. — сокрушенно прошептал Росс.

— Да, мой друг, измена. Собирай войска — ты приступаешь к осаде замка. Старайся, чтобы со стен это выглядело как можно более внушительно. Отдашь распоряжение, возвращайся в шатер — там будет военный совет. Лис, найди Робина. Инельга, пошли своих людей рубить фашинник¹, и пусть они шумят при этом как можно больше.

Вскоре весь командный состав нашей армии, включая Инельгердис, собрался в шатре графа Честера.

— Джентльмены, — начал я. — То, что мы имеем дело с предательством, не нуждается в подтверждении. Кто совершил его, мы можем сейчас только предполагать, но это не главное. В замке находятся наши раненые и арагонская принцесса, следующая ко двору короля Ричарда. Если с этими людьми что-то случится, то позор запятнает каждого из нас. Давайте отдавать себе отчет, что в замке более ста рыцарей принца Джона, наверняка выпущенных на свободу. Стены Нейвура прочны и высоки, взять его малой кровью вряд ли удастся. Какие будут предложения?

В этот момент за шелковым пологом палатки послышался окрик стражника: «Куда?!», вослед которому через секунду в нашу ставку влетел и сам стражник.

— Простите, господа! — Бросая отобранное у часового копье, в шатер вошел Александер Шаконтон. — Мне нужно рассказать вам нечто весьма важное.

¹ Фа шин ник — ветви кустов, которые связывались в фашины, предназначенные для забрасывания крепостных рвов.

Я внимательно посмотрел на Сэнди. За последний день он сильно осунулся — видимо, ранение его господина доставляло ему сильнейшую душевную боль. Он виновато поглядел на собравшихся командиров и медленно произнес:

— Это я во всем виноват. Я должен был вам давно рассказать...

— Ты о чем, мой мальчик? — спросил его Лис.

— О леди Джейн и принце Джоне Плантагенете...

Все удивленно переглянулись. Лицо Росса посерело.

— Все началось еще тогда, когда ее сиятельство вернулась из Германии вместе со славным королем Ричардом. Наш добрый король был весьма признателен ей за участие в его освобождении и непрестанно осыпал ее всяческими милостями. Однако леди Джейн отвергла все почести и награды и попросила короля, только что вернувшего свой трон, выполнить ее единственную просьбу.

— И что же она попросила? — хрипло выдохнул Росс.

— Она попросила вновь даровать свою милость его младшему брату... Верный своему слову, Ричард простил принца Джона, но с тех пор удалил ее от двора и даже передал владения ее мужа младшему брату покойного лорда Томаса — Хэмфри. Леди Джейн поселилась в одном из замков своего отца, как раз недалеко от тех мест, где жил в почетной ссылке брат короля. Тогда же она стала его возлюбленной.

— С чего ты это взял?! — взревел рыцарь Атакующей Рыси, из бледного становясь багровым.

— В ту пору я был пажом леди Джейн и собственноручно возил записки моей госпожи к принцу Джону и обратно. Потом родился Эдвард... Несмотря на то, что маркиза говорила, что это сын лорда Томаса, убитого вскоре после освобожде-

ния, я был уверен, что ребенок Его Высочества. Пока не увидел вас, милорд, — Сэнди кивнул в мою сторону, простодушно глядя мне в глаза. — Это ваш сын!

«Ну спасибо, удружил!» — мысленно чертыхнулся я, с трудом переваривая полученную информацию. Росс в полнейшем изнеможении опустился на скамью и сидел, обхватив голову руками... Лис философски созерцал шелковую крышу нашего шатра, моя сестра, казалось, готова была выпустить когти и разорвать прекрасную маркизу, если бы та имела неосторожность вдруг появиться перед ней.

— Это все? — спросил я у совсем упавшего духом Шаконтонна, стараясь при этом сохранять спокойствие.

— Нет... — пробормотал он. — Вчера леди Джейн посылала принцу верного ей человека...

— И ты молчал?! — накинулся на стушевавшегося оруженосца сидевший до сих пор безмолвно Локсли.

— Я был связан словом!

— Черт бы побрал тебя с твоим словом в придачу! — выругался Робин.

— Ладно, Сэнди. То, что случилось, не изменишь. Спасибо, что ты открыл нам глаза. — Я подошел к сникшему Шаконтону и похлопал его по плечу.

— Друзья! — обратился я к честному рыцарству. — Если вы по-прежнему склонны видеть во мне своего предводителя, то я предлагаю следующий план: мы должны вступить в переговоры с маркизой Венджерси. Не думаю, чтобы она желала защищать замок до последней капли крови, а то, что против армии, стоящей под ее стенами, ей не устоять, она, думаю, понимает. В руках леди Джейн есть несколько сильных козырей, которые она несомненно пожелает использовать. Мы должны пообещать ей две возможности на выбор:

либо беспрепятственно оставаться в замке, либо присоединиться к принцу Джону со всеми освобожденными ею рыцарями, потребовав от нее взамен немедленного освобождения арагонской принцессы и наших раненых.

— А если она не согласится? — задумчиво произнес Робин Гуд.

— В таком случае, клянусь своими золотыми шпорами, я возьму этот замок и предам страшной смерти всех его защитников, без учета звания и происхождения! — Я положил руку на эфес меча.

— Ты слышал, Александер? — обратился я к понишкему Шаконтону. — Будешь нашим парламентаром. Передай своей госпоже все, что только что слышал. Да! И вот еще что, — я приобнял воспрянувшего Шаконтону. — Передай ей лично от меня, что принцесса, мой сын и ее отец не должны быть подвергнуты ни малейшей опасности при любом исходе дел. А иначе... — сделав многозначительную паузу, я закончил: — Впрочем, она меня знает.

Оруженосец старого барона с достоинством поклонился.

— Не беспокойтесь, мессир Вальдар. Я передам ей все в точности. — Он повернулся и вышел из шатра.

— Как ты думаешь, — тяжело подбирая слова, произнес бледный, словно привидение, Росс, — она согласится?

— Думаю, да... Во всяком случае, это самое разумное, что можно сделать в ее ситуации.

— А что мы предпримем дальше? — спросила Инельгердис, в которой сейчас воин из рода Камдилов начисто вытеснил иные ее ипостаси.

— Я предлагаю следующее. К Лондону нам все равно не успеть.

— Там граф Шейтмур с отрядом... — начал было Честер.

— Слишком малочисленным для обороны го-

рода, — перебил его я. — Но речь не об этом. Идти туда уже смысла не имеет. Поэтому так: Инельга, ты должна будешь отправиться в Нортумберленд к Уильяму Невиллу, командующему северной армией.

— Что я должна ему передать?

— Передай ему, что принц Джон захватил Лондон и что наши силы сосредоточены в Ноттингеме. Пусть спешно движется туда. Он наш родственник, поэтому тебе он поверит скорее, чем кому-либо. Присоединяйся со своим отрядом к его войску и двигайтесь на соединение с графом Честером.

— Хорошо... брат, — серьезно и негромко ответила девушка.

— Теперь ты, Росс, — обратился я к своему старому боевому товарищу. — Я почти уверен, что к утру наша бывшая соратница уступит нам замок, а потому, не задерживаясь больше здесь, быстрым маршем выдвигайся к Ноттингему. Вряд ли там оставлен серьезный гарнизон. К приходу Невилла все графство должно быть в твоих руках.

— Робин, я был бы тебе весьма обязан, если бы ты оказал нам в этом посильную помощь. Ни один человек принца Джона не должен прорваться в сторону Севера.

Сидевший молча Роберт Локсли кивнул головой, выражая согласие:

— Это можно.

Я продолжал:

— Росс, ты лучше меня знаешь верных королю людей. Поднимай всех, кого сможешь.

— А вы? — спросил Росс, измученно глядя на меня.

— А мы с Рейнаром отправляемся во Францию за королем.

— Господи! Неужели я вновь увижу родимый дом! — воздел руки к шелковому потолку истинный гасконец д'Орбиньяк. — Мою мать-старушку.

Кстати, Вальдар, не забудь напомнить мне, когда будем идти на принца Джона, взять ее с собой. Она одна с успехом заменит дюжину катапульта. Не грустите, Инельга, — неожиданно обратился Лис к моей сестре, — я вас с ней непременно познакомлю. Уверен, вы друг другу понравитесь! Вот только, мой генерал, вы не забыли, что Англия — остров?

— Ну, это совсем просто, — вмешался Росс. — В дне езды отсюда, в Ярмуте, стоит эскадра под командованием лорда Арсула. Надеюсь, вы еще не забыли его? Кстати, галера, на которой он держит флаг, носит название «Благая весть», — впервые с начала совета граф Честер усмехнулся.

Обговорив детали предстоящей операции, мы разошлись, чтобы хоть немного отдохнуть. Росс, отправившийся проверять, как идут осадные работы, уступил мне на время свой шатер, и я, развалившись на графском ложе, стал ждать возвращения Шаконтонна. Прошло что-то около часа, когда стражник оповестил меня о возвращении нашего парламентаря.

Сэнди, гордый возложенным на него поручением, неспешно вошел в палатку и торжественно произнес:

— Мессир Вальдар, ее сиятельство маркиза Венджерси приняла ваши условия.

Глава двадцатая

Ибо такова природа вещей...

Тит Лукреций Кар

Скрипя, отворились массивные дубовые ворота, и мы увидели мадемуазель Присциллу, которая подобно двухметровому тамбурмажору¹ гордо вы-

¹ Тамбурмажор — руководитель военного оркестра, открывающий парад.

езжала из-под каменной арки замка Нейвур. Следом за ней двигался возок принцессы, а далее — весь походный цветник Ее Высочества. Эта кавалькада чинно проследовала по дороге, вдоль которой недвижимо и угрюмо стояло наше войско. Как только процессия бывших заложниц освободила дорогу, в воротах показался большой отряд рыцарей, сомкнутым строем двигавшихся между рядами своих вчерашних противников. Вслед за рыцарями выкатился экипаж, в котором гордо и прямо восседала сиятельная маркиза Венджерси. Я направил Мавра к возку нашей вчерашней соратницы.

— Мессир Вальдар Камдил, сьер де Камварон! — прямо глядя на меня, отчеканила леди Джейн. — Я передаю в ваши руки этот замок и надеюсь на ваше рыцарственное милосердие.

— Я принимаю его под свою руку и обещаю не чинить ему разора, а также какого-либо вреда его обитателям! — произнес я слова установленной формулы. А потом добавил тихо, так, чтобы слышала одна маркиза:— Мы с тобой еще встретимся, Дженни...

— Я надеюсь на это, Вальдар! — с затаенной болью в голосе ответила она.

Колонна беспрепятственно продолжала путь. За хозяйкой замка двигалась повозка с раненым бароном, завершал шествие еще один отряд рыцарей.

— О чем вы говорили? — ревниво глядя вслед удаляющейся миссис Эйстон, спросила принцесса, подойдя вплотную ко мне.

— Ни о чем, — ответил я. — Я принял капитуляцию замка.

Следующий вопрос был задан совсем другим тоном. Это уже говорила не маленькая, избалованная вниманием девочка, а дочь могущественного арагонского короля:

— Почему вы ее отпустили? Эту изменницу следовало примерным образом покарать!

— Я обменял ее свободу на вашу, — просто ответил я.

Лаура притихла.

— Ладно, — после короткой паузы произнесла она. — Зато мы с вами снова вместе.

Я тяжело вздохнул.

— Увы, ненадолго...

Принцесса, казалось, потеряла дар речи.

— Мы с Рейнаром должны ехать во Францию за королем Ричардом, — продолжал я, видя, как глаза принцессы наполняются слезами.

— А я? — жалобно всхлипнула совсем растерявшаяся красавица.

Я обнял ее за плечи и, вытирая слезинки, все время скатывающиеся по щекам, стал как можно более мягко и ласково шептать ей:

— Пойми, солнышко, иначе поступить нельзя. От этого, быть может, зависит судьба королевства. Нам предстоит довольно опасный путь, и брать тебя с собой было бы безумием.

— А что же я? Что мне делать? — все так же всхлипывая и прижимаясь к моему плечу, беспомощно спросила Лаура.

Я постарался настроиться на деловой тон.

— Ехать в Лондон сейчас смысла не имеет. Там сейчас будет твориться такое, что я не советовал бы соваться туда и опытному воину, не то, что маленькой принцессе. — Я нежно погладил ее по голове. — Тем более что пока мы не привезем в Англию законного короля, приносить оммаж тебе, в общем-то, некому. Возвращаясь в Грейсфорд, там я буду за тебя спокоен. Я попрошу своего друга графа Честера выделить тебе достойный эскорт, а мой родственник Уильям Невилл, граф Солсбери, позаботится о безопасности твоих владений.

— Если ты не возражаешь, брат, — внезапно услышал я усталый голос сестры, — я могла бы со-

проводить принцессу в ее замок. Тем более что это все равно по пути в Шангайл.

— Ты не против, Лаура? — спросил я у заплаканной наследницы арагонского престола.

Она молча кивнула, стараясь выглядеть достойной своего сана.

— Только ради Бога, сестричка, не ввязывайся во все возможные драки на дорогах, — обратился я к Инельгердис. — И береги себя... и Лауру-Катарину.

— Лаура! — слезливо-патетическим тоном проговорил подходящий к нам Лис. — Береги Инельгу!

У моей сестры округлились глаза.

— Иначе в разлуке со мной она с горя объявит войну Шотландии, и нам придется воевать на два фронта! — продолжал передразнивать меня д'Орбиньяк. — Прочь, прочь от берегов туманного Альбиона! — Лис всхлипнул и ткнулся носом мне в плечо. — Да здравствует солнечная Франция!

Все невольно улыбнулись. Шутка моего друга несколько разрядила обстановку.

— Пора в дорогу, Вальдар, — внезапно серьезная, произнес он. — Долгие проводы — лишние слезы.

Через несколько минут наши кони уже мчались в сторону Ла-Манша.

— С Крисом, что ли, попрощаться... — задумчиво произнес Рейнар. — Нехорошо поступаем, Капитан. Оставляем мальчика одного, без взрослых. Натворит он здесь делов...

— ...Нашлась! Она нашлась! — Высокий худой старик нервно расхаживал по комнате, не обращая внимания на стоящего перед ним Виконта.

— Крис, мальчик мой, как — ты еще жив? А мы тут с командиром во Францию мотнуться собрались. Тебе чего-нибудь привезти? — верный своей манере Лис приветствовал стажера, не выходявшего с нами на связь вот уже целые сутки.

— Макет Эйфелевой башни! — огрызнулся де Монгийе.

— Прости, мы тут замотались, — вступил я в разговор. — Доблестно громили превосходящие силы принца Джона...

— Ну и как? — заинтересованно спросил Кристиан.

— Успешно. Завтра, по нашим расчетам, он должен занять Лондон. А у тебя что?

— Вик, ты почему не уважаешь старших? Что за дедуля перед тобой мечется? — влез опять со своими колкостями мой напарник. — Предложи ему присесть!

— Это? — В тоне Виконта слышалась плохо скрываемая гордость. — Это не дедуля. Это верховный иерарх церкви святого Грааля. Он же — барон Тичфилд.

— Прости, кто? — не понял Лис.

— Ну, о тамплиерах слышали? — небрежно бросил наш внезапно оперившийся стажер.

— Хм, ну, в общем-то, доводилось.

— Так вот, это только небольшая часть этой церкви.

— Это кто ж тебе такого наплел? — ошарашенно поинтересовался Рейнар.

— Мой новый друг — граф Шейтмур, — полным достоинства голосом ответил Виконт.

— И если я правильно понимаю, вы теперь вдвоем с вашим новым другом «пасете» этого почтенного старца? — Рейнар саркастически хмыкнул.

— А хмыкать вот тут как раз нечего! — оскорбился свежее испеченный агент английской контрразведки. — Он — опасный государственный преступник!

Между тем верховный иерарх наконец прекратил свои экспрессивные пробежки перед очами Виконта. Остановившись и внимательно огляды-

вая застывшего в почтительной позе стажера, он хрипло и властно сказал:

— Ну что ж, вы оказали мне большую услугу. Если хотите, я прикажу щедро наградить вас и доставить туда, куда пожелаете. Или же можете остаться при мне — я ценю верных и отважных людей. — Старец гордо расправил плечи и вскинул голову. Что-то смутно знакомое почудилось мне в его манере держаться...

— А ты знаешь, Лис, мы уже, кажется, встречались с этим патриархом...

— М-да? И где же? — скептически отозвался мой напарник.

— Ну ты-то этого не помнишь. Ты был в могиле...

— Где-где?!

— В могиле, на кладбище. А я в это время из чрева «статуи Командора» наблюдал за беседой двух поздних посетителей...

— А! Это когда ты коварно спас винный погреб принца Джона от полного разгрома?

— Именно-именно! Вот первым был он... А его собеседником — наш верный враг, его высочество принц Джон Плантагенет.

— Если будет угодно вашей милости, я останусь с вами, — Виконт почтительно и в то же время с достоинством поклонился.

— Прекрасно, мой юный друг. Вы сделали правильный выбор. Ла Доннели... Насколько я помню, это старинный норманнский род. Вы прибавите славы этому древнему имени! — Тичфилд завершил свое напутствие неожиданно крепким хлопком по плечу неопита, заставившим Вика слегка покачнуться. — Итак, в Троттон-Холл!

— Ладно, мистер Бонд, шли шифровки в центр; однако, будь добр, связывайся иногда с нами. Не забывай, что это все-таки мы выпустили тебя на большую дорогу политического шпионажа! — Лис изобразил из себя старого учителя, только что вру-

чившего аттестат зрелости своему любимому ученику.

— Растут дети! — всхлипнул он, отключая связь.

— Кристиан, я надеюсь, ты знаешь, что делаешь. И все же будь осторожен: мне почему-то кажется, что твой друг Шейтмур не особенно озабочен обменять тебя на какого-нибудь из шпионов этого барона. Удачи тебе!

...Весь оставшийся путь до Ярмута, где стояла эскадра под командованием Арсула, мы проделали менее чем за сутки. И к вечеру, усталые и голодные, спешили на пирсе Ярмутского порта.

— Ты черствый сухарь! — Покачивающийся от усталости Лис плотоядно и безнадежно глядел на гостеприимно распахнутые двери портового кабака. — Нет, ты хуже! Если бы ты был черствый сухарь, я бы тебя съел вместе с кольчугой. Неужели не зайдём?

— Лис, — усовещевал я своего напарника, нисколько не в лучшем, чем он, состоянии. — Нас накормят на корабле.

— За жестокое обращение с подчиненными тебя надо послать полномочным представителем стран содружества к каннибалам Новой Зеландии, — пробурчал он, когда мы уже приблизились к галере, носившей символическое наименование «Благая весть». — Вот им и расскажешь о пользе голодания... Эй, на корабле! — заорал он.

Из-за борта высунулась недовольная рожа вахтенного.

— Что вылупился, как устрица перед обедом? Адмирала зови! Скажи, Рейнар приехал! .

— Какой такой Рейнар? — удивленно спросил матрос.

— А никакой! — нагло ответил Лис, с удовольствием укладываясь на пирс и растягиваясь на его все еще теплых досках.

Подобное поведение убедило вахтенного в том, что как минимум следует доложить о странных по-

сетителях вахтенному офицеру. Его взлохмаченная голова исчезла из нашего поля зрения. Через несколько минут на том же месте возникла новая голова.

— Господи, ну я же ясно просил: позвать адмирала, — страдальчески сморщился д'Орбиньяк.

— Я помощник капитана Сайрус Смит, — отрекомендовалась голова. — В чем дело?

— Послушай, если ты сейчас не побежишь звать капитана, я... — Сережа сделал мучительную попытку оторваться от теплого пирса, но я пресек его агрессивные намерения.

— Сайрус! Доложи его сиятельству, что прибыли Вальдар Камдил и Рейнар д'Орбиньяк. И... распорядись сразу насчет ужина! — крикнул я вдогонку моментально испарившемуся помощнику капитана.

— О! Наконец-то я слышу речь благовоспитанного дворянина! — отозвался лежащий на пристани Лис.

Арсул не заставил себя долго ждать. Его полуодетая стройная фигура спустя несколько минут замаячила у спешно опускаемых сходен.

— Ага! — заметил Рейнар. — То, что надо. Эй, шеф, до Ла-Рошели подкинешь?

Еще через час эскадра под командованием Арсула уже вышла в море. Комфортно устроившись в прекрасно отделанной адмиральской каюте, мы с искренним наслаждением отдыхали после долгой скачки, вкушая свой законный ужин и ведя неспешную беседу с грозой Ла-Манша. Мерный плеск галерных весел, приятная сытость в желудке и легкая качка располагали ко сну, и мы бы ни в коем случае не стали препятствовать этому желанию, но тут на канале связи появился стажер.

— Капитан, Лис, вы там еще не спите? Смотрите, здесь сейчас такое будет!

— Ой, Вик, — с неохотой отозвался наевшийся до отвала Рейнар, приводя свой взор в состояние

относительной ясности. — А ты не мог бы мне присниться?

— Мог бы, — парировал де Монгийе. — Но ты еще нужен Институту.

Между тем картинка, транслируемая нам Кри-сом, была покуда вполне заурядна: ночная дорога, придорожные кусты, барон Тичфилд да несколько всадников эскорта — в общем, ничего такого, ради чего стоило отвлекать от плодотворного отдыха двух занятых серьезных мужчин.

— Стой! — услышали мы грозный голос, доносившийся откуда-то из темнеющих вдоль дороги кустарников.

— Вик, — обессиленно прошептал объевшийся на адмиральских харчах гайренский менестрель, — только, ради Бога, не говори мне, что это разбойники!

— Нет, — радостно утешил его суперагент. — Сейчас услышишь.

— Я — Ги де Жизор, лорд Тичфилд, — прогремел в ответ могучий старец. — Кто смеет меня останавливать?!

— Именем Его Высочества принца Джона я, сэр Бернард Хаксли, имею приказ арестовать вас и всех лиц, вас сопровождающих, и препроводить в замок Уилсби, где содержать под стражей вплоть до дальнейших распоряжений.

— Проклятие! — Тичфилд обнажил меч.

Его охрана, исключая нашего стажера, поспешившего укрыться в кювете, тут же последовала примеру предводителя. Судя по тому, как быстро начали валиться на дорогу пронзенные стрелами всадники, засада была подготовлена с истинно английской скрупулезностью. Конь под патриархом рухнул на передние ноги и, жалобно заржав, начал биться в судорогах. Из его шеи торчало две стрелы. Обстрел завершился, и на дорогу высыпали латники со значками принца Джона.

— Сдавайтесь! — крикнул вновь их начальник,

проламываясь сквозь кустарники на массивном сером коне.

Это было последнее, что он сказал в своей жизни. Де Монгийе, неожиданно вылетевший откуда-то сбоку, отработанным ударом выбил всадника из седла. Хаксли с раскрытым черепом рухнул наземь. Барон Тичфилд молниеносным движением вскочил в освободившееся седло и яростно выкрикнул:

— Вперед! За мною, Кристиан! Руби их!

Отчаянным натиском разметав толпу латников, они помчались по лесной дороге.

— Виконт, может, ты потрудишься объяснить, что это было? — мигом забывая про сон, спросил я.

— Это очередная затея моего друга Шейтмура, — самодовольно пояснил Вик.

— А люди принца Джона?

— Самые что ни на есть настоящие. Только приказ у них был не от Его Высочества, а от лорда Уолрена. Зато теперь де Жизор может всецело полагаться на меня.

— Прости, еще раз, кто?

— Ги де Жизор, так называют барона у него на родине во Франции.

— Так. Я все понял. Постарайся дальше доехать без приключений. И старательно запоминай все, что будет говорить твой новый патрон. А сейчас мне нужно обдумать услышанное.

— Успехов тебе в этой многотрудной деятельности! — с легкой издевкой попрощался со мной Виконт.

— Да уж, твоими молитвами. До связи.

«Благая весть» со скоростью шесть узлов¹ неслась к берегам Франции. Убаюканный ее мерным покачиванием, я беспробудно спал с чувством частично выполненного долга.

¹ Узел — одна морская миля в час, единица измерения скорости во флоте.

...Сияние, исходявшее из пещеры, слепило глаза. Я стоял, прислонившись к стволу старой искривленной яблони, стараясь не дышать и вообще никак не выдавать своего присутствия. Огромный дракон, положивший голову на когтистые лапы, взглядом, в котором отражалась вся мировая скорбь драконьего племени, глядел куда-то в глубь яблоневого сада. Внезапно он почувствовал присутствие чужака и повернул голову в мою сторону. На какой-то миг глаза наши встретились... Я попятился, кладя руку на меч. В узких змеиных глазах дракона сверкнула звериная ненависть. Он широко раскрыл пасть, густо усеянную острейшими зубами, и выпустил в мою сторону длинный язык оранжевого пламени...

Я закричал...

— Вот чего бы это я так орал? — услышал я до безобразия спокойный голос Лиса. — Гляди, командир, ты же всех гребцов перепугал.

Над кораблем светило яркое солнце, и ласковые волны неспешно бились об изукрашенный борт галеры.

— Ну и здоров ты спать, Капитан, — продолжал Рейнар, прекрасно отдохнувший и отоспавшийся. — Я уж думал тебя до самой Франции не будить. Что тебе такого снилось? Ты все ворочался, за оружие хватался.

Он протянул мне мой меч, изъятый им из ножен, видимо, в целях безопасности.

— Дракон, — честно признался я. — Огнедышащий.

— Дракон? — задумался д'Орбиньяк. — Так, сегодня у нас что? Вторник. А, ну тогда это ничего. Вот если бы с четверга на пятницу, тогда ко встрече с начальством, — утешил меня он.

— Эта тварь мне практически каждую ночь снится, — вздохнул я.

— Да? Странно. Обычно начальство не заставляет себя так долго ждать. Особенно, когда драко-

ны огнедышащие. Вот если бы он тебе сокровищ своих отстегнул, тогда другое дело.

— Не паясничай, Лис! — оборвал его я. — Тоже мне криптобиолог выискался.

— А если серьезно, Капитан, — Сережа перестал балагурить и перешел на деловой тон, — то все это очень странно.

— Почему?

— Потому что, когда ты спишь, рубин в твоём перстне пульсирует, как будто маленькое сердце. То ярче, то тусклее, то ярче, то тусклее. И вроде бы как вокруг него такие серебристые пылинки в это время кружатся. У тебя вообще-то самочувствие как?

— Нормально. Только уставать в последнее время стал больше и никак не могу выспаться.

— Занятно. А раньше мог. Четыре часа, положив под голову седло, и — пожалуйста! — свеж и весел.

— Старею, — безрадостно кинул я.

— Нет, тут что-то не то. Во всей нашей экспедиции что-то не то. Пока не могу понять, что. Одно ясно точно — слишком много случайностей.

— Любая случайность — лишь цепь невидимых нами закономерностей.

— Ага. Или наоборот. Всякая закономерность — результат некоего набора случайностей, — произнес Лис. — Понимаешь, Капитан, в чем дело, к тебе претензий нет, ты как всегда на высоте — в белой папахе на белом верблюде, — адекватен, словно кредитная карточка VISA. Но мне почему-то очень кажется, что кто-то другой сдает ту колоду, которой мы играем.

— Не понял, поясни.

— Да что тут непонятного? Тебе, мне, Вику, принцу Джону и далее, далее, далее, словно бы нарочно подбрасываются какие-то очень странные ситуации, на которые мы обязаны стремительно реагировать. Обрати внимание: стремительно.

— Что же в них странного?

Лис посмотрел на меня, как на безнадежно больного.

— Командир, ты бы еще поспал. А то ты с утра какой-то недогадливый. Ладно, поясню для невыспавшихся и особо одаренных: они странны тем, что все между собой взаимосвязаны. Примеры привести?

Я отрицательно покачал головой. Взаимосвязь между всеми происшедшими за последние дни событиями, куда мне непонятную, но все же вполне четкую, проследить было несложно. Но до сего дня она казалась мне плодом воспаленного воображения. Выходит, не только мне.

Всего несколько дней назад мы появились на территории старой доброй Англии с целью мирно и спокойно добраться до Лондона, до мудрейшего королевского мага Инельмо и, как некогда было обещано, предпринять экспедицию для поиска пропавших реликвий. И что же? Вместо этого, сами того не желая, развязываем гражданскую войну, затеваем амурную историю с наследницей арагонского престола, и вот теперь вообще покидаем берега Британии, и все, что особо замечательно, в силу сложившихся обстоятельств...

Мои размышления были прерваны экстренным вызовом. Стажер, радостный, как первоклассник, получивший высший балл, настоятельно требовал внимания к своим похождениям.

Перед глазами Кристиана де Монгийе простиралась панорама Лондона со стороны тех самых ворот, от которых начинался путь юного нормандского виконта в английскую контрразведку. На надвратной башне и стенах вокруг с торчащих над парапетом пик на него смотрели безрадостные лица встречающих. Их было больше сотни.

Крис повернул голову, и я увидел принца Джона, землисто-серого от усталости и мертвенно-бледного от злости. Младший Плантагенет с

отчаянием смотрел на отрубленные головы над стеной и нервно кусал губы.

— Ваше Высочество! — Новый патрон Вика Ги де Жизор размашистой походкой подошел к одиноко стоящему принцу. — Я возмущен! Что такое, вы отдали приказ арестовать меня?

— Я не отдавал такого приказа, — еле сдерживая себя, произнес Джон.

— Вы лжете! Мне превосходно известно, что сэр Бернард Хаксли, пытавшийся арестовать меня сегодня ночью, ваш человек и не стал бы действовать по чьему бы то ни было приказу, кроме вашего.

— Где Хаксли? — Принц повернул голову к рыцарю с парой оленьих рогов на гербе, выполнявшему роль адъютанта.

— Ваше Высочество, он уехал вчера вечером, — запинаясь, начал порученец. — Утром отряд вернулся, но... — он окончательно замялся.

— Ну, продолжай!

— Хаксли убит.

— Печально, — пробормотал принц. — Печально. И все же, я не отдавал такого приказа.

— Вы лжете, Ваше Высочество! — не унимался Тичфилд.

— Я лгу? — вспыхнул младший из Плантагенетов, моментально становясь невыразимо похожим на старшего. — Да как вы смеете говорить мне такое?! Вы болтливый, никчемный старик! Я готов поклясться на распятии, что не отдавал этого приказа, а еще готов поклясться, что очень жалею об этом. Где обещанный вами мятеж? Вон они, ваши заговорщики, взгляните им в глаза. В столице покой, как утром в спальне новобрачных. Здесь нечего подавлять! Прикажете повернуть обратно? Ждать другого раза? Его не будет! Я легко могу взять город. Этот тевтонский медведь — любимец моего брата, оставил город почти без защиты. Но, по вашей милости, господин верховный иерарх,

или как там вас, я никогда, слышите, никогда не смогу войти в Лондон как защитник законного порядка и спаситель короны своего брата. Ступайте прочь, старый беззубый волк. Я говорю, прочь! — рывкнул он на обалдевшего от неожиданности де Жизора, стоявшего перед ним, словно жена Лота, пораженная Божьим гневом¹. — И не вздумайте больше показаться мне на глаза. Иначе ваша голова займет полагающееся ей место рядом с головами этих несчастных.

Глава двадцать первая

Подар-р-рочек...

Горлум

— Какая сцена! — патетически прокомментировал Лис расставание разъяренного принца Джона и оскорбленного в лучших чувствах де Жизора. — Она просто просится в трагедию! Где же Шекспир?

— Спроси у Арсула, — посоветовал я ему. — С нашим-то счастьем, он наверняка где-то здесь на борту. Да... Чем больше узнаю Шейтмура, тем больше его уважаю. Посмотри, как он красиво подставил сильных мира сего! Я бы с удовольствием попросил Вика остаться при Его Высочестве и понаблюдать, что будет дальше. Наверняка это не единственный сюрприз, который приготовил принцу Джону следователь Пурпурной палаты...

— В этом ты, конечно, прав, — задумчиво произнес Рейнар. — Но я думаю о другом... Если помнишь, Лейтонбург в разговоре с Джоном требовал сохранить жизнь короля еще минимум на полгода; в противовес ему этот, как выразился оскорбленный принц, «беззубый волк» ставил условием неперенную смерть Ричарда. Судя по тому,

¹ Жена Лота, согласно Библии, ослушалась воли Божьей, за что была превращена в соляной столб.

что Вик вел репортаж из-под стен Лондона, этот неизменный претендент на пустующий трон Англии принял второй вариант. А значит...

— А значит, старину Дика в скором времени ожидают крупные неприятности.

— Я бы сказал, последние неприятности. Кстати, а что вообще известно об этой церкви святого Грааля?

— Очень немного. В общих чертах следующее: есть две конкурирующие Церкви.

— Это я знаю! Православная и католическая, — вставил Лис.

— Нет! — покачал головой я. — Гораздо веселее. Существует церковь учеников Христа — апостолов, которая, в общем-то, имеет к самим апостолам весьма условное отношение, так как Вселенский Собор через несколько столетий после их смерти определил, какие из Писаний считать истинными, а какие — нет... Другая же — церковь прямых потомков Спасителя.

— Стоп! — прервал меня ошарашенный Лис. — Тебя не укачивает? — участливо глядя мне в лицо, спросил он. — Помедленнее повтори: церковь кого?

— Детей, внуков, правнуков и далее по нисходящей — Спасителя.

— Но... ведь Мессия был того... — Лис запнулся, подбирая слово, — холостяк?

— Ничего подобного. Более того — доживя до тридцати лет, по иудейскому закону, он просто не мог быть холостяком. А уж тем более не мог проповедовать, если бы таковым являлся.

— Вот так дела! А почему в Писании ничего об этом не сказано?

— Почему не сказано? Сказано, — я пожал плечами. — Помнишь чудо о Кане Галилейской?

— А как же! — широко улыбнулся Лис. — Любимое мое чудо! Одним махом превратить воду в вино! Эх, жаль, рецепта не сохранилось.

— Именно так. Так вот если отойти от гастро-

номических подробностей, то дело происходит на свадьбе, на которой Дева Мария подходит к своему сыну и сообщает, что у гостей кончилось вино... Скажи мне, Лис, как разведчик разведчику: кого на свадьбе должно волновать, чтобы у гостей в достатке были выпивка и угощение?

— Хозяина, — неуверенно ответил мой напарник.

— Ты прав как никогда. А если еще учесть, что это первое официально признанное матерью нашей церковью чудо, совершенное Сыном Божиим, то вывод напрашивается сам собой...

Лис потрясенно молчал.

— Уж что да, то да... — спустя некоторое время ошеломленно прошептал он. — А дети?

— После смерти Галилеянина его жена и сын, имевший, если ты помнишь, непререкаемое право на титул царя Иудейского, бежали на юг Франции, где было основано королевство Септимания, наследником которого сейчас является Готский маркизат, — объяснил я. — Став правителями этого королевства, потомки Мессии вскоре породнились с франкской династией Меровингов, в чьих жилах, соответственно, стала течь кровь Спасителя. Что было дальше, я думаю, ты помнишь из школьного курса истории.

На лице Лиса отразилось мучительное раздумье:

— Ну... Что-то такое... Там был король с какой-то дурацкой погрехой...

Я понял, что школьный курс истории Сережу благополучно миновал, и ему более свойственно делать историю, чем изучать.

— Пипин Короткий, — уточнил я. — Но тут тоже есть небольшое «но». Депеша из Рима¹, бла-

¹ Депеша из Рима — Пипин, фактически правивший страной вместо полубезумного Дагоберта, отправил в Рим письмо: «Кто должен править страной — тот, кто считается королем, или тот, кто правит?» На что ему пришел ответ: «Тот, кто правит».

гословлявшая переворот, устроенный мажордомом последнего из Меровингов — Дагоберта, этим самым Пипином, была подписана главою Церквии учеников, то есть конкурирующей организацией.

Основатель новой династии не стал церемониться со своим бывшим господином и не мудрствуя лукаво вырезал почти всю его семью. Но не всю! — воздев указующий перст к небу, продолжал я читать лекцию по истории Темных Веков. — Племяннику покойного короля удалось спастись и добраться до родной Септимании, где он и был с радостью принят и правил долго и счастливо. Так вот, этот самый племянник, носивший имя Сигеберт, получил прозвище Пылкий Росток, так сказать, последний росток погибшего дерева, — я сделал эффектную паузу. — Что на родном тебе французском...

Рейнар, как коренной гасконец, умильно закатил глаза.

— ...Звучит как «Плант Ар». Род, пошедший от этого самого Плант Ара, так, в общем-то, и назывался: Плантаргенист. Или, в более привычном нам произношении, Плантагенеты.

— И ты хочешь сказать, что вся эта благородная семейка — потомки того самого... — Лис вытаращил на меня свои серо-зеленые глаза, принявшие вдруг неестественную квадратную форму.

— А вот это тогда что?! — Он сунул руку себе за пазуху и вытащил знакомый уже мне медальон, унаследованный им от Готье де Вердамона, погибшего три года назад на безвестной лесной дороге от когтей раненого гоблина.

— А это, — я еще раз внимательно посмотрел на медальон, болтавшийся на лисовской шее. — Это, видимо, знак старшинства в этой, как ты изволил выразиться, «благородной семейке».

Лис, стараясь разрядить гнетущую обстановку, гордо выпрямился:

— Да! Я крут!

— Ты сам не представляешь, насколько ты крут. Ибо, согласно учению церкви святого Грааля, ты являешься прямым потомком... Ты у нас прямой потомок? — уточнил я у разом осевшего Рейнара. — Тем самым можешь законно претендовать на власть над христианским, иудейским и мусульманским¹ миром.

Я, полюбовавшись произведенным эффектом, продолжал:

— Так вот, символом этой Церкви является не крест, а чаша, в которую была собрана кровь Спасителя. Чаша эта была увезена в Септиманию первым верховным иерархом Церкви Иосифом Аримафейским, членом Синедриона и родственником первого короля Септимании со стороны матери. Вот, в общем-то, и все, что можно сказать об этой Церкви определенно.

Лис, переварив полученную информацию, заинтересованно спросил, глядя на медальон Плантагенетов у себя на ладони:

— А что, правду говорят, что Чаша Грааля может болезни излечивать, чудеса разные творить?

— Вполне может быть, — скептически глядя на своего друга, произнес я. — Уж во всяком случае, не хуже, чем Крест Животворящий.

— У-у-у... — разочарованно протянул Лис. — А откуда ты все это знаешь? — вопросительно глядя на меня, поинтересовался он.

— Не забывайте, мой друг, что мне некоторое время пришлось поработать в инквизиции... — Я сделал трагические глаза. — Но нас-то эта Церковь интересует исключительно с меркантильной точки зрения: если мы все-таки попробуем вспомнить о цели нашего пребывания в этом мире, то необходимо признать, что, по словам Инельмо, искомая нами книга находится где-то вблизи от

¹ Основано на том, что у мусульман пророк Иса (т. е. Иисус) — наиболее почитаемый после Магомета.

символа веры Церкви потомков. И уж кому, как не де Жизору знать, где именно. Так что заботами графа Шейтмура Виконт куда как ближе нас к заветной цели.

— А может, Тичфилд и сам не знает! — предположил Лис. — Ты же слышал, он что-то усиленно разыскивает. Помнишь, еще бегал, вопя: «Нашлась!.. Нашлась!..»

— Рейнар, ты теряешь деловую хватку. Де Жизор ищет казну, которую муж нашей прекрасной маркизы Томас Эйстон по приказу своего покойного короля вывез из подземелий жизорского замка.

— Казна — это хорошо... Казна — вещь полезная... — мечтательно-задумчиво протянул Лис. — О! Капитан, ты не забыл? Тебя же настоятельно просили завернуть к этому самому иерарху и передать ему привет...

Лис хитро прищурился. Я слегка растерялся:

— Это ты о ком?

— Ну, этот, — Сережа запахнулся в плащ и, прыгая по каюте, взывал неестественно замогильным голосом: — Я ужас, летящий на крыльях ночи! Я жевательная резинка, прилипшая к подкладке твоего шлема!.. Жмур из Трифеля.

— Гуго де Мерналь? — догадался я, вспоминая безумного призрака, навещавшего меня перед казнью. — Ты прав, на досуге надо будет непременно заглянуть. А пока уточни у Арсула, когда на этом лайнере завтрак?

Лис вышел. Галера все так же плавно разрезала штевнем волну, неуклонно приближаясь к солнечным берегам прекрасной Франции. Я выполз из душной каюты на залитую ярким полуденным солнцем палубу. Погода стояла вполне прогулочная. Надсадно кричали мучимые перееданием чайки, интенсивно гадя на головы несчастных гребцов, а значит, предвещая близость берега...

— М-да... — Философски смахивая с плеча

продукт жизнедеятельности наших пернатых друзей, я поспешно ретировался обратно в каюту. — Хорошо, что коровы не летают...

Все два дня, пока длилось путешествие, мы с Лисом провели в не свойственной нам спокойной расслабленности, всецело посвятив время еде, сну и досужим разговорам. Дважды на мыслесвязи появлялся Крис, информируя нас о сборах Тичфилда, спешно уезжавшего во Францию. Судя по репликам этого сурового старца, принц Джон нажил в его лице себе непримиримого врага. И вот наконец к вечеру второго дня, когда солнце начало клониться к закату, вперёдсмотрящий постучал в дверь адмиральской каюты, где мы втроем как раз предавались ностальгическим воспоминаниям о нашем германском походе, и объявил:

— Ваше сиятельство! Ла-Рошель на горизонте.

Дружески распрощавшись с Арсулом, который остался ждать нашего возвращения с королем Ричардом и его войском на рейде Ла-Рошели, мы отправились в город, чтобы разузнать, где нам искать нашего неисправимого блудного монарха.

Хозяин гостиницы «Морской конь», к которому мы обратились с вопросом о местонахождении войска короля, сообщил, что где сейчас Ричард, он не знает, но вот Меркадьё с его отрядом завтра, скорее всего, должны быть в Сенте. Здравое рассудив, что ночью пускаться в путешествие по территории боевых действий несколько неразумно, мы решили принять любезное приглашение хозяина гостиницы заночевать в «Морском коне».

Гостиница представляла собой довольно приличное двухэтажное здание, видимо, совсем недавно построенное. Странное животное на ее вывеске было обращено рыбьим хвостом в сторону Атлантики, а конскими копытами — в глубь Франции. Любого путешественника при взгляде на этот дивный гибрид невольно посещала мысль о полной невозможности передвижения ни в одной

из стихий, и он как-то сам собой приходил к благоразумному решению остановиться под гостеприимным кровом этого дома. Мы не были исключением. Вежливо осведомившись, не желаем ли подкрепить свои силы сытным ужином и получив отрицательный ответ, хозяин позвал гостиничного слугу:

— Эй, Жак! Покажи благородным господам их комнату.

Молодой темноволосый слуга резво подхватил наши седельные сумки и предупредительно произнес:

— Следуйте за мной, месье.

Мы поднялись наверх по широкой удобной лестнице и оказались в длинном коридоре, с рядом выходящих в него дверей.

— Вот и ваш номер, — слуга указал нам наши покои. — Прикажете принести вина?

— Да, пожалуй... — Я протянул ему какую-то мелкую монетку, и он, с поклоном приняв ее, быстро удалился.

— Ладно, Капитан! Ты тут пока продумай гениальный план покорения Франции, а я пойду прошвырнусь по оружейным лавкам, пока они не закрылись. Ибо перьев для стрел у меня уже нет, наконечники на исходе... — Лис накинул плащ и, напевая:

Полон колчан, пуст колчан,
День позади, серебро в кармане...
Жарче красотку ласкай по ночам,
Может быть, после добром помянет! —

отправился инспектировать злачные места Ла-Рошели.

— Двери не запирай, я ненадолго, — донеслось из коридора.

В последнее утверждение верилось с трудом...

В дверь постучали.

— Ваше вино, месье, — гостиничный слуга просунул голову в щель приоткрывшейся двери.

— Заходи, Жак. Благодарю, — ответил я.

— Я принес анжуйского, если не возражаете, — наливая вино в кубок, произнес он.

— Ты сам-то откуда? — спросил от нечего делать я, глядя на стройного юношу, которому, видимо, едва минуло восемнадцать.

— Из Турени, ваша милость.

— Турень? — задумчиво произнес я. — Говорят, в Турени живут самые красивые девушки Франции.

— Это верно, монсеньор, — вздохнул Жак. — Прикажете еще чего-нибудь?

— Пока нет. Подойди попозже, — я положил ему в ладонь серебряный динарий. — На вот, выпей за девушек Турени.

Слуга низко поклонился и вышел. Честно подождав Лиса до той поры, пока ночная стража не призовет добрых горожан разойтись по домам и почивать спокойно, я, не раздеваясь, улегся на кровать и предался печальным размышлениям.

«Получается престранная вещь, — думал я. — Поддерживая в душе принца Джона, пекущегося о благе Англии, понятное дело, неразрывном с его собственным благом, я фактически являюсь одним из вождей партии, стремящейся свести все его старания на нет. Я ведь вовсе не желал участвовать в этих двух бессмысленных сражениях против него. Но обстоятельства складывались так, что у меня просто не было выбора. Опять эти обстоятельства! Сейчас они забросили меня во Францию, чтобы вновь вернуть в Англию бездарного короля, каждый день правления которого несет стране лишь разорение. Я забрался в самую гущу совершенно чуждых мне политических баталий и многим кажусь вершителем судеб, но, по сути дела, свободы у меня не более чем у приговоренного к казни... Закружил голову бедной девочке!.. Тоже мне, спаситель похищенных принцесс! Только дракона здесь не хватает... Впрочем, нет — и дра-

кон есть. Как он меня утомил!..» — мысли мои начали путаться, и я провалился в глубокий сон.

— Вставай, Капитан, нас обокрали! — услышал я традиционно-шутливую «будилку» своего верного напарника.

— Лис, ты можешь придумать что-нибудь новое? Твои шуточки у меня уже вот где сидят! — я провел ребром ладони по горлу, показывая, где именно они у меня находятся.

— Могу. Но на этот раз — никаких шуток. Разуй глаза и посмотри, соня несчастная.

Я посмотрел. Несомненно, Лис говорил правду: в комнате царил страшный беспорядок.

— Ну что, драконы тебе сегодня не снились? — с издевкой спросил меня Рейнар, складывая вещи.

— Не снились... — с удивлением констатировал я. — Чудесно отдохнул...

Я машинально перевел взгляд на свою правую руку...

— Перстень!!

— А ты что думал? — продолжал возмущаться Лис. — Он монеты возьмет, а такой камушек оставит? Это ж надо было так задряхнуть: перстень с пальца стащили, а он не заметил!

— Ладно, помолчи немного, — расстроено глядя на руку, огрызнулся я. — Сходи лучше приволоки сюда хозяина.

Рейнар остановился посреди комнаты.

— Ну что ж, мысль здравая...

Он поправил свои мечи и решительным шагом направился к двери, ударом ноги распахивая ее. В ту же секунду мы услышали многоголосую брань, доносившуюся снизу. Я недоуменно посмотрел на Сережу.

— Сейчас схожу узнаю, что там за митинг. — Он скрылся в коридоре. Когда через несколько минут он вновь появился в дверях, на лице его сияла счастливая улыбка.

— Нэ журысь, кумэ! Не одни мы с тобой такие

валенки! Сегодня ночью обобрали все комнаты в этой гостинице.

— И что, все номера были открыты? — удивился я. Улыбка на лице Лиса сменилась задумчивостью.

— Н-не знаю... Но замки на дверях вроде целы...

— А ну давай тащи все-таки хозяина сюда!

Спустя некоторое время содержатель гостиницы прямо с порога бухнулся на колени.

— Помилосердствуйте, господин рыцарь! Этот Жак и меня ограбил! До последнего сантима всю кассу выгреб и бежал! — Хозяин рыдал, всхлипывая и утирая слезы рукавом. — Совсем меня разорил, имя мое опозорил...

— А что ж ты набрал в слуги всяких прощелыг? — невольно смягченный этим потоком слез, бросил я.

— Сам не знаю, что на него нашло, — робко подымаясь с колен, произнес хозяин, — Жак — сын моей племянницы из деревушки Ноде в Турени. Год безупречно служил, ничего такого за ним не водилось, все деньги копил на свадьбу. Девушка у него там — Жозефина, дочь управляющего помещьем. Отец — самый большой богачей на всю округу, ну и заупрямился: подавай ему зятя с деньгами, да чтобы при ферме. Ну вот я его и взял к себе — тихий такой был, услужливый... Кто ж мог подумать! — Почтенный буржуа сокрушенно вздохнул.

— Странно... А что же касса у тебя — незаперта была?

— Заперта, ваша милость. Да только я ключ на столе случайно забыл...

— Случайно забыл, — повторил я. — А все комнаты были случайно открыты...

— Не велите казнить! Богом клянусь, невиновен! — Хозяин вновь рухнул на колени.

— Встань, почтеннейший, никто тебя казнить

не собирается, — обдумывая услышанное, медленно проговорил я. — Лучше обратиться к бальи, чтобы он снарядил погоню за твоим Жаком, пока не поздно.

— Уже распорядились, ваша милость. Ищут.

— Что ж, разумно. Ладно, ступай. — Хозяин начал пятиться к двери. — Лис, коней, я надеюсь, у нас не увели? Собирайся, мы выезжаем в Сент.

Проскакав часа четыре по пыльной дороге, окаймленной кое-где тенистыми рошицами, но большей частью тянувшейся между возделанных полей, к полудню мы уже увидели башни Сента, и вскоре на дороге нам повстречался небольшой конный отряд со значками на джупанах с изображением серебряного скакуна рода Кайаров в черном красном поле.

— О, мы у цели, — отметил я.

— Лишь бы мы сами не были целью, — пробурчал смертельно расстроенный нашим финансовым крахом Лис.

Заметив нас, всадники направились в нашу сторону.

— Где Меркадьё? — властно спросил я у первого из подъехавших воинов. Разглядев мою рыцарскую цепь, кавалерист со значком карпорала¹ почтительно ответил:

— В городе, господин рыцарь. Что ему доложить?

— Лучше проводите нас к нему, мы по спешному делу!

Разъезд обступил нас, и мы помчались в город.

— Что доложить? — Слуга у входа в дом, приспособленный под штаб, преградил нам дорогу. Мы назвали свои имена и остались стоять на улице. Ждать пришлось недолго. Из недр послышался все нарастающий грохот... Лис, прислушиваясь, поднял ладонь к уху:

¹ Карпорал — позднее: капрал. Младшее сержантское звание.

— Кажется, Малыш Эд... — его слова были прерваны появлением нашего старого знакомого. Сбив распахнутой дверью часового, Кайар де Меркадье налетел на нас, вопя что-то радостно-неразборчивое, сгребая нас с Лисом в свои могучие объятия.

— Раздавишь! — полузадушенно выдохнул Рейнар, предпринимая отчаянную попытку освободиться.

Однако с тем же успехом можно было попробовать отогнуть лапу у адмиралтейского якоря. В конце концов, объединив усилия, нам удалось вывернуться из рук моего бывшего оруженосца.

— Какими судьбами?! — радостно воскликнул он, распугивая мирных жителей и бродячих собак своим громовым голосом.

Да, Малыш Меркадье за три прошедших со времени нашей разлуки года вполне возмужал и уж явно не ослабел.

— Да вот дельце у нас к королю неотложное. Братец его под Лондоном с армией стоит...

Эдвар не успел удивиться. На улице, где происходила наша трогательная встреча, показался еще один конный разъезд.

— Ваша милость! — обратился к своему начальнику соскочивший с коня карпорал. — Тут какого-то странного старика по дороге на Ангулем поймали: вроде как сумасшедший, а вроде и нет, не поймешь. Тащил на себе мешок с золотом и драгоценностями да еще впереди себя серебряный кубок ногой пинал... Мы его прихватили — на всякий случай.

— А ну, тащите сюда! — распорядился заинтригованный Меркадье.

— Гастон, Оливье, волоките деда!

Два дюжих воина подвели под руки дряхлого старца, тяжело, прерывисто дышащего и дико озиравшегося по сторонам.

— Как тебя звать, старик? — сурово спросил Эдвар.

Но несчастный, кажется, не понял его вопроса.

— Эй, ты меня слышишь? — Гигант наклонился над ним.

Неожиданно тот широко раскрыл глаза и вперился взглядом в золотую рыцарскую цепь на груди де Меркадье.

— Золото! Опять это проклятое золото! — хриплым задыхающимся голосом проскрежетал старец, и руки его как бы сами собой потянулись к цепи. — Оно преследует меня! Везде золото — на дороге, в лесу... оно прячется в камнях, под деревьями, везде! Отдай мое золото! — внезапно взмолился он, пытаясь схватить знак рыцарского звания.

Малыш Эд отшатнулся от скрюченных старческих пальцев... На одном из них, пульсируя, светился кроваво-красный рубин, вокруг которого вились маленькие серебристые пылинки.

— Жак?... — ошеломленно выдохнул я.

Несчастный старик, услышав имя, казалось, пришел в себя.

— Ваша милость... — прошептал он, с предсмертным ужасом глядя на меня, и, захрипев, упал замертво.

Несколько минут все потрясенно молчали.

— Ты знал его? — первым нарушил молчание Меркадье.

— Да. Познакомился с ним вчера вечером. Он был очень милым юношей... — Я наклонился над бездыханным телом, снимая с пальца несчастного свое кольцо.

— Юношей? — Эдвар Жиль посмотрел на меня как на сумасшедшего.

— Да, ты не ослышался. И Рейнар тебе это подтвердит...

Лис молча кивнул.

— Если тебе не сложно, пошли человека к

бальи Ла-Рошели сообщить, что найден человек, обокравший гостиницу «Морской конь». А его, — я кивнул на погибшего такой страшной смертью человека, — похороните по христианскому обычаю.

— Какой странный перстень, — де Меркадьё наклонился над моей рукой, рассматривая его поближе.

Я удивленно воззрился на молодого гиганта.

— Его мне подарил король Ричард в благодарность за свое освобождение.

— Кольцо, безусловно, старинное и прекрасной работы, но я не помню, чтобы король его носил.

— Вот как? Забавно. Кстати, Эд, ты так и не ответил, где же Ричард?

— Осаждает замок Шалю. Слабенький вообще-то замок... После этого он должен возвратиться в Сент. Так что советую тебе дожждаться его здесь...

— Шалю?! — эта новость поразила меня больше, чем недавняя смерть Жака. — Эд, мы выезжаем немедленно!!

Глава двадцать вторая

Взял он саблю востру-востру
и зарезал сам себя!

Народная песня Мишеля Дюнуара

Надеюсь, друзья мои, вы простите мне отсутствие дорожных пейзажей. Ибо, несясь во весь опор, тяжело сказать что-либо внятное об окружающих красотах. Тех же, кому так милы живописные поля Ангулема и Лимузена или же лесистые берега Дордоны, я приглашаю отправиться во Францию и самолично, не спеша, проделать путь от Сента до Шалю, если, конечно, всезнающие клерки из бюро путешествий сподобятся вспомнить расположение этого забытого ныне замка.

Мы мчались, делая четыре-пять лье в час, воз-

нося про себя молитвы конским заступникам Фролу и Лавру, прося их прибавить силы нашим скакунам. И, какой бы ни казалась странной затея обогнать такую расторопную девушку, как Клио¹, не воспользоваться остававшимся у нас мизерным шансом было бы грешно.

И вот роскошные сады благодатной Аквитании возвестили о том, что цель нашего путешествия близка. Герб Меркадье, всю дорогу игравший роль огневого вала, позволил нам проделать свой путь без глупых дорожных стычек и перебоев с провизией для нас и наших благородных животных.

Казалось, война, прокатившаяся по этим землям в прошлом году, когда воспрянувший после вынужденного затворничества король Ричард со всем жаром Львиного Сердца напомнил своему недавнему собрату по оружию французскому монарху, что брать чужое грешно, совсем не тронула этих земель.

Разгромив своего бывшего друга при Фретевале, потомок Плантара — Пылкого Ростка заполучил в свои руки архивы Филиппа II Августа, немало позабавившие английского короля, и казну своего номинального сюзерена, которой он обрадовался как родной. Следующая встреча монархов произошла неподалеку от стен Жизора, и, признаться, она доставила мало радости гордому Капетингу². Бежав, «точно преследуемый голодным львом, почуявшим добычу», Филипп едва не угодил в плен, когда мост через Эпту, по которому стремительным аллюром улепетывало Его Величество, рухнул под тяжестью отступавшего воинства. По счастливой случайности ускользнув таким образом из рук нашего друга Меркадье, он счел, что восемнадцать миль от Парижа — достаточное рас-

¹ Клио — муза истории.

² Капетинги — королевский род, к которому принадлежал Филипп II Август.

стояние, чтобы подумать о мире, и запросил пощады.

Добившись при помощи папского легата желанного затишья, Филипп был вынужден вернуть все захваченные им в годы отсутствия Ричарда земли и согласиться на ряд таких условий, от которых ему явно плохо спалось по ночам.

Спустя год после этих событий король Англии вновь проводил время в своих французских владениях, стремясь приучить к должному почтению своего мятежного вассала, лиможского виконта Адемара V. И последний веский довод в этом оживленном диалоге должен был быть произнесен здесь, в благословенной Аквитании, у ветхих стен замка Шалю, куда неистовый король загнал своего недруга.

И вот наконец златотканый шатер, увенчанный королевским штандартом, замаячил на горизонте.

— Господи, откуда здесь лужи? — недоуменно осмотрелся вокруг Лис, как истинный гасконец знавший, что в это время здесь не то что дождя, капли воды с неба падать не должно.

Однако факт оставался фактом — похоже, что над Шалю на протяжении нескольких дней стояла дождливая погода.

Скользя на размытой глинистой дороге, мы наконец добрались до походной ставки нашего венценосного друга. Стражники, увидевшие Меркадье, отсалютовали ему копиями, и мы беспрепятственно приблизились к шатру, из которого доносился громopodobный сердитый рык, явно шедший из пасти Львиного Сердца.

— Что?! Вернуть вам епископа Бове? Да с какой стати, я вас спрашиваю?! Я что, вломился в кафедральный собор и похитил его с амвона? Нет, Ваше Преосвященство! Он был захвачен мною в бою не как епископ, а как вооруженный рыцарь, с опущенным шлемом.

— Но его высокий церковный сан... — услышали мы слабую попытку возражения.

— Церковный сан? Возвращайтесь к его святейшеству и попросите его от моего имени отучить своих иерархов хвататься за оружие при каждом удобном и неудобном случае! — услышали мы возмущенный голос короля. — А пока же ваш чертов епископ будет казнен, как обычный мятежный вассал.

— Однако...

— Это все! Возвращайтесь в Рим и передайте то, что вам велено, господин легат!

— Мессир Вальдар! — обратился ко мне Лис, мешая грязь у входа в палатку. — Мне почему-то кажется, что нам самое время входить. Потому как еще пара фраз, и в Рим возвращаться будет уже некому.

На только что синем небе внезапно, будто из ниоткуда, начали собираться тучи, на землю упали первые капли дождя. Подгоняемая этими обстоятельствами, наша троица поспешила ускорить миг желанной встречи.

— Меркадье? — услышали мы удивленный голос Ричарда, никак не ожидавшего увидеть своего полководца здесь и сейчас.

Когда вслед за Эдом появились еще и мы, радости короля не было предела. Он бросился к нам, раскрывая дружеские объятия... Внутренне подготовленные недавней встречей с Малышом Эдом, мы с Лисом, не сговариваясь, прижали руки к груди в слабой попытке защитить ребра от переломов.

— Какими судьбами?

— Да вот... Ох... Ехали к мамаше моей в Орбиньяк, слышим — ты тут шумишь. Дай, думаем, заедем навестим, — потирая помятые бока, проговорил Лис.

— Шумлю? — искренне удивился Ричард. — А! Вы об этом? — Он через плечо указал на папского

легата, все еще переминавшегося с ноги на ногу посреди шатра.

— Ваше Преосвященство, я же сказал вам, проваливайте в Рим! Да не забудьте передать мой привет Иннокентию III!

Священник попробовал еще что-нибудь сказать.

— Ступайте! — перебил его король. — У меня есть более важные дела, чем выслушивать ваши бредни.

Начисто забыв о легате, он тут же вызвал слугу и приказал ему немедленно позаботиться о еде и выпивке.

— А если серьезно, — начал я, когда первый радостный порыв монарха слегка утих, — мы к тебе по делу.

Король сдвинул брови, и над его переносицей пролегли две глубокие морщины.

— Что еще такое?

— Да нет, сущие пустяки, — начал Рейнар. — Так, если вдуматься, может, тебе и не следует в это впутываться, а уж нам — и подавно... В конце концов это ваши семейные забавы...

Ричард начал терять терпение, и я счел нужным внести ясность:

— Твой брат стоит с войском у стен Лондона. А может быть, уже находится и в самой столице.

— Значит, все-таки Шейтмур был прав... — Король резко помрачнел. — А что же Честер?

Мы очень подробно изложили ему события, предшествовавшие нашему отплытию во Францию, а также рассказали о тех действиях, которые были предприняты сторонниками Его Величества в Англии.

— Да... — произнес посуровевший Плантагенет. — Вы правы. Завтра же мы возвращаемся в Англию!

Слова эти прозвучали бальзамом для моей души...

— Однако почему же завтра? Любой день промедления может стоить неисчислимых жертв, — патетически произнес я.

— Ну я же должен взять этот чертов замок! — недоумевая, как это я не понимаю столь простой вещи, воскликнул Ричард.

Мне стало нехорошо. Судя по той интонации, с которой произнес он эту фразу, никакая корона Англии не могла заставить первого рыцаря королевства отвернуть от намеченного пути.

— Ваше Величество! — предпринял я попытку вернуть это Львиное Сердце на стезю благоразумия. — Неужели вы сомневаетесь, что Меркадье и без нашего участия разнесет этот сарай по камешку?

— О-о, Меркадье! — взгляд короля потеплел, и он начал пространно расписывать военные доблести нашего бывшего оруженосца.

— Ну вот видите, сир, — я улучил момент и вставил в потоки славословий увлекшегося короля подытоживающую фразу: — Эдвар Жиль прекрасно все сделает.

— Да что там делать? — удивился Ричард. — Вы видели эту крепость? Поверьте, она не представляет никакой опасности.

— Никакая опасность не грозит только тому, кто уже умер, — произнес Лис, — да и то только до Страшного Суда. Вам же, сир, опасность угрожает почти всегда и сейчас более чем когда-либо...

— Ерунда! — отмахнулся могучий Плантагенет. — Пойдемте, я лучше покажу вам наши позиции. Кстати, и старина Инельмо порадуетя.

Не слушая наших дальнейших возражений, венценосный рыцарь вышел из шатра и велел подать своего коня.

— Инельмо? А он-то что делает на позициях? — догоняя короля, спросил я.

— Как что? Сражается, — ответил он. — Вы сами разве не видите, что здесь творится? — Король

указал на вновь посиневшее небо и резво испаряющиеся лужи. — Маг тут у них оказался, черти б его побрали... Вызвал ливень, глину на холме и размыло, а по такой грязи не очень-то и поштурмуешь. Пришлось посылать за Инельмо. Вот они теперь между собой и воюют: один бурю вызывает, другой засуху.

Спустя минут двадцать мы въехали в район активных боевых действий: мимо нас то и дело проносились молнии, сокрушая окрестные деревья, крутились под ногами небольшие самумчики, струи проливного дождя испарялись, не достигая земли, под лучами палящего солнца.

— По сообщениям синоптиков, в районе замка Шалю уже который день ожидается погода, — прокомментировал это метеорологическое хулиганство Лис.

Наконец мы подъехали к очень странному сооружению: больше всего это напоминало дот, обтянутый драконьей шкурой, прикрываемый спереди рядом отполированных до зеркального блеска серебряных щитов.

Видимо, услышав команду, щитonosцы расступились, и в образовавшуюся щель просунулась старческая рука, запустившая в сторону замка средних размеров шаровую молнию. Рука моментально скрылась, и щиты заняли прежнее положение. И вовремя: долетев до стены, молния развернулась и полетела обратно. Эта боевая вариация пинг-понга продолжалась довольно долго, покуда вконец замотанная молния не самоликвидировалась с возмущенным треском. Наступило временное затишье.

— Инельмо, выходи! У нас гости! — во всю мощь своих легких крикнул Его Величество. Из укрытия повалил синеватый дым, вслед которому появился маг, усердно скребущий пальцами какую-то деревяшку.

— Ветер вызывает, — пояснил Меркадье.

Увидев нас, боец магического фронта, забывая о ветре, всплеснул руками и затараторил:

— Мессир Вальдар, господин д'Орбиньяк! Как я рад, уж и не чаял свидеться!

В ту же секунду на нас обрушился поистине тропический ливень. Моментально промокнув до нитки, мы поспешили укрыться в блиндаже королевского мага. Там уютно горел костерок, в который Инельмо не замедлил подбросить охапку пахучих трав. Ливень заметно ослаб. Меня вполне устраивали текущие погодные условия. Пожалуй, я бы даже попросил Инельмо устроить затяжной моросящий дождик с прелестным лондонским туманом, так как сырая тетива и мокрое оперение стрел в сочетании с плохой видимостью свели бы на нет все усилия стрелков противника.

— Какими судьбами? — приветливо глядя на нас и продолжая колдовать что-то над своей досщечкой, произнес Инельмо.

— Я же обещал вернуться.

— Ладно, ладно, — заторопил нас Ричард, которому не сиделось в душном укрытии. — Пойдемте, я вам все-таки покажу наши позиции. Инельмо, продолжай колдовать.

Мы вылезли из-под драконьей шкуры. В небе опять сияло солнце. Я с досадой выругался и поспешил вослед королю, уже мчавшемуся в объезд замка.

— Ваше Величество! — попробовал я привлечь внимание короля и тут, кинув взгляд на стену замка, заметил на ней арбалетчика, прикрывавшего вражеского мага и прослеживающего своим оружием фигуру Ричарда. Изю всех сил дав шпоры Мавру, я рывком поравнялся с королем, вскидывая свой щит. Арбалетный болт, пущенный со стены, пробил его прочную древесину и вонзился мне в плечо.

— Успел! — прошептал я и, едва не теряя сознания от резкой боли, опустил раненую руку.

— Что случилось? Друг мой, вы ранены? — Обернулся Ричард Львиное Сердце. — Эд, Рейнар, мы возвращаемся!

И тут, словно в полусне, я увидел еще одну стрелу, впившуюся в правое плечо старшего Плантагенета...

— О, дьявол! — взревел Дик, хватаясь за древко стрелы и дергая ее что есть силы. — Проклятие! Наконечник остался внутри.

— Мой король, я сейчас приведу Инельмо. — Меркадье развернул коня.

— Назад!! — раздался львиный рык. — Инельмо делает то, что он должен делать. А ты, мой мальчик, возьми этот проклятый замок и сравняй его с землей! Не щади никого! И главное — захвати живьем этого негодяя — арбалетчика. Запомни его — вон он ухмыляется со стены!

— А вы, сир?

— А я буду ждать тебя в шатре. И учти — пока ты не возьмешь этот замок, ни Инельмо, ни какой другой лекарь не приблизится ко мне! — выкрикнул он, и беззубые Норны ехидно усмехнулись в своем чертоге...

Я знал, что должно произойти дальше: во всех мирах Ричарды гибли одинаково. Обуреваемый дикой яростью Меркадье поведет воинов на штурм, и ни грязь, ни стены не станут ему помехой. И ни один из защитников Шалю не переживет этого часа, за исключением этого арбалетчика, нагло ухмылявшегося со стены. И когда умирающий от заражения крови и собственной глупой отваги король спросит несчастного, сделавшего столь меткий выстрел: «Как тебя зовут?»

Я уже знал ответ...

— Бертран де Гудрун! — гордо ответил пленник.

— Какое зло сделал я тебе, что ты меня убил? — прошептал умирающий Ричард.

— Ты умертвил своею рукою отца моего и двух братьев, а теперь хотел убить меня. Мсти мне как хочешь, я охотно перенесу все мучения, которые

ты придумашь, раз умираешь ты, принесший миру столько зла!

Ричард откинулся на подушки и закрыл глаза.

— Смерть мою тебе прощаю, — тихо произнес он. — Эд, отпусти этого человека, да распорядись дать ему сто солидов.

Насколько я знал, это было единственное поручение, данное королем своему верному вассалу и другу, не выполненное им. Через два часа, когда английский лев испустил последнее дыхание, Эдвар Жильбер Кайар де Меркадье велел повесить убийцу, содрав с него предварительно кожу...

Но ни увидеть, ни воспрепятствовать этому я уже не мог. Обессиленный потерей крови, я лежал в королевском шатре, лишь изредка приходя в сознание.

Так закончил свою жизнь самый выдающийся и самый никчемный из английских королей.

— ...Лежите, мессир Вальдар, лежите. — Стари-на Инельмо глядел на меня заплаканными глазами и вновь густо мазал мою рану уже знакомой мне чудодейственной бурой смесью. — В этой мази — частица философского камня, — продолжал он, разговаривая как бы сам с собой. — И те болезни, что длились бы год, он излечивает за 12 дней, а те, что месяц, — за день. Господи, ну почему он не велел позвать меня?

— Инельмо, — пробормотал я. — Никто не властен над своей судьбой и ни в чьих силах ни было помешать этой смерти. Он умер, как и подобало королю, носившему прозвище Львиное Сердце. Послушай, скажи лучше мне, видел ли ты у короля вот этот перстень? — Поморщившись от боли, я вытащил подарок Ричарда из ладанки, висевшей у меня на груди.

Маг внимательно посмотрел на протянутую ему реликвию.

— Занятно, занятно... Скажите мне, мессир Вальдар, что вы видите на нем?

Я несколько удивился.

— Как что? Двух переплетающихся драконов, которые образуют кольцо, и большой чистой воды рубин.

— Ну да, конечно... — Мелко закивал заинтересованный старик. — Господин Рейнар! — неожиданно позвал он.

Лис, видимо, ожидавший за пологом, быстро вошел внутрь.

— О, я же говорил, что выживет. У нашенских порода покрепче.

Маг печально усмехнулся.

— Если бы вы, господин д'Орбиньяк, своевременно не наложили ему повязку на рану и не извлекли стрелу, мог бы и не выжить. Но я не о том. Будьте добры, опишите мне этот перстень.

Рейнар пожал плечами:

— Ну-у, красивый золотой перстень с рубином.

— А узоры какие-нибудь? — хитро поглядывая на меня, задал провокационный вопрос Инельмо.

— Да нет... — Сережа растерянно покрутил кольцо. — Никаких узоров я не вижу.

— Я так и думал! Благодарю вас, — обратился маг к так ничего и не понявшему Рейнару. — А теперь сделайте мне одолжение — велите моему ученику Бонифасу сделать отвар против лихорадки.

Лис вышел.

— Вы не обладаете внутренним зрением, однако видите истинную суть кольца. Я не спрашиваю, как оно попало к вам, ибо видел, что его носил Ричард. Помнится, впервые я увидел на нем этот перстень незадолго перед тем, как появились вы — за несколько дней до Михайлова дня.

Я закрыл глаза. Получалось, что как только король надел этот подозрительный перстень, мы несчастливили этот мир своим вторжением. Или, может быть, наоборот?..

— Послушай, старина. По дороге сюда с нами случилась странная история... — я не успел договорить. В шатер вошел юноша в черном одеянии, несший в руках котелок. В котелке что-то загадоч-

но булькало, распространяя по палатке невыносимое зловоние.

— Простите, мэтр, кобр здесь не нашлось, пришлось ограничиться гадюками, — произнес ученик, ставя котелок на землю.

Моя слабая надежда на то, что меня будут отпаивать липовым чаем с малиновым вареньем, улетучилась как дым. Я сцепил зубы и решил скорее повторить судьбу Ричарда, чем позволить влить в себя хотя бы каплю этого отвратного зелья. Инельмо поморщился и, кажется, не замечая ужасного запаха, стал наливать отвар в глиняную кружку, стоявшую передо мной.

И в этот миг я увидел, как начал зыбко расплываться облик юного Бонифаса и на его месте возник аскетического вида старец, дико вращающий глазами. «Ну вот, пожалуйста, лихорадочный бред», — обреченно вздохнул я, внутренне смиряясь с необходимостью пить это гнусное пойло. Но видение повело себя странно: вместо того чтобы добропорядочно исчезнуть, оно протянуло руки к стоявшему к нему спиной Инельмо, и с его тонких пальцев сорвалось белесое облачко, моментально окутавшее моего друга. Мне в лицо дохнуло холодом. Инельмо замер в неестественной позе и выпустил из рук котелок. Не решаясь кричать, я врубил связь.

— Лис, на помощь! Держи мага!

— Капитан, ты можешь не бредить по каналу закрытой связи? Чем тебе Инельмо не угодил?

— Идиот! Здесь еще один маг! — заорал я.

— Подожди, сейчас! Сейчас мы с Меркадье пойдем! — Судя по всему, Лис был довольно далеко от нашего шатра.

Между тем лжеученик легко подхватил недвижимого чародея и быстро выскочил из шатра. Понимая, что творится что-то очень скверное, я, сжав зубы, вскочил и оглянулся в поисках меча. Катгабайл блеснул рубинами в рукояти и потянулся ко мне. Выхватив клинок из ножен, я ринулся

вслед убегающему похитителю. Рядом с палаткой вповалку лежали спящие часовые. Я огляделся и увидел колдуна с его ношей, бегущего к небольшой рошице, простиравшейся невдалеке от нашего шатра.

Благодаря мази Инельмо боль моя утихала, и мне довольно быстро удалось сократить расстояние между нами. Пробежав ярдов сто, чернокнижник остановился перед старым узловатым вязом и положил свою жертву наземь. Пробормотав что-то невразумительное, он взмахнул руками, и в воздухе возникла пылающая пентаграмма, внутри которой клубилась, как дым в тоннеле, серая мгла.

— Стой, где стоишь! — рявкнул маг, заметив меня.

Излишне говорить, что я не последовал его совету. Похититель поднял руки и, нашептывая заклинания, скрестил пальцы. Полыхнула молния, и, инстинктивно защищаясь, я вскинул правую руку. Какая-то страшная сила сбила меня с ног, и я увидел, как магический огонь, пущенный в меня, отразившись от рубина в перстне Мерлина, вернулся назад, испепеляя мага.

Я вскочил на ноги и бросился к Инельмо, лежавшему у входа в этот странный тоннель. Но только я коснулся своего неподвижного друга, как пространственный коридор с чавкающим звуком захлопнулся, втягивая нас внутрь.

Глава двадцать третья

Никто не спросит, чье богатство,
Где взято и какой ценой.
Война, торговля и пиратство —
Три вида сущности одной.

И. В. Гёте

Поза лягушки, в которой я шлепнулся на твердые доски настила, меня совсем не порадовала, а кроме того, мне почему-то показалось, что хитрец

Инельмо слегка пожадничал, добавляя в свою мазь философского камня, ибо плечо вновь пронзила дикая боль.

— Вот так так! — слышался у меня над головой удивленно-насмешливый голос. Я узнал бы этот голос где угодно и когда угодно, поскольку принадлежал он любимейшему и вернейшему моему врагу — Оттону Лейтонбургскому...

— Судя по тому, что вы здесь, Балендаса я могу больше не дожидаться. У вас странная манера, мой друг, — вы постоянно лишаете меня придворных магов!

Я поднял голову. Дошатый помост, столь ласково встретивший меня, был палубой роскошной галеры, мягко покачивавшейся на лазурных волнах. В том, что это не было Северной Атлантикой, сомнений не возникало. Оставалось только выяснить, на какой из южных курортов меня занесло...

— Вставайте, вставайте, мой дорогой. Такая поза недостойна благородного рыцаря.

В этом император был прав. Не заставляя себя убеждать, я, кряхтя, начал подниматься. Государь находился шагах в десяти от меня, окруженный двумя дюжинами телохранителей, часть из которых не сводила с меня глаз и взведенных арбалетов.

— Добрый день, Ваше Величество! Я не спрашиваю, как ваши дела, потому что и так вижу, что много лучше, чем у меня, — поприветствовал я своего давнего неприятеля.

Лейтонбург ухмыльнулся.

— В этом вы, несомненно, правы. Кстати, будьте любезны, положите на палубу свой меч и давайте поговорим спокойно. Я несколько удивлен вашим появлением, но, признаться, даже рад ему.

— Надеюсь, Ваше Величество более не будет проявлять столь нежный интерес к моему оружию? — все еще держа меч в руках, вежливо поинтересовался я.

— Нет-нет. Если мы с вами найдем общий язык, ваше оружие будет вам возвращено.

— А если нет?

— Тогда оно вам больше не понадобится. — Император вперил в меня взгляд своих бесцветных глаз.

Я вздохнул и осторожно положил меч.

— Так, может, вы все-таки расскажете мне, что случилось с моим новым придворным магом?

— Погиб, Ваше Величество. Неосторожное обращение с огнем, — кратко информировал я монарха.

— Очень жаль, оч-чень... Маг был бы мне сейчас весьма полезен... — задумчиво произнес Оттон, изучающе посмотрев на меня. — Кстати, мессир Вальдар! Вы же у нас тоже практикуете магическое искусство? Не могли бы вы расколдовать моего неверного Инельмо? А то ему без посторонней помощи еще неделю отмерзать придется.

— Ваше Величество, вы же просвещенный монарх! Не верьте вы этим рассказами! Какой из меня маг?

Лейтонбург скептически посмотрел на меня, явно не веря ни одному моему слову.

— Ну да, ну да, вы говорили. Фон Беринген, — обратился он к одному из своих дворян. — Будьте добры, примите у господина рыцаря его оружие.

Статный рыцарь, стоявший около императора, сделал шаг по направлению ко мне, и тут... послышался треск прорываемой палубы, и прямо из дерева начала дюйм за дюймом вылезать сморщенная старческая рука с какими-то патологически длинными ногтями. Массовка на галере застыла в неестественных позах, заворуженно наблюдая за действиями самодвижущейся конечности. Между тем рука, нащарившая рукоять Катгабайла, сомкнулась на ней и потянула за собой.

— А мечик-то я приберегу! — неизвестно откуда донесся омерзительно-скрипучий голос... Тот

самый голос, который мне уже доводилось слышать во время пребывания Виконта в замке Кээр Урмарк. Насколько я понимал, эта почтенная леди играла на нашей стороне. Через несколько секунд рука скрылась, уволакивая за собой меч. Следов на палубе, как я почему-то и ожидал, не осталось. Император первым пришел в себя:

— Так о чем это мы говорили? А! Вы утверждали, что не имеете никакого отношения к магии. Похвально, — произнес он и, не меняя тона, обратился к стражникам. — Заковать господина рыцаря в колодки и препроводить его ко мне в каюту. Да! Мессир Вальдар, я очень прошу вас, не стоит демонстрировать свое искусство умерщвления людей голыми руками. Это эффектно, но в данной ситуации глупо. — Оттон II повернулся и направился в свои апартаменты. Положим, последнюю фразу он мог бы и не говорить...

Смирившись со своей тяжелой участью и мысленно проклиная всю магию на свете, я безропотно предоставил конечности в распоряжение людей Его Величества, незлобиво и тщательно набивавших на меня колодки.

— Эй! Капитан! Ты где?! — услышал я не на шутку встревоженный голос Лиса.

— На галере, — отозвался я.

— Где-где? А точнее?

— Еще точнее — в колодках, — меланхолично отвечивал я.

— Что за пургу ты несешь? Мы тут с Малышом Эдом с ног сбились, тебя разыскивая! Ты что, с нами в прятки решил поиграть? — занервничал Рейнар.

— Подожди, сейчас я уточню, — пообещал я ему. — Э-э... любезнейшие, — обратился я к своим тюремщикам, — где это мы сейчас находимся?

Те удивленно уставились на меня:

— На галере...

Мне стали близки чувства Лиса.

— А галера? — задал я наводящий вопрос.

— Близ бухты Золотой Рог.

— О! Слышал? — обратился я к своему напарнику. — Я нахожусь как раз где-то между Европой и Азией.

— Господи! Что ж тебе во Франции-то не лежало?

— Потом объясню, — мрачно буркнул я. — Мне тут беседа с императором предстоит.

— С которым из них — с Оттоном или Алексеем?

— С нашим любимым, Лис. С императором Священной Римской империи Оттоном II.

— Капитан, ты что, нарочно? — обреченно спросил Рейнар. — Объясни мне, как ты умудряешься находить себе сразу столько неприятностей на голову?

— Это все магия, Сережа. Никогда не связывайся с этой гадостью!

Между тем процесс набития колодок завершился. Упаковав меня, как посылочный ящик, дюжие стражники поволокли мою говорящую голову на свидание с Его Величеством.

— Ладно, Лис, будь на связи. Прости уж, картинку включить не могу, сам понимаешь, колодки...

Донеся меня до дверей каюты, первый стражник робко постучал.

— Тащите его сюда! — донеслось из-за двери. — Да устройте поудобнее, вон там, на подушках.

Мой конвой последовал приказу.

— ...Сообщите вашему государю, что мы уже близко и в скорейшем времени придем ему на помощь.

— Да, Ваше Величество. — Низко склонился в поклоне человек, с которым разговаривал Лейтонбург. — Но слухи о вашем приходе значительно

¹ Император Византии *Алексей* — правил в Константинополе от имени своего отца Исаака Ангела.

опередили вас, народ бунтует, требует избрать нового императора.

— Вашему государю следовало бы меньше распускать язык во время своих попок! — резко ответил Оттон II посланцу, как я догадался, императора Алексея Византийского. — Я вам могу посоветовать только попросить помощи у принца Мурзуфла Дуки. Постарайтесь объяснить вашему императору, что я не могу заставить корабли двигаться быстрее, чем они движутся! Все. Ступайте, дорога каждая минута!

Гонец, кланяясь, начал пятиться из каюты. Оттон, тут же потеряв к нему всякий интерес, обратил свой взгляд ко мне:

— Простите, мой дорогой мессир Вальдар, за те неудобства, которые мне приходится вам доставлять. Но мы же с вами так хорошо знаем друг друга! Согласитесь, что с моей стороны это только разумная предосторожность. Поскольку вы были вместе с Инельмо, то, я полагаю, вы были в стане короля Ричарда. Странно, мне не доложили об этом.

Я развел ладони, торчащие из колодок.

— Как идут дела у нашего общего друга? — поинтересовался император.

— Плохо. Точнее, совсем не идут. Вчера он по собственной глупости геройски погиб под стенами замка Шалю.

Оттон помрачнел.

— Печальное известие. Значит, теперь король Англии — младшенький Джон? Все-таки он добрался до престола. Вы случайно не знаете, кто именно сразил короля Ричарда?

— Некто Бертран де Гудрун, — ответил я.

— Бертран де Гудрун... Я знал некоего Марсея де Гудруна — он был среди сторонников Генриха II. Возможно, это его сын...

Я промолчал. В дверь опять постучали.

— Входи! — крикнул Оттон Лейтонбургский.

— Посланец от принца Мурзуфла, — доложил слуга.

— Зови. — В каюту быстрой рысью вбежал невысокий человечек в восточном одеянии.

— Ваше Величество! Мой господин велел передать, — затараторил он, завершив цветастое приветствие, на протяжении которого галера успела пройти не менее мили, — что он все сделал так, как вы велели. Все войска, размещенные в Константинополе, собраны под его командованием. На стороне императора Алексея не больше сотни солдат его личной гвардии.

Оттон, чье лицо исказила мучительная гримаса во время потока славословий, излившихся из уст этого очередного гонца, холодно улыбнулся.

— Прекрасно. Спешите к принцу Мурзуфлу и передайте ему, что на протяжении ближайших часов Алексей попросит его о помощи. Пусть договорятся о встрече. Думаю, у твоего господина найдутся веские доводы уговорить императора отказаться от престола. Я надеюсь, что у нового монарха хватит сил продержаться в городе до вечера. — Лейтонбург многозначительно посмотрел на гонца.

— Да продлятся дни великого императора! Да будет солнцем осиян каждый ваш шаг, и пусть пыль под стопами ваших ног превратится в золото!..

— Спешите! — болезненно морщась, оборвал его Оттон. — Дорога каждая минута!

Второй посланник попытался выйти тем же способом, что и предыдущий, но император Оттон, которого явно раздражала эта восточная сверхучтивость, рывкнул на него:

— Повернитесь лицом к двери, так будет быстрее!

Как только дипкурьер пулей вылетел из каюты, Лейтонбург вновь обратил на меня свое милостивое внимание.

— Простите, мой дорогой друг, что мне все время приходится отвлекаться, сами понимаете, — дела.

Я вдумчиво моргнул, понимая, что опять волею судеб влез в какую-то многоходовую комбинацию большой политики.

— Мы, кажется, говорили о том, что теперь королем Англии стал принц Джон?

Насколько я мог догадываться, Его Величество не больно-то жаловал законного наследника Плантагенетов. Тот был слишком умен и хитер, чтобы с ним можно было договориться, и слишком храбр, чтобы его можно было запугать. Такого человека лучше иметь другом, чем врагом, но ни мне, ни Оттону тут как-то не повезло.

— Королем Лондона, — глядя куда-то в пространство, произнес я.

— То есть как? — удивленно уставился на меня Оттон, услышав сей странный титул.

— В то время как король Ричард находился во Франции, его брат поднял восстание и занял Лондон. Однако верные королю войска контролируют центр и север Англии по линии Ноттингем — Честер.

Может, это было и не совсем так, но уж Оттон знал об этом еще меньше, чем я. И я довольно подробно рассказал императору о событиях недавних дней, естественно, умалчивая о моих подозрениях насчет настойчивого «сватовства» к принцессе Каталунской. Старый волк внимательно слушал меня, изредка ухмыляясь, когда я упоминал о поражениях как принца Джона, так и моих.

— Да, забавно, — произнес он голосом, в котором веселости было не более, чем в «Веселом Роджере». Выходит, что с той минуты, как король Ричард умер, вы все являетесь мятежниками против законного повелителя Британии короля Джона? В этом положении есть два варианта действий: законный и правильный...

В дверь каюты снова постучали.

— Монсеньор Джакомо Ареттини, от венецианского дожа!

— Простите, друг мой, — развел руками император, — я снова вынужден прерваться.

Богато одетый посланец гордо вплыл в апартаменты Его Величества, словно демонстрируя моды сезона. По взгляду, брошенному государем, под чьей тяжелой рукой находилась большая часть Европы, на дорогие ткани, золотое шитье и драгоценные камни, украшавшие наряд венецианского патриция, можно было полагать, что Жемчужине Адриатики недолго осталось ждать своего светлого часа.

— Ваше Величество, — со вздорной гордостью произнес венецианец, глядя куда-то чуть-чуть поверх головы Оттона, — мой повелитель просил меня уточнить, не будет ли каких-либо изменений в прежнем плане.

— Нет, мой дорогой монсеньор Ареттини, — произнес Лейтонбург с той неподражаемой нежностью, с которой отъявленный гурман говорит о каком-нибудь диковинном лакомстве. — Изменений не будет. По сведениям, присланным моими людьми из Константинополя, ворота будут оставлены без охраны. На день — город ваш. Потом мы делим владения Византийской империи согласно нашему предварительному договору.

Не говоря ни слова более, расфранченный патриций небрежно поклонился и вышел.

— Напыщенный петух, — проводил его уход император, кривя губы в насмешливой улыбке. — Вы знаете, мой дорогой мессир Вальдар, больше всего на свете я не люблю дураков и трусов, а еще скряг. Работать с ними проще всего, но это не доставляет никакого удовольствия. То ли дело вы, мой друг, с вами всегда приятно иметь дело.

Я пошевелил колодками, показывая, насколько польщен этой похвалой.

— Мне почему-то кажется, Ваше Величество, что венецианцы не получают своего, — произнес я, стараясь поддержать нашу светскую беседу.

— Ну что вы. — Оттон посмотрел через зарешеченную бойницу вослед уплывающей лодке своего недавнего гостя. — Именно получают, и именно свое. Но оставим пока в покое этих водоплавающих и поговорим о вас.

— Обо мне? А что обо мне говорить? Вот если бы вы распорядились снять с меня колодки, тогда — другое дело.

— Ну право! Что за глупости, мой дорогой. Я бы, может быть, и заменил бы вам колодки цепями, но у меня на этот счет имеется печальный опыт. Придется потерпеть. Впрочем, я полагаю, недолго. У меня к вам есть деловое предложение...

— Как, опять?! Кого же я должен прикончить на этот раз?

— К чему ворошить былое, — рассмеялся император с той неуловимой интонацией, от которой мне всегда почему-то становилось грустно. — Давайте смотреть вперед. А впереди, как я уже говорил, есть два пути. Путь первый: поскольку с момента смерти короля Ричарда каждый новый час вашего вооруженного противостояния есть открытый мятеж, то, согласно букве закона, вы должны сложить оружие к стопам законного правителя, смиренно уповая на его милость. Но на вашем месте я скорей бы вверился милосердию голодного берберийского льва, чем Джона Плантагенета. Тем более что лично к вам он питает особо нежные чувства. Не так ли?

Что и говорить, спорить с этим было трудно. Впрочем, Лейтонбургу никогда нельзя было отказывать в логике. Заметив гримасу согласия на моем лице, он продолжал:

— Я более чем уверен, что вы не выберете этот путь. Тогда остается другой. Следуя духу закона, мы должны помнить, что принц Джон завладел

троном не по праву наследования, а силой оружия. Более того, возможно, он виновен и в гибели своего брата. А значит, власть его вполне может считаться незаконной. В таком случае вы имеете полное право покарать узурпатора и братоубийцу. Не думаю, мой друг, что есть необходимость убивать его. Какое-нибудь подземелье Тауэра и душе-спасительные беседы Джорджа Уолрена — вот достойный конец для его многогрешного пути. Вы, кстати, знакомы с графом Шейтмуром? Нет? Зря. Весьма рекомендую. Так вот, мой милый мессир Вальдар, у меня нет никаких сомнений, что армия, возглавляемая графом Солсбери, Эдом де Меркадье и вами, мой друг, сможет заставить этого Каина раскаяться. Так, кажется, пел ваш друг д'Орбиньяк?

— Господи! Как он только не пел!

— Ладно, это не важно. Речь совсем о другом. Когда принц Джон, заметьте, отнюдь не король, а не более чем мятежный принц, окажется в Тауэре, перед вами встанет вопрос о новом английском короле. Я полагаю, род Камдилов не претендует на престол Британии?

— Не претендует. Во всяком случае, в моем лице.

— Что ж, похвально. Значит, на наследство Плантагенетов есть два претендента: либо граф Артур Бретонский, сын младшей сестры Ричарда, либо же кто-то из моих детей, в чьих жилах течет кровь сго старшей сестры. Как вы понимаете, я буду поддерживать именно этот вариант, тем более что по старшинству именно им принадлежит право наследовать этот трон. Ведь так?

С этим было трудно спорить. Особенно, не снимая колодок.

— Поэтому мое предложение к вам просто и однозначно: вы помогаете моему сыну взойти на полагающийся ему по закону английский престол, а я обещаю вам самое завидное положение, по ва-

шему выбору, либо при дворе короля Англии, либо же при моем...

В эту минуту слуга доложил о приходе нового гостя.

— Обдумайте мои слова, мессир Вальдар. Полагаю, у вас нет повода сомневаться, что я высоко ценю людей, подобных вам.

Вошедший в каюту человек мало напоминал своих предшественников-посетителей. Он был молод, очень красив и сочетал изрядную мускулатуру атлета с поразительной гибкостью и легкостью гимнаста. На его обветренном смуглом лице играла задорная улыбка человека, влюбленного в жизнь с первого взгляда. Он быстро посмотрел в мою сторону и, увидев неприятные добавления к моему наряду, заговорщически подмигнул.

— Приветствую тебя, Ясон, — произнес «мой дорогой друг» император голосом, внезапно оттаявшим, как айсберг в экваториальных водах. — Входи, присаживайся.

Красавец, которому неизвестно отчего был оказан столь радушный прием, встряхнул буйной гривой иссиня-черных кудрей и, нисколько не смущаясь своего высокопоставленного собеседника, уселся на подушки лебяжьего пуха, заменявшие кресла.

— И я приветствую тебя, Ваше Величество, — весело бросил он так, будто собеседником его был не вершитель европейских судеб, а сосед-трактирщик. — Я не опоздал?

— А разве адмирал Архипелага Ясон Кондалакис когда-нибудь опаздывает? Нет, ты как всегда вовремя.

Я с силой закрыл глаза и, подержав их так с минуту, вновь широко раскрыл их. Картинка не исчезала. Для верности, конечно, стоило бы еще ущипнуть себя, но этого я — увы! — не мог. Имя Ясона Кондалакиса знал всякий, кому приходилось пускаться в путь морем от Геракловых Столбов до Босфора, и встреча с ним где-нибудь в

Эгейском море, закончившаяся только ограблением, могла быть отнесена лишь за счет необычайной благосклонности Посейдона. И вдруг такая трогательная встреча. Старые друзья после долгой разлуки.

— Зачем ты звал меня, Оттон? О какой добыче идет речь? В твоей вечной тайнописи сам черт ногу сломит.

Император усмехнулся:

— Ты преувеличиваешь, Ясон. Судя по количеству кораблей, которые ты привел с собой, хотя бы часть моего послания ты прочел верно. Но я сейчас не об этом. Скажи мне, ты умеешь играть в шахматы?

— Конечно, — удивился адмирал Архипелага. — Эту игру наши предки вывезли из далекой Индии во времена походов Александра Великого.

Грек, а точнее эллин, гордо расправил плечи. Судя по всему, именно его предок, пролагая себе путь коротким мечом, тащил под грубым плащом из козьей шерсти первую в Европе шахматную доску. Глядя на горящий взгляд угольных глаз пирата, можно было предполагать, что историю о героических деяниях этого славного предка нам сейчас предстоит услышать.

— Прекрасно, — остановил Лейтонбург водопад эпического красноречия, грозящий низвергнуться на наши головы. — Тогда ответь мне: с кем проще всего играть?

— Со слабым противником, — отозвался Кондалакис.

— Ничуть, — возразил ему Оттон, — проще всего играть с самим собой. Вот в такой игре я тебя сегодня и пригласил принять участие.

— Как я понимаю, главный приз — Константинополь?

— Ты прав.

— Но ведь твои люди в прошлом году уже брали его?

— Мои люди покарали наглого заговорщика,

отнявшего трон у законного императора. Правда, цена этому помазаннику божьему как правителю меньше, чем любому из гребцов моей галеры, но не в этом дело. Возвратив на трон законного монарха и навязав ему в соправители забулдыгу сына, они ушли, пальцем не тронув ничего сверх обещанной им награды.

— Которая была столь велика, что...

— Которая была заслужена. Это главное.

— Ладно, — примирительно развел руками Ясон, — разве я спорю?

— Год понадобился императору Алексею, чтобы всем и каждому доказать, что терпеть этого вечно пьяного придурка у власти — позор для империи. Но, памятуя о недавнем штурме Константинополя, жители не решались на восстание. Моим людям пришлось немало потрудиться, чтобы найти подходящую кандидатуру на роль вождя мятежников. Но все-таки они нашли. Это принц Мурзуфл из рода Дука.

— Хороший род.

— Хороший. Как ты понимаешь, ему была обещана всяческая помощь.

— Это правильно.

— Когда же Алексей почувствовал, что у него печет под тем самым местом, о котором так хлопотно беспокоятся его телохранители, он тоже запросил помощи. И она ему тоже была обещана.

Кондалакис хмыкнул:

— И это правильно.

— Однако, как ты понимаешь, мы не собираемся помогать ни одному ни другому.

— О! Вот это правильное всего.

— Принц Мурзуфл сейчас командует всеми войсками, находящимися в столице. Полагаю, он уже отвернул голову своему августейшему монарху, а если и нет, то это дело ближайших часов. Дальше он ждет нашего прихода, поскольку своими силами бунтующий народ, заблаговременно

поставленный в известность о нашем приходе, ему не приструнить. В общем-то, он не многим лучше Алексея. Но я о другом. В ожидании нас он держит ворота открытыми. По его расчетам, мы должны подойти к вечеру. Но все дело в том, что днем там будет, точнее уже есть, флот венецианского дожа. Они считают, что Мурзуфл на их стороне и город на день предоставлен им на разграбление.

— Зря ты это, Оттон, — вздохнул адмирал Архипелага.

— Ничего не зря. Я даю тебе шанс стать героем твоей родины, а не просто грозой морей! С венецианцами все просто. Они завязнут в городе, теряя боеспособность на каждом шагу. Пока Мурзуфл разберется, что ему делать, пройдет никак не менее часа, а может быть, и все два. В это время подойдешь ты и присоединишься к своим соотечественникам. Что делать ты знаешь. Чем меньше венецианцев уцелеет — тем лучше. Да, вот еще, найди главаря мятежников, впустившего недругов в столицу, и отруби ему голову. Чем больше народа при этом будет — тем лучше. За гарнизон и стены не беспокойся. За тобой пойдут рыцари графа Болдуина Фландрского. Это их дело.

— Можно и отрубить, — с какой-то хитрой интонацией в голосе протянул Ясон, пропуская мимо ушей сообщение о рыцарях. — Только голова императора будет дорого стоить. Никак не меньше тысячи солидов.

— Восемьсот, мой дорогой. Он принц, а не император.

Пират весело расхохотался:

— Приятно иметь дело с деловыми людьми. Хорошо, давай так: если к тому моменту, как я отрублю ему голову, он будет еще принцем — ты платишь мне восемьсот солидов, а если уже императором — тысячу. Идет?

Лейтонбург кивнул.

— Раз уж мы заговорили о добыче, — продол-

жил Кондалакис, — расскажи, что ты думаешь о дележе?

— Третью получаешь ты, третью получаю я, а еще третью я возвращаю в казну Константинополя, когда в Византии будет выбран новый император.

— Я, кажется, знаю, кто им станет, — рассмеялся красавец грек.

— Тот, кто сможет навести порядок в стране.

— Ну да. Ну конечно. Железный порядок железной рукою...

— Бери только золото, серебро и драгоценности, — продолжал Оттон, не обращая внимания на иронию пирата. — Эти торговцы венецианцы будут тянуть все, что попадаете им под руку. Старайся забирать у них, а не у греков. Все остальное — возвращай. Народ запомнит именно это. Те забирали — эти отдают.

— Это умно. Так и сделаю. Насчет дележа я предлагаю так: всю добычу тащим сюда. Надежнее места я в здешних местах не знаю. Ты поставишь свою охрану, я на всякий случай пришлю своих, кто понадежней, о грузчиках тоже не беспокойся, этого добра хватает. Когда сражение кончится, делим все, как договорились. Ты как?

Лейтонбург немного подумал и кивнул в знак согласия.

— Ну вот и отлично. До встречи в Константинополе. — Ясон еще раз улыбнулся и, помахав рукой на прощание, вышел.

Глава двадцать четвертая

Красиво выживать не запретишь!

Джон Рембо

Душная летняя ночь опустилась на Константинополь. Город был празднично иллюминирован множеством пожаров в честь гостей, посетивших столицу Византии. Императорская галера стояла

на рейде, выделяясь среди остальных кораблей своей величиной и боевой мощью, словно лев в волчьей стае. Лейтонбург, вежливо порекомендовав подумать мне над его деловым предложением, пропадал на палубе, видимо, самолично наблюдая процесс расчистки его будущего трона. Однако следует отдать должное его гостеприимству, обо мне он не забыл — слуга, досадуя на мои колодки, как заботливая нянька, кормил меня из рук. Даже сюда доносился шум битвы, боевые кличи и лязг оружия. Наконец я услышал рядом с дверью уже знакомую певучую речь Ясона Кондалакиса.

— Все случилось именно так, как ты и предполагал. Мои люди почти всюду брали венецианцев голыми руками: те были настолько заняты грабежом, что приходили в себя только тогда, когда клинки моих храбрецов оказывались у самого их горла.

— И что ты намерен делать с ними дальше? — заинтересованно спросил Оттон.

— Я уже сделал, — спокойно ответил его собеседник. — Позволил народу свершить свой краткий праведный суд над грабителями. Пока этот плебс упивается сладостной местью, никому и в голову не приходит смотреть, куда исчезают ценности. Остальное мои люди раздают направо и налево — пусть горожане сами разбираются, где чья вещь! — весело расхохотался пират.

— Спасибо, Ясон, я знал, что ты меня не подведешь, — в голосе Лейтонбурга слышались прямо-таки отеческие нотки.

— А когда было иначе? — горделиво отозвался тот. — Прикажи начинать погрузку нашей добычи на корабль.

Видимо, император согласился с этой разумной мыслью, потому что вскоре я услышал гортанные крики команд, шум спускаемых сходней, бряцанье доспехов строившейся стражи...

— Эй! Капитан, прием! Ставлю тебя в извест-

ность, что мы тут с Меркадье решили поучаствовать в коронации принца Джона, — информировал меня Лис. — А ты там как поживаешь?

— Стабильно. Сижу вот на подушечках, отдыхаю. Присутствую при великом историческом событии. Как я догадываюсь, наш друг Оттон собирается сегодня увенчать свою макушку еще одной императорской короной. Кстати, после того, как Эд поздравит Джона с коронацией, Лейтонбург предлагает на вакантное место любого из своих сыновей на выбор.

— Бедная Англия! Это ужасно! Немецкие сосиски и пиво вытеснят коренной эль и овсянку! — с дрожью в голосе патетически возопил Лис. — Ладно, если для тебя это так важно, соглашайся. В конце концов, думаешь, Меркадье не все равно, сколько коронованных голов отворачивать? В общем, мы маршируем в Ла-Рошель, там дожидаемся Лувара и еще одного кренделя. Я их не знаю, но Эд говорит, что они славные парни, и я ему верю. Следующая остановка, как обычно, Гастингс¹.

— Ладно, до связи, — грустно отозвался я.

Минут через десять связь опять активизировалась. «Меня проводят, как больного», — подумал про себя я.

— Я что-то не понял, Капитан, вы с Лисом поссорились? — услышал я голос Виконта. — Ты это где?

— Приглашен на коронацию нового императора Византии, — ответил я.

— А Лис?

— Напрашивается на коронацию нового короля Британии.

— Везет вам! — завистливо вздохнул Крис. — Ну, у меня тут тоже есть кое-что интересное. Включи картинку! — попросил он.

¹ Гастингс — порт, в котором традиционно высаживаются покорители Англии (например, Вильгельм Завоеватель).

— Не могу, руки заняты!

— Чем? — удивился Вик.

— Колодками...

На канале воцарилось продолжительное молчание, завершившееся язвительной сентенцией:

— Разумная предосторожность со стороны нового императора... А Лис сейчас с петлей на шее?

— Нет, он с Меркадье.

— Да, принцу Джону повезло меньше... — задумчиво констатировал де Монгийе. — Ну тогда слушай, — обратился он ко мне. — В воротах слева — в синей майке и розовых трусах уже известный нам Ги де Жизор; в воротах справа — в белой майке с красным крестом Великий Магистр тамплиеров Робер де Сабле. Итак, матч начинается!

Я заинтересованно прислушался. Прозвучала фраза Виконта:

— Ваше вино, господа!

— Спасибо, мой мальчик, — поблагодарил своего нового оруженосца де Жизор. — Вот, рекомендую, — Кристиан де Ла Доннель, виконт де Монгийе, юноша весьма ловкий и отважный. Итак, Робер, вам надлежит установить связь с графом Солсбери, командующим армией на севере Англии. Вы должны выступить вместе. Передайте приказ во все командорства Ордена в Англии и Шотландии — быть готовыми к единому действию.

— А как же кровь Плантара? — прозвучал низкий гудящий голос.

— Увы, мы ошиблись. Это гнилая ветвь, — сурово произнес де Жизор.

— А кто же остается?

— Есть две возможности: либо дети Матильды, либо Артур Бретонский. Я полагаю, что Артур предпочтительнее — он молод и не несет в себе проклятой крови Штауфенов.

За этой фразой последовало некоторое молчание, после которого де Сабле произнес:

— Я сделаю все, как вы велите, монсеньор.

— Да поможет вам Бог! — Де Жизор, видимо, встал, поскольку послышался звук отодвигаемого кресла. — Кстати, кого вы намерены послать к Солсбери?

Великий Магистр молчал, очевидно, подбирая нужную кандидатуру.

— Ваша милость, разрешите мне! — услышал я голос стажера, исполненный решимости и готовности пожертвовать собой. — Поверьте, я исполню ваше поручение лучше, чем кто-либо иной! Я хорошо знаю графа Честера, думаю, через него мне без особого труда удастся переговорить с Уильямом Невиллом.

— Ну что ж, думаю, это хорошая мысль! — отозвался Робер де Сабле.

— Надо же, граф Шейтмур думает так же, — передал мне по мыслесвязи довольный Виконт. — Ладно, Капитан, счастливо оставаться! Я пошел работать, — услышал я голос матерекующего на глазах (вернее, на ушах...) Кристиана де Монгийе.

В каюту вошел император. Судя по его довольному лицу, все складывалось как нельзя более удачно.

— Ну что, мой дорогой друг, вы обдумали мои слова?

— Да, мой дорогой друг, — в тон ему ответил я. Монарх улыбнулся.

— И что же?

— Я думаю, мы вполне сможем найти общий язык.

— Это хорошо. Значительно лучше, чем в прошлый раз, — Оттон ободряюще посмотрел на меня.

— Ваше Величество! — донесся крик с палубы.

— Граф Фландрский сообщает с берега, что мятеж в городе подавлен, все патриции, которых удалось поймать, собраны в Софийском соборе и ждут вас.

Эту новость владыка Священной Римской империи выслушал с откровенным торжеством.

— Ну вот и все, мессир Вальдар. Византия у наших ног! Я на время покину вас, — накидывая на плечи мантию, подбитую горностаем, он двинулся к двери. — Да! Вы уж потерпите, я скоро вернусь. Сами понимаете, в такой ответственный момент отпускать вас на свободу было бы верхом неразумности. Ясон! — крикнул Оттон. — Присмотри за погрузкой, пока я буду в городе.

— Не беспокойся, ни одна монета не пройдет мимо твоего трюма! — заверил морской разбойник дважды императора.

Тот согласно кивнул. Сквозь открытую дверь я имел возможность наблюдать его торжественное сошествие на покоренный берег. Оттуда были слышны звуки труб и возгласы ликования. Насколько я мог разглядеть, адмирал Архипелага бойко распоряжался погрузкой награбленного, демонстрируя изрядные административные способности. Отдав все необходимые приказы, Ясон Кондалакис заглянул ко мне на огонек.

— Ох, устал! — опускаясь рядом на мягкие подушки и с интересом меня разглядывая, сообщил он. — Ты-то чего, рыцарь, здесь в таком странном виде находишься? — обратился он ко мне.

— Император никак не может решить — то ли казнить меня, то ли подружиться, — философски ответил я, в свою очередь изучая открытое лицо пирата.

— Тяжелый выбор... Надо будет обдумать на досуге.

Вошедший в этот момент в каюту помощник Кондалакиса почтительно доложил:

— Вся добыча на борту, капитан.

— Вот и прекрасно, — Ясон поднялся. — Тогда начинаем.

Помощник значительно кивнул и скрылся. Тотчас же я услышал свист, вслед за которым на борту галеры началось побоище. Не сражение, а именно побоище. Сквозь полуоткрытую дверь я

видел, как грузчики, бросая под ноги воинам императора пустые корзины, превращали перекладки для переноски груза в дубинки, которыми они успешно глушили тех же солдат. Особо буйных защитников галеры добивали те самые «верные люди», которых Ясон во множестве поставил на борту. Что и говорить, зрелище было захватывающее.

— Э-эй! Не убивать! — крикнул предводитель морских разбойников, выглядывая из каюты. — За каждого из них на рынке в Александрии дадут немалые деньги!

Вскоре все люди Лейтонбурга были аккуратно связаны и помещены в трюм.

— Хотите вина? — обратился ко мне адмирал, наливая себе полный кубок.

Эти слова вывели меня из моего созерцательного состояния, заставив подумать о последствиях данной акции. Несомненно, она не была заблаговременно согласована с Лейтонбургом, хотя и импровизацией ее назвать тоже было сложно.

— Не откажусь, — сказал я, понимая, что отказываться от столь учтивого предложения мне было не с руки. — Однако... — Я выразительно посмотрел на свой деревянный воротник.

— А, это? Это мы сейчас исправим, — он высунулся из каюты. — Эй, Аристидис! Пришли мне судового плотника! Да, кстати, вы уже управились? — крикнул он вдогонку своему помощнику. Последовал утвердительный ответ.

— Ну, тогда поджигайте. Хотите полюбоваться? — обратился ко мне Ясон, распахивая дверь пошире. Множество мелких кораблей, стоявших на рейде, одновременно вспыхнули, как факелы, и понеслись к стоящей у пристани эскадре.

— Прекрасно, Аристидис, — восторженно любуясь заревом, произнес коварный грек. — Уходим!

— Но там же сотни наших людей, — с сомнением глядя на берег, нерешительно попробовал возразить помощник адмирала.

Ясон расхохотался и дружески потрепал его по плечу.

— Наши люди все здесь! А там, на берегу, — сброд, наемники. Они получили щедрый задаток, а остальную часть их заработка, я думаю, наш друг император выдаст им сполна.

Я искренне восхитился столь ловко проведенной операцией. Появившийся в каюте корабельный плотник расторопно снял колодки с моих рук. Когда он было принялся за ноги, Ясон остановил его.

— Достаточно! Я полагаю, что если Оттон держал вас с таким почетом, то и мне не стоит пренебрегать этой предосторожностью. К тому же знакомы мы совсем недавно. Вернее, вы-то меня знаете, а я вас — пока нет.

— Вальдар Камдил, — представился я, разминая затекшие кисти.

— Подождите-подождите... — насмешливо глядя на меня, улыбнулся Кондалакис. — Это что, тот самый Камдил, утащивший из-под носа Лейтонбурга короля Ричарда?

— Он самый.

— Вот так встреча! Под одной крышей собрались два человека, которым удалось надуть самого прожженного хитреца в Европе! Рад знакомству с вами. Надеюсь, вы составите мне компанию в нашем путешествии? Мне бы очень не хотелось высаживать вас здесь, посреди моря, — довольный собственной шуткой, Ясон заразительно рассмеялся.

Право же, я оценил любезность нового хозяина положения.

— Кстати, умеете ли вы играть в шахматы? — спросил меня новый хозяин судна, удобно устраиваясь на ночь на лежанке Оттона.

— Умею, — подтвердил я.

— Вот и отлично. Значит, нам будет чем занять время. А теперь — самое время отдохнуть после трудов праведных, — закончил он, зевая и по-хозяйски развалившись на ложе.

... На протяжении следующей недели мой досуг всецело был посвящен общению с достойным соперником: игрой, беседами и обильными трапезами. Если бы не колодки на ногах, я смело мог бы записать эту неделю в счет отпуска. Время от времени на канале связи появлялись то Лис, то Виконт, рассказывая свежие новости и осведомляясь о ходе шахматных партий. Мое путешествие подходило к концу.

— Лошадью ходи, лошадью! — причитал Лис. — Век статуи Свободы не видать!

— Лис, отстань! Ты что, не видишь, на доске уже нет ни одной лошади! Тьфу, то есть коня!

— Тогда возьми другое животное, только быстрее, а то продует! — Лис искренне считал, что мастерство игры в шахматы заключается в скорости поедания фигур противника и быстроте реакции.

Мы с Ясоном сидели над шахматной доской в глубочайшей задумчивости, размышляя над довольно-таки сложной партией. Мысли вспылчивого грека ясно читались на его лице — он явно вознамерился поставить мне мат. Я же, напротив, искал способа скрыть от моего визави, в какой матовой позиции находится его король. Раздался осторожный стук в дверь. Кондалакис раздраженно вскинул кудрявую голову:

— Заходи, Аристидис! Что там у тебя?

— На траверзе Александрия, капитан.

— Прекрасно. Приготовь тогда товар к выгрузке.

— Я, собственно, за этим пришел. В трюме нашли какого-то странного старика — он не дви-

гается, руки-ноги словно деревянные, лишь тихо стонет. Как с ним поступить?

— Старик? — снова опуская глаза на доску, небрежно произнес пират. — Выкинь его за борт!

У меня перехватило дыхание. Ведь это был старина Инельмо!

— Постой, Ясон! — попытался остановить я Кондалакиса. — У тебя в трюме находится один из могущественнейших магов Европы. Он должен скоро прийти в себя, и тогда он будет тебе полезен.

Ясон изучающе поднял на меня черные глаза и некоторое время пристально на меня смотрел.

— За борт! — повторил он своему помощнику. Тот вышел из каюты.

— Неизвестно, что придет в голову этому магу, когда он очнется, — спокойно объяснил мне пират.

— Но он мой друг, пойми! Я за него ручаюсь! — выкрикнул я. Адмирал по-приятельски похлопал меня по плечу.

— Неизвестно, что придет в голову тебе, когда он очухается... Ходи, Вальдар, — и он вновь устоялся на доску.

Я понял, что уговоры бессмысленны, и на некоторое время просто оцепенел. Черт возьми, я ничем не мог помочь человеку, который дважды спасал мне жизнь! Проклятие! Холодная ярость поднялась во мне.

— Ну хорошо, сейчас мы с тобой сыграем! Шах! — сказал я, снимая ферзем пешку.

— Ах, вот как? — Кондалакис убрал короля из-под боя.

— Еще шах!

— Проклятие! — задумался мой соперник, выискивая путь отхода.

Мат в один ход не заметить было сложно. Подумав минуту, Ясон смахнул рукою фигуры и встал, глядя на меня с явным раздражением.

— А ты действительно опасный игрок, Вальдар. Однако, я думаю, что проиграл все-таки ты. Аристидис! — позвал он. — Аристидис!! Черт, куда подевался этот негодяй?

Адмирал вышел из каюты, напутствуя меня словами:

— Подожди, сейчас за тобой придут. Мое путешествие здесь заканчивается, твое же только начинается. Желаю, чтобы тебе повезло с новым хозяином! — Он вышел, хлопнув дверью.

Это было как раз то, что нужно. Смерть Инельмо требовала отмщения. Убийство Ясона было слишком простой местью — люди подобного рода при всей своей любви к жизни не особо трясутся над ней. Отвалившись от шахматного столика, я на руках дополз до угла, где над горой подушек на резной полочке неярко горела масляная светильня. Дотянувшись до нее, я отлил из носика часть масла на подушки и установил светильню на полке так, чтобы она упала вниз при первом же толчке или крене судна. Волоча за собой колодки, я тем же способом быстро вернулся на прежнее место. И вовремя: в каюту ввалились трое молодцов, которые подхватили меня под руки и поволокли к борту.

— Эй, принимайте еще одного! — крикнул один из парней, и меня на канатах опустили на покачивающийся около галеры баркас¹. Через борт свесился Ясон, крича толстому персу, восседавшему на корме:

— Смотри, Ахмед, я привез тебе в этот раз хороший товар! Не вздумай обсчитать меня! — Пират помахал баркасу рукой.

— Ясон! Помни, ты все-таки проиграл партию! — крикнул я.

Он только рассмеялся и скрылся за бортом. Га-

¹ Баркас — небольшое одномачтовое судно, использовавшееся для плавания в прибрежных водах (разновидность шлюпа).

лера начала делать поворот. По моим расчетам, светильня уже должна была упасть...

Баркас причалил к берегу. Слуги работорговца вытащили нас на сушу, и мы под охраной нескольких стражников побрели куда-то вверх по извилистой улице. Со стороны порта начали доноситься крики.

— Что они орут? — недовольно спросил меня высокий мрачный сосед.

— Пожар, — перевел я ему.

— Интересно, что у них там горит? — оживился мой собеседник.

— Императорская галера, — с наслаждением ответил я.

По цепочке пленников электрической искрой передалось радостное настроение. Я думаю, еще ни одна партия рабов не вступала на торжище с такими довольными физиономиями. Александрийский рынок рабов напоминал гигантскую очередь на пляж: толпы слабо одетых людей, между которыми сновали торговцы, расхваливая свой товар. На рынке царило оживление, свойственное удачному торговому дню. Громко, до хрипоты спорили с торговцами покупатели, сбивая цену, разносчики шербета и холодной воды расхаживали между рядами, заглушая своими воплями брань торгующихся. «Пора бы позаботиться о себе, — подумал я, прицениваясь к покупателям. — Что там Ясон мне советовал насчет нового хозяина? Я думаю, вот этот будет как раз по мне».

В поле моего зрения возникла восьмерка чернокожих невольников, волокущих на себе богато украшенный паланкин, в котором восседал их раскормленный хозяин, важно взиравший на ряды рабов, выставленных на продажу. Перед паланкином вышагивало четверо мордovorотов, расталкивавших толпу перед своим господином. Судя по

зверским гримасам и мощным торсам, это были телохранители восточного вельможи.

— О высокочтимый! — закричал я, переходя на фарси¹. — По твоему лицу я вижу, что ты мудр и справедлив! Такому достойнейшему из достойнейших нужен верный телохранитель, дабы ни одна грязная собака не могла косо посмотреть в твою сторону! — я покосился на работорговца.

Тот стоял, выпучив глаза и открыв рот, даже забыв дать приказание исхлестать меня плетью.

Богатый сановник, не ожидавший услышать родную речь от неверного, дал знак остановиться.

— У меня уже есть телохранители, — ответил он, критически осматривая мою фигуру.

— Да продлит Аллах твои дни, достойнейший! Эти никуда не годятся. Позволь, я покажу тебе свое искусство. — Я шагнул вперед.

— Э, нет! — запротестовал торговец. — Если твои богатыри разорвут его, я понесу убыток!

— Во сколько же ты ценишь этого раба? — высокомерно спросил мой предполагаемый хозяин.

— Сто динариев! — быстро ответил торговец.

Я усмехнулся. Ахмед явно продешевил... Что и говорить, парни были действительно крепкие. Доведись хоть одному из них напасть, мне пришлось бы не сладко. Если бы они нападали все вместе, это бы также значительно снизило мои шансы. Но они нападали по очереди, и спустя несколько мгновений все четверо лежали в пыли с переломами разной тяжести.

— Вах! — восхитился вельможа. — Я беру его! Ступай за мной!

— Сто солидов... — начал было работорговец, но мой новый хозяин лишь удивленно вскинул брови:

— Ты уже назвал свою цену и получил деньги. Пошел вон, шакал!

¹ Фарси — персидский язык.

Помахав ручкой Ахмеду, я пристроился было впереди носилок своего подопечного, как вдруг из боковой улочки на площадь галопом вылетел закопченный Ясон.

— Где он?! — кричал он, размахивая саблей. — Я отрублю ему голову! Сто тысяч солидов — и все на корм акулам! Где он?! — заорал взбешенный погорелец прямо в лицо посеревшему от страха компаньону.

— О... мой господин... — заикаясь, начал тот.

— Ага! Вот он! — заметив меня, Кондалакис оставил в покое наложившего в штаны работорговца и бросился ко мне.

— О несравненный! — обратился я к своему новому господину. — Разрешите мне убить этого неверного, осмелившегося вести себя столь недостойно пред твоими светлыми очами!

Черные глазки богатея, утопающие в складках пухлых щек, благосклонно блеснули. Он милостиво кивнул:

— Разрешаю!

Я подобрал на земле меч одного из травмированных мною мордоворотов и приготовился к бою. Но схватке не суждено было состояться. С бирюзовых небес раздался высокий свистящий звук, напоминающий атаку пикирующего бомбардировщика, и прямо на рыночную площадь начал стремительно опускаться ужасающего вида двухголовый дракон. Приглядевшись, я увидел, что третья шея все же присутствовала, но голова на ней, видимо, еще не успела регенерироваться. Дракон сделал круг над площадью, побуждая народ, ее заполнявший, разбежаться в разные стороны, и, давя опустевшие палатки, плавно опустился на землю. На спине дракона возвышалась башенка, свидетельствующая о том, что страшилище обитаемо. Дверца в ней тут же распахнулась, и на чешуйчатую спину своего лайнера, кряхтя, выбрался двадцать третий герцог Бедфордский.

Глава двадцать пятая

Если вам кажется, что дела идут хуже некуда — не волнуйтесь, в скором будущем они пойдут еще хуже.

Закон Мерфи

Если вам кажется, что дела пошли лучше, значит, вы чего-то не заметили...

Первое следствие закона Мерфи

Его светлость, восседая на хребте дракона, критически окинул взором развороченную рыночную площадь и, оценив масштабы разрушений, удовлетворенно хмыкнул. Вослед моему побратиму из будки стали выбираться дюжие воины в доспехах один ужаснее другого. Судя по всему, Отдел Ликвидации в полном составе осчастливил Александрию своим присутствием. Если учитывать еще и наличие дракона, то это сулило славному городу далеко идущие в глубь веков последствия.

— Я вижу, ты тут хорошо устроился! — начал старина Зеф. — У меня для тебя плохие новости: курортный сезон закончен, мы улетаем.

Я никак не успел отреагировать на эту «плохую новость». Ясон Кондалакис, не растеряв ни своей отваги, ни злости на меня и полностью игнорируя присутствие дракона, сделал еще несколько шагов в мою сторону.

— Он никуда не полетит!

— Господи, какая жара! — произнес Рассел, утирая пот со лба. — Как может уважающий себя человек жить в такой жаре? — Он посмотрел на кипятившегося пирата, словно только теперь заметив его присутствие. — Убогий, чего тебе надо? Вальдар, чего этот копченный турок от тебя хочет?

— Скверный человек. Очень скверный, — поставил диагноз я.

Оскорбленный и взбешенный, Ясон, размахивая саблей, двинулся на дракона.

— Вы мне сейчас заплатите за все, презренные псы!

Джозеф Рассел холодно посмотрел на безумца.

— Майкл, плесни-ка огнем из правой головы в этого идиота с саблей, — лениво приказал он. — Только не перепутай, не в Вальдара, а в другого! — поспешно добавил он.

Одна из голов дракона немедленно повернулась, и из ее пасти вырвался длинный язык пламени.

— Привет Аллаху! — подытожил бесславный конец грозы морей герцог Бедфордский. — Вальдар, я не понял, что ты там стоишь, как Нельсон на Трафальгарской площади? Я же сказал, мы улетаем. Лезь наверх!

Через несколько минут дракон, вернее, закамуфлированный под него спасательный катер, выпустив струю огня из того места, из которого ни один приличный ящер никогда бы этого делать не стал, скрипя и раскачиваясь, с натугой поднялся в воздух.

— Рад тебя видеть, Зеф. Чем обязан подобному явлению? — спросил я, пытаясь устроиться на жесткой деревянной скамье, явно наспех примощенной в «желудке» дракона.

— Нежной любви к тебе твоего непосредственного начальника, — радостно ослабившись, ответил Рассел, опуская традиционную форму приветствия.

Мой друг всегда приходил по-шотландски, не здороваясь, а уходил по-английски, не прощаясь.

— Вчера в Конторе был ученый совет... Отпрыск брызгал слюной и ныл, что ему ломают работу.

— Но ты, как представитель Ее Величества в Конторе...

— Я, как представитель Ее Величества, сказал ему, что он сам дурак. И это был самый аргументированный из моих доводов.

— И что теперь? — спросил я, представляя себе остальные доводы герцога...

Зеф несколько укоризненно на меня посмотрел и произнес значительно:

— Скопище яйцеголовых настаивает на прекращении твоей диверсионной операции и возвращении блудного тебя в родное лабораторное подполье. Им почему-то кажется, что спасение этого мира с момента твоего появления в нем приняло угрожающие масштабы и разрушительные формы.

— Ну а ты как считаешь? — безрадостно спросил я Рассела.

— Я что, первый день тебя знаю?! — возмутился тот. — Подозреваю, что этим умникам известны далеко не все твои похождения. — Он замолчал, а затем мрачно покосился на меня. — Что там у тебя с твоей дурацкой книгой?

— Пока ничего, — честно признался я.

— Прекрасно! — саркастически хмыкнул Зеф. — А где твой Гарри Гудини¹?

— Инельмо? — я печально вздохнул. — Погиб сегодня утром. Кстати, ты поджарил его убийцу.

— Я растроган! Быть может, святой Петр сбросит мне в свое время за это мешок-другой грехов. Но к делу это не относится. Итак, подведем итоги. — Герцог стал загигать пальцы. — Что у нас в активе? Небольшая гражданская война в Англии... Падение Византии...

Я возмутился:

— Предположим, Византия — не моя работа!

Герцог Бедфордский скептически посмотрел на меня:

— Рассказывай! Тебя там видели! Так я продолжаю: Византия...

Я только вздохнул и пожал плечами.

— Бардак во Франции... Я так понимаю, что

¹ Известный фокусник-иллюзионист.

если бы мы не прилетели вовремя, у халифата тоже начались бы проблемы? В пассиве: книги нет, Ричарда нет, мага нет... — Зеф значительно взглянул на меня и подытожил: — Толку нет. Подсудимый, ваше последнее слово?

В этот момент тушу сильно потрянуло, и мой побратим заорал на пилота:

— Майкл! Побереги скотину, иначе эта тварь развалится, не долетев до Базы!

Внезапный вираж заставил меня вспомнить о своем последнем аргументе: он сам ударил меня в грудь при толчке. Кольцо Мерлина, которое я благоразумно спрятал в ладанку, как только с меня сбили колодки, явственно напоминало о своем присутствии!

— Последнее слово?! — глядя в глаза Зефу, я вытащил перстень. — У меня есть вот это!

— Вальдар, ты что меня за дурака держишь? — возмутился тот, увидев давным-давно знакомый ему артефакт¹... — Я этот перстень еще с прошлой твоей экспедиции отлично помню!

— Ты драконов на нем видишь? — не сдавался я.

— Побойся Бога! Каких драконов?

— Переплетающихся драконов, которые держат камень, — пояснил я ему. А затем рассказал все с большим изумлением слушавшему меня старине Зефу: всю известную мне часть истории, связанную с этим кольцом.

Внимательно выслушав мой страстный монолог, представитель Ее Величества посмотрел на меня с какой-то затаенной тоской во взоре и медленно произнес:

— Послушай, Вальдар. Я тебя знаю и я тебе верю. Но, в общем-то, все твои доводы неспособны убедить не то что ученый совет, даже шофера

¹ Артефакт — творение человеческих рук, необъяснимое современной наукой.

лондонского такси. Твое начальство настаивает на немедленном сворачивании данной работы и скорейшем отзыве всей группы. Мне почему-то кажется, что ты не слишком рад этому решению. Поэтому я тебе предлагаю другой вариант. Ты волен отказаться, но учти: выбора у тебя нет.

— Я тебя внимательно слушаю, — отозвался я.

— Вся твоя команда переводится на положение постоянных агентов в этом мире с фланерскими функциями. Я знаю, что это понижение, но более ничего сделать для тебя не могу. — Мой друг, печально вздохнув, положил ладонь мне на плечо...

Подумав пару минут, я согласно кивнул головой. По крайней мере это была реальная возможность остаться в этом мире. Казалось, мое согласие заставило герцога вздохнуть с облегчением:

— Держи связь со мной, я постараюсь проследить, чтобы тебя не загружали откровенной туфтой, — он дружески мне улыбнулся. — В общем, сейчас план такой: мы высаживаем тебя у побережья либо Франции, либо Англии — куда долетим... — добавил он с сомнением. — А потом разворачиваемся и тянем на Базу. Что ты скалишься? — возмутился он. — Эту рухлядь мои варяги откопали на заднем дворе Базы, она уже лет десять не летала! Собрали ее по кусочкам... вон, видишь, какой-то придурок третью голову автогенном отчекрыжил... Явно ведь себе на дачу — соседей отпугивать. Так что определись, где тебе лучше десантироваться.

— Одну минуту! — я вызвал Лиса.

— О, Капитан! Привет, ты это где? — задал традиционный вопрос д'Орбиньяк.

— В чреве дракона! — замогильным голосом прохрипел я.

Мой напарник, кажется, очень обрадовался.

— Что, тебя наконец-то съели? Ого! Ma general, и вы здесь? — увидев моего побратима-коммандос, удивился Лис.

— А у тебя что хорошего? — поинтересовался в свою очередь я.

— Мы сейчас в бурных волнах Атлантики! Готовимся к высадке в Гастингсе по мотивам похода Вильгельма Завоевателя.

— Майкл, до Гастингса дотянем? — крикнул Рассел.

— До-отяне-ем... — прогудел голос из рубки. — А может, и не дотянем... — после очередного воздушного ухаба произнес тот же голос. — Нет, наверняка дотянем...

— Ну, тогда до встречи в Гастингсе, — отсалютовал я Лису и вырубил связь.

Еще довольно продолжительное время нас болтало по воздушному пространству, и я мысленно благодарил Бога за то, что он наделил меня крепким желудком и не менее крепкими нервами. Ребята-варяги из Отдела Ликвидации, отключив бортовой компьютер и предоставив Майклу работать в режиме ручного управления, оккупировали машину, пытаясь заставить ее играть в «Цивилизацию».

Время от времени на дисплее испуганного компьютера вспыхивали какие-то апокалипсические картинки, что приводило компанию в неописуемый восторг, и от взрывов их громового хохота драконья туша начинала сильно вибрировать. Со стороны, наверное, могло показаться, что дракон очень замерз... Пользуясь своим приближенным положением к небесам, я в который раз возносил молитвы о благополучном окончании нашего путешествия.

— Англия, милорд! — услышал я голос Майкла, и из рубки высунулась довольная физиономия пилота. — Держитесь крепче!

Не успел я обдумать взаимосвязь этих двух реплик, как вдруг услышал, что движок стих, и мы с тем самым свистом, уже слышимым мной на пло-

щади Александрии, начали пикировать на едва различимую в вечерних сумерках землю.

Намертво вцепившись в приваренные к борту скобы, я с изумлением наблюдал за варягами, с прежним энтузиазмом продолжавшими истязать ни в чем не повинную жестянку. «Железные ребята!» — с уважением подумал я. Шмякнувшись на землю родины, наш дракон жалобно заскрежетал и затих. Старина Зеф открыл рундук, в котором виднелось десятка два разнообразных клинков, и предложил:

— Выбери себе что-нибудь по руке. Не Катгабайл, конечно, но оружие весьма приличное.

Я подыскал себе наиболее, на мой взгляд, приемлемый меч и, вздохнув, привесил его к поясу.

— Ну что, старик, действуй! — напутственно ухмыльнулся Джозеф Рассел.

Мы крепко пожали друг другу руки, и я спрыгнул с чешуйчатой спины чудовища. На меридиане Гринвича начиналась ночь. В нутре ящера что-то плотоядно заурчало, и я счел наиболее благоразумным быстро ретироваться с места взлета спасательного катера.

Дракон улетел, а я огляделся вокруг. Меня высадили на опушке небольшой рощицы на краю какого-то поля. Тьма все сгущалась, идти куда-то без надежных ориентиров было бессмысленно, и потому я решил позаботиться о ночлеге. В темноте я с трудом разглядел смутные очертания нескольких стогов свежескошенного сена.

Справедливо рассудив, что ночевка в лесу на каком-нибудь дереве или, того хуже, в кустах куда как менее комфортна, чем в стогу сена, я решительно зашагал к ближайшему из них. Удобно расположившись в своем «люксе», я вольготно расслабился и заснул, блаженно вдыхая запах клевера...

Проснулся я от того, что кто-то бесцеремонно дергал меня за ногу. Нашупав под головой рукоять

меча, я решил примерно проучить наглеца. Резко вскочив, я спрыгнул на землю и встал в боевую стойку. Передо мной стоял какой-то усатый ветеран фельдфебельского вида, за спиной которого толпилось не менее дюжины солдат. Увидев вместо ожидаемого бродяги вооруженного воина, они тут же рефлекторно нацелили на меня копья и луки.

Мой пыл слегка поостыл, я обвел взглядом поле... Не надо было обладать лисовским зрением, чтобы догадаться, что я нахожусь в самом центре военного лагеря. Судя по всему, он был разбит ранним утром, пока я добросовестно дрях.

«Ну вот и Лис с Меркадье», — мелькнуло в моей голове радостная мысль.

— Милейший! — обратился я к фельдфебелю, опуская меч. — Я — опоясанный рыцарь. Проводи меня к своему начальнику!

Ветеран, осознав мои мирные намерения, дал знак своим людям опустить оружие и повел меня к одному из шатров, разбитому неподалеку. Он попросил меня оставаться возле шатра. Я еще раз оглядел лагерь. Странно, нигде не было видно герба Меркадье — серебряного скакуна в красно-черном поле. «Вероятно, это передовой отряд», — предположил я. Палатки распахнулись, и мой провожатый предложил мне войти. В шатре меня ожидал крепкий мужчина моих лет, поднявшийся мне навстречу. Он протянул мне руку:

— Сэр Хуберт Троккенстон.

— Вальдар Камдил, — представился я. — Сьер де Камварон.

— Вальдар Камдил? Какими судьбами? — удивился он.

Вслед за этим рыцарь предложил мне разделить с ним трапезу, и я охотно принял это любезное предложение. Спустя минут двадцать, когда мы вовсю выпивали и закусывали, полотнище, закрывавшее вход в шатер, резко отлетело в сторону, и в

проеме возник статный рыцарь с резкими чертами лица и гербом славного рода Хайсборнов на груди.

— Вальдар Камдил, — процедил он сквозь зубы, пристально оглядывая меня с головы до ног. — Это действительно он... Взять его! — рывкнул он.

— Стойте! — попробовал остановить его сэр Хуберт Троккенстон. — Он мой гость, и вы не имеете права арестовывать этого человека под моим кровом!

— Молчите, господин рыцарь! Это один из вождей мятежников, и он должен быть арестован немедленно по приказу короля!

— А я говорю, что этот шатер принадлежит мне и никто не волен здесь повелевать! — Сэр Хуберт схватился за меч.

— Не надо, — остановил я его. — Сэр Кай, вы нашли самое удобное время для сведения счетов! — Я поднял меч и протянул его своему гостеприимному хозяину. — Объявляю себя вашим пленником! Однако вижу, что законы рыцарства не знакомы этой разбойничьей шайке. Можете не сомневаться, я вскоре вернусь к вам, чтобы внести за себя выкуп.

Игнорируя мои слова, Хайсборн накинулся на стоявшего рядом с ним фельдфебеля:

— Ищите лучше! Не может быть, чтобы он был один! Здесь наверняка неподалеку его сообщники. — Сэр Кай повернулся к Троккенстону. — А для вас, господин рыцарь, будет лучше, если я забуду все, что здесь произошло! Шагайте, шагайте, сэр Вальдар. Боюсь, вам не придется сюда возвратиться.

Я спокойно направился к выходу. В тот же момент активизировалась связь, и жизнерадостный голос Лиса, предвкушавшего нашу встречу, зазвонел у меня в голове:

— Капитан, ты уже в Англии?

— Ну, в общем-то, да...

— Тогда шагай в Гастингс! Мы уже там.

— Это проблематично. Я, видишь ли, в плену. — На том конце связи воцарилось продолжительное молчание.

— Шо, опять?! — переходя от возмущения на родной диалект, заорал Лис. — Я понял. Твой дом — тюрьма. Уж ты как хочешь, на этот раз я сам займусь твоим освобождением, — тоном, не допускающим возражений, заявил Рейнар. — Где тебя искать?

— Скорее всего, в Лондоне. Более точно, извини, сказать не могу.

— Да! К кому ты, собственно, попался?

— Ты будешь смеяться, но это Хайсборн. Кстати, он с довольно большим отрядом, по-моему, тоже направляется к Гастингсу.

— Понял, спасибо! — отозвался Лис. — Тем хуже для него. Ладно, не скучай, скоро увидимся. И я тебя прошу, — в голосе моего друга проскользнула умоляющая интонация. — Будь пайнкой, не надо новых приключений! Я понимаю, что это фамильная черта всех Камдилов, но не надо!

Сказав это, Лис прервал связь. А меня люди Хайсборна начали заковывать в цепи...

Как и просил меня Лис, по дороге в Лондон я был молчалив и задумчив, беседовал с тюремщиками только на религиозные темы, вызывая всеобщее уважение своим смиренным и благостным видом.

— Ну что, в Тауэр? — спросил я, когда наша повозка въезжала в ворота Лондона.

— Не-ет! — лениво протянул мой охранник. — Какой Тауэр? Там засел Шейтмур.

Я удивленно воззрился на него.

— Шейтмур? А он разве?..

— Да нет, — махнул рукой стражник, — когда мы подошли к Лондону, граф Шейтмур пригласил нашего Джона на переговоры в Тауэр. О чем они там говорили, мне неизвестно. А только после этого Варрава Лондон принцу сдал, а Тауэр себе оста-

вил. Так и сидит себе — провизии у него, чай, года на три хватит, а если ему что надо, он из города возит.

— А что, ворота открыты? — удивился я.

— Ночью закрыты, днем — нет, — ответил мой страж.

Что и говорить, это была неожиданность. Приятная, но, увы, не последняя в этот день. Мои смутные надежды на присутствие в Лондоне Джона Плантагенета, которого язык все еще никак не поворачивался называть королем, вскоре улетучились, и во главе «военного трибунала», рассматривающего мое дело, я увидел величавого и осанистого лорда — мэра славного города Лондона. И все бы было ничего, но еще совсем недавно я знал его на должности шерифа Ноттингемского. Глядя на нескрываемое злорадство на его благообразном лице, я вполне резонно полагал, что попытка договориться с ним не принесла бы ровно никаких результатов.

Выслушивая обширный список моих преступлений против королевства и священной особы короля, составленный расторопной братией судебных крючкотворцев, лорд-мэр укоризненно покачивал головой, не обращая ни малейшего внимания на то, что для совершения всех вменяемых мне в вину злодейств я должен был одновременно присутствовать в весьма отдаленных друг от друга частях королевства. Последней моей виной в списке значилось личное руководство войсками мятежников, высадившихся в Гастингсе, и содействие последовавшему за этим разгрому отряда королевских войск под командованием лорда Хайсборна. Поскольку мое присутствие в тех местах в день перед боем не вызывало сомнений, моя вина считалась полностью доказанной.

Немного посоветовавшись, высокий суд приговорил Вальдара Камдила, сьера де Камварона, к показательному умерщвлению путем отрублива-

ния головы как злобного мятежника и вообще особу крайне малоприятную.

Против такой постановки вопроса мне нечего было возразить. Оставалось ждать утра.

Ночью на канале связи прорисовался Лис.

— Капитан, ты там не спишь?

Честно сказать, мне почему-то не спалось, предстоящее торжество, с которого мне каким-то образом предстояло исчезнуть, наводило на меня какую-то непонятную грусть. Услышав мой отрицательный ответ, Сережа обрадовался.

— Прекрасно. А то я боялся тебя разбудить. Значится, у меня все готово. Я им тут такой цирк с конями устрою, что по той улице, по которой тебя повезут, лондонцы еще пару лет будут опасаться ходить. От тебя требуется следующее. Ты методу освобождения из пут помнишь?

— Помню, — ответил я. — А почему ты решил, что это будут путы?

— Вальдар, что мне в тебе всегда нравилось, так это твой аристократизм, сиречь полное неумение считать деньги. — В голосе Рейнара слышалось нескрываемое превосходство. — Подумай сам. Цепи — вещь казенная, учтенная в смете. За нее местные власти раз лет этак в двадцать деньги платят. Поэтому хочешь не хочешь, а после казни цепи надо снять и принести обратно. Правильно?

— Правильно.

— А на покупку кожаных ремешков для пут деньги выделяются ежемесячно. Причем из расчета один ремешок на одного казненного. Понятно тебе?

— Пока не совсем.

— О Господи! Одним и тем же ремешком десятки человек связывать можно. А остальные деньги — это честные нетрудовые доходы палача. Так что я готов поспорить с тобой на десять шлобанов, что тебя свяжут путами.

— Хорошо, допустим.

— Так вот. Когда тарарам начнется, ты, будь добр, ремни эти скинь, чтобы мне меньше возни было.

— Ладно, — согласился я, не представляя еще себе, что, собственно, задумал Лис.

— Вот и отлично! Детали — по ходу действия!

Лис пожелал мне спокойной ночи и пошел, как он выразился, готовить маленький «сюрприз».

Утро застало меня в настроении не то чтобы бодром, но боевом. Явившийся ко мне священник предложил мне исповедаться и причаститься святых тайн и, кажется, был несколько огорчен моим обещанием зайти к нему вечером домой поговорить на эту тему.

В остальном Рейнар был прав. Я разумно сделал, что не согласился на пари с ним. Иначе бы трещать бы моей голове под его шелобанами.

И вот, к вящей радости лондонцев, наступил час долгожданного зрелища.

Повозка, запряженная четверкой мощных вороных коней, выехала из ворот старой башни Кинксдейла, служившей в эти дни политической тюрьмой, и, сопровождаемая двумя десятками стражников, расталкивающих толпу древками копий, медленно двинулась к месту моей казни.

Рядом с мрачным возницей размещались два лучника, символизирующие мою неусыпную охрану, чуть дальше находилась большая дубовая колода, очень напоминающая мясницкую, возле которой на коленях стоял я, возложив голову на плаху. За моей спиной монументально, словно памятник, высился палач в красном капюшоне и кожаных крагах, картинно опирающийся на меч Правосудия¹. Свист и улюлюканье толпы сопровождали нашу процессию. Когда прогремел взрыв первой петарды, я понял, что пришла пора действовать.

¹ Меч Правосудия — обоюдоострый меч с затупленным концом, используемый для казни.

Вслед за первым взрывом прогремел второй, третий... Потом прямо посреди повозки блеснула яркая вспышка, и улицу заволокло дымом.

Глава двадцать шестая

Делаем ноги!

Объявление в газете

Благодарная публика шарахнулась от повозки в разные стороны, теряя башмаки и шляпы. В толпе раздались истошные женские визги и несусветные проклятия вперемишку с жалобными молитвами. Долговязая фигура вся в черном с ног до головы, с ужасающей личиной вместо лица, обрушилась откуда-то сверху на мой фаэтон. В воздухе витал отчетливый запах серы... В руках у существа с бешеной скоростью вращались два коротких меча. Очутившись за спиной возницы, этот воин тени ударами ног сбросил с помоста лучников и выдохнул струю пламени в лицо ополоумевшего от страха «водителя кобылы». Несчастный кубарем скатился на землю и помчался по улице, вопя: «Нечистый! Нечистый!!» и обгоняя собственных коней. «Посланец ада» мгновенно подхватил вожжи и прокричал на родном демоническом наречии: «Эх, залетные! Но, пошла, родимая!»

Повозка, влекомая испуганными лошадьми, окутанная клубами серного дыма, с грохотом понеслась по улице. В это же время я, расслабив мышцы рук и позволив путам слегка ослабнуть, рывком освободился от ремешков и, повернувшись так, чтобы одна моя нога зацепила голень палача, второй нанес ему удар под колено. Палач, сбитый с ног «ножницами», раскинул руки, пытаюсь удержать равновесие, и, падая, выронил меч. Мчась на этой адской колеснице и вращая меч «вокруг себя» для устрашения почтенной публики, я с грустью думал о своей окончательно погублен-

ной в глазах англичан репутации. Ибо трюк с моим освобождением с этого момента намертво впечатался в лондонский фольклор.

— Сейчас будет дом с галереей над улицей! — крикнул Лис, оборачиваясь ко мне и срывая с себя тэнгу¹. — Прыгаем туда, дальше уходим по крышам. За городом нас ждет отряд!

Обещанный дом не заставил себя долго ждать. Галерея стремительно надвигалась на нас.

— Прыгай! — заорал Лис, подскакивая и цепляясь за торчащую балку и подтягиваясь на руках.

Последовав его примеру, я начал карабкаться наверх вслед за Рейнаром.

— Там впереди будет стена, внизу два кирпича выбиты, — перескакивая с балки на балку, инструктировал он. — Оттуда можно дотянуться до соседнего окна, а с него — перепрыгнуть на край стены...

Не дожидаясь моего ответа, Лис продолжал свой бег. Над нашими головами просвистело несколько стрел.

— Черт! Эти уроды очухались раньше, чем я предполагал! — на ходу выругался Сережа. — Быстрее, Капитан, не мешкай! Двигай поршнями!

Одним гибким движением Лис проделал все указанные им операции и, очутившись на стене, скрылся за ее зубцами.

— Скорее! Скорее, Капитан! — донеслось оттуда. Я попробовал так же элегантно повторить его трюк и, скорее всего, мне бы это удалось... Но в тот момент, когда я дотянулся до указанного Лисом окна, трехфутовая стрела, пронзив мое любимое правое плечо, пригвоздила меня к дубовому ставню. Что и говорить, положение было более чем дурацкое — выдернуть стрелу я не мог, так как

¹ Тэнгу — маска в виде ужасной фантастической личины, используемая ниндзя для устрашения противника.

второй рукой изо всех сил пытался удержаться за переплет окна.

Намертво сжав зубы и стараясь не орать от боли, я висел, словно бабочка, прищипленная юным натуралистом, лихорадочно пытаюсь сообщить, что же я, собственно говоря, должен делать дальше. Неизвестно, долго ли пришлось так висеть, потому что, несмотря на радостные крики толпы, никто не спешил снимать меня, но тут в полураспахнутое окно просунулись две коричневые жилистые руки, с силой сломавшие древко стрелы и моментально втащившие меня вовнутрь. Резонно предположив, что вплоть до очередной попытки казни мне думать не о чем, я с облегчением потерял сознание.

...Глаза дракона, уставившиеся на меня с вежливым безразличием, не выражали ничего, кроме смертной тоски. Он тяжело вздохнул и поднял голову... Я знал, что за этим последует: его поведение не отличалось разнообразием — последние две недели почти каждую ночь он сжигал меня с завидной регулярностью.

— Постой! — крикнул я, пытаюсь остановить чудовище. — Охота тебе на меня каждый раз огнем пыхать? Ты же знаешь, я все равно возвращаюсь!

— Плохо мне... Одиноко... — ответил дракон, отворачиваясь. — Шел бы ты отсюда, рыцарь, по добру-поздорову.

...Чья-то нежная рука ласково гладила меня по лицу. «Не может быть, чтобы это был палач... да и дракон вряд ли», — лениво подумал я, все еще не до конца выныривая из состояния горячечного бреда.

— Эй, Капитан, куда ты пропал? Тебя что, опять подстрелили? — услышал я тревожный вопрос своего друга.

— Да, Лис, ты угадал. Стрела в любимое плечо. А где я, сейчас посмотрю, — медленно ответил я, с трудом открывая глаза.

Из всех знакомых мне в этих местах лиц увиденное мною я меньше всего ожидал встретить в Лондоне.

— Я у Лауры, — передал я.

— Что еще за Лаура? Тоже мне Дон Жуан! Повторяю, ты где? — нервно взвился Лис.

— У нашей подопечной, — спокойно пояснил я ему. Сладкое дремотное состояние не покидало меня, говорить не хотелось.

— А она-то что здесь делает? — после довольно длительного замешательства удивленно спросил Рейнар. — Мы же ее отправили на север!

— Пока не знаю, но мне почему-то кажется, что здесь я в безопасности.

— Хорошо. Я оставляю тебя тут, а сам пока возвращаюсь к нашим. Потому как ночевать в Лондоне у меня почему-то нет никакой охоты. Выздоровливай! — В голосе моего напарника звучала искренняя забота.

— Спасибо. До связи.

Я вдумчиво обвел глазами полутемное помещение, в котором находился. Несомненно, это была лучшая спальня, в которой мне доводилось болеть. Во всяком случае, со дня моего появления здесь. И сестра милосердия, заботливо склонившаяся надо мной, была, несомненно, самая лучшая. И уж во всяком случае, самая красивая.

— Я так рада видеть вас! — всхлипывая и утирая слезы, заговорила со мной Лаура-Катарина. — Я о вас так много думала!

— Я тоже рад вас видеть, моя маленькая принцесса. Вы сами не подозреваете, насколько, — ответил я, сясь улыбнуться. — Однако что вы делаете здесь?

— Вот только не надо читать мне мораль! — гордо выпрямляясь на табурете, начала оправдываться принцесса Арагонская. — Мы не доехали до Грейсфорда! Мы с вашей сестрой...

— О Боже! — простонал я. — Что она опять на-
творила?

— Не смейте о ней так говорить! Она такая
милая девушка, а вы ее все время обижаете! — не-
ожиданно встала на защиту Инельги каталунская
принцесса.

Я тихо застонал и обессиленно закрыл глаза.
Вариант, что эти две милые барышни успеют стать
подругами, мною как-то не рассматривался.

— Мы с вашей сестрой посоветовались и реши-
ли, что сначала для блага Англии нам нужно за-
ехать к графу Солсбери, — затараторила Лаура и,
заметив мою удивленную реакцию на упоминание
о «благе Англии», пояснила: — Чему вы удивляе-
тесь? Ведь я — графиня Грейсфорд!

Я, кажется, догадывался, откуда появился у
этой дочери Арагона неистовый английский пат-
риотизм...

— Ну, а здесь-то вы как оказались? — продол-
жал дознаваться я.

— Из разговора с вашим родственником Не-
виллом я узнала, что ему нужен надежный человек
в Лондоне, который смог бы поставлять ему сведе-
ния о том, что происходит в столице, — мило ще-
бетала моя спасительница. — Ну вот я и вспомни-
ла об этом небольшом отеле¹, принадлежащем
Арагону вот уже пятьдесят лет, и предложила свою
помощь. Граф сначала отказывался, говоря, что
это очень опасно, но мы с Инельгой...

Я ужаснулся. Принцесса с нескрываемым тор-
жеством посмотрела на меня и гордо закончила
фразу:

— ...Уговорили его, что лучшей кандидатуры
все равно не сыскать!

— Это действительно очень опасно, — пытаюсь
быть как можно более убедительным, проговорил я.

— О, ничуть! — Лаура беспечно махнула рукой. —

¹ ОТЕЛЬ — городская резиденция (замок).

Смотрите сами: должна же я наконец принести свой омаж законному королю?

— Должны, — отозвался я.

— Но принц Джон еще не коронован. Вот я и жду в этом кастильо¹, когда же он наконец станет королем. Замок, как я уже говорила, принадлежит Арагону, с которым Его Высочество вовсе не желает портить отношения, — вновь принимаясь гладить меня по голове, успокаивала меня принцесса. — Еще более он не желает портить отношения со мной... — хитро добавила она, взирая на меня с простодушным кокетством. — Принц Джон бывает здесь каждую неделю, снабжая меня самыми свежими сведениями, и охотно бывал бы здесь чаще. Но с тех пор, как леди Джейн Эйстон была объявлена его законной супругой, большую часть времени он проводит в Венджерси, — с нескрываемым злорадством промолвила она. — А от всех прочих неожиданностей меня здесь бережет сильный отряд грейсфордских и арагонских рыцарей.

Я понял, что мне все равно не переубедить маленькую подпольщицу.

— Постой, а как ты передаешь сведения на север? — спросил я, заранее интересуясь возможностью связи с армией Уильяма Солсбери. Лаура-Катарина с законной гордостью пояснила:

— Здесь милях в десяти от Лондона есть небольшое имение Снейлон Хиллс («Улиточный холм» — автоматически перевел я для себя это странное название). Оно принадлежит невесте одного из рыцарей отряда Инельги. Мне постоянно доставляют молоко из этого имения, и по какой-то случайности там же нашел себе пристанище весь отряд баронессы Шанкайл вместе с ней самой.

— Ну и когда ожидаются ближайшие поставки молока?

¹ Кастильо — по-испански замок.

Принцесса звонко рассмеялась:

— Разумеется, завтра с утра. Ведь молоко должно быть свежим!

Я вздохнул.

— Что ж, надеюсь, моя рана завтра уже позволит изобразить из себя туповатого молочника. — Поддерживая атмосферу веселости, я скроил простецкую рожу и, растягивая слова, залепетал: — Что вы, господин стражник, да какой же я рыцарь? Я и меча-то в руках держать не умею. Молочники мы тутошние...

Лаура почему-то не поддержала шутку и возмущенно фыркнула:

— Никуда вы завтра не поедете! Я осмотрела вашу рану. Она ужасна!

По роду своей деятельности мне довольно часто приходилось иметь дело с подобного рода травмами. Сегодняшняя рана была, безусловно, неприятна, но ужасной ее назвать было никак нельзя. Недели две-три покоя и ухода — и от нее остался бы только едва заметный шрам. Но, похоже, Ее Высочество мои доводы не очень-то интересовали — она твердо решила вылечить меня не менее, чем за месяц.

— Я вам приказываю! — стараясь изо всех сил казаться грозной, прикрикнула она на меня. — Любое движение может повредить вам!

— А такое? — Я неожиданно сгреб девушку в объятия и шутливо поцеловал ее в нос.

Помедлив ровно столько, сколько предписывали приличия, она с достоинством освободилась, а потом, наклонившись надо мной, осторожно поцеловала меня в губы.

— Такое — не может, — лукаво ответила маленькая принцесса. — Однако пора заняться лечением! — вновь напуская на себя строгость, заявила она.

— Ну, если таким, то я готов не выздоравли-

вать до второго пришествия, — все еще ощущая сладостный вкус ее губ, мечтательно проговорил я.

— Ну-у, нет! — забавно морща нос, хитро протянула Лаура. И, обратившись к двери, позвала: — Присцилла!

Я обреченно откинулся на подушки и застонал от безысходности. В комнату посланцем грубой действительности промаршировала статс-дама Ее Высочества, держа в руках серебряное блюдо с неисчислимым количеством баночек, флажек и коробочек разнообразных размеров. Бесстрастное обычно лицо сарацинки сейчас было полно садистского удовлетворения.

— Это что, все мне? — безнадежно спросил я.

— Да! — злорадно прокаркала Присцилла.

Смирившись со своим тяжким жребием, я безропотно отдал себя в руки моих лекарей.

Я не скажу, что это было самой страшной пыткой в моей жизни, но и удовольствия процесс лечения мне доставил крайне мало. Безропотно глядя, как мою брENNую плоть натирают очередным дьявольски пекучим чудодейственным зельем, я, чтобы хоть как-то развеяться, вызвал Лиса.

— Сережа, — промычал я по мыслесвязи. — Вот ты меня бросил, убежал, а меня здесь мучают, измывательски измываются.

— А нечего было под стрелы подворачиваться, — резонно заметил д'Орбиньяк, — вот теперь страдай.

— Я и страдаю, — грустно ответил я.

— Вот и правильно. А я тем временем в Гастингс съезжу.

— Да-а, — продолжал жаловаться я. — В Гастингсе хорошо, там Меркадье... Ну ничего, вот приедет завтра утром Инельгердис меня молоком отпаивать, я ей расскажу, как ты меня на растерзание этой фурии оставил, — я крупным планом продемонстрировал Присцилле, с маниакальным упорством втиравшую в меня бальзам.

Лис круто остановил коня.

— Твоя сестра здесь? — заинтересованно произнес он.

— Что?! Здесь? Нет, здесь ее нет. Иначе она из милосердия, пожалуй, добила бы меня. Инельга со своими головорезами партизанит в окрестностях Лондона. База у нее в каком-то имении Снейлон Хиллс. Десять миль на север от столицы, — значительно добавил я.

— Очень кстати! — оживился Лис, разворачивая своего скакуна. — Я совсем забыл! Нам как раз нужно установить связь с армией Солсбери. Как ты, кстати, назвал это имение?

— Снейлон Хиллс.

— Вот и славно. Сестричке от тебя привет передавать?

— Ага, скажи, чтоб взбитых сливок передала. Ты не очень-то там расслаживайся: Малыш Эд по тебе небось совсем истосковался, — напутствовал я Рейнара.

— Капитан, какой ты зануда! Чем больше тебя узнаю, тем больше убеждаюсь: лучшее, что в тебе есть, — это твоя сестра. Все, пока! Жди сливки!

Вдоволь налюбовавшись моими мучениями, Присцилла Харибда собрала свой пыточный арсенал и, напоследок оценив меня своим взглядом, убралась из комнаты. Между тем маленькая арагонская принцесса вытащила на середину моей палаты какой-то странный трехногий шандал и, разведя в нем огонь, бросила туда несколько щепоток неизвестного мне пахучего зелья.

— Закройте глаза, мой дорогой рыцарь, — нежно попросила она. — Самое важное для излечения — это достижение гармонии эфирного тела с телом материальным. Расслабьтесь, пусть вас ничего не беспокоит. Об остальном я позабочусь сама.

И тут она запела... Я невольно вспомнил свои жалкие вокальные потуги в первое утро нашего

знакомства, и мне почему-то стало невообразимо стыдно. Лаура пела заклинания на каком-то неизвестном мне языке: ее чарующий, глубокий голос то взмывал вверх на невероятно чистых и высоких нотах, то, опускаясь вниз, проникал, казалось, в самую душу. Если и существовали когда-то на свете мифические сирены, то их пение наверняка не могло быть чудеснее. Мне представлялось, что я плыву, мягко покачиваясь на невидимых волнах, и я уснул, так и не исполнив своего обещания зайти вечером к тюремному священнику побеседовать о своих грехах.

Когда я проснулся, было уже довольно позднее утро, а может быть, ранний день. Мое самочувствие не внушало опасений, однако это не остановило медперсонал этой импровизированной клиники в его неудержимом порыве поставить меня на ноги в течение ближайших пяти лет. Через пару часов я уже чувствовал себя безмерно уставшим от шквала забот, обрушившихся на мою бедную особу.

— Ну что, молоко сегодня привозили? — поинтересовался я.

— Привозили, — ответила Лаура. — Инельга передала для вас горшочек сливок. Ума не приложу, как она узнала, что вы здесь?

С удовольствием уплетая лакомство, я пояснил:

— Этот пароль означает, что наш друг д'Орбиньяк добрался до нее благополучно.

Лаура удивленно приподняла брови.

— Да, кстати! — с деланной озабоченностью заговорила принцесса. — Вам придется забыть об идее перевоплотиться в молочника и выбраться отсюда незамеченным. Вокруг замка у каждого входа полно стражников. Лорд-мэр Лондона уже просил меня об аудиенции, но я ему отказала, — беспечно сказала принцесса.

Это были дурные вести. Значили они одно —

мне необходимо было как можно скорее покинуть этот гостеприимный кров. Ибо несмотря на благоволение со стороны будущего короля Англии к наследнице Арагонского престола, в один прекрасный момент замок мог просто-напросто тихо сгореть со всеми его обитателями. Что, учитывая мою дивную репутацию среди лондонцев, не вызвало бы даже пересудов и кривотолков.

Итак, мне вновь предстоял побег... Оставалось только придумать, каким образом. Проводя время в грустных размышлениях на эту тему, я пытался поддерживать непринужденный разговор с моей очаровательной собеседницей. Сквозь раскрытые ставни до нас доносился уличный шум дневного Лондона — скрип колес, ругань стражников, звонкие крики разносчиков и торговцев.

— А вот восточные сладости! Шербет, халва, изюм! Покупайте, дешево отдаю — себе в ущерб, вам на радость! — раздавалось под самыми окнами. — Шелка легкие, как дым, парча, драгоценности!

Город жил своей обычной жизнью.

Я еще раз прорабатывал план за планом, после тщательного рассмотрения отбраковывая их один за другим. Отель моей маленькой принцессы был ловушкой. Уютной, просторной, но все-таки ловушкой...

Станный шум, раздавшийся в патио¹, отвлек меня от тяжких дум... То есть сам по себе шум был вполне понятный: вначале взвизгнула женщина, потом послышались какие-то крики, а вслед за ними — звон стали о сталь. Сомнений в природе доносившихся звуков у нас не было, но то, что они раздавались здесь на суверенной территории Арагона, это наводило на грустные мысли.

Через считанные мгновения после того, как на-

¹ Патио — небольшой внутренний дворик в испанских домах. Здесь: внутренний двор замка.

чалась эта заваруха, рослая сарацинка материализовалась рядом со своей любимицей, сжимая лук и позвякивая висевшим у нее на поясе кривым восточным мечом.

Вскоре дверь моих покоев отворилась, и на пороге возник седеющий мужчина с рыцарской цепью на груди.

— Дон Антонио де Брантосольо, — отрекомендовала его Лаура, — шателен¹ этого замка. Скажите, дон Антонио, — продолжила она, обращаясь к своему рыцарю, — что там происходит?

— Аурика, нарушив ваш приказ, открыла калитку в саду, чтобы купить сладостей у уличного разносчика. Торговец проник в сад, а за ним — еще несколько разносчиков и каких-то бродяг. Заметив это, караул, выставленный лордом-мэром, устремился за ними в погоню. Но те выхватили мечи, спрятанные под плащами, и кинулись на стражников. Я уже послал людей, чтобы прекратить это безобразие.

— Вот и прекрасно. Видите, мессир Вальдар, мы здесь в полной безопасности.

Я отрицательно покачал головой.

— Пока рядом с вами эта почтенная леди, — кивнув на Присциллу, произнес я, — надеюсь, вам действительно ничего не грозит. Но поверьте мне, Ваше Высочество, пока я нахожусь под этим кровом, над ним висит страшная опасность. Я должен ехать. Ехать сейчас же.

— Нет! — Лаура-Катарина раздраженно топнула ножкой. — Вы ранены и никуда не поедете!

— Поеду, Лаура, — тихо произнес я, обнимая ее за плечи. — Так надо. Мне нужен хороший конь.

Принцесса жалобно посмотрела на меня сухими глазами:

— Почему вы всегда уезжаете, мессир Вальдар?

¹ Шателен — управляющий замком, комендант.

Я так ждала вас... — Она тяжело вздохнула и ответила взгляд.

Я попытался ее хоть как-то утешить:

— Солнышко мое, на этот раз я вернусь очень скоро.

— Нет... — Лаура покачала головой. — Я знаю, на этот раз вы пропадете надолго.

Она долгим печальным взглядом посмотрела на меня, и на душе почему-то стало совсем мутно.

— Присцилла! — позвала она. — Дай мессире Вальдару лучшего коня из нашей конюшни. Да! Вот еще что. Подбери ему достойный клинок! Торопитесь! Пока у калитки нет стражи, вы проскользните незамеченным.

Я поклонился, собираясь уходить. В глазах принцессы блеснули слезы.

— Как? Вы уйдете, даже не поцеловав меня на прощание?

Конечно же, это был справедливый упрек, и я поспешил исправить свою бестактность.

Гнедой андалузский жеребец быстро домчал меня до городских ворот. Перед выездом из Лондона я замедлил бег коня и с деланным безразличием двинулся мимо стражи. При взгляде на богатого одетого сеньора, неспешно выезжающего из города, ни у кого из них не возникло и мысли о том, что еще вчера его голова должна была украшать один из кольев над этими самыми воротами. Однако помня о своих обязанностях, один из стражников, лениво перехватив копье, загородил мне дорогу.

— Ваш пропуск, сэр.

— Пропуск? — удивился я, наблюдая за толпой горожан и гостей столицы, беспрепятственно снующих туда-сюда по мосту.

— Это сколько угодно, — беззаботно произнес я, с оттягом опуская плетью на руку, сжимающую копье, и давая шпоры коню. Стражник вскрикнул, выронив оружие...

— Шпион! — слышалось за моей спиной. — Лови шпиона!

Я пустил коня в галоп. Позади слышались крики погони.

— Лис! — вызвал я своего напарника. — Я сейчас направляюсь к вам, хорошо было бы, если бы вы меня встретили.

— Что такое? Ты так плох, что не можешь двигаться сам? — встревожился Сережа.

— В этом ты недалеко от истины. Двигаться самому у меня последнее время почему-то не получается — за мной гонятся еще человек пятнадцать, — ответил я, пригибаясь к холке коня как можно ниже.

Рядом просвистело несколько стрел. Одна из них вонзилась в круп моего гнедого жеребца. Благодарное животное жалобно заржало, возмущенное таким непочтительным обращением. Рванувшись, скакун, кажется, помчался еще быстрее, но уже мили через две начал заметно уставать.

— Ну давай, давай, мой хороший! — подбадривал я его.

Расстояние между мной и моими преследователями начало понемногу сокращаться. Минут через пять вокруг снова противно запели стрелы. В голове прозвучал ободряющий возглас Лиса:

— Держись, Капитан! Мы уже на подходе!

Ровная дорога, по которой мчался я и «сопровождающие меня лица», сменилась холмистой местностью. Топот копыт за спиной доносился все четче и четче. Стремясь укрыться от стрел, я повернул коня вправо и поскакал в объезд невысокого холма вдоль оврага, извивающегося между холмами.

— Порядок, Капитан! Мы тебя уже видим! Прдержись еще пару минут! — заорал Лис по мыслесвязи.

Краем глаза я различил группу всадников, во весь опор несущихся ко мне. Над ними трепетал

лазурный значок с серебряным единорогом... «Кажется, обошлось», — подумал я.

И по тому подлому закону, по которому бутерброд всегда падает маслом вниз, именно в этот момент в переднюю ногу гнедого вонзилась еще одна стрела. Конь со всего маху рухнул наземь, и я, перелетев через его голову, кубарем покатился вниз по склону.

Глава двадцать седьмая

И пали ученики ниц, и воскликнули:

— Чудо!

— Да нет, — ответил он. — Я просто знаю, как это делается.

Из Апокрифов

— Вам пора приходить в себя, рыцарь, — услышал я над собой звучный мужской голос. — Вы достаточно отдохнули, и раны ваши неопасны.

Открыв глаза, я обнаружил себя лежащим на удобном ложе посреди небольшой залы, стены которой переливались мерцающим светом бесчисленного множества драгоценных камней. Признаться, я ни разу за всю свою бурную жизнь не видел подобной роскоши. Для того, чтобы собрать в одном месте такое количество облицовочного материала, пришлось бы продать с торгов средней величины европейское королевство. В то же время неведомый архитектор, создавший этот неслыханный шедевр, настолько тонко чувствовал душу камней, что они не соперничали, затмевая друг друга, а образовывали единый искрящийся ковер.

«Куда это меня занесло? — подумал я, приподнимаясь на локте и дико озираясь вокруг. — Или это я просто так головой ударился?»

— Я очень рад, что вы остались живы. Мы давно вас ждем, — произнес высокий мужчина, подходя к моему ложу. Признаться, ослепленный

блеском и красотой чертога, в котором оказался, я не сразу заметил его.

— Это что, я уже там или еще здесь? — пробормотал я, пытаюсь собрать из хаоса звуков и картинок, мельтешащих в голове, нечто напоминающее мысль.

Человек, подошедший ко мне, был облачен в белые сияющие одежды и сам явственно излучал какой-то странный свет.

— Если вы приняли меня за святого Петра, то вы ошибаетесь. В моем роду никогда не было привратников, — он улыбнулся, — и, как вы изволили выразиться, вы «еще здесь».

— Это радует, — ответил я, с трудом садясь и чувствуя, что самоцветы, украшавшие стены, принялись водить вокруг меня сверкающие хороводы.

— О Господи, голова-то как болит! — простонал я, обхватывая ладонями трескающуюся черепушку и пытаюсь активизировать связь. — Лис, ты меня слышишь?

...Он не слышал. С тем же успехом можно было бы попытаться разговорить парковую скульптуру. В отличие от меня, связь была безусловно мертва. «Хорошенькие новости», — подумал я. Вот уж такой каверзы я никак не мог ожидать. Связи полагалось работать при абсолютном нуле, в пламени костра, выдерживать прямое попадание 357-го «магнума», не говоря уже о прочих превратностях, выпадающих на долю разведчиков. И все же факт оставался фактом. Между тем хозяин чертога, видя, что я все еще нахожусь в состоянии грога¹, сделал приглашающий жест рукой, и тотчас же в воздухе материализовалась некая полупрозрачная барышня с крылышками, держащая в крохотных пальчиках котелок величиной с наперсток.

¹ Состояние грога — боксерский термин. Состояние, когда один из боксирующих еще не падает, но себя уже не контролирует.

— Ага. Все понятно. Я еще не пришел в себя, и у меня галлюцинации. Последствия сотрясения мозга, — нашел я для себя разумное объяснение всему происходящему.

— Выпейте, вам станет легче, — послышался тоненький певучий голосок.

— Отчего не выпить? Мерси, мадемуазель, — принимая сосуд двумя пальцами и опрокидывая его содержимое в рот, произнес я.

В голове заметно прояснилось, но ни фосфоресцирующий незнакомец, ни порхающая передо мной официантка не исчезли.

— Э-э... Не будете ли вы столь любезны... — осторожно начал я. — То есть, если это вас не затруднит... э-э... объяснить мне, куда это я попал? Без сомнения, я несказанно рад встрече с вами, но, видите ли, после падения с лошади я не совсем четко помню детали нашего знакомства...

Крылатое существо прыснуло в ладошку и исчезло. Светлая личность загадочно и насмешливо улыбнулась.

— А вы и не можете этого помнить. Никто из смертных не знает пути в мой дворец. Я — Оберон, Верховный владыка эльфов.

Повисла долгая напряженная пауза, во время которой я понял, что наконец-таки влип основательно. Вспомнив в конце концов о законах вежливости, я поднялся и, в свою очередь, представился:

— Вальдар Камдил, сьер де...

— Да-да. Я знаю. Ведущий специалист лаборатории рыцарства так называемого Института Экспериментальной Истории Развития Цивилизации.

Я остановился, забыв закрыть рот.

— Садитесь, — продолжал мой собеседник. — Сейчас нам принесут обед. То, что вы представляете себе множественность и единство миров, значительно облегчает разговор, который нам предстоит.

Я рефлекторно кивнул, услышав слово «обед». Из полукруглой арки в противоположном конце залы появилась процессия величественных красавцев, несущих блюда с дарами природы. Полным достоинства движением каждый из них поставил свою ношу на стол и так же степенно удалился. Оберон сделал приглашающий жест, и мы уселись друг напротив друга в удобные кресла с резными ручками.

— Угощайтесь, — сказал он. — Не обращайтесь на меня внимания. Эльфы не нуждаются в грубой пище, ибо воспринимают любую энергию.

Решив ничему не удивляться, я взял румяное яблоко с одного из блюд и с удовольствием откусил кусок. Во время трапезы у меня было время разглядеть моего визави. Я затруднился бы с точностью определить его возраст. Внешне он выглядел статным, прекрасно сложенным мужчиной в расцвете лет, но его глаза... Такой глубокий, мудрый и печальный взгляд мог быть только у человека, прожившего невероятно долгий век. Черты лица были нечеловечески прекрасны; длинные седые волосы, схваченные обручем из черного серебра, украшенного бериллами, густыми волнами падали на плечи.

— Теперь давайте поговорим о том, что привело вас сюда, — произнес Оберон, заметив, что я закончил поглощать грубую вегетарианскую пищу.

— Я весь внимание, — ответил я, удобно устроившись в кресле и понимая, что разговор предстоит долгий.

— Я не стану спрашивать, откуда у вас на руке перстень Мерлина. Скорее всего, он сам выбрал вас.

— Перстень? — переспросил я, не совсем понимая, о чем идет речь.

— Именно он, — кивнул головой владыка эльфов. — Дело в том, что это не обычное украшение... Я ведь не ошибаюсь, вы видите двух сплетающихся драконов? — спросил он.

Я утвердительно наклонил голову.

— Разумеется. Так вот, это кольцо живет своей жизнью и всегда поступает так, как находит нужным. Никто не может точно перечислить все свойства этого перстня. Но кое-что можно сказать наверняка: из всех возможных случайностей тайная сила, заключенная в нем, выбирает ту, что считает наиболее выгодной для той цели, которую оно преследует в данный момент.

— То есть?..

— То есть фактически хозяин кольца является его заложником. Для осуществления своих замыслов оно требует все новой и новой энергии, — Оберон многозначительно посмотрел на меня. — Энергию перстень Мерлина может брать откуда угодно: от солнечного света, от земли, от ветра... Но всегда от ближайшего источника, до которого может дотянуться. Да-да, вы правильно догадались — первым источником энергии для него является тот, кто его носит.

— Значит, слуга Жак из Ла-Рошели?.. — предположил я, вспоминая эту жуткую историю.

— Именно так. Основным желанием несчастного Жака было получение богатства. Кольцо, попав к нему, с легкостью исполнило его волю. Но цель самого перстня заключалась в том, чтобы вернуться к вам. Вы не задумывались, почему беглый слуга пошел в сторону Ангулема, который лежит в стороне от его родной Турени? Можете не сомневаться, что если бы вы переплыли Ла-Манш, то и там встретили бы Жака.

— Теперь я понимаю, почему он так страшно состарился, — задумчиво произнес я.

— Для достижения своей цели оно выпило всю его энергию взамен на вожделенное золото, — пояснил Оберон. — Вас от подобной участи хранят две вещи: то, что вы человек духовно гораздо более сильный, чем бедный гостиничный слуга, но главное — то, что кольцо само избрало вас для достижения одному ему ведомых целей.

Закономерность «случайностей», буквально преследовавших нас со дня нашего появления здесь, начала выстраиваться у меня в голове в некое единое целое. Единственное, что я не мог скольконибудь внятно для себя объяснить, так это причины, заставившие кольцо остановить свой выбор на мне.

— Скажите, — спросил я Оберона. — Но если кольцо знало, что я не человек этого мира, почему оно избрало меня?

Владыка эльфов поморщился:

— А никакого «этого» или «того» мира нет. Мир един в своем неисчислимом множестве. Перстень Мерлина действует в стенах вашего Института ничуть не менее чем в любом из здешних замков, — он вздохнул. — Я думал, мне удастся избежать лекции о природе вещей, но, похоже, без этого не обойтись. Постарайтесь не вступать со мной в ученые диспуты, ибо я излагаю вам не версию, а то, как все есть на самом деле.

Верховный эльф поднялся и, расхаживая по зале, пустился в объяснения.

— Творец, создавший все существующее, не имел привычного человеческому взору облика. Вообще не имел никакого. Мотивы его деяния не известны даже нам, хотя никто, кроме нас, не имеет права называться детьми Божьими. Созданные им первоэлементы в своем взаимодействии создали то, что принято называть жизнью. Эльфы — а это общее название — это духи первоэлементов: огня, воздуха, земли и воды. А впоследствии — и всего того, что произрастает в этом мире. В отличие от людей мы не имеем тленной земной плоти и даже некоего стабильного облика.

— Да, но вы выглядите, как человек... — начал было возражать я.

— Думаю, вам не доставил бы особой радости разговор с огненным львом или лужей на полу, — с усмешкой отозвался Оберон. — Впрочем, мне

странно вам говорить об этом. Вы вестфольдинг, и в ваших жилах также течет эльфийская кровь, — он посмотрел на мои изумленно открытые глаза. — Да, не стоит удивляться. У вас эльфийское имя — Вальдар, что означает «останавливающий силу», и вы обладаете несомненной склонностью к трансмутации¹, что несвойственно большинству людей.

— Я — эльф?! — не выдержал я.

— Не совсем так, — поморщился Оберон. — Вспомните главу шестую «Книги Бытия»: «В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и те стали рожать им. Это сильные, издревле славные люди...» А вот еще: «И увидел Господь, что велико развращение человека на Земле и что мысли и помышления сердца их были зло во всякое время».

— Да, но это же об ангелах! — воскликнул я.

— А никаких ангелов, кроме нас, не существует! — Владыка эльфов остановился и посмотрел на меня насмешливым взглядом. — Сам-то Господь чем лучше? Мария что, не дочь человеческая?

— А-а... непорочное зачатие? — промямлил я.

— А от духа по-иному и не бывает, — строго ответил Оберон. — Но я сейчас не об этом. Те самые исполины, о которых упоминается в Священном писании, да и множестве других источников, начиная от легенд древних ирландцев и заканчивая хрониками тибетских мудрецов, были предками вашего народа. Мы обучали их обрабатывать камни, выращивать злаки... Мы учили их тайным наукам и искусствам, гармонии со стихиями. Однако Творец счел это знание несвоевременным. О том же, что было дальше, довольно верно сообщают строки, посвященные великому потоку.

— А Ной? — терзаемый смутными подозрениями, спросил я.

¹ Трансмутация — превращение (алхимический термин).

— Ной и его сыновья — одни из тех, кто был в это время в море и кому удалось спастись. Корни всех древнейших цивилизаций восходят к культуре этих исполинов. Или же, как их называют в вашем мире, атлантов. Древний Египет, народы Центральной Америки, друиды... Когда Создатель восстановил нарушенное равновесие, мы вновь заняли свое место в жизни народов. Они величали нас богами, добрыми гениями, духами... всего и не перечислить. Греки и римляне в древности свободно общались с нимфами — духами вод, дриадами, обитавшими в лесах. Ни одно великое произведение искусства не было создано без помощи силфид, именовавшихся музами...

— Однако, судя по народным сказкам и легендам, духи стихий далеко не всегда были безобидны. Русалки, например, саламандры... — возразил я.

Оберон несколько изумленно поглядел на меня:

— Но если ребенок ранит руку об острую иглу, мы же не говорим, что она зла? Русалки, как вы их называете, или ундины — эльфы вод — не из злого умысла щекочут до смерти неосторожных пловцов. Плавая в воде, они не умеют разговаривать, и это их способ общения между собой. И саламандры не желают причинять зла человеку — просто пламя, в котором они живут, требует от людей осторожности.

Я понимающе кивнул головой.

— А демоны? — задал я следующий закономерный вопрос.

Оберон тяжело вздохнул.

— К эльфам демоны не имеют ни малейшего отношения, — сказал он, вновь усаживаясь в кресло напротив меня. — Все они — в прошлом люди. Первым демоном был один из исполинов, чье имя неназываемо. Известен он по титулу, принятому им в величайшей его гордыне: Люцифер — «Князь Света». Подобно многим другим атлантам он был

посвящен в глубочайшие корни тайного знания и был первым среди учеников сынов Божьих. Возгордившись, он пожелал могуществом своим сравняться с творцом. И первое, чего он захотел добиться, было бессмертие.

— И?... — я затаил дыхание.

— И он достиг его. Вернее, ему показалось, что достиг...

Я внимательно посмотрел на Оберона. На лице его застыло выражение такого глубокого горя и тоски, что я ужаснулся.

— Когда пришел его срок, тленная оболочка обратилась в прах, но мятежная душа осталась жить на тонкой грани между жизнью и небытием. Однако чтобы сохранить это неустойчивое равновесие, ей все время требовалась эфирная материя иных душ. И тогда Люцифер стал являться магам, обещая им знания, власть, богатство... в общем, все то, чем мог прельстить он слабую человеческую плоть. И если мы учили искусству гармонии, то власть, дарованная им, была властью хаоса. Взамен же он, как известно, требует лишь одного...

— Человеческих душ, — закончил я.

— Да. Человеческих душ. То есть преданного служения ему. Величайшая власть его адептов оборачивается величайшим рабством.

Оберон долго молчал, глядя перед собой, забыв о моем присутствии. В конце концов, не выдержав тягостной паузы, я негромко кашлянул. Он поднял на меня глаза.

— Да, — со вздохом продолжил Владыка эльфов. — Потом пришел Спаситель...

— И начались гонения, — продолжил я.

— Вы о христианских мракобесах? — спросил Оберон. — Нет, это было много позже. Спаситель сам был исполином, и самым могущественным из исполинов. Но суть даже не в его происхождении. Дело в том, что Бог един. И никто не может быть

равным ему. Он был человеком, правда, искра Божья, являющаяся душой каждого, горела в нем ярким факелом. Это и дало ему возможность с ранних лет беспрепятственно общаться со своим ангелом-хранителем. Или святым духом, как его принято называть у христиан.

— Ангелом-хранителем? Значит, это не выдумки? — удивился я.

— Отнюдь. Как я уже говорил, все живое имеет своих духов, так же, как и первоэлементы. Чем люди хуже деревьев, птиц и зверей? Ангел-хранитель от рождения есть у каждого. Но у тех людей, которые, имея глаза, не видят и, имея уши, не слышат, он лишь поводырь, который старается отвести слепца от края пропасти. Для тех же, кто ищет тайн бытия, дух становится вторым «я», открывающим им путь к гармонии и совершенству. Для Спасителя эта дорога была предопределена. Но только великая любовь к людям подвигла его на тернистый путь служения миру. Вспомните о том, как враг рода людского искушал его в пустыне: богатством, могуществом... Ни один ангел-хранитель не может влиять на выбор человека. Ибо свобода воли — это высший дар и высшее испытание, данное Творцом людям. Предавшись хаосу, человек утрачивает своего ангела-хранителя, а Божья искра, заложенная в нем, вливается в пламя пожара, сжигающего этот мир.

— Пекло? — догадался я.

— Да. Но не совсем. Жизнь и смерть человеческие закономерны. Ни один из тех, кто издал сегодня первый плач, не избежит своего смертного часа. Важно то, как распорядится человек отмеренным ему сроком. Каждый несет в себе свой суд. Если всю свою жизнь он искал путь к совершенству, то есть задумывался над тем, что он делает и говорит, старался нести любовь в мир, значит, он вновь будет рожден для света. Если же человек предался хаосу, то его душа уйдет из мира и тем

самым падет на другую чашу весов, имя которой — Вселенский Хаос. Когда же обе чаши уравновесятся... Помните предсказание об Апокалипсисе или, если вам больше нравится, Рагнареке?

Я утвердительно кивнул.

— Спаситель знал о нем много лучше вашего. Семь долгих лет он странствовал по миру, как ученик, ища мудрости. Мы были дружны с ним. Он много часов провел в этом чертоге, там, где сейчас сидите вы.

Я подскочил в кресле как ужаленный. Последнее откровение сразило меня наповал. Оберон невозмутимо продолжал.

— Тридцать лет духовного ученичества потребовалось Ему, чтобы достичь совершенства — стать одним целым со своим ангелом-хранителем и указать человечеству истинный путь к бессмертию. Увы, Он показал им значительно больше, чем они смогли осознать. Первые христиане в меру своего разумения старались следовать Его заповедям. Вспомните множество упоминаний об общении с духами первых отцов церкви! И только когда идея превратилась в организацию, а духовная истина — во власть, церковь стала страшным орудием в руках Люцифера. Именно к этому времени и относятся гонения, о которых вы упоминали.

Сложилась парадоксальная ситуация: люди, которые должны были нести свет учения, попадая в эту демоническую машину власти, стоящей над тронами земных владык, зачастую, сами того не замечая, превращались в демонов. Ведь ступить на этот путь куда как проще, чем кажется. Для этого необязательно заключать письменный договор с Люцифером, скрепленный кровью. Достаточно было лишь жаждать этого договора, то есть могущественного знания, богатства, власти над другими, силы... Вы наверняка знаете множество таких людей.

Оберон вновь замолчал и испытывающе посмотрел на меня:

— Вы не устали, мессир Вальдар?

Я действительно чувствовал некий переизбыток информации, которая нуждалась в немедленном анализе и осмыслении.

— Отдохните, — посоветовал мне Повелитель эльфов, наливая в чашу какое-то питье.

— Скажите, — неуверенно спросил я, принимая кубок. — А мог бы я увидеть своего ангела-хранителя... Думаю, мне есть о чем поговорить с ним.

Оберон как-то печально посмотрел на меня и, встав, вновь прошелся по зале.

— У вас его нет.

Глава двадцать восьмая

— Куда, глупец?! Пойдешь ко дну!

От волн добра не ждем!

Ответил он, за борт шагнув:

— Иду своим путем.

Из песни вестфольдингов

— У вас нет ангела-хранителя, — внятно повторил Оберон, наблюдая, как я судорожно хватаю воздух ртом.

— Так я что, демон?! — с ужасом воскликнул я, разом пытаясь припомнить все свои грехи.

— Нет, конечно, — поспешил успокоить меня эльф. — Будь вы демоном, я не стал бы с вами сейчас здесь разговаривать. Да и кольцо Мерлина поступило бы с вами куда как более сурово, чем с беднягой Жаком. Ваш ангел-хранитель покинул вас несколько лет назад на небольшой поляне в предгорьях Каледонии¹, когда вы приняли меч Тюра, тем самым предопределив свою судьбу.

¹ Каледония — одно из названий Шотландии.

— Да, но это было в другом мире, — по инерции начал я и осёкся, вспоминая, что «иных» миров не существует. Признаться, осознать это в полной мере мне пока не удалось.

— Но Сольнар не сказала мне тогда об этом условии! — попробовал возмутиться я.

Оберон пожал плечами.

— Невозможно приобрести что-то, ничего не потеряв. Избрав путь меча, вы обрекли себя на тяжкие деяния, несовместимые ни с природой, ни с задачами ангела-хранителя. Смерть, ожидающая вас в конце пути, не есть итог вашей жизни, а избрана вами самолично. Если отбросить внешнюю сторону этого поступка, то вы не более чем самоубийца. Путь знания навсегда закрыт для вас. Единственное, чего вы достойны, это понимания того, что происходит вокруг.

«Ну вот, приплыли, — грустно подумал я. — Что же получается? Ангела-хранителя нет, меч красotka из Кэер Урмарка куда-то уволокла».

— А, кстати, Сольнар упоминала о том, — хватаясь за соломинку, вспомнил я, — что прежний обладатель Катгабайла умер от яда...

— Он умер так, как должен был умереть, совершив то, для чего был призван, — ответил Оберон. — Насчет меча можете не беспокоиться, — словно читая мои мысли (а впрочем, может, так оно и было), добавил он.

— Завтра Сольнар будет здесь. И будет рада вновь вручить его вам. Вы знаете, — хитро улыбнулся Владыка эльфов. — Дриады крайне не любят покидать свои родные места... Но для вас она сделала исключение.

— Сольнар... — задумчиво произнес я, вспоминая, как я получил свой меч.

— Ваше Величество... — несколько сомневаясь в правильности титула, обратился я к Повелителю эльфов. — Я понимаю, что путь знания закрыт для

меня, но, может, вы могли бы хоть немного рассказать мне о том, что ждет меня?

Оберон вновь тяжело вздохнул и покачал головой.

— Не могу... Не могу сказать вам ни слова. Отчасти от того, что сам не ведаю, что может произойти с вами. Кольцо, выбравшее вас, — печать случайностей, и ни я, ни кто-либо другой не сможет вам помочь. Однако я могу дать возможность увидеть какие-то части того, что было или будет вашим путем.

Он подошел к стене, украшенной крупными самоцветами, и провел по ней рукой.

— Вглядитесь в эти камни.

...Я лежал на подстилке из сухой травы, сооруженной Лисом, и понемногу приходил в себя. То есть я чувствовал все то, что чувствовал тогда, и в то же время видел себя со стороны. Это было очень странное ощущение... Я не умирал. Во всяком случае, я твердо знал и помнил, что в тот раз смерть обошла меня стороной. Наконец послышался долгожданный звон.

— Это ты, кого величают Эстольдом Бьорном? — вновь услышал я певучий голос дриады...

...Ствол дуба, который с трудом могли обхватить четверо взрослых мужчин, распался пополам, будто его поразила молния. В самой сердцевине ствола, как молодой росток из старого пня, возник меч.

— Но знай! — снова донеслось до меня. — Если ты примешь его, твой путь будет предначертан.

Мои пальцы сомкнулись на гладкой рукояти, переливающейся кровью магических рубинов.

...Самодовольная рожа Отпрыска, вальяжно развалившегося в кресле.

— Надеюсь, вы найдете союзников среди местного населения...

Выражение отсутствующего внимания на моем лице. Я тоже надеялся на это: задача, которую ста-

вило передо мною начальство, была под силу небольшой армии. Во всяком случае, тогда я думал именно так...

...Дорога, хранящая следы недавнего боя. Умирающий Талбот Плантагенет, Лис, закрывающий ему глаза... И цепочка с медальоном, покачивающаяся в его руке, — «Возьмет свое»...

...Страдальчески-вопросительный взгляд глубоко посаженных глаз старого мага и изумрудная скрижаль на его ладони.

«Союзник среди местного населения» и мой старый бедный друг... Мой собственный громовой голос вновь заполнил комнату, обманывая простодушного волшебника.

— Значит, ты служишь великому Тюру, а не Мерлину? — разочарованный голос Инельмо зазвучал у меня в ушах, с новой силой будя в душе стыд, сожаление и боль утраты. Один Бог знает, чему я служу...

— Мне нечем даже наградить вас за ваш подвиг... Хотя постойте! — бас короля-рыцаря рокотал, заглушая грохот волн, разбиравшихся о прибрежные скалы. Драконы, образующие кольцо, казалось, хищно ослабились... — Говорят, этот перстень был подарен королю Артуру Мерлином. А еще говорят, что он волшебный. Примите его от меня на память...

...Раскрасневшееся от скачки лицо сестры, с воодушевлением повествующей о своем вешем сне:

— Инельгердис, ты должна спешить к замку Нейвур, ибо то, чему суждено быть, начинается там! Твоему брату, который не рожден и чья жизнь предначертана его мечом, угрожает опасность.

И вот я здесь!

...Следующая картинка, что называется, была знакома до боли. Дракон, лежащий на поляне перед гротом на яблочном острове. Однако на этот раз, кажется, он меня не видел. Миновав его гро-

мадную тушу, я очутился внутри залитой мерцающим светом пещеры. В глубине ее в хрустальном саркофаге покоился седобородый старец в белом одеянии...

...Затем я увидел замок... Гордые его башни вздымались ввысь, и стены были высоки и неприступны. Он как бы рос из скалы, висящей в воздухе над безбрежной морской гладью...

— Ну что, вы увидели то, что хотели, Вальдар? — услышал я за своей спиной голос Оберона. С трудом отгоняя наваждение, я обернулся к нему.

— Что это за замок, парящий в воздухе? — задал я вопрос Верховному эльфу.

— Монсальват... — тихо произнес он. — Так он называется. И больше о нем я вам не скажу ничего. А теперь — к делу, мой дорогой рыцарь. Вы же сами понимаете, что своему попаданию сюда вы обязаны силе перстня.

Я согласно склонил голову. Похоже, в этой игре себе самому я был обязан только чувством голода, вновь начавшему терзать меня. Очевидно, из-за переживаний.

— Вас ожидает новый подвиг, — продолжал повелитель стихий.

Если бы он сказал, что меня ждет рождественский подарок, я бы, пожалуй, удивился. А подвиг? За последние годы большинство людей, с которыми мне доводилось встречаться, хотели от меня именно этого. И первый среди эльфов не был в данном случае исключением из правила.

— Я готов отправиться в путь, как только вновь обрету свое оружие. — Мой поклон был встречен благосклонной улыбкой. По-видимому, иной ответ и не ожидался.

— Вы помните изумрудную скрижаль, которую вам демонстрировал Инельмо?

— Несомненно, — ответил я, ожидая продолжения.

— Вам предстоит добыть ее.

— Она что, опять пропала?

Оберон искренне изумился:

— Ну, разумеется! Подобным вещам не свойственно оставаться без хозяина. Как только бедняга Инельмо погиб, скрижаль тут же попала к гномам.

Я удивленно поднял бровь. После того, что мне поведал Оберон, заподозрить эльфов земли в хищении было как-то странно. Увидев мою реакцию, Владыка эльфов поспешил рассеять мои сомнения.

— Гномы никогда не позволили бы себе взять драгоценную вещь у мага. Тем более что Инельмо, хотя и не прошел полный обряд посвящения, да и кто из магов его сейчас прошел, — горько усмехнулся Оберон, — хотя и был великий путаник, но за ум и глубокое постижение тайн бытия был весьма почитаем среди эльфов. Как только наш старый друг исчез, стражник, охранявший шатер, поспешил выпотрошить все его вещи. Естественно, изумруд попал к нему... Какими путями скрижаль вернулась к подземному народу, я думаю, вам не очень интересно. Но и гномы недолго владели этим сокровищем. Вскоре изумрудная скрижаль заинтересовала одного дракона, которые, как известно, великие охотники до подобных вещей.

— А для чего драконам вообще сокровища? — любопытствовал я. — Сколько ни встречал этих ящеров, всегда они копят драгоценные камни. Едят они их, что ли?

— Не совсем так... Дело в том, что в отличие от эльфов, которые являются личностным воплощением духа, драконы — персонифицированный сгусток энергии. Драгоценные камни же, как известно, — запечатленная энергия земли. И, согласно законам бытия, известным ныне как законы магии, подобное тянется к подобному. Так что вам предстоит нелегкая задача — отнять у дракона «лакомый кусочек», — усмехнулся Оберон. — Ведь изумрудная скрижаль — не просто великая драго-

ценность. Дело в том, что люди получили эту бесценную вещь от Гермеса — одного из наиболее выдающихся исполинов прошлого, основоположника того учения, которое сейчас называют магией, или герменевтикой. Позднее люди древней Эллады обожествляли его. Впрочем, не они одни — в Египте его величали Тотом. Но не об этом речь. Ключ к своим знаниям Гермес магическим образом запечатлел на этой самой скрижали.

— Инельмо говорил мне о другом варианте... — начал было я.

— Инельмо, как я уже сказал, — великий путаник. Хотя во многом близок к истине. В незапамятные времена Гермес в поисках истинного пути скитался по пустыне. Внезапно он узрел страшного дракона с крыльями, закрывавшими все небо, извергавшего во всех направлениях огонь.

Я попробовал представить себе сей природный казус, но кроме спасательного катера двадцать третьего герцога Бедфордского мне в голову более ничего не приходило. Оставалось надеяться, что Гермесу повезло при встрече с подобным чудищем больше, чем мне. Между тем Оберон вдохновенно продолжал:

— Это был Помандрес, мой брат и вечный соперник, Император драконов, Творческий Разум Вселенной, Абсолютный Повелитель Всего. Гермес, один из немногих людей, прошедших полное посвящение духов, также получил от него посвящение. Поэтому его называют Трижды Величайшим, ибо он одинаково велик в познании людей, духов и энергии. Вся сумма этих знаний заключена в некой книге, называемой Священной Книгой Тота. В ней содержатся секреты процесса, посредством которого может быть осуществлено возрождение человечества. Больше мне о ней неизвестно ничего, — Оберон замолчал и глубоко задумался.

Мне тоже было о чем подумать. Все оказалось значительно сложнее, чем предполагал Инельмо и

чем виделось мне в недрах лаборатории. Как выглядела эта Книга, да и где ее теперь искать? И нужна ли она вообще здесь и сейчас? Оставалось полагаться на свое предначертание... Ибо только ступая по пути, мы узнаем Путь.

— А что есть обряд Посвящения? — Вновь задал я вопрос, выводя из состояния задумчивости Верховного эльфа. Тот немного помедлил с ответом.

— Для вас этот путь закрыт. Вы запятнаны кровью. Но испытания, которые выпадают на долю адепта, я вам могу описать, — он поудобнее устроился в кресле. — Для того, чтобы свободно общаться с духами природы, надо доказать, что ты свободен от страха перед стихиями. Человек должен пройти сквозь огненный коридор; переплыть бурную реку, полную водоворотов; взобравшись по отвесной скале, пройти над пропастью по тонкому канату; найти верный путь в лабиринте подземных пещер; прожить год в дремучем лесу, полном диких животных... И все это — не пользуясь ничем, кроме своей веры, ума и бесстрашия.

— Да-а... — уважительно протянул я. Если у меня и мелькала мысль пройти Посвящение, то после всего услышанного мой собственный Путь показался куда как менее тернистым. Однако ближайшая перспектива «теплой» встречи с драконом не переставала волновать меня. Не сказать, чтобы я слишком боялся ее, но, памятуя о той твари, которая с завидным упорством ночь за ночью портила мне настроение, особой радости по этому поводу у меня почему-то тоже не возникало. Я припомнил все выпадавшие на мою долю встречи с этими реликтовыми ящерами, и, надо сказать, что все они отличались на редкость мерзким и склочным характером. Видимо, отсутствие духа не позволяло им использовать свою энергию в мирных целях.

Понимая, что игра в вопросы и ответы, очевидно, порядком поднадоела моему гостеприимному хозяину, я все же решился задать еще один вопрос. В конце концов кто же виноват, что колечко избрало разносчиком своих никому не ведомых идей столь недалекого, но любознательного потомка исполинов?

— Скажите, — произнес я, глядя на Оберона взором чистым, как снега Гренландии. — А что, эльфы сами не могут справиться с драконом?

— Могут, — ответил он с тем же задумчивым выражением на лице, как объяснял, каким образом необходимо покончить с собой, дабы заслужить уважение стихийных духов. — Но, во-первых, они не станут этого делать, а во-вторых, — это же ваш Путь.

Возразить было нечего. Одно можно было сказать с уверенностью: если верить виденному мною в камнях, дракон был не конечной остановкой моего маршрута, а потому в связи с предстоящей операцией над этим редким экземпляром вымирающего вида нависла серьезная угроза. Мои оптимистичные размышления прервал уже знакомый мелодичный звон. Посреди залы светлым видением возникла Сольнар, держащая в руках Катгабайл.

— Вот мы и снова увиделись с вами, Эстольд, — приветливо улыбнулась дриада, и камни в стенах, казалось, заискрились еще ярче. — Здесь вы носите другое имя, но это не меняет ровным счетом ничего.

Я почтительно поклонился и в свою очередь приветствовал Сольнар.

— Волшебница Вивиана вернула мне ваш меч и просила сберечь его до того момента, пока вы не вернетесь за ним. Теперь я вновь с радостью вручаю его вам, — она протянула мне голубовато-серебристый клинок, и рубины в его рукояти заис-

крились радостным блеском. — Вы совершили множество чудесных подвигов со времени нашей последней встречи, и я горжусь, что мой сын остановил свой выбор на вас. Однако главный ваш подвиг еще далеко впереди.

— Благодарю тебя, Сольнар, — я преклонил колено, принимая меч. — Я тоже рад видеть тебя. Когда Оберон сказал мне, что ты... — Я обернулся, ища глазами Главного Эльфа, но не обнаружил у себя за спиной никого. Только под потолком дивного чертога витало какое-то подозрительное белесое облачко.

— Он развоплотился, — пояснила прелестная дриада. «Ну вот, довел человека... то есть эльфа, своими дурацкими расспросами», — огорченно подумал я.

— Нет, — читая мои мысли, успокоила меня Сольнар. — Он просто не любит долго оставаться в каком-то одном состоянии. Но для вас время не ждет! — загадочно произнесла она. — Вам нужно спешить. Пойдемте, я провожу вас до границы неметона¹.

Фея взмахнула рукой, и нас окружило какое-то светящееся облако, в котором я мог видеть только свою очаровательную спутницу. Она взяла меня за руку и властно повела за собой.

— А-а... хозяина поблагодарить за радушный прием? — запоздало вспомнил я о правилах хорошего тона.

Сольнар удивленно обернулась ко мне:

— Боюсь, сейчас это уже невозможно.

— Скажи, — спросил я, шагая рядом с нею. — Что ты имела в виду, когда говорила о своем сыне?

Дриада, не поворачивая головы, произнесла ровным голосом:

— Первый хозяин меча — мой сын.

¹ Неметон — уединенная священная роща, место друидических обрядов.

— Тюр — твой сын?! — От волнения я даже оставался. «Воистину, чудны дела твои, Господи!» — подумал я, понимая, что все годы своей учебы в колледже я потратил на что-то не то...

И тут где-то совсем недалеко от меня послышалось тихое, но очень знакомое конское ржание. Облако, окутывавшее нас, исчезло. Мы находились на опушке ясеневоего леса, а перед нами на пышном зеленом лугу пасся Мавр.

— Откуда он здесь? — ошеломленно спросил я, памятуя, что оставил его во Франции.

— Не знаю. Очевидно, сам пришел, — пожала плечами Сольнар.

— Как, мы уже...

— Нет, мы не в Англии. Но с животными проще. Они не создают себе границ невозможно. Ступай же, мой славный рыцарь, и помни, что меч, который ты носишь, — это оружие справедливости. Ибо он дан тебе женщиной для защиты слабых и утверждения истины. Тюр первый получил этот клинок из моих рук, и все, кто следовал за ним, повторяли его путь. И недаром руна Тэйвас сияет на этом клинке, ибо она говорит о великой жертве ради победы. Ступай же, воин, я сделаю твою дорогу легкой, — промолвила фея Сольнар и, простерши вверх руки, запела:

Тот, кому известны пути птиц и диких зверей,
Кто умеет различать их по пению и крикам,
Кто понимает жизнь сверкающих серебряных изгибов ручья,
Пути звезд на небе,
Может никогда не касаться к книгам, и тем не менее он
Обладает мудростью Бесконечности...
Тот, чьи чувствительные искусные руки
Умеют работать с деревом,
Тот будет впитывать дождь,
Свет солнца, свет звезд и росу —
Их крупинцы входят в его изделие;
Тот вырастет высоким, стройным, чистым и прекрасным,
Кто каждый день вдыхает сущность деревьев.
Тот, кто находит друзей среди скал,
Успокоение среди листьев и виноградных лоз,
Кто с радостью взбирается на холмы, распевая песни,
Кто любит ощущать ветер, никогда не узнает печали;
Никогда его одиночество не будет слишком сильным;

Никогда он не почувствует себя несчастным...
Тот, кому долго служит спутниками все это,
Познает всю древнюю мудрость и знание...¹

Глава двадцать девятая

Одна голова хорошо, а три —
лучше!

Змей Горыныч

Дорога действительно оказалась легкой. Пейзажи до боли напоминали с детства знакомые места Южной Англии: зеленые холмы, поросшие вереском, светлые рощи, тихая медлительная речка с добротным деревянным мостом через нее... и полнейшее безлюдье. Казалось, дорога сама проложила себя в этих волшебных местах. Начинало вечереть. Я пустил Мавра резвой рысью, надеясь до заката солнца либо повстречать обещанного дракона, либо найти место для ночлега. Внезапно дорога уперлась в замшелый валун, от которого уже в разные стороны тянулись три новые тропы.

— Так. Это уже форменное издевательство. Они меня что тут, за Иванушку-дурачка держат? — возмутился я, подъезжая поближе к былинному указателю.

Вопреки всем ожиданиям, никаких пояснительных надписей на камне не оказалось. Я глубоко задумался.

— Ну что ж, поеду наугад, — громко произнес я, остановив коня и декламируя: — Направо повернешь — время потеряешь.

И, как вы сами понимаете, свернул налево. Ехать пришлось недолго. Приблизительно через полчаса вдали передо мной замаячил знакомый валун, поросший мхом. Я бы решил, что это другой, но возле него уже виднелись следы копыт Мавра.

¹ Староваллийская поэма. Текст приведен в книге Дугласа Монро «21 урок Мерлина», том II.

— Мда... — почесал я затылок, вспоминая, что никаких ответвлений прямоезжая дорога, по которой я сюда добирался, не имела. — Это не Англия. Хорошо, уговорили. Поедем направо.

Я приободрил шенкелями своего скакуна, пытаясь развернуть его в другую сторону. Но тщетно — Мавр уперся и никуда поворачиваться явно не желал. Впервые со дня нашего знакомства мой добрый конь вел себя подобным образом.

— Ладно, если ты лучше меня знаешь, куда ехать, веди! — обратился я к нему, отпуская узду. Конь послушно двинулся вперед.

«Спрашивается? — вслух подумал я, — кому было надо топтать еще две тропы?»

— Надо... — ответило невесть откуда взявшееся эхо.

На эту часть дороги власть Сольнар, видимо, не распространялась. Тропа уходила в дремучий лес, то и дело поперек нее встречались поваленные деревья, глубокие лужи, полные чавкающей грязи, какие-то булыжники — в общем, проезжей ее можно было назвать весьма условно. Уже почти совсем стемнело. Вдали где-то раздавалось уханье филина, вой волчьей стаи, выходящей на ночную охоту.

— Ну вот, волков нам только и недоставало, — заворчал я. — Эй, умник, ты куда меня завез? Учти, серые придут — сам будешь отдуваться. Я и пальцем не пошевелию.

Мавр насмешливо фыркнул. Попытка припугнуть моего рыцарственного скакуна, видимо, выглядела неубедительно. Мы продолжали свой путь уже в полном мраке, и, наверное, одному коню было ведомо, где мы, собственно говоря, находимся и куда едем. Как он и предполагал, волчья стая, очевидно, не интересуясь столь крупной и беспокойной добычей, свернула куда-то в сторону, и вскоре завывания ее совсем стихли.

— Ну хорошо, есть нас сегодня не будут, —

продолжал я свой монолог. — Может, ты мне все-таки ответишь, куда и зачем меня затащил? — устало спросил я у невозмутимого Мавра. — Ничего похожего на дракона лично я не вижу. А вот то, что ночевать нам придется в этом малоприятном месте, — это уж можешь не сомневаться.

Мавр, казалось, полностью игнорируя мои реплики, спокойно и уверенно двигался дальше.

— Все! С меня хватит! Вон холм видишь? Там и станем лагерем.

Действительно, посреди леса при свете выглядывавшей время от времени из-за облаков луны виднелась какая-то невысокая горка. Доехав до нее, Мавр стал как вкопанный. Я спрыгнул на землю, выбрал место поудобнее и, завернувшись в плащ, примостился с относительным комфортом.

— Остаешься за старшего. Если что — буди, — дал я наставление своему боевому коню и мгновенно уснул.

Спал я спокойно, без сновидений, уж и не знаю точно, сколько часов. Дракон, являвшийся мне по ночам, видимо, сегодня решил сделать себе выходной. Проснулся я от того, что почувствовал на себе чей-то долгий тяжелый взгляд. Я открыл глаза... И прямо над собой увидел ужасающую драконью морду с торчащими из пасти клыками в локоть длиной. Ящер спокойно-заинтересованно наблюдал за мной. Рядом бродил Мавр, не обращая ни малейшего внимания на дракона.

— Я ж тебя просил — буди, ежели что, — сквозь зубы пробормотал я, непринужденно усаживаясь на траву и прикидывая, успею ли в случае необходимости обнажить клинок или все-таки нет.

— Доброе утро, милейший! — обратился я к реликту как можно вежливее.

— Милейшая, — кокетливо поправил, вернее, поправила меня устрашающего вида тварь. — Я мадемуазель.

Я слегка опешил.

— Простите, не разглядел спросонья, — брякнул я первое, что пришло мне на ум.

— Ты кто такой? — зевая во всю пасть и демонстрируя сотни три отточенных клыков, не нуждающихся в услугах дантиста, лениво произнесла дракониха.

— Путник, — осторожно ответил я, вставая.

На персонифицированный сгусток энергии женского пола мое движение не произвело ни малейшего впечатления. Она подозрительно еще раз оглядела меня с головы до ног и с какой-то надеждой спросила:

— А ты часом не вестфольдинг?

— Вестфольдинг, — честно признался я.

Глаза моей собеседницы заметно просветлели, в них зажегся явный интерес.

— Что, правда? — переступая на месте когтитыми лапами и похлопывая кончиком хвоста по земле, переспросила она. — А-а... может быть, ты еще и оборотень?

— Да. Превращаюсь под настроение, — удивляясь подобной реакции, ответил я.

— Ой, как хорошо! — бурно обрадовалась чешуйчатая мадемуазель. — А, скажи... ты вот, когда превращаешься, — наклоняя морду прямо ко мне, волнуясь, прошипела она. — Ты случаем не драконом становишься?

— Нет, — мотая головой, отступил я на шаг.

— Ну-у, может, там, змеем морским... вараном, на худой конец? — с отчаянной надеждой не отступала дракониха.

— Уж извини, нет. Леопарды мы, — сознался я.

— Жа-а-аль... — протяжно выдохнула она язычок пламени, отворачивая голову.

В целях противопожарной безопасности я покрылся холодным потом.

— Плохо мне. Тоскливо. Последняя я, видать, в нашем роду... — положив голову на лапы и полу-

закрыв глаза, пожаловалась мне одинокая леди. — А тебя-то чего сюда занесло?

— Мне как-то неудобно тебе от этом говорить, — начал я. — Но мне позарез нужна изумрудная скрижаль.

Моя собеседница удивленно подняла голову:

— Да мне она и самой нужна.

— Да, тяжелый случай. Мне она, видишь ли, нужнее. Может быть, тогда сразимся? — обнажая меч, безнадежно предложил я.

— Не хочу, — ответила хозяйка скрижали, косясь на Каттабайл.

— Ну тогда добром отдай! — предложил я другим вариант.

— Тоже не могу. Не по-драконьи это. Узнает кто — засмеют, — вздохнула она, вновь опуская тяжелую шипастую голову на лапы.

— Да кто ж узнает-то? — возмутился я. — Ты же сама говорила, что последняя!

— Да мало ли... Вдруг еще кто остался?

И тут меня осенило. Эта скотина на острове, которая меня мучила по ночам и которую я недавно узрел в камнях Оберона! Вот теперь-то он за все поплатится!

— Послушай, милейшая, — обратился я к драконихе, вновь впавшей в депрессию. — Я знаю вариант, который устроит и тебя, и меня. Тебе, кажется, нужен дракон?

— Да-а-а... — стыдливо протянула мадемуазель, очевидно, краснея под толстым слоем чешуи.

— У меня на примете есть один чудный холостой дракон. Красавец, умница, с отдельной жилплощадью... — Дракониха вскочила на все четыре лапы одновременно и нервно забила по земле огромным хвостом, вздымая тучи пыли.

— И далеко?

— Да уж не у меня в кармане.

— Тогда полетели! — беря разгон, крикнула

озабоченная превратностями личной жизни бронебарышня.

— Эй, стоп, стоп! Куда полетели? — окликнул я не в меру разошедшуюся дракониху. — Честный обмен. Ты мне скрижаль — я тебе дракона.

— Какой ты алчный, — тормозя на всем ходу, укоризненно произнесла она. — А еще небось рыцарь. Дело, можно сказать, идет о жизни и смерти, а ты о каких-то камнях печешься! На, забирай, полетели! — Тварь гневно сплюнула, и на обгоревшую траву передо мной упал знакомый изумруд.

Признаться, я не ожидал встретить такой способ хранения драгоценностей, но назвать его ненадежным у меня как-то не поворачивался язык.

— Залазь, — нервно продолжила она, подставляя крыло, — чего ты там стоишь, будто завороченный?

Я посмотрел на Мавра.

— Ну что, мой хороший, дорогу обратно знаешь?

— Да ты за меня не беспокойся, Вальдар, — произнес скакун так, будто он до этого только тем и занимался, что беседовал со мной в свободное от разъездов время. — Когда ты вернешься, я буду тебя ждать.

Я оторопело молчал. После давней встречи с единорогами в чаще Лухсенвальда мне доводилось иногда понимать язык тварей, в основном, правда, тех пород, которые не слишком распространены в той области мира, где находилась наша Контора: гоблины, драконы... Но чтобы вот так, ни с того ни с сего заговорил мой собственный конь?!

Мне почему-то подумалось, что падение в овраг, несмотря на все старания Оберона, все-таки не прошло для меня даром. Правда, со времени появления моего скакуна на краю эльфийской рощи он все время вел себя так, словно много лучше меня знал о том, что нам надлежит свер-

шить, но все же, хотя его поведение порождало массу вопросов, оно было безукоризненно.

Мавр радостно заржал, очевидно, любуясь произведенным эффектом, и стремглав умчался туда, откуда приехали мы вчера вечером.

— Ну лезь же, лезь же скорее! — торопила меня любвеобильная рептилия. — Показывай, куда лететь.

Это был, конечно, вопрос. Никаких координат острова, покрытого яблочным садом, у меня не было, да и познания мои в воздушной навигации оставляли желать лучшего. Впрочем, подобный набор недочетов меня нисколько не волновал. Я готов был спорить на что угодно и с кем угодно, что куда бы мы ни полетели, все равно наш рейс был бы завершен на искомой части суши, со всех сторон окруженной водой.

Не заставляя себя более просить, я вскарабкался на спину этой Мисс Зубастая Пасть и довольно удобно устроился в ложбине между двух спинных зубцов. Почувствовав, что я перестал ерзать в своем «сиденье», дракониха круто взмыла вверх.

— Куда лететь-то?

— А ну-ка, дорогуша, сделай круг над поляной, — приказал я, замечая, как начинает пульсировать камень в моем перстне.

Дракониха послушно заложила поворот и прошлась на бреющем полете над верхушками деревьев.

— Курс юго-юго-восток, — скомандовал я. — Скорость не больше ста миль в час, высота в пределах мили. И чтобы без глупостей! Не вздумай трясти. Иначе мы никуда не летим. Сиди здесь, жуй себе на здоровье оленей...

При этих словах в брюхе моего летательного аппарата выразительно заурчало.

— Да, — вздохнула дракониха, — позавтракать перед полетом, пожалуй, не мешало бы. Да и в до-

рогу с собой взять чего-нибудь съестного не вредно. Путь-то небось неблизкий?

— Ох, неблизкий, — согласился я. — Что и говорить: «Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда».

Одна из любимых цитат моего верного напарника произвела на чешуйчатую мадемуазель надлежащее впечатление.

— Это верно, — задумчиво произнесла она. — Надо запастись провизией. Ты как считаешь, пока я немного поохочусь, красавца твоего никто не уведет?

— Не думаю. По-моему, он ждет именно тебя.

Мне показалось, что драконша зарделась.

— Тогда я быстро. Снижаемся.

Последующие полдня запасливая хозяйка стаскивала в кучу поджаренных кабанов, оленей и прочую несчастную живность. Покончив с этим утомительным занятием, она одним махом проглотила половину заготовленных припасов и, дав мне рекомендации, как получше разместить оставшуюся часть добычи между зубцами хребта, вполне удовлетворенная жизнью взмыла в воздух. Ветер засвистел у меня в ушах. Могучее тело стремительно рассекало облака, то и дело заставляя меня ежиться от сырости. Внизу с бешеной скоростью мелькали поля и леса, серебрились реки... Рубин на моем пальце пульсировал все сильнее; время от времени дракониха поворачивала голову, требуя вкинуть ей в пасть очередную пайку.

— Что-то сегодня ужасно есть хочется, — пожаловалась она, в очередной раз оборачиваясь ко мне. На этот счет у меня были свои кой-какие смутные подозрения, но, понятное дело, делиться ими я не стал.

— Долго еще? — спросила зубастая барышня, делая какой-то немыслимый вираж, от которого я едва не слетел у нее со спины.

— Еще один такой штопор, и можем садиться

здесь же, потому что дальше мы пойдем пешком! — заорал я. Нет, мне определенно не везло с путешествиями на драконах...

— Прости, — сконфуженно прогрохотала дракониха. — Быка внизу увидела...

— Ты что, с ума сошла? — набросился я на нее. — Тебя впереди ждет не дождется роскошный дракон, а ты на каких-то быков кидаешься!

— Кушать очень хочется, — жалобно произнесла она. — Прямо напасть какая-то. Мясо давай!

Я поискал глазами очередной кусок дичи на бескрайней спине, но, увы... Последним инородным куском мяса на драконьем хребте был я сам. В моей памяти всплыла жуткая сказочка про птицу Рух и Синдбада-морехода, подкармливавшего ее от телес своих. «Ну, нет! Такие восточные штучки не по мне!» — подумал я.

— Радость моя, — обратился я к своей летунье, нежно похлопывая ее по чешуйчатому боку. — Ты бы умерила аппетит-то! А то фигуры уже и так почти не видать. Прилетим, а твой суженый толстущек терпеть не может, что делать будем? Садись на диету!

Мадемуазель задумалась:

— А ты прав! Мне это как-то в голову не пришло. Ладно, — вздохнула она. — Придется потерпеть.

Наш полет продолжался еще что-то около часа, но вот вдали показались знакомые очертания яблочного острова.

— Снижайся! — скомандовал я. — Вон видишь остров? Там заходим на посадку.

Дракониха плавно начала сбрасывать высоту.

...Огромный дракон, вытянувшийся во всю свою длину, лежал на поляне и, философски положив голову, украшенную шипами и гребнями, на чудовищные лапы, тоскливо смотрел куда-то в глубь яблоневого леса.

— Какой красавчик! — выдохнула моя протее, издавая при этом какой-то курлычащий звук.

— А ты что думала, я тебя обманываю?

Дракониха элегантно легла на крыло и начала делать круг над поляной. Мой желудок комом подскочил к горлу, и противно заныло под ложечкой.

— Эй!! — заорал я, преодолевая дурноту и изо всех сил стараясь не выпасть из своего импровизированного седла. — А вот и мы! Ты рад?

Дракон рывком поднял голову вверх, крылья его распахнулись, как автоматический зонтик.

— Видишь, как радуется?! — прокомментировал я его движение.

Дракониха, не ответив, мягко приземлилась на поляну. Понимая, что присутствовать при близком знакомстве двух бездуховных сгустков энергии — вещь крайне небезопасная, а моя хлопотная роль свахи уже выполнена, я кубарем скатился на-земь со спины невесты. Крикнув жениху что-то вроде: «Ну вы тут пока поговорите, а я сейчас!», я стремглав бросился в заросли терновника, на мое несчастье, бывшего ближайшим укрытием. Вопреки тягостным ожиданиям, струи огня мне в спину не последовало. Драконы стояли друг напротив друга, издавая какие-то нежные нечленораздельные звуки, положив свои ужасающие морды на спины друг другу.

Внезапно, не сговариваясь, они взмыли в небо и начали носиться над островом, выделявая умопомрачительные фигуры высшего пилотажа, все более удаляясь от поляны, пока наконец не скрылись из виду.

— Так, с этими все понятно, — пробормотал я себе под нос. — Пора осенних перелетов. А я-то как отсюда выбираться буду? Одна надежда, что Мавр где-то здесь поблизости.

Я стал озираться вокруг в поисках своего коня. Вопреки обещаниям, его нигде не было.

— Хорошо, подождем, — стараясь настроить себя на оптимистичный лад, громко сказал я. — Обследуем пока этот грот.

Ничего нового в нем я увидеть не ожидал. Насколько я помнил изображение в камнях Оберона, там должен был находиться мерцающий саркофаг с седобородым старцем. Сорвав по дороге красное яблоко и смачно грызя его, я направился к входу в пещеру. И тут же почувствовал, как неодолимая сила буквально втягивает меня туда.

— Вот только этого мне не хватало! — безуспешно упираясь ногами в землю, процедил я сквозь зубы, хватаясь за меч.

Кольцо на моей руке буквально пылало, озаряя все вокруг себя багряным светом. Через считанные секунды я оказался в двух шагах от саркофага. Я не успел ничего сообразить, как моя правая рука, все еще сжимавшая недоеденное яблоко, сама собой поднялась, и из перстня вырвался красновато-золотистый луч, ударивший в хрустальную крышку гробницы, под которой покоился неизвестный старик. Раздался громкий хлопок, и большущая плита горного хрусталя, еще секунду назад переливавшаяся подобно огромному бриллианту, рассыпалась в пыль.

— Что, уже пора? — раздался сильный и глубокий голос.

Волосы на затылке у меня зашевелились от ужаса — только что спокойно лежавший в своем гробу старик привстал и пронзительными зелеными глазами уставился на меня. Я не нашелся, что ответить, так и застыв с мечом в одной руке и огрызком яблока в другой.

— Пора, Мерлин. Тебе пришло время возвращаться в мир, — услышал я за спиной знакомый скрипучий голос...

— Вивиана! Девочка моя! Как я рад вновь видеть тебя! — дряхлый старик с необычайной юно-

шеской легкостью соскочил со своего ложа и двинулся навстречу колдунье из Кэер Урмарка.

— Мерлин, любовь моя... — она заспешила ему навстречу.

Я во все глаза смотрел на этих двоих, недоумевая, что происходит. Буквально шаг за шагом они скидывали десятилетия, а то и века. Когда их руки соприкоснулись, Мерлин выглядел зрелым мужчиной немного старше моего, а Вивиана — той самой милой девочкой, с которой тщетно заигрывал мой друг Кристиан де Монгийе... Такими, какими застигла их любовь. Целую вечность они стояли, глядя друг другу в глаза...

Я тихонько кашлянул, неловко переминаясь с ноги на ногу.

— Вы не против, если я вас покину? Меня тут где-то должен разыскивать мой конь... — оправдываясь, я бочком двинулся к выходу.

— Простите нас, славный рыцарь, мы так давно не видели друг друга, что совсем о вас позабыли, — светло улыбаясь мне, промолвила Вивиана.

— Мы очень благодарны вам за вашу помощь, — добавил величайший из известных мне магов, также сияя счастливой улыбкой.

— Да не за что, право же, — я смущенно пожал плечами. — Вот перстень ваш... — Попытался я стянуть с пальца рубиновое кольцо, но перстень, который всегда был немного великоват, вцепился в меня мертвой хваткой.

— Ну что вы! — улыбнулся Мерлин. — Это ваш перстень.

Эта новость потрясла меня едва ли не более, чем его воскрешение из мертвых.

— Ступайте, сэр Вальдар. Ваши друзья и так вас сильно заждались. Мы очень скоро встретимся с вами. А пока... позвольте нам немного побыть вдвоем на Авалоне, — произнесла красавица Вивиана.

— Да-да, конечно... — я вышел из грота. «У всех

бурлит личная жизнь, один я как-то ни при чем...» — предаваясь этим грустным размышлениям, я шагнул под сень яблонь...

Сильный порыв сырого холодного ветра попытался сорвать с меня обрывки моего плаща. Стояла глубокая ночь. Я со смешанным чувством тоски, досады и раздражения огляделся вокруг, гадая, что же на этот раз свалится на мою несчастную голову. Ничего не происходило. Было просто холодно, сыро и очень неуютно.

— Лис вызывает Капитана! Лис вызывает Капитана! — вздрогнув от неожиданности, услышал я в своем мозгу. — Капитан, ответьте Лису! Лис вызывает Капитана!..

Глава тридцатая

Если вы держите слона за заднюю ногу и он вырывается, лучше всего отпустить его.

Джордж Вашингтон

Наконец-то я был дома!

— Да, Лис! Слышу тебя хорошо! Ты где?! — радостно заорал я.

Маяк замолк. Воцарилось долгое молчание.

— Не понял... Кто это? — последовала странная реакция на мое радостное приветствие.

— Кто, кто... Папа римский!

— Какой еще папа римский? Капитан, это что, ты? — заикаясь от волнения, прошептал Лис.

— А кого еще ты ожидал услышать? — начиная потихоньку раздражаться, ответил я.

— Так ты жив, мерзавец? И где ты все это время шляется? Куда пропал? Мы его ищем, с ног сбились, Бедфорд тут, понимаешь, со своими костоломами чуть всю Англию в мелкий винегрет не искрошил, а он где-то прохлаждается! — обрушил на меня всю меру своего праведного гнева заботливый напарник.

— Вот насчет «прохлаждаешься», это ты прав. Я к тому же еще и промокаю, и простужаюсь, — наставительно отозвался я. — Да и чего ты, собственно, разорался? Первый раз, что ли? Сколько меня не было — сутки, двое? Тоже мне повод для всенародной скорби.

Лис, кажется, поперхнулся:

— Пару дней?!! Ты что, бахнул? Ты где находишься, в пустыне Гоби? Вокруг тебя какая-нибудь растительность есть?

— Сейчас попробую разглядеть... С этим дождем ничего не понять. А в чем, собственно, дело? — я огляделся вокруг повнимательнее. Неподалеку от меня чернел лес. Где-то вдали мелькали какие-то огоньки. В душу начали закрадываться какие-то нехорошие подозрения. Если отбросить версию об изменении климата, то нынешняя погода мало соответствовала началу сентября.

— Лис, будь добр, поясни, пожалуйста, в чем, собственно, дело? — осторожно попросил я.

— Объясняю. Тебя не было семь с небольшим месяцев. И сейчас у нас середина апреля тысяча двухсотого года от Рождества Христова. Усек? А теперь скажи, что ты всего этого не знаешь, — нервно заключил Сережа.

— Не знаю, — честно признался я. — Ладно. Ты где находишься?

— В военном лагере у стен Венджерси. Капитан, ты что, серьезно ничего не помнишь? У тебя амнезия, да? — как-то тоскливо отозвался он.

— Если бы... В общем, тут надо долго разговаривать. Я сейчас уточню свои координаты, — вызывая Базу, ответил я. — База «Европа-Центр», я «Джокер-1», ответьте «Джокеру-1».

— Ой, Капитан, ты жив?! — радостный девичий взвизг едва не оглушил меня. — Как мы рады! А у нас тут говорили, что ты из-за несчастной любви утопился!

Пока я молча переживал эту новость, Лис, вновь становясь самим собой, поспешил выдать свою версию происшедшего:

— Ага! Он от несчастной любви к верховой езде повесился в овраге!

«Господи! — с умилением подумал я. — Как я по нему соскучился!»

— «Джoker-2», не мешайте связи! — сухо отбрила шутника дежурная. — Говори, Капитан! Расскажи, где ты был?

— Солнце мое, я тут стою мокрый и продрогший, и мне смерть как хочется погреться у какого-нибудь огня. Давай отложим повесть о моих странствиях на более удобное время. А пока дай мне, пожалуйста, мои координаты и маршрут следования к замку Венджерси.

Послышалось шелканье нажимаемых кнопок, и удивленный девичий голос обиженно произнес:

— Эй, «Джokerы»! Вы там что, в игры играете? Между вами расстояние меньше полумили.

— Вот спасибо, радость моя! Век помнить буду! Спасла от верной смерти! — радостно воскликнул я и, не дав девушке развить эту тему, добавил: — Все! Целую! До связи!

— Капитан, даю звуковой маяк. Через двадцать минут жду тебя в палатке с ужином. Небось проголодался-то за семь месяцев? — пошутил Лис. Что ж, он был недалеко от истины — за время моего отсутствия я ел всего два раза. Меся ногами добротную британскую грязь, я побрел в направлении огоньков, смутно маячивших вдали. «Да уж, в такую погоду хорошая собака хозяина из дому не вытащит», — бурчал я, в очередной раз пытаюсь извлечь затонувший сапог из рывины, предательски заполненной водой.

— Стой, кто идет! Отзовись! — наконец услышал я окрик часового.

— Вальдар Камдил, сьер де Камварон, к Рейнару д'Орбиньяку! — покачиваясь, отрапортовал я.

— Кто?! А ну стой! Что за шуточки? — часовой с перепугу направил на меня копье.

— Да Камдил это, Камдил, — успокаивающе произнес Лис, выступая из темноты мне навстречу.

— Так он же ж... того... помер... — ошарашенно прошептал стражник, делая шаг назад.

— Как же, дождешься от него! — заключая меня в объятия и что есть силы колотя меня по спине, высказался Лис. — Живой, чертяка!! Ладно, пошли, рассказывай!

— Помнится, ты грозился мне ужином, — шагая рядом с Рейнаром, прозрачно намекнул я ему. Мы углубились на территорию военного лагеря, то и дело окликаемые часовыми. Судя по его протяженности и количеству костров и палаток, тут собралась большая часть вооруженных сил Англии.

— А, собственно говоря, что тут происходит? — поинтересовался я.

— А, собственно говоря, где ты был все это время? — в тон мне резонно спросил Лис.

— Послушай, Сережа. Это долгая история, одна из тех, которую не рассказывают до еды. Я тебе обязательно все объясню, но позже. Поведай лучше мне, чем вы тут занимались в мое отсутствие?

Мой напарник как-то неопределенно хмыкнул:

— Пьянством и дебошем.

— Ладно, давай по порядку.

— По порядку, по порядку. Скачем мы себе, скачем, как обычно, никого не трогаем... И вдруг ты этакой щучкой в овраг — шандарах! Ну, мы, естественно, подъехали посмотреть, что ж там такого интересного доблестный рыцарь Вальдар Камдил обнаружил?

— И что? — задал я риторический вопрос.

— А ничего! — д'Орбиньяк широко развел руками. — Меч толедской работы! И никаких при-

знаков вышеупомянутого доблестного рыцаря. Мы, понятное дело, законно изумились и попытались у твоей свиты порасспросить, куда это ты запропастился, но они как-то на удивление быстро поспешили откланяться.

Я задумчиво покачал головой:

— Я их в чем-то понимаю...

— Ну так вот, — продолжил он. — Сестрица твоя весь овраг разве что через сито не просеяла. Попыталась заставить свой отряд перекопать все вокруг, насилие ее удержал. Я-то, признаться, думал, что они тебя все-таки прихватили. Потому как ежели б ты дуба дал, то на канале связи хотя бы фон был, а так — ничего, полное молчание. — Лис выразительно посмотрел на меня, видимо, ожидая комментариев. Я молчал. Сережа пожал плечами.

— Тогда я предположил, что прибор у тебя слетел при падении. Но его тоже нигде не было видно. В общем, полный мрак.

— Ну и что вы предприняли? — заинтересовался я.

— Меркадье предложил королю Джону обменять тебя на всех рыцарей, взятых им в плен при Гастингсе. Но тот отказался. Тогда твоя доблестная сестричка тайком от нас пробралась в Лондон и взяла в плен лорда-мэра.

Глаза мои округлились:

— Как ей это удалось?

— Очень просто — она переоделась в женское платье. Такого трюка от нее не ожидал никто.

Я понимающе улыбнулся.

— А что случилось с лордом-мэром?

— Да ничего! Инельга изрядно попортила ему нервы, выяснила, что тот знает не больше нашего, надавала пинков и отпустила.

Наконец мы достигли богатого шатра, над которым развевалось знамя с золотой лисицей в зелени и летящей над ней серебряной стрелой.

— Ты тут важная птица, я смотрю! — заметил я, заходя вовнутрь и осматриваясь.

— А ты как думал! — гордо выпятил грудь Рейнар. Мой друг не обманул меня: в шатре меня ждал теплый кров и сытный ужин.

— Что же было дальше? — спросил я, грызя гусиную ногу и наслаждаясь теплом и покоем.

— А дальше... — Лис задумался. — Дальше — больше. Обозленный твоей пропажей, Росс разбил войска короля Джона при Ковентри. Соревнуясь с ним, Меркадье штурмом взял Кентербери и Кларендон. Армия Солсбери угрожала королю с севера, Малыш Эд жал с юга, мы с твоей сестричкой буянили посредине.

Я хитро посмотрел на Рейнара.

— У вас с Инельгердис, я так понимаю, установились теплые дружеские отношения?

Тот помрачнел.

— Ты угадал — именно что теплые и дружеские. «И кроме мордобития — никаких чудес», — грустно процитировал он. — Не везет мне с личной жизнью! Эх! Ладно, рассказываю дальше... Потом в Лондоне вспыхнуло восстание. Оказывается, наш друг Шейтмур...

— Друг?! — поежился я.

— Да! — восторженно воскликнул Лис. — Он оказался замечательным парнем! Так вот, прежде чем главарям мятежников головы поснимать, он вызнал у них все явки и пароли, а потом в нужный момент по старым адресам сигнал к восстанию и запустил. Это было в марте. Зимой, как ты сам понимаешь, было объявлено «снежное перемирие». Собаки злые пусть по такому морозу воюют!

— А скажи мне, — спросил я. — Как получилось, что Шейтмур со своими людьми все это время отсиживался в Тауэре?

— Это он тебе сам расскажет, — отмахнулся Лис. — Весьма забавная история. Классический пример того, что называется «брать на голый

понт». Слушай дальше! В общем, король Иоанн стал в полной мере оправдывать свою погромаху «Безземельный». Из владений у него осталось десяток огородов вокруг Венджерси.

— Жаль беднягу... — задумчиво протянул я. — Из всех известных мне здешних монархов этот, в общем-то, самый толковый.

— Но ты еще в принципе ничего не потерял. Неделью назад объединенная армия Солсбери, Меркадье и Честера стала лагерем вокруг последней резиденции английского короля, и теперь все грызутся между собой на тему, что делать дальше. А если прибавить сюда вождей классом поменьше, то получается полный дурдом, — грустно подытожил Лис. — Так что сходи к ним, объяви — пусть расходятся по домам. А я посмотрю, что они с тобой сделают.

Я возмутился:

— Нет, этот вариант можешь использовать сам. Лучше расскажи мне, какие мнения бытуют среди командного состава насчет кандидатуры на английский престол?

— Все как обычно. — Рейнар стал загибать пальцы. — Солсбери кричит: «Артура Бретонского на царство!» Дескать, любимец покойного Ричарда, прямой Плантагенет и весь в дядюшку.

Я ужаснулся. Второго подряд короля-рыцаря Англия бы не выдержала.

— Граф Аронделл, есть у нас такой, поет о том, что хорошо бы породниться с государем-императором.

— Лейтонбургом, что ли?

— Капитан, у тебя действительно плохо с памятью. В этом мире император пока один.

— Мир един, — автоматически поправил я Лиса. Тот подозрительно посмотрел на меня, но никак не прокомментировал мою реплику.

— Присмотреться бы к этому самому графу, —

высказал я мысль вслух. — Наверняка кто-то дал ему слова этих песен. Дальше?

— Шамберг, то есть Честер, — поправился мой друг, — тот совсем с ума сошел. Говорит, хрен ли нам эти Плантагенеты, давайте соберем великий Курултай¹ и изберем короля прямым тайным голосованием. Тоже мне демократ нашелся...

— А что Малыш Эд?

— Меркадье стоит на умеренно-диктаторских позициях.

— То есть?

— Говорит, что от добра добра не ищут, и никакой гарантии, что свежеизбранный король будет лучше этого полузаконного, нет. А прецедент смещения здравствующих монархов уже будет, — д'Орбиньяк выжидательно посмотрел на меня.

— Растет мальчик. Мудреет на глазах, — порадовался я за Меркадье, понимая, что в его лице приобретаю сильного союзника.

— В этом ты прав, — произнес Лис. — Он предлагает создать при короле что-то вроде контрольно-ревизионной комиссии, которая будет вершить суд скорый и справедливый на основании признанного монархом закона.

— Умно. Одобряю, — вынес я вердикт, вставая из-за стола.

Ужин, которым столь любезно угостил меня Сережа, изрядно подкрепил мои силы, и я, пожалуй, был готов к новым баталиям. Словесным, уж во всяком случае.

За тонкой стенкой шатра завывал ветер, негромко барабанили капли дождя, напоминая о времени, которое всякий добрый человек должен посвятить сну. Где-то невдалеке раздавались равномерно чавкающие шаги часовых, доносился визг пил и стук молотков. Судя по всему, в лагере

¹ Курултай — верховный совет старейшин, орган управления в Монголии.

готовились к штурму. Обычно такая столярно-плотницкая активность наблюдалась именно в эти часы. Лестницы, туры на колесах¹, тараны — всего не перечесать.

— Намечается большой сабантуй? — спросил я, прислушиваясь ко всем этим звукам.

— Ага, думаю, сегодня утром начнем, — устало отозвался Сережа. — Последний бой — он трудный самый.

Полог палатки откинулся, и в проеме показался оруженосец с гербом графа Честера.

— Сэр, его сиятельство просит вас прибыть к нему. Он желал бы наметить позиции для лучников на завтрашний день.

— Ладно, пойду Росса обрадую, — хлопая меня по плечу, Лис вышел из шатра. Я остался в одиночестве, намереваясь немного вздремнуть перед неминуемым военным советом. Удобно устроившись на лежанке и закрыв глаза, я начал обдумывать свою грядущую пламенную речь.

— Я не побеспокою вас, Вальдар? — раздался над самым моим ухом ласковый женский голос, забыть который не мог никто, раз его слышавший. Я вскочил с лежанки как ошпаренный. Передо мной в одежде маркитантки с какой-то корзиной в руке стояла леди Джейн. Лицо ее было устало и озабоченно, однако выражение величавой самоотверженности делало ее поразительно прекрасной.

— Маркиза? — склонился я в нижайшем поклоне. — То есть простите, Ваше Величество...

— Вы напрасно иронизируете. Я действительно королева Англии, — леди Джейн гордо вскинула голову.

— Ну конечно, кто же может с этим спорить! — глядя в упор на нежданную гостью, произнес я. —

¹ Туры на колесах — штурмовые башни.

Именно поэтому никак не ожидал встретить вас здесь. Вы враждуете с собственным супругом?

— Нет, увы. Я вражду с теми, кого совсем недавно горда была называть собственными друзьями. — Лицо ее было абсолютно серьезно и необыкновенно печально. И то, как были произнесены эти слова, заставило меня проглотить все сарказмы и колкости, готовые слететь с моего языка.

— И что же вы делаете здесь?

— Я пришла для того, чтобы прекратить эту бессмысленную распрю.

— Вы думаете, после того, что вы совершили в Нейвуре, с вами кто-нибудь станет разговаривать? — с интересом спросил я.

— Никто, — спокойно ответила королева. — Кроме вас. Когда мой человек, следивший за господином д'Орбиньяком, прибежал ко мне и сообщил, что вы прибыли в лагерь, я решила, что это перст судьбы и поспешила сюда, чтобы постараться объяснить то, что вам обязательно следует знать. Я уже как-то пыталась сделать это в замке отца, но вы не пришли... Кстати, отец просил передать вам привет.

Моя бровь удивленно поползла вверх.

— Джон Нейвур жив?

— Благодарение Богу, он выжил тогда и находится в Венджерси. Хотя, по-моему, с удовольствием стоял бы со своим отрядом под его стенами. Но у нас мало времени. Вальдар! — Леди Джейн взяла меня за руку. — Послушайте меня. Для того, чтобы все было понятно, я должна вернуться на девять лет назад. Когда мне исполнилось шестнадцать лет, наш астролог составил мне гороскоп. Он был обширен, и я не стану подробно рассказывать о нем. Главное в этом предсказании было то, что у меня будет один-единственный ребенок, который может быть зачат лишь в определенный день, и, что уж самое невероятное, он станет королем Анг-

лии. Вначале я не приняла всерьез предсказания нашего старого астролога... Но когда все предыдущие события, указанные в гороскопе, начали происходить одно за другим, я не могла не задуматься над этим, — королева, казалось, была глубоко взволнована. Я слушал затаив дыхание.

— Одно из предсказаний гласило, что мой супруг, возвращаясь из Святой Земли, попадет в плен и погибнет как раз в тот день, который означен днем зачатия моего ребенка...

— И вы отправились вызволять своего супруга из плена... — закончил я фразу леди Джейн. Она утвердительно кивнула.

— Да. Остальное вам известно. Это ваш сын, мой друг, — светло усмехнулась она. И добавила: — И я счастлива, что это именно ваш ребенок. Если я когда-либо и любила мужчину, то это были вы.

— А принц Джон? — пораженный этим признанием, невпопад ляпнул я. Леди Джейн непонимающе посмотрела на меня.

— Принц Джон должен был занять трон после смерти своего брата, о которой я тоже знала из предсказания... Платой за его трон была моя корона.

— И вы не жалеете ни о чем? — тронутый ее искренностью, спросил я. В глазах прекрасной королевы на мгновение что-то промелькнуло, но тут же лицо ее приняло холодное и гордое выражение.

— Это касается только меня. Пока вас не было, мне удавалось держать Джона в неведении относительно его отцовства. Но после того, как он увидел вас... Вы сами имели случай убедиться, что Эдуард — точная ваша копия.

При упоминании о сыне у меня болезненно заныло сердце. Господи, я совсем не знаю его!

— Дженни, как ты могла... — простонал я, обхватывая голову руками.

— Пойми, дорогой, — глядя меня ладонью по

щеке, произнесла Джейн. — Я делала то, что должна была делать. Эд должен стать королем. А для этого король Джон должен признать его своим законным наследником.

— И плата за это?..

— Англия, — просто ответила она. — Джон должен оставаться законным властелином Англии. Да ты и сам понимаешь, что более умного правителя для страны не сыскать. А уж среди тех, кого предлагают бароны, их нет и в помине.

В этом она была, безусловно, права.

— Хорошо, я попробую, — твердо ответил ей я.

— Я знаю, у тебя получится, — с надеждой глядя на меня, отвечала прекрасная королева. — В предсказании было сказано, что отец моего ребенка начнет и закончит эту войну. И... пожалуйста, прости меня за все! — Она обвила мою шею руками и порывисто поцеловала меня.

— Что это? — услышал я за спиной тихий обескураженный голос. Леди Джейн мгновенно отпрянула, покрывшись смертельной бледностью. У входа в палатку стояла Лаура-Катарина...

— Вы?! — увидев ее, ошеломленно выдохнула девушка. — Как? Опять вы?.. Вальдар... — Страдальчески наморщив лоб, она начала пятиться назад. — Я так ждала! Ненавижу! — Топнув ногой, она развернулась и опрометью кинулась вон.

— Постой! Лаура, я люблю тебя! — закричал я, бросаясь вслед.

— Не смей преследовать меня! Я тебя ненавижу! — донесся из темноты плачущий голос принцессы. Рывком откинув полог, я выскочил из шатра, и тут же в волоске над моей головой свистнул тяжелый метательный нож, вонзившийся в палаточный шест.

— Ни шагу дальше! Я убью вас, — взвешивая в руке еще один кинжал, на ломаном испанском прошипела Присцилла Харибда. Я замер от неожиданности, упустив драгоценный момент. Не

знаю уж, что именно удержало руку верной телохранительницы арагонской принцессы... Судя по ее лицу, вонзить в меня нож было ее самым жгучим желанием. В этот момент из-за палатки вырлился радостный Лис, сопровождаемый не менее радостным Россом. Увидев Присциллу, готовую метнуть в меня смертоносное оружие, он резко затормозил.

— Эй, что тут у вас происходит? — переводя взгляд с разъяренной саражинки на меня и на кинжал, торчащий надо мной, недоумевающе спросил он.

— Не двигайтесь с места! Прикончу обоих! — Арабка начала медленно отступать подальше от костра, освещавшего вход в палатку.

— Присцилла! Ты с ума сошла? — крикнул Рейнар. Вместо ответа из темноты донесся пронзительный свист, а вслед за ним — ржание и топот копыт.

Мы, некоторое время остолбенев, стояли, глядя во тьму. Первым нарушил молчание Лис.

— Так, радостной встречи не получилось. Росс, извини, подожди нас у Невилла, мы сейчас туда подойдем.

Граф Честер понимающе кивнул и, сочувственно взглянув на меня, удалился. Сережа осторожно взял меня за руку, выводя из состояния ступора, и повел в шатер.

— Капитан, что произошло? Ты уже успел чем-то обидеть принцессу? Я правильно понял или ты нахамил самой Прыське? — входя в свои апартаменты, произнес Лис, в шутливом ужасе округляя глаза. Да так и замер, забыв придать им первоначальную форму.

— Та-а-ак. Кажется, я понимаю, почему тут летают ножи, — протянул Лис, нехорошо оглядывая незваную гостью. — Сударыня, чем обязан неслышанной чести видеть вас в своем шатре?

Леди Джейн невозмутимо хранила молчание.

— Она парламентар, — пояснил я.

— Парламентару надлежит с белым флагом прибыть к командующему армией, а не красться в чужом наряде, как тать в ночи, — жестко произнес он.

— Лис, — перебил я своего напарника. — Она парламентар. И сейчас возвращается в Венджерси. Будь добр, проследи, чтобы по пути с королевой ничего не случилось. Поверь мне, так надо, — тихо произнес я, пристально глядя в глаза Сереже.

Рейнар стойко выдержал мой взгляд.

— Я надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Хорошо еще, что Росс сюда не приперся, — хмуро буркнул он. — Мадам, следуйте за мной!

— Мне очень жаль, Вальдар, что так случилось. Я еще многое должна вам сказать. Надеюсь, мы увидимся завтра. — Она грустно посмотрела на меня, затем, повернувшись к Рейнару, бросила: — Пойдемте, сударь. Вверяю себя вам.

В очередной раз за сегодняшнюю ночь полог палатки резко отлетел в сторону... Вечер приятных встреч продолжался.

— Как ты смел?! — Бешеной фурией с развевающимися волосами в шатер влетела Инельгердис, сжимающая в руках меч. — Что ты сказал моей подруге! Да я тебя!.. — Моя сестра осеклась, замечая новый объект для своей ярости. — А-а, королева!

И без дальнейших рассуждений валькирия бросилась карать виновницу всех несчастий. Я решительно перехватил ее руку и крутанул так, что меч, зазвенев, отлетел в сторону.

— Не смей, сумасшедшая!

— Да кто ты такой, чтобы мне указывать! — Лицо Инельги гневно пылало, в глазах ее стояли непролитые слезы. Но, судя по холодному блеску глаз Джейн и движению ее руки к корзине, неизвестно, чью жизнь я сейчас спас...

— Я твой старший брат и делаю так, как

надо! — прикрикнул я на девушку. — Все! Рейнар, иди скорей.

Леди Джейн, сопровождаемая мрачным как туча д'Орбиньяком, наконец-то покинула шатер. Я обернулся к сестре.

— Ты что, рехнулась?

— Так ты не любишь Лауру? — каким-то бесцветным голосом произнесла она.

— Люблю, — ответил я.

— А эта?..

— Она пришла предложить мир с королем Джоном на тех условиях, которые мы продиктуем.

Инельга долго молчала, вперив взгляд в пол. Потом, отодвигая меня в сторону и шагнув к выходу, медленно произнесла:

— Ты очень умен, мой старший брат. Но все-таки ты беспросветный дурак. Пропусти меня, я не хочу тебя сейчас видеть!

Не глядя на меня, она решительно вышла вон. Я вновь остался один. Минут через пятнадцать появившийся Лис вывел меня из состояния сонного оцепенения, в котором я находился.

— Ну, архистратег, рассказывай, что ты там надумал?

— Жизнь, Сережа, крайне сложная штука...

— Так, уже хорошо. Дельная мысль. Пойти передать ее Солсбери или еще какие-нибудь предложения будут?

Волевым усилием мысленно взяв себя за шкуру и основательно встряхнув обмякшее тулово, я ответил с неожиданной резкостью:

— Будут. Сейчас мы с тобой сочиним Великую Хартию Вольностей. Бери перо, садись и пиши. Я вызываю Базу.

Мое появление на военном совете вызвало приступ бурной радости среди собравшихся, однако, когда в своей пламенной речи я поддержал позицию Меркадье, присутствовавшие здесь военачальники разом зашумели, выражая свое него-

дование. Перекрывая шум возмущенных голосов, Лис вышел на середину и начал зачитывать, как он выразился, «наши черновые заметки».

— «...Во-первых, дали перед Богом свое согласие и настоящей хартией нашей подтвердили за нас и наследников наших на вечные времена...»

Бароны внимательно слушали слова Рейнара о свободе церкви, о правах наследников и вдов, бурно реагируя на записанные в хартии свободы и древние обычаи.

«...Никто не должен быть принуждаем к несению большей службы за свой рыцарский лен или за другое держание, чем та, какая следует с него».

Этот пункт был встречен гулом одобрения. Впрочем, как и многие другие: «Ни мы, ни наши чиновники не будем брать лес для наших укреплений или для других надобностей иначе, как с согласия самого того, кому этот лес принадлежит». И далее, далее по тексту. Когда Лис наконец окончил читать, в шатре воцарилось молчание.

— Черт возьми! — выругался хмурый Солсбери, которому наша затея пришлась явно не по вкусу. — Этот документ составлен очень складно, но его может подписать и более достойный король, чем этот трусливый заяц, засевший в замке своей жены и не решающийся принять решительный бой!

Замечание, без сомнения, было метким. Я приготовился выдержать долгий спор, но тут в самом центре штабной палатки что-то заискрило, и спустя мгновение в расступившемся круге рыцарей возник внушительного вида старец с длинной седой бородой и в сияющих одеждах.

— Ты прав, Уильям Солсбери, — без всякого приветствия произнес он, — эту хартию может подписать любой. Но подпишет ее король Англии Джон Плантагенет.

— Позвольте вам представить, милорды, — об-

ратился я к изумленно застывшим баронам. — Величайший маг Англии Мерлин.

— Вот только этого нам тут сейчас не хватало! — внятно произнес сидевший дотоле молча граф Шейтмур.

ЭПИЛОГ

Копайте глубже!

Шлиман

— Это было проще простого, — отвечал мне Джордж Уолрен, когда я, движимый вполне законным любопытством, попросил его рассказать о своих тауэрских приключениях. Мы с Лисом и графом Шейтмуром стояли у замаскированного лаза, через который вчера выбралась из замка леди Джейн, и вновь ожидали ее появления.

— Когда принц Джон... тогда еще принц, подошел под стены Лондона, я выслал ему навстречу торжественную процессию с ключами от города и любезно пригласил к себе в Тауэр. После того как мы встретились, я поведал Его Высочеству историю трогательной любви его отца к некой Мари де Вердамон, а также о фатальных для него последствиях этой связи, освященной церковью. Я продемонстрировал ему копию записи в церковной книге и сообщил ему о том, что законный наследник английского престола Готье де Вердамон находится в одном из моих замков и будет препровожден в лагерь Солсбери со всеми надлежащими документами, если вдруг со мною что-либо случится.

— И он вам поверил?

— У него не было желания проверять, говорю ли я правду или лгу. А кроме того, кому еще в Англии можно верить, как не лорду-канцлеру Пурпурной палаты? — усмехнулся граф. — Однако где

же королева? — зябко кутаясь в плащ, заметил он. — Она заставляет себя ждать.

Королева действительно опаздывала... Сегодня утром, когда я с отрешенным видом валялся на ложе в лисовской палатке, тупо созерцая потолок и мысленно прикидывая, сколько времени займет дорога до Арагона, в оккупированные мной апартаменты ввалился хозяин. Скептически обзрев мрачную картину перед его взглядом, он изрек:

— О поле, поле! Кто тебя усеял мертвыми костями? Кстати, Капитан, если тебе интересно, Виконт передавал привет.

Я меланхолично кивнул.

— Он здесь?

— А где же ему быть? — искренне изумился Рейнар. — Мальчик в свите брата Эммерика, командора здешних тамплиеров, присутствует на историческом событии. Ты б тоже сходил, развеялся, все лучше, чем тут валяться.

— Не хочу, — вяло произнес я.

— Ну тогда поезжай покатайся.

— Так у меня и коня-то нет.

— Как это нет? А Мавр, по-твоему, кто, лебедь белая?

— Мавр? Он что, в лагере?

— В лагере, в лагере. Из Франции я его как положено привез, а дальше он путешествовал вместе с армией. А месяца два назад, представляешь, шельмец, куда-то пропал, мы его уже, считай, похоронили, ан нет, неделю назад возвращается целехонек как ни в чем не бывало.

— Вернулся? — переспросил я, слегка подымаясь на локте. — Что ж, это славно.

— Да что ты такой хмурый? — обеспокоился Лис. — Вчера такой был бодренький, быстро всех к одному знаменателю привел! Нет, этот твой фокус с материализацией Мерлина — просто класс! Они до сих пор все глазами хлопают.

— Да не мой это фокус, Сережа. Мерлин насто-

ящий, к тому же... — попробовал я было возразить, но Лис, многозначительно на меня поглядывая, перебил:

— Да кто ж тебе поверит! Ладно, не хочешь рассказывать, не надо.

Я вновь обессиленно откинулся на лежанку.

— Давай, Капитан! Приди в себя. Я к тебе, в общем-то, по делу.

— Господи, опять дела! Сколько можно? Дай мне выспаться! — Я отвернулся от своего заботливого друга.

— Мы тут с Шейтмуром, — не обращая никакого внимания на мои реплики, продолжал Лис, — решили немного покопаться в закромах родины. Покуда благородное общество на лугу перед замком вершит судьбу страны, у нас как раз есть паратройка часов.

— Ну копайся, я-то тебе зачем? — раздраженно отозвался я.

— Капитан, ты после своего возвращения какой-то отмороженный. Ну, во-первых, если ты помнишь, где-то здесь хранятся те самые посох и свиток, за которыми гоняется Оттон. Думаю, нам до них стоит добраться раньше.

— Допустим. Дальше?

— Пожалуйста! Дальше: созданной тобой вчера конституционной монархии, как прообразу самого совершенного в мире государства, позарез нужно финансовое могущество.

— Не лишено логики.

— Ну и в-третьих, — торжествующе заявил Лис. — Ни с кем, кроме тебя, королева Джейн разговаривать не станет. А разбирать замок на виду у возмущенной публики нам с Уолреном как-то не с руки. Хорошо бы еще и Мерлина с собой взять... Куда ты его спрятал?

— Лис, я его никуда не прятал, — подымаясь с ложа, устало объяснил я своему другу. — Он сам

по себе Мерлин. Если будет нужно — не сомневайся, он появится.

...И вот мы стояли у входа в лаз и уже минут сорок ожидали появления королевы. Наконец в тоннеле замелькал огонек и послышались осторожные шаги.

— Прошу прощения, господа, — произнесла леди Джейн, появляясь. — Я не могла прийти, пока король не отправился на подписание Хартии.

Вслед за изящной фигуркой королевы из лаза показался крепыш Шаконтон, несший факел.

— О, мессир Вальдар, мессир Рейнар! Рад видеть вас, — Александер учтиво и с достоинством поклонился.

— Возмужал! — благосклонно оглядывая повзрослевшего оруженосца, заметил Лис.

— Идемте, господа, у нас мало времени, — заторопила нас леди Джейн. Мы начали спускаться за Шаконтоном, освещавшим путь, когда Лис, замыкавший шествие, внезапно издал невнятный страдальческий вопль и стал ожесточенно от кого-то отбиваться. Я уже почти наверняка знал, что происходит у входа в лаз...

— Это не по-товарищески! — Раздался возмущенный голос моей сестры. — Друзья так не поступают! Опять все интересное без меня!

— Лис, — обреченно крикнул я, — бери ее с собой, иначе все равно жизни не даст!

Леди Джейн оглянулась на меня:

— Я надеюсь, ваша родственница ни на кого не будет бросаться с мечом?

— Скорее всего нет. Хотя наверняка поручиться не берусь, — пожал я плечами. Нас нагнали запыхавшийся взъерошенный Лис и Инельга, намертво вцепившаяся в его плащ. Проплутав где-то около получаса в лабиринтах переходов, мы наконец оказались у стены с вмурованными в нее факельными кольцами.

Королева взяла у Шаконтонa один из факелов и попросила нас:

— Отойдите немного назад, господа.

Затем, вставив его в кольца, с силой потянула на себя. Две плиты у самых наших ног разъехались в стороны, открывая ведущую вниз каменную лестницу. Мы молча начали спускаться по ней, оставив Шаконтонa стеречь выход.

— Ну, что дальше? — спросил Шейтмур, оглядываясь на Лиса, когда мы очутились в сокровищнице.

Зрелище, представшее перед нашими очами, могло свести с ума любого. Тайник Венджерси напоминал пещеру Аладдина. Хранившиеся в нем груды золота, драгоценных камней, чеканных кубков, церковной утвари и многого другого можно было измерять центнерами. Лис достал из-за пазухи кожаный кругляш, с которым не расставался со времени его получения в лавке трифельского менялы.

— Держи. Если это ключ, как ты говоришь, пользуйся, — протянул он медальон Уолрену. — Осталось найти замочную скважину.

— Не сомневайся, — обнадежил его Шейтмур. — Найдем.

Он взял в руки зашифрованный «ключ» и стал внимательно его разглядывать.

— Четырехлепестковая геральдическая роза, пронзенная стрелой, направленной вверх, — произнес он. — Ваше Величество, — обратился граф к леди Джейн, заинтересованно наблюдавшей за происходящим. — Если не ошибаюсь, это герб Венджерси?

— Вы правы, милорд.

— Скажите, а в этом зале есть что-нибудь, помеченное таким знаком?

Королева на секунду задумалась...

— Есть, — спокойно произнесла она. — Я, ка-

жется, видела тут статую Аполлона, держащего посох и свиток. На постаменте точно такой знак.

Аккуратно переступая через груды золота, мы прошли в самый конец сокровищницы. Указанная бронзовая статуя находилась здесь.

— Так, — продолжал канцлер Пурпурной палаты. — На лепестках розы начертаны руны...

— Руны? — сунулась к медальону любопытная Инельгердис. — Я знаю руны!

— Я их сам знаю, миледи, — почтительно отстраняя слегка обиженную девушку, значительно произнес граф. — Их всего четыре, но в разных комбинациях... Что ж, начнем с верхнего лепестка. РОТА, — прочитал он. — Хм, РОТА означает «роза». Вот она. Дальше... АТОР.

— А это еще что? — спросил я.

— АТОР? Это анаграмма¹. Расшифровывается она «Ave Totus optimus rex!» То есть «Славься Тот, лучший из царей!» — это один из тайных лозунгов магов. Однако к чему он здесь?

— Может быть, к этому? — Инельга показала на деления, окружавшие изображение розы на постаменте. — Здесь их ровно двадцать четыре. Это рунический циферблат. Вот видите, сверху руна Dagas? Она означает «день».

— Быть может... — задумчиво произнес Шейтмур. — На медальоне две змеи, поедающие друг друга, — одна белая, другая черная. Так, расставим руны по Футарху², и...

Мы с интересом следили за действиями первого криминалиста Британии. Джордж Уолрен взялся за сердцевину розы и легко повернул казавшийся неподвижным барельеф.

— Четыре... Семнадцать... Двадцать три... Пять... Раздался щелчок, и бронзовый свиток выпал из

¹ Анаграмма — надпись, читаемая по первым буквам.

² Футарх — рунический алфавит древних скандинавов.

левой руки Аполлона, распавшись пополам. Все ахнули.

— Пергамент, — констатировал Лис. Мы столпились вокруг и с интересом принялись рассматривать текст на свитке.

— Ничего не понимаю, — первым признался Шейтмур.

— И я тоже... — промолвил я.

— Стыдись, брат! — укоризненно обратилась ко мне сестра, ловко вытаскивая лист из рук Рейнара. — Это Коэлбрен, на котором написаны священные книги наших храмов. Я сейчас прочту... — помедлив минуту, она тихо произнесла: — Это стихи. Очень красивые...

— И откроются тайные храмы
Древних сил, покидающих мир,
Где разбросаны истины граммы
В лабиринтах наскальных рунир, —

начала нараспев читать Инельга.

— Где, сияя живыми свечами,
Источая себя в темноте,
Ясноглазые дети печали
Ищут путь среди разрушенных стен,
Где во власти нездешних наитий,
Под охраной крылатого льва,
Обрезая ненужные нити,
Три старухи плетут кружева.
И вплетаются в кружево сами...
Но Рагнарек еще впереди.
И рыдает живыми слезами
Сталь клинка на гранитной груди.

Она благоговейно замолчала, глядя на нас огромными испуганными глазами.

— Эти строки вам о чем-то говорят?.. — с трепетом прошептала девушка.

— Да! — сумрачно рявкнул Джордж Уолрен. — Что к делу они отношения не имеют! На третьем лепестке розы надпись ТАРО. Дайте сюда пергамент! — Выдернул он свиток из рук сбитой с толку воительницы.

Проделав над листом уже виденный нами прежде ритуал очищения, он начал читать:

— Сила, глупец, папа...

— Не понимаю, что за бред? — удивился Рейнар.

— Не мешайте. Это эмблемы древних жрецов египетских пирамид.

Закончив чтение торжественным:

— Смерть, дьявол, повешенный, — он ненадолго задумался. — Дальше рунами написано ТОРА. Как могут эмблемы карт Таро соотноситься с Торой? Ага! — Уолрен просиял. — Кажется, знаю. Через числовое соответствие! Давайте попробуем, что получится? Мем, Эйн, Нун... — вибрируя голосом, заговорил он.

Я во все глаза глядел на свиток и видел, как с каждой произносимой буквой на коричневом от времени листе пергамента проступают контуры замка на скале, парящего над волнами, и какого-то заковыристого плана...

— Мон... — Начал читать Шейтмур.

— Монсальват, — раздалось за нашими спинами. Все резко обернулись. В двух шагах от нас стоял Мерлин.

— Смотрите! — вскрикнула леди Джейн. — Статуя исчезла!

Действительно, постамент был пуст. Вернее, не совсем. На месте бронзовой скульптуры, сияя, висел в воздухе серебряный посох.

Литературно-художественное издание

Свержин Владимир Михайлович
КОЛЕСНИЧИЕ ФОРТУНЫ
Роман

Редактор *И. К. Пименова*
Художественный редактор *И. Г. Сауков*
Технические редакторы *Н. М. Носова, В. В. Шибаев*
Корректор *С. М. Жилова*

ЛР № 061309 от 17.06.92.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.02.97.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,8. Уч.-изд. л. 18,1.
Тираж 12 000 экз. Заказ 4140

ЗАО «Издательство «ЭКСМО»,
123298, Москва, ул. Народного Ополчения, 38.

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.





«АБСОЛЮТНАЯ МАГИЯ»

Самые интересные! Самые разнообразные! Самые запоминающиеся книги – это, конечно, фантастика! Но находятся писатели, богатому воображению которых тесно в традиционных рамках даже этого жанра. Их призвание – конструирование собственных миров. На Западе это направление именуется «фэнтези».

«Фэнтези», помноженная на русские литературные традиции, – это «Абсолютная магия». Кровавые разбойники и могущественные маги, знатные дамы и благородные рыцари, ожившие покойники и механические куклы – все они влюбляются и ненавидят, плетут заговоры и расставляют ловушки с помощью мечей и колдовства. На страницах «Абсолютной магии»: Ник Перумов, Генри Лайон Олди, Юрий Брайдер, Николай Чадович, Михаил Ахманов – эти мастера увлекут и порадуют своими книгами самого взыскательного читателя.

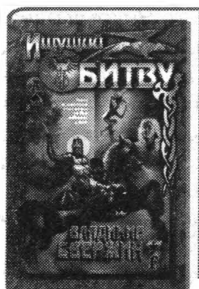
ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ
КНИГА — ПОЧТОЙ
ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ — НИЗКИЕ ЦЕНЫ



индекс: 421

«АБСОЛЮТНАЯ МАГИЯ»

В ЭТОЙ СЕРИИ ВЫХОДЯТ КНИГИ ТАКИХ АВТОРОВ, КАК:



**Г.Л.Олди, Н.Перумов,
М.Ахманов, Ю.Брайдер,
Н.Чадович, А.Дашков,
В.Свержин.**

Все издания объемом 400-450 стр., целлофаниро-
ванный переплет, шитый блок.

**В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ
ПОДПИСКА ТОЛЬКО НА СЕРИЮ**

Цена одной книги **16 000-16 900 руб.**

«СТАЛЬНАЯ КРЫСА»

индекс: 423

Романтика дальнего Внеземелья. Падение могуществен-
ных звездных империй. Безжалостные столкновения кос-
мических армад. Отчаянные авантюры галактических мо-
шенников. Решительность и бескомпромиссность. Преда-
тельство и коварство. Благородство и бескорыстие. Читай-



те обо всем этом в лучших книгах, ког-
да-либо выходивших под маркой фан-
тастики. Гарри Гаррисон, Эдмонд Га-
милтон, Эдвард «Док» Смит — их про-
изведения составляют золотой фонд
жанра, издаются и переиздаются мил-
лионными тиражами, будоражат умы и
сердца все новых поколений читате-
лей во всем мире.

Все издания объемом 400-450 стр., целлофаниро-
ванный переплет, шитый блок

**В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ
ПОДПИСКА ТОЛЬКО НА СЕРИЮ**

Цена одной книги **16 000-16 900 руб.**

**Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки,
не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.**

ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ
КНИГА – ПОЧТОЙ
ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ

индекс: 413

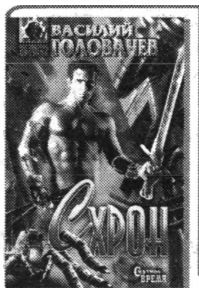
А «АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ»

БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА

Настоящий подарок любителям фантастики.

Лучшие произведения современных российских писателей-фантастов в рамках одной книжной серии. Никому раньше и в голову не могло прийти, что ареной фантастического боевика могут быть не только бескрайние просторы Вселенной с множеством обитаемых планетных систем, но даже и наша современная российская действительность. А уж герои всегда на Руси были отменные и, надо сказать, со всякой напастью справлялись и без новомодных бластеров. Так что если наших богатырей снабдить современной фантастической амуницией, то они от космических злоумышленников всех мастей камня на камне не оставят, можете не сомневаться. В этом легко и приятно убедиться, прочитав книги, выходящие под маркой «Абсолютное оружие». В.Головачев, Е.Гуляковский, В.Михайлов, В.Звягинцев – классики жанра и целая плеяда молодых, чрезвычайно талантливых авторов, чей грядущий успех и популярность очевидны. В их книгах заключена энергия сегодняшнего дня, а напряженный сюжет, тонкий лиризм и обаятельные герои никого не оставят равнодушными.

В ЭТОЙ СЕРИИ ВЫХОДЯТ КНИГИ ТАКИХ АВТОРОВ, КАК:



**В.Головачев, В.Михайлов,
В.Ильин, И.Стальнов,
М.Ахманов, Е.Гуляковский,
В.Звягинцев, Л.Вершинин,
А.Щупов, А.Громов, О.Дивов.**

Все издания объемом 400-450 стр., целлофанированный переплет, шитый блок.

**В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ
ПОДПИСКА ТОЛЬКО НА СЕРИЮ**

Цена одной книги 16 000-16 900 руб.

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки, не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

**ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ
КНИГА – ПОЧТОЙ
ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ**

Лев Гуров – любимый герой миллионов читателей.

СЕРИЯ «ЧЕРНАЯ КОШКА»

**Впервые! Полное собрание сочинений Н.Леонова
в великолепном полиграфическом исполнении.**

Такого еще не было!

Полное собрание сочинений Н.Леонова в 12-ти томах.



У сыщика Гурова, героя детективных повестей и романов, принадлежащих перу Николая Леонова, сегодня, пожалуй, нет достойных соперников в сфере криминального сыска. Обаятельный, парадоксальный, умный и бесстрашный герой завораживает читателя с первых страниц. И не случайно многие произведения Николая Леонова были положены в основу остросюжетных фильмов. Кто не читал или хотя бы не слышал о таких его романах, как «Трактир на Пятницкой», «Один и без оружия», «Ринг», «Операция «Викинг», кто не разыскивал на книжных прилавках книги «Мент поганый», «Наркомафия», «Бросок кобры»?!

Каждая повесть, каждый роман этого автора – открытие и гарантия острого наслаждения для читателя. Новый роман Н.Леонова «Шакалы» просто сразит вас наповал. И конечно же, Полное собрание сочинений Николая Леонова – поистине бесценный подарок всем поклонникам детективного жанра. Эти книги украсят любую книжную коллекцию.

**индекс всей серии:
300005**

Индексы отдельных изданий:



«ШАКАЛЫ», 16
«ПРИСТУПИТЬ К ЗАДЕРЖАНИЮ», 14
«МЫ С ТОБОЙ ОДНОЙ КРОВИ», 5
«УДАЧИ ТЕБЕ, СЫЩИК», 6
«ОДИН И БЕЗ ОРУЖИЯ», 8
«ОБРЕЧЕН НА ПОБЕДУ», 12
«ПЛАТА ЗА ЖИЗНЬ», 13
«БРОСОК КОБРЫ», 15
«МЕНТ ПОГАНЫЙ», 9
«НАРКОМАФИЯ», 10
«ЛОВУШКА», 11
«РИНГ», 7

**Вы можете подписаться на Полное собрание сочинений Н.Леонова и
получать 2 книги в месяц или на любой из томов по вашему выбору.**

Все издания объемом 400-420 стр., бумвинил с золотым тиснением, целлофанованная суперобложка, шитый блок.

Цена одного тома 17 000-17 900 руб.

**Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки,
не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.**

**ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ
КНИГА – ПОЧТОЙ
ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ**

Герои Д.Корецкого умеют бороться с мафией.
Как они это делают, каждый может узнать из его книг.
Впервые! Полное собрание сочинений Д.Корецкого
в великолепном полиграфическом исполнении.
Такого еще не было!



«Антикиллер», «Пешка в большой игре», «Смягчающие обстоятельства», «Акция прикрытия», «Привести в исполнение» ... – всего лишь пять названий романов Даниила Корецкого, а их более тридцати. Общий тираж его книг за 1995-1996 гг. превысил десять миллионов экземпляров! Профессиональные знания (Даниил Корецкий – полковник милиции) плюс литературное мастерство превращают каждый задуманный им сюжет в животрепещущую криминальную драму. Под его пером преступник раскрывается во всей своей низости и жестокости, а преследующий его герой обретает черты благородного защитника слабых. И потому хитроумные оперативные комбинации, запутанные интриги, разборки, убийства и политические игры предстают перед читателем как в зеркале, отражающем истерзанный лик нашей эпохи. Читайте Даниила Корецкого и вы узнаете многое не только о времени, в котором живете, но и о себе...

**индекс всей серии:
300021**



Индексы отдельных изданий:

«АНТИКИЛЛЕР», 26
«АНТИКИЛЛЕР-2», 27
«ПЕШКА В БОЛЬШОЙ ИГРЕ», 24
«АКЦИЯ ПРИКРЫТИЯ», 21
«ОСНОВНАЯ ОПЕРАЦИЯ», 28
«РАЗЯЩИЙ УДАР», 25
«МЕНТОВСКАЯ РАБОТА», 23
«ОПЕР ПО ПРОЗВИЩУ "СТАРИК"», 22

Вы можете подписаться на Полное собрание сочинений Д.Корецкого и получать 2 книги в месяц или на любой из томов по вашему выбору.

Все издания объемом 400-420 стр., бумвинил с золотым тиснением, целлофанованная суперобложка, шитый блок.

Цена одного тома **17 000-17 900 руб.**

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки, не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ
КНИГА – ПОЧТОЙ
ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ



индекс: 343

«ВНЕ ЗАКОНА»

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Новая серия крутых современных боевиков. «Чуме» криминала, объявшей Россию, не видно конца. Как стихийное бедствие, она захлестнула все вокруг, в том числе и правоохранительные органы.

Серия «Вне закона» – о людях, поставленных перед жестким выбором: либо признать диктат бандитов, либо бросить вызов преступникам и продажным законникам.

«Вне закона» – это криминальные романы, сюжет которых исключает привычное столкновение преступного мира с правоохранительными органами. Здесь все непредсказуемо, ибо герой, борющийся с уголовниками, как правило, сам является объектом преследования и защищает тот самый закон, что поставил его вне закона. Борьбу с преступностью, на стороне которой сила, деньги, власть, такой человек возводит в закон собственной жизни. И сделает свой выбор раз и навсегда...

В ЭТОЙ СЕРИИ ВЫХОДЯТ КНИГИ ТАКИХ АВТОРОВ, КАК:



**А. Молчанов, П. Обухов,
И. Гром, Д. Петров,
В. Барабашов, Н. Леонов,
Д. Корецкий.**

Все издания объемом 400-550 стр., целлофанированный переплет, шитый блок.

**В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ
ПОДПИСКА ТОЛЬКО НА СЕРИЮ**

Цена одной книги **16 000 - 16 900 руб.**

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки, не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

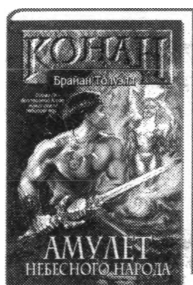
ГЕРОИЧЕСКАЯ ФЭНТЕЗИ



индекс: 422

Образ отважного и благородного, но – одновременно – хитрого и жестокого Конана-варвара неизменно привлекает миллионы любителей «фэнтези» во всем мире. Рожденный фантазией Роберта Говарда (1906-1936), Конан надолго пережил своего создателя и продолжает шествовать с победами из книги в книгу, расчищая себе путь к славе и справедливости верным двуручным мечом из крепкой стали. Центральная идея всех книг предлагаемой читателям фантастической эпопеи «Конан и Великая Душа» – противостояние жестокого, но человеческого мира, в котором живет Конан, бездушному и уродливому миру, созданному извращенным воображением дьявольски гениального карлика Тезиаса, настойчиво прокладывающего себе дорогу к власти.

Будем надеяться, что мир Конана все же выстоит и ему удастся превратить Аквилонию в могущественную и процветающую державу, а все поклонники знаменитой саги с неослабевающим интересом будут следить за каждым новым шагом киммерийского гиганта по этой грешной земле.



«НЕПОДВЛАСТНЫЙ БОГАМ»
«ОГНИ БУДУЩЕГО»
«АМУЛЕТ НЕБЕСНОГО НАРОДА»
«РАБ ЗМЕИНОЙ КОРОЛЕВЫ»
«АРМИЯ СВЕТА И ТЬМЫ»
«ПИЛИГРИМЫ СУДЬБЫ»
«КОСМИЧЕСКАЯ ОРДА»

Все издания объемом 400-450 стр., целлофанованный переплет, шитый блок.

В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ!
ПОДПИСКА ТОЛЬКО НА СЕРИЮ

Цена одной книги **16 000-16 900 руб.**

КНИГА – ПОЧТОЙ

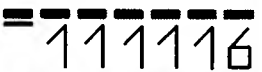
ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ

Удовольствие, говорят, не купишь... Неправда! «Книга – почтой» в любой момент опровергнет эту расхожую истину. По индивидуальному заказу, без лишних усилий с вашей стороны она обеспечит вам несколько часов необыкновенного наслаждения, которое по нашим временам стоит недорого: отпускная (издательская) цена книги плюс стоимость пересылки, только и всего! И никаких «накруток» торговых точек, превращающих книжный товар в недоступную роскошь!

«Книга – почтой» – шанс для любителя книги!
«Книга – почтой» – минимум денег и времени!
«Книга – почтой» – удобнее не придумаешь!
 Вместо одной книги с прилавка – две или три от
«Книга – почтой»!

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!
ВЫ МОЖЕТЕ ПОДПИСАТЬСЯ НА ЭТИ СЕРИИ И ПОЛУЧАТЬ
ПО ПОЧТЕ ЕЖЕМЕСЯЧНО НОВЫЕ КНИГИ.
В ТВЕРДОМ ПЕРЕПЛЕТЕ – 2 КНИГИ,
В МЯГКОМ ПЕРЕПЛЕТЕ – 3–4 КНИГИ.

Разборчиво заполните почтовую карточку по образцу и отправьте ее по указанному адресу:

	ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА	
Куда <u>г. Москва, а/я 30,</u>		
Кому <u>«ЧТО? ГДЕ? КОГДА?»</u>		
 Пошлите наборы: красочные серии книг и альбомы		Индекс периодической серии 433510 * индекс стартовой серии <u>Ульяновская обл.,</u> <u>г. Димитровград,</u> <u>ул. Королева, д. 8, кв. 55,</u> <u>Иванов Иван Петрович</u>

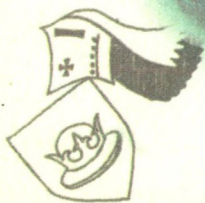
Я заказываю следующие серии:

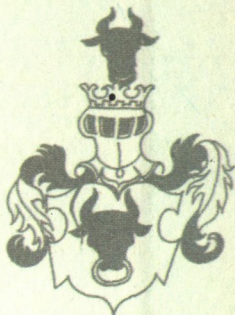
413. «Абсолютное оружие»	2 кн.
343. «Вне закона»	2 кн.
421. «Абсолютная магия»	2 кн.
422. «Конан»	1 кн.
423. «Стальная Крыса»	2 кн.

Внесерийные издания:

300005. Собрание сочинений Н. Леонова	1 комплект
300021. Собрание сочинений Д. Корецкого	2 комплекта
300037. Собрание сочинений А. Марининой	2 комплекта

БУДЕМ РАДЫ СОТРУДНИЧАТЬ С ВАМИ





Колесничие ФОРТУНЫ

Могущество древних заклиний призвано остановить
ищущих Книгу Истинного Предвечного Знания.
Только щедро наделенные отвагой
и благородством герои
способны пройти до конца
предначертанный им путь.
Путь людей Опоясанных
Мечами.

АБСОЛЮТНАЯ МАГИЯ